

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ К.Л. ХЕТАГУРОВА»

Т.Т. КАМБОЛОВ, М. МОНШИЗАДЕ, М. АБДОЛЛАХИ,
Ф.Г. БЕТЕЕВА, Е.С. КАЧМАЗОВА, А.Ф. КУДЗОЕВА,
Р.Г. ЦОПАНОВА, Э. ЧАНГИЗИ

КОНТРАСТИВНАЯ ГРАММАТИКА ОСЕТИНСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

ВЛАДИКАВКАЗ
2022

УДК 811.22

ББК 81

К 18

К 18 **Камболов Т.Т., М. Моншизаде, М. Абдоллахи, Бетеева Ф.Г.,
Качмазова Е.С., Кудзоева А.Ф., Цопанова Р.Г., Чангизи Э.**
Контрастивная грамматика осетинского и персидского языков:
монография; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2022. – 400 с.

ISBN 978-5-8336-1068-8

Научный редактор: канд. филол. наук **Сатцаев Э.Б.** (СОИГСИ ВНЦ РАН)

Рецензенты: канд. филол. наук **Цаллагова И.Н.** (СОИГСИ ВНЦ РАН);
канд. филол. наук **Моргоева Л.Б.** (СОИГСИ ВНЦ РАН)

Данное монографическое исследование посвящено контрастивному сопоставлению грамматик двух родственных языков – осетинского и персидского. В работе устанавливаются общие грамматические элементы осетинского и персидского языков, а также определяются дифференцирующие их особенности в различных областях грамматического устройства осетинского и персидского языков. Книга адресуется филологам и широкому кругу исследователей в области сравнительно-исторического и типологического языкознания, а также бакалаврам, магистрам и аспирантам филологических специальностей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ в рамках научного проекта № 20-512-56001 «Составление контрастивной грамматики осетинского и персидского языков».

ББК 81

ISBN 978-5-8336-1068-8

© Издательско-полиграфический центр
Северо-Осетинского государственного
университета имени К. Л. Хетагурова, 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	9
ГЛАВА 1. Имена в системе осетинского и персидского язы- ков.....	12
1.1. Имя существительное.....	15
1.1.1. Грамматические категории имен существительных	17
1.1.1.1. Категория рода.....	17
1.1.1.2. Категория числа.....	18
1.1.1.3. Категория определенности/неопределенности.....	25
1.1.1.4. Категория определенности/неопределенности в осетинском языке.....	25
1.1.1.5. Категория выделенности в персидском языке.....	26
1.1.1.6. Категория одушевленности/неодушевленности....	28
1.1.1.7. Категория падежа.....	30
1.2. Имя прилагательное.....	37
1.2.1. Качественные прилагательные.....	39
1.2.2. Относительные прилагательные.....	44
1.2.3. Склонение имен прилагательных в осетинском языке.....	46
1.3. Имя числительное.....	48
1.3.1. Определенно-количественные числительные.....	49
1.3.2. Нумеративы в персидском языке.....	50
1.3.3. Неопределенно-количественные числительные.....	50

1.3.4. Разделительные / распределительные числительные.....	51
1.3.5. Порядковые числительные.....	52
1.3.6. Дробные числительные.....	52
1.3.7. Проценты.....	54
1.4. Местоимение.....	54
1.4.1. Значение местоимений.....	54
1.4.2. Группы местоимений по их соотносительности с другими частями речи.....	58
1.4.3. Личные местоимения.....	60
 ГЛАВА 2. Глагол в грамматической системе осетинского и персидского языков.....	82
2.1. Основы глаголов.....	83
2.2. Инфинитив.....	87
2.3. Простые глаголы.....	94
2.4. Сложные глаголы.....	102
2.5. Переходные и непереходные глаголы.....	120
2.6. Категория времени.....	125
2.7. Категория наклонения.....	135
2.8. Категория залога.....	141
2.9. Категория лица/числа.....	142
2.10. Категория вида.....	143
2.11. Неспрягаемые глагольные формы (причастие и деепричастие).....	147
2.11.1. Причастия настоящего времени персидского и осетинского языков.....	155

2.11.2. Причастие прошедшего времени осетинского и персидского языков.....	177
2.11.3. Причастия будущего времени осетинского и персидского языков.....	186
2.12. Полисуффиксальный способ образования осетинских и персидских причастий.....	192
2.13. Префиксально-суффиксальный способ образования осетинских причастий.....	203
2.14. Морфонологический способ образования причастий в осетинском языке.....	204
2.15. Образование причастий от сложных глаголов в осетинском.....	206
2.16. Образование полусложных слов-причастий в осетинском языке.....	207
2.17. Сложные причастия – сложные имена.....	209
2.18. Склонение причастий в осетинском и персидском языках.....	210
2.19. Деепричастие в осетинском и персидском языках	212
ГЛАВА 3. Синтаксис осетинского и персидского языков.....	221
3.1. Словосочетание.....	221
3.1.1. Лексико-грамматические типы словосочетаний: именные, глагольные и наречные.....	222
3.1.1.1. Именные словосочетания.....	222
3.1.1.2. Глагольные словосочетания.....	224
3.1.1.3. Наречные словосочетания.....	225
3.1.2. Синтаксически свободные и несвободные словосочетания.....	225

3.1.3. Синтаксические связи и отношения между компонентами словосочетаний.....	227
3.1.4. Простые и сложные словосочетания.....	238
3.1.5. Копулятивные сочетания слов.....	239
3.2. Синтаксис простого предложения.....	243
3.2.1. Отрицательные предложения.....	243
3.2.2. Функциональные типы предложений.....	244
3.2.2.1. Повествовательные предложения.....	244
3.2.2.2. Вопросительные предложения.....	244
3.2.2.3. Побудительные предложения.....	247
3.2.3. Восклицательные предложения.....	249
3.2.4. Двусоставные предложения.....	249
3.2.4.1. Главные члены двусоставного предложения.....	250
3.2.4.1.1. Подлежащее.....	250
3.2.4.1.2. Сказуемое.....	252
3.2.4.1.2.1. Простое глагольное сказуемое.....	253
3.2.4.1.2.2. Составное именное сказуемое.....	256
3.2.4.1.2.3. Связочные глаголы и их эквиваленты.....	257
3.2.4.1.2.4. Составное глагольное сказуемое.....	261
3.2.5. Второстепенные члены предложения.....	263
3.2.5.1. Дополнение.....	263
3.2.5.2. Определение.....	264
3.2.5.3. обстоятельство.....	264
3.3. Односоставные предложения.....	273
3.3.1. Определенно-личные предложения.....	274

3.3.2. Неопределенно-личные предложения.....	275
3.3.3. Обобщенно-личные предложения.....	275
3.3.4. Безличные предложения.....	277
3.3.5. Свободные безличные предложения.....	281
3.3.6. Фразеологизированные безличные предложения	283
3.3.7. Номинативные предложения.....	286
3.4. Слова-предложения.....	287
3.5. Эллиптические предложения.....	288
3.6. Обособленные члены предложения.....	289
3.6.1. Полупредикативные обособленные члены.....	291
3.6.2. Уточняющие и пояснительные члены предложения	292
3.6.3. Однородные члены предложения.....	293
3.7. Понятие о сложном предложении в осетинском и персидском языках.....	295
3.7.1 Сложносочиненное предложение в осетинском и персидском языках.....	302
3.7.1.1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами.....	304
3.7.1.2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами.....	308
3.7.1.3. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами.....	311
3.7.2. Сложноподчиненное предложение в осетинском и персидском языках.....	315
3.7.2.1. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными.....	317
3.7.2.2. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными.....	321

3.7.2.3. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени.....	323
3.7.2.4. Сложноподчиненные предложения с придаточными места.....	330
3.7.2.5. Сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия.....	332
3.7.2.6. Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнения.....	335
3.7.2.7. Сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени.....	337
3.7.2.8. Сложноподчиненные предложения с придаточными цели.....	341
3.7.2.9. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины.....	344
3.7.2.10. Сложноподчиненные предложения с придаточными следствия.....	350
3.7.2.11. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия.....	352
3.7.2.12. Сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными.....	355
3.7.13. Бессоюзные предложения в осетинском и персидском языках.....	359
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 365
 ЛИТЕРАТУРА.....	 382
 ИСТОЧНИКИ.....	 394
 СОКРАЩЕНИЯ.....	 399

Настоящее исследование посвящено контрастивному сопоставлению грамматик двух родственных языков – осетинского и персидского. Эти языки относятся к одной и той же группе иранских языков, восходящих в своей основе к древнеиранскому языку. Внутри иранской группы осетинский язык относится к северо-восточной подгруппе, а персидский – к юго-западной.

За более чем три тысячелетия сепаратного развития этих языков в них произошли изменения на всех уровнях языковой структуры, связанные как с различной реализацией собственно иранских языковых закономерностей, так и со значительным влиянием субстратных, суперстратных и ареальных языков. Так, в лексике и грамматике персидского языка ощущается солидный пласт арабских влияний. Осетинский язык же испытал серьезное влияние кавказских субстратных языков и мощное воздействие суперстратного русского языка. Особое место занимают и особенности языковой структуры, обусловленные воздействием ареальных картельских, тюркских и абхазо-адыгских языков.

Актуальность работы связана с необходимостью расширения круга языков, исследуемых в сопоставительном аспекте, обогащении контрастивного научного материала в целях развития базиса сравнительного, сопоставительного и типологического языкознания.

Целью настоящей работы является проведение контрастивного анализа грамматических структур осетинского и персидского языков.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи:

1) установление общих грамматических элементов осетинского и персидского языков;

2) определение дифференцирующих особенностей в различных областях грамматического устройства осетинского и персидского языков.

Методологической базой исследования послужили работы по персидскому (А.П. Белицына, А.К. Мамед-Заде, М.В. Мошкало, И.К. Овчинниковой, Л.С. Пейсикова, Ю.А. Рубинчика, С.Э. Талыбовой, А. Шафраи и др.) и осетинскому языкам (В.И. Абаева, Н.К. Багаева, Х.А. Таказова, Т.А. Гуриева, Т.Т. Камболова и др.). Содержание работ указанных авторов отражает основные концепции иранистов и осетиноведов об особенностях осетинского и персидского языков.

В работе использованы описательный, сопоставительно-контрастивный, этимологический методы анализа.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования при подготовке учебных курсов по сравнительно-историческому и типологическому языкознанию.

Научная новизна работы состоит в том, что это первое монографическое описание общих и дифференцирующих особенностей осетинского и персидского языков.

Гипотеза исследования предполагает, что родственные осетинский и персидский языки содержат как общие, так и различающиеся грамматические элементы.

Материалом исследования послужили фундаментальные исследования в области грамматики осетинского и персидского языков, а также произведения художественной литературы.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, список литературы, список источников и список сокращений.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются цель, задачи, методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе описываются общие и дифференцирующие элементы в системе осетинских и персидских имен существительных, имен прилагательных, имен числительных и местоимений.

Вторая глава посвящена анализу особенностей различных категорий осетинского и персидского глаголов.

В третьей главе исследуются синтаксические свойства простого и сложного предложений, а также словосочетаний.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Глава 1

ИМЕНА В СИСТЕМЕ ОСЕТИНСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

Выделение именных частей речи в осетинском и персидском языках представляет собой сложную проблему. Это связано с тем, что у них в исходной форме отсутствуют какие-либо специфические морфологические показатели, что обуславливает затруднение при отнесении слов к классу существительных или классу прилагательных. Как указывает В.С. Расторгуева, в персидском языке «имеется большая группа имен, которые не могут быть отнесены ни к существительным, ни к прилагательным» [Цит. по Ю.А. Рубинчик 2001: 99]. Проблема выделения имен усугубляется еще и тем, что многие из них могут функционировать в качестве наречий и как отыменные послелоги (в осетинском языке) и как предлоги (в персидском языке).

Как отмечает Э.Б. Сатцаев, «одной из важных проблем морфологии осетинского языка является проблема классификации частей речи, т. е. установление четких границ между ними и семантико-грамматических критериев для их выделения» [Сатцаев 2017: 6]. Этой точки придерживается и И.Н. Цаллагова, которая считает, что «наибольшие трудности возникают при установлении границ между именными частями речи» [Цаллагова 2020: 92].

При выделении именных частей речи в персидском языке используются различные критерии. Так, в работе Ю.А. Рубинчика

приводятся четыре критерия: семантический, морфологический, синтаксический, словообразовательный. На основании лексико-семантических и функционально-грамматических критериев им выделяются следующие группы имен [Рубинчик 2001: 96-100]:

1) Имена с субстантивным значением, обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы, конкретные и абстрактные понятия (*ādam* ‘человек’, *miz* ‘стол’, *gorosnegi* ‘голод’).

2) Имена, выражающие качества и свойства предметов (*qašang* ‘красивый’, *kuček* ‘маленький’).

3) Имена, одновременно выражающие признак и носителя признака (*javān* ‘юный’ и ‘юноша’). Сюда же относятся и некоторые причастия прошедшего и настоящего времени (например, причастие прошедшего времени *nevešte* глагола *neveštan* ‘писать’ получает также адъективное значение ‘написанный’ и субстантивированное значение ‘письмо’).

Исходя из лексико-семантических и функционально-грамматических признаков первая группа слов может быть отнесена к именам существительным, а вторая – к прилагательным. При этом в конкретном контексте часть имен второй группы может субстантивироваться. Имена третьей группы получают лексико-семантическое и грамматическое определение только в контексте. Именными свойствами обладает и инфинитив. Но его легко отделить от существительных благодаря суффиксу *-an*, который является морфологическим показателем инфинитива [Там же].

Применительно к осетинскому языку, В.И. Абаев считал возможным выделить только трех частей речи: имя, глагол и неизменяемые слова [Абаев 1959: 19]. Авторы «Грамматики осетинского языка» при выделении частей речи исходят из правила, что «часть речи – это разряд слов, объединяющий слова по их лексическому значению, морфологическим свойствам и синтаксическому употреблению в предложении» [Грамматика... 1963: 75]. В частности,

под классом существительных понимается часть речи, объединяющая слова, имеющие лексическое значение предметности, формы склонения и выступающие в предложении, в основном, в качестве подлежащего или дополнения [Там же].

Как отмечает И.Н. Цаллагова, в осетинском языке «наибольшие трудности возникают при установлении границ между именными частями речи. Большинство исконных имен представлено чистой основой, преимущественно с консонантным исходом. Отсутствие морфологических показателей, которые бы характеризовали слово в исходной форме как единицу, приводит к тому, что в осетинском языке слабо выражены различия между существительными и прилагательными». [Цаллагова 2020: 92]

Э.Б. Сатцаев также указывает на то, что «осетинское имя, взятое вне предложения, не может быть с полной определенностью отнесено ни к той, ни другой части речи, т. к. не обладает какими-либо внешними, эксплицитно выраженными признаками и нередко выражает как признак, так и носителя» [Сатцаев 2017: 6]. Соответственно, «семантические и грамматические различия между ними выявляются только при употреблении в составе словосочетаний и предложений и при смысловом и синтаксическом анализе контекста» [Сатцаев 2017: 7].

Исходя из тех же лексико-семантических и функционально-грамматических свойств Э.Б. Сатцаев в осетинском языке выделяет три группы имен: «1) имена с субстантивным значением, обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы, конкретные и отвлеченные понятия: *abyræg* «разбойник», *adæjmag* «человек», *bæx* «лошадь»; 2) имена, обозначающие качество и свойство предмета: *saw* «черный», *xorz* «хороший», *arf* «глубокий»; 3) имена, одновременно обозначающие признак и носителя признака: *ærygon* «молодой», и «юноша», *zæronnd* «старый» и «старик» (в состав данной группы имен входят многие причастия прошедшего и

настоящего времен: *fyst* «написанный» и «надпись», *kusæg* «работающий» и «рабочий»)» [Сатцаев 2017: 7].

Соответственно, Э.Б. Сатцаев выделяет в осетинском языке имена существительные (первая группа), прилагательные (вторая группа) и «гибридную» группу существительных-прилагательных [Там же].

Таким образом, в вопросе выделения именных частей речи в осетинском и персидском языках наблюдается единство подходов.

1.1. Имя существительное

Главным лексико-семантическим признаком существительных является выражение предметности. По определению Н.К. Багаева, в грамматическом смысле в осетинском языкознании под предметом понимается все, что есть в мире: «живые существа, предметы, явления, события реальной действительности, любые действия, состояния, процессы, а также абстрактные понятия, мыслимые как существующие» [Багаев 1965: 117].

Применительно к персидскому языку главным значением, объединяющим класс имен, также является выражение предметности. Исходя из лексико-грамматических показателей, в персидском языке имена делятся на классы и подклассы. Они подразделяются на имена *нарицательные* и *собственные*, на имена *одушевленные* и *неодушевленные*, на имена *конкретные*, *отвлеченные* и *вещественные* [Рубинчик 2001: 103-105].

Имена существительные *нарицательные* обозначают в осетинском и персидском языках обобщенные наименования, как наименование представителя целой группы предметов (*адæймаг* ‘человек’ - *ādam* ‘человек’, *хæдзар* ‘дом’ - *xāne* ‘дом’, *чиныг* ‘книга’ - *ketāb* ‘книга’).

Имена *собственные* представляют собой индивидуальные названия конкретных предметов. Они включают в себя личные имена людей (*Ahmad* – Ахмад, *Delfarib* – Дельфариб), фамилии (*Behzād* – Бехзад), географические названия (*Esfahān* – Исфahan), названия месяцев (*šahrivar* ‘шахривар’ – название 6-го месяца иранского солнечного календаря), названия планет и зодиакальных созвездий (*Merrix* – Марс), названия газет и журналов (*ruznāme -ye Keyhān* – газета «Кейхан»), партий (*hezb-e Ba' s* – партия Баас) и т.д. [Рубинчик 2001: 103].

В осетинском языке имена собственные включают существительные с аналогичными значениями: личные имена людей (*Батрадз*, *Алан*, *Дзерассæ*), фамилии (*Абайтæ* – *Абаевы*, *Хорантæ* – *Хорановы*), названия месяцев (*хурхæтæны мæй* (июнь месяц по осетинскому земледельческому календарю), названия планет (*Бонвæрнон* – Венера) названия газет и журналов (*газет «Рæстдзинад»*), партий (*парти «Иугонд Уæрæсе»*) и т.д.

Имена собственные, как правило, употребляются в единственном числе. Однако есть случаи их употребления и в форме ломаного множественного числа.

К именам собственным *одушевленным* относятся имена, обозначающие живые существа (людей, животных): *сылгоймаг* ‘женщина’ - *зан* ‘женщина’, *тигр* ‘тигр’ - *babr* ‘тигр’. К неодушевленным относятся имена, выражающие предметы и явления реальной действительности, не относящиеся к одушевленным (*бандон* ‘стул’ - *sandah* ‘стул’). Класс конкретных существительных включает в себя имена, обозначающие считаемые предметы (*кърандас* ‘карандаш’ - *medād* ‘карандаш’). В эту группу включаются и все одушевленные имена. *Отвлеченные* имена называют свойства, качества, действия, процессы, состояния (*домбайдзинад* ‘смелость’, ‘отвага’ - *jesārat* ‘смелость’, ‘отвага’). *Вещественные* существительные выражают вещества, однородные массы (*сæкæр* ‘сахар’ - *šakar* ‘сахар-песок’) [Рубинчик 2001: 104].

В осетинском языке используется частью несколько иная терминология при характеристике классов имен существительных, но, по сути, классификация этой части речи в двух языках очень близка. В классификации имен Н.К. Багаева существительные подразделяются на *конкретные* и *абстрактные*. К именам конкретным Н.К. Багаев относит существительные, обозначающие предметы, поддающиеся познанию благодаря органам чувств, прежде всего зрению и осязанию (*бандон* ‘стул’, *дур* ‘камень’, *кусæг* ‘рабочий’ *стъалы* ‘звезда’ и т.д.). В группу абстрактных или отвлеченных существительных включаются имена, называющие понятия и явления, познаваемые только умом (*амонд* ‘счастье’, *хорздзинад* ‘добро’, *æхсæнад* ‘общество’) [Багаев 1965: 118].

1.1.1. Грамматические категории имен существительных

1.1.1.1. Категория рода

В осетинском языке грамматическая категория рода полностью отсутствует. Однако, как указывает Н.К. Багаев, в отношении лиц и некоторых представителей животного мира используются лексический и синтаксический способы выражения естественного пола [Багаев 1965: 123]:

1. Лексический способ заключается в том, что принадлежность к тому или иному полу лица или представителя животного мира определяется лексическим значением последующих имен. Это могут быть:

а) термины родства и названия людей (*фыд* ‘отец’, *мад* ‘мать’, *æфсымæр* ‘брат’, *хо* ‘сестра’, *ходыгъд* ‘золовка’, *баба* ‘дед’, *нана* ‘бабушка’);

б) собственные имена лиц (*Батраз*, *Аслан*, *Хъауырбег*, *Сослан*, *Алан* – мужские имена; *Фатимæ*, *Мадинаæ*, *Дзерассæ* – женские имена);

в) названия наиболее распространенных домашних животных (*гал* ‘вол’, *хъуг* ‘корова’, *ефс* ‘кобыла’, *уырс* ‘жеребец’, *фыр* ‘баран’, *фыс* ‘овца’).

Существуют также имена, выражающие оба пола: (*адæймаг* ‘человек’, *хæрæфырт* ‘племянник, племянница’, *кусæг* ‘работник, работница’).

2. Синтаксический способ реализуется за счет употребления определений *нæлгоймаг* ‘мужчина’ и *сылгоймаг* ‘женщина’ применительно к человеку, *нæл* ‘самец’ и *сыл* ‘самка’ – к животным [Там же].

В персидском языке также нет грамматической категории рода. Отнесенность к тому или иному полу выражается лексическими средствами. В частности, это касается обозначения мальчиков, мужчин, девочек/женщин, животных мужского и женского пола (*mard* ‘мужчина’, *pesar* ‘мальчик’, *javān* ‘юноша’; *zan* ‘женщина’, *doxtar* ‘девочка’, ‘девушка’; *šir-e nar* ‘лев’ – *šir-e made* ‘львица’). В отдельных случаях возможно употребление слов, указывающих на естественный пол, в составе сложных слов: *mādefil* ‘слони-ха’. Исключением могут также считаться некоторые заимствования из арабского, обозначающие лиц, в которых различие по роду выражает окончание женского рода *-e*: «поэт» — *šāere* «поэтесса» [Рубинчик 2001: 106].

1.1.1.2. Категория числа

И в осетинском, и в персидском языках категория числа выражается противопоставлением форм единственного и множественного числа.

В сопоставляемых языках форма единственного числа конкретных существительных обозначает один предмет, форма множественного числа – более одного (*кърандас* / *medād* ‘карандаш’ – *кърандæстæ* / *medādhā* ‘карандаши’).

Категория числа в осетинском языке

В осетинском языке названия отдельных предметов данного рода, вида употребляются в форме единственного числа (*адæймаг* ‘человек’, *дур* ‘камень’, *хæдзар* ‘дом’). Для обозначения двух и более представителей рода, вида используются формы множественного числа (*адæймæгтæ* ‘люди’, *дуртæ* ‘камни’, *хæдзæрттæ* ‘дома’) [Багаев 1965: 125].

Форма единственного числа может выражать совокупность, т.е. весь вид, род: *Фæндаг дурæй байдзаг ис* ‘Дорога наполнилась камнями’.

В обоих числах могут употребляться все конкретные существительные, обозначающие считаемые предметы, которые могут употребляться с числительными: *бандон* ‘стул - ’ *цыппар бандоны* ‘четыре стула’ – *бандæттæ* ‘стулья’. Отвлеченные абстрактные существительные, которые не могут считаться и употребляться с числительным, также могут иметь формы единственного и множественного числа: *хорздзинад* ‘добро’ – *хорздзинадтæ*, *тых* ‘сила’ – *тыхтæ*. Вещественные имена существительные могут употребляться во множественном числе в тех случаях, когда они обозначают различные сорта, когда содержатся в различных тарах, когда бывают разрознены: *ссад* ‘мука’ – *ссæдтæ*, *дон* ‘вода’ – *дæттæ* [Багаев 2001: 125-126].

Отвлеченные и вещественные существительные употребляются преимущественно в форме единственного числа, так же как существительные, имеющие собирательное значение, а также обозначающие народность: *фос* ‘скот’, *цот* ‘потомство’, *уырыс* ‘русские’, *гуырдзы* ‘грузины’ [Там же].

Только во множественном числе (*pluralia tantum*) употребляется небольшое количество существительных [Багаев 1965: 127]:

а) слова, представляющие по значению множество (*бинонтæ* ‘семья’, *æхсынæнтæ* ‘семечки’);

б) названия некоторых праздников (*дауджытæ*, *ногбонтæ*);

в) названия некоторых созвездий (*Фисынмæдзæуджытæ* ‘Большая медведица’);

г) некоторые географические названия (*Мæцъытæ* *Мæцутæ* ‘Мацута’, *Ставд-Дуртæ* ‘Ставд-Дорт’). Сюда же относятся существительные, заимствованные из русского языка, которые в самом русском языке имеют только форму множественного числа (*каникултæ* ‘каникулы’).

Образование формы множественного числа в осетинском языке

Образование формы множественного числа в осетинском языке происходит путем присоединения к основе имени постоянного суффикса множественности *-т-*: *дур* ‘камень’ – *дуртæ* ‘камни’, *бон* ‘день’ – *бонтæ* ‘дни’, *лæг* ‘мужчина’ – *лæгтæ* ‘мужчины’. Образование множественного числа существительных в осетинском языке сопровождается рядом фонетических и морфологических изменений в структуре слова [Багаев, 1965: 130-134].

При образовании множественного числа происходит ослабление сильных гласных *а*, *о* в *æ*: *рувас* ‘лиса’ – *рувæстæ* ‘лисы’, *хох* ‘гора’ – *хæхтæ* ‘горы’.

В словах, оканчивающихся на сонорные *р*, *л*, *м*, *н*, а также на *й* и *у* при ослаблении гласных основы *а* и *о* суффикс множественности *-т-* удваивается: *хæлар* ‘друг’ – *хæлæрттæ* ‘друзья’, *хал* ‘нить’ – *хæлттæ* ‘нити’.

Перед удвоенным суффиксом множественности сонорный согласный *н* выпадает: *дон* ‘вода’ – *дæттæ*, *кæрон* ‘конец’ – *кæрæттæ*.

Удвоение суффикса множественности происходит иногда и в словах, исходящих в единственном числе на группу *лм*, *рм*: *æндзалм* ‘жердь’ – *æндзæлмттæ* ‘жерди’, *арм* ‘рука’ – *æрмттæ* ‘руки’.

В именах, оканчивающихся в единственном числе на одиночный звук, суффикс множественности присоединяется непосред-

ственно к основе: *гал* ‘бык’ – *галтæ* ‘быки’, *сæр* ‘голова’ – *сæртæ* ‘головы’, *худ* ‘шапка’ *худтæ* ‘шапки’.

В словах, исходящих на группы согласных, в которых последний бывает глухим, на долгие согласные, на удвоенные полугласные перед суффиксом множественности вставляется гласный *ы*. При этом *к*, *къ* и удвоенное *кк* перед вставочным *ы* переходят соответственно в *ч*, *чъ* и *чч*: *цалх* ‘колесо’ – *цæлхытæ*, *мыст* ‘мышь’ – *мыстытæ*, *уарыкк* ‘ягненок’ – *уарыччытæ*, *сынк* ‘шов’ – *сынчытæ*, *тæскъ* ‘корзина’ – *тæсчытæ*.

Гласный звук *ы* вставляется обязательно, когда слово исходит на *хъ*: *цырыхъхъ* ‘сапог’ – *цырыхъхъытæ*, *дзыхъхъ* ‘яма’ – *дзыхъхъытæ*.

Вставка *ы* перед суффиксом множественности имеет место и после группы согласных с конечным звонким звуком:

а) когда в основе имеется слабый звук *æ* (*фæрв* ‘ольха’ – *фæрвытæ*);

б) когда в односложной основе имеется слабый гласный *ы*, а на конце сочетания согласных *ндз*, *рв*, *рм*, *зг*: *бындз* ‘пчела’ – *бындзытæ*, *цырв* ‘дрожи’ – *цырвытæ*, *куырм* ‘слепой’ – *куырмытæ*, *чызг* ‘девочка’ – *чызджытæ*.

Из этого правила есть и исключения: «а) если слово оканчивается на группу согласных: (*цæст* – *цæстытæ*, *кæрц* – *кæрцытæ*). Но из этого правила могут быть свои исключения (*фырт-фырттæ*, *фынг-фынгтæ*); б) если слово оканчивается на *-ыг* и при образовании множественного числа гласный основы выпадает, а согласный *г* лабиализуется (*нæмыг* – *нæмгуйтæ*, *фæрдыг* – *фæрдгуйтæ*); в) если слово оканчивается на *-æг*, а при образовании множественного числа гласный основы выпадает и исходный согласный переходит в «дж» (*уасæг* – *уасджытæ*, *кадæг* – *кадджытæ*). В ряде слов на *-æг* во множественном числе не теряется гласный основы, но перед показателем множественности и конечным согласным, пере-

ходящим в *дж*, также вставляется *ы* (*фәйнаг* – *фәйнаджытә*, *хәстәг* – *хәстәджытә*)» [Дзусова и др. 2019: 89].

Если суффиксу *-әг* предшествует группа согласных, долгий согласный или сочетание полугласного с согласным, то во множественном числе гласный *ә* не выпадает, а перед суффиксом множественности вставляется звук *ы*, перед которым *г* закономерно переходит в *дж*: *хәстәг* ‘родственник’ – *хәстәджытә*, *сынтәг* ‘кровать’ – *сынтәджытә*.

В отглагольных именах, образованных с помощью суффикса *-әг*, во множественном числе гласный *ә* выпадает и перед суффиксом множественности вставляется гласный *ы*: *зарәг* ‘песня’ – *зарджытә*.

В некоторых словах с исходом на *-әг* гласный *ә* в основе во множественном числе не выпадает, а *ы* не вставляется: *фәтәг* ‘вождь’ – *фәтәгтә*, *зымәг* ‘зима’ – *зымәгтә*.

В словах, состоящих из двух и более слогов и заканчивающихся на суффикс *-ыг* после одиночного согласного или полугласного звука, при образовании множественного числа из конечного *-ыг* выпадает *ы* и перед суффиксом множественности вставляется дифтонг *-уы*: *мәсыг* ‘башня’ – *мәсгуытә*, *чиныг* ‘книга’ – *чингуытә* [Багаев, 1965: 130-134].

Категория числа в персидском языке

Как указывает Ю.А. Рубинчик, в персидском языке «у отвлеченных и вещественных существительных категория числа не связана с выражением количественного противопоставления» [Рубинчик 2001: 107]. Форма множественного числа может выражать различную степень проявления качества, свойства, действия, состояния (*etkān* ‘возможность’ – *etkānāt-e vasi* ‘широкие возможности’). Форма множественного числа у вещественных существительных может обозначать большое количество какого-нибудь вещества

(*naft* ‘нефть’ – *naftḥā* ‘много нефти’). Иногда форма единственного числа может выражать собирательно-обобщающее значение (*Dar bāq deraxt ziyād ast* ‘В саду много деревьев’). Встречаются и существительные в форме *pluralia tantum*, имеющие только форму множественного числа (*āmāl* ‘надежды, чаяния, упования’ от *amal*) [Там же].

Суффиксы множественного числа иранского происхождения в персидском языке

Множественное число в персидском языке образуется путем присоединения к основе существительного одного из суффиксов, *-ān* или *-hā*. В современном языке суффикс *-ān* образует форму множественного числа существительных одушевленных (*kārgarān* ‘рабочие’). Исключение составляют имена, заимствованные из европейских языков и выражающие положение человека, его должность и т.д. В этом случае к основе присоединяется суффикс *-hā* (*feodāl* – *feodālḥā* ‘феодалы’). Этот суффикс употребляется также для образования множественного числа одушевленных имен арабского и неарабского происхождения (*mellat* – *mellathā* ‘народы, нации’) [Рубинчик 2001: 109-111].

Суффикс *-ān* используется для оформления множественного числа имен, выражающих парные части человеческого тела (*abrovān* ‘брови’, *dastān* ‘руки’), а также названия некоторых растений и деревьев (*bidān* ‘ивы’) [Рубинчик 2001, 110]. Формы на *-an* образуют множественное число и некоторых имен неодушевленных (*soxanān* ‘слова’).

Суффиксы множественного числа арабского происхождения

По оценке Ю.А. Рубинчика, суффиксы арабского происхождения «стали настолько регулярно употребляться в персидском языке, что по существу можно говорить о заимствовании из арабского

языка нового, самостоятельного способа образования мн. числа» [Рубинчик 2001: 111].

Из арабского языка заимствованы суффиксы множественного числа *-at*, *-in*, *-un* и суффикс двойственного числа *-eun*. Чаще всего множественное число образуется при помощи суффикса *-at*, посредством которого оформляется множественное число имен как арабского, так и иранского и тюрко-монгольского происхождения. Кроме того, в словах арабского происхождения используется суффикс *-iyyat*. Этот же суффикс при слиянии с суффиксом множественного числа *-at* является показателем собирательно-обобщающего значения или показателем мн. числа. (*madaniyyat* ‘цивилизация, культура’) [Рубинчик 2001: 112].

Суффикс *-in* применяется для оформления множественного числа имен арабского происхождения со значением деятеля, специалиста, знатока в какой-либо области (*moallem-in* ‘учителя’). Суффикс *-un* используется для образования множественного числа имен, обозначающих деятелей, представителей каких-либо партий, партийных и религиозных деятелей (*ruhāniyun* ‘духовные лица, клерикалы’). Суффикс арабского двойственного числа *-eun* встречается со словами арабского происхождения, которые обозначают парные предметы (*dowlateun* ‘оба государства’) [Там же].

Формы арабского ломанного множественного числа (ФЛМН)

ФЛМН заимствованы в персидский язык и выражают множественное число путем чередования гласных и согласных звуков, добавления или сокращения гласных звуков, изменения их качества. Таким образом, речь идет об изменении структуры слова, что принято считать внутренней флексией (*manazel* (ед. ч. *manzel*) ‘квартиры’) [Рубинчик :2001, 114].

1.1.1.3. Категория определенности/неопределенности

1.1.1.4. Категория определенности/неопределенности в осетинском языке

Существительные в осетинском языке подразделяются на определенные и неопределенные. Определенность и неопределенность выражаются тремя способами: а) фонетически, с помощью ударения, б) морфологически и в) синтаксически [Багаев 1965: 137].

При помощи ударения определенность и неопределенность может быть выражена местом ударения [Абаев 1959: 19]: когда существительное неопределенное, то ударение падает на второй слог (*лæппу*, *бæлас*). Если же существительное определенное, то ударение переносится на первый слог (*лæппу*, *бæлас*): *Лæппу сæтты суг* ‘Мальчик (какой-то) колет дрова’ и *Лæппу сæтты суг* ‘Мальчик колет дрова’ (а не кто-то другой).

Морфологически определенность и неопределенность может выражаться употреблением существительного в именительном или родительном падеже. Определенные существительные употребляются в родительном падеже, а неопределенные - в именительном (*Фермер балхæдта бæхты* ‘Фермер купил лошадей’ – *Фермер балхæдта бæхтæ* ‘Фермер купил (каких-то) лошадей’).

Синтаксически неопределенность или определенность имен выражается местом существительного в предложении. Обычно существительное-подлежащее, имеющее определенное значение, ставится перед сказуемым (*Лæппу бацыдис скъоламæ* ‘Мальчик зашел в школу’). Напротив, существительное-подлежащее, обозначающее неопределенный предмет, стоит после сказуемого (*Скъоламæ бацыдис лæппу* ‘В школу зашел мальчик’) [Багаев 1965: 137].

Синтаксически неопределенность выражается также при помощи числительного *иу* ‘один’ в значении ‘какой-то’: *Æз æмбырды иу лæгыл сæмбæлдтæн* ‘Я на собрании встретил одного (какого-то)

человека'. Определенность синтаксически может выражаться и за счет использования в качестве определений личных притяжательных местоимений в родительном и / или в именительном падеже (*Мах радзырдтам нае хабæрттæ* / *Мах радзырдтам нае хабæртты* 'Мы рассказали наши новости') [Багаев 1965: 137].

1.1.1.5. Категория выделенности в персидском языке

В персидском языке «категория выделенности - грамматическая категория имен существительных, выступающая как показатель субстантивности» [Рубинчик 2001: 119]. В персидском языке грамматическим средством выделения предметов или явления из ряда им подобных является артикль. На основании главной функции, которую он выполняет в предложении, артикль назван *выделительным*. Артикль придает имени значение неопределенности или единичности, выделяет предметы и явления из ряда однородных. Выделительный артикль произносится и пишется слитно с предшествующим словом. При наличии нескольких определений, выраженных прилагательными, артикль, как правило, ставится после атрибутивного сочетания [Рубинчик 2001: 121].

Артикль в персидском языке обычно употребляется в следующих случаях:

«1. После имени существительного, обозначающего впервые упоминаемый предмет, неизвестный слушателю до момента речи (*U ketāb-i xarid* 'Он купил какую-то книгу').

2. После имени существительного, выступающего в роли предикатива и имеющего постпозитивное определение, выраженное прилагательным (*U mard-e xub-i ast* 'Он хороший человек').

3. После существительных, обозначающих неопределенное количество (*goruh-i be te dāde dah nafar* 'группа в количестве десяти человек').

4. После имен существительных, употребляемых для обозначения приблизительного количества в сочетании с количественным числительным (*dānešju-yi panj* ‘примерно пять студентов’)

5. После имен существительных, к которым относится вопросительное местоимение *če* ‘какой?; что за?’ (*Če soāl-i dārid?* ‘Какой у вас вопрос?’)

6. После имен существительных, в качестве препозитивных членов которых выступают местоимения *čenin*, *čenān* ‘такой, подобный’ (*Čenin kamak-i-rā az u entezār nadāstam* ‘Я не ожидал от него такой помощи’).

7. После имен существительных, выступающих в роли подлежащего или прямого дополнения в отрицательных предложениях. Артикль придает существительному значение единичности (*Inja kas-i nist* ‘Здесь никого нет’).

8. Если в роли определения к имени существительному выступает прилагательное в сравнительной степени (*Dust am bā qadamhā-ye saritar-i rah miraft* ‘Мой друг шел более быстрыми шагами’).

9. После имен существительных, выступающих в роли именной части сложного глагола, когда надо подчеркнуть однократность, категоричность действия (*Pedar-am digar harf-i nazad* ‘Отец больше не сказал ни слова’).

10. После существительных со значением отрезка времени (*Ruz-i se bār qaza mixorim* ‘В день мы три раза едим’).

11. После числительного *sad* ‘сто’ для обозначения процентов (*sad-i panj* ‘пять процентов’)» [Рубинчик 2001: 121-124].

Количественное *yek* может выполнять функцию неопределенного артикля, выражая значение ‘некий, какой-то’.

В осетинском языке определенный артикль существует только в дигорском диалекте (*И фиййауæн æ фустæ фескъартонцæ* ‘У (того, определенного) пастуха угнали его овец’).

В качестве неопределенного артикля в некоторых случаях выступает числительное *иу* (ирон.) / *еу* (дигор.) ‘один’ (*Еу дууæ лæги надбæл фæзиндтæнцæ* ‘Какие-то два человека появились на дороге’).

1.1.1.6. Категория одушевленности/неодушевленности

Определение имен одушевленных и неодушевленных в осетинском языке производится по их семантике и по вопросам, на которые они отвечают. Имена одушевленные отвечают на вопросы *чи?* ‘кто?’, *кай?* ‘кого?’, ‘в ком?’, *камаен?* ‘кому’, *камай?* ‘кем?’, ‘от кого?’, *камаæ?* ‘кому’, ‘к кому?’, *кауыл?* ‘на ком’, ‘о ком?’, *каимæ?* ‘с кем’ *кайау?* ‘как кто?’. На эту группу вопросов обычно отвечают имена существительные, которые обозначают людей. Например, *Скъоладзау каæсы чиныг* ‘Школьник читает книгу’ (*Чи каæсы чиныг?* – *Скъоладзау*) [Багаев 1965: 119-121].

На вопросы *цы?* ‘что?’, *цай?* ‘чего’, *цамаен?* ‘чему’, *цамай?* ‘чем?’ ‘из чего?’, *цамаæ?* ‘к чему?’, ‘на что?’, *цауыл?* ‘о чем?’, ‘на чем?’, *цаимæ?* ‘с чем?’, *цайау?* ‘как что?’ отвечают все остальные имена существительные, как одушевленные, так и неодушевленные: *Фос хизынд сæрвæты* ‘Скот пасется на пастбище’; *Лæппу сывæрдта чиныг тæрхæгыл* ‘Мальчик положил книгу на полку’ [Там же].

Когда названия людей употребляются отвлеченно, т.е. как выражения лиц, людей вообще, к ним ставятся вопросы второй группы: *Маæ хойæн райгуырдис лæппу* ‘У моей сестры родился мальчик’. (*Цы райгуырдис маæ хойæн* ‘Что родилось у моей сестры?’).

Вопросы первой группы обязательно ставятся только к именам собственным и фамилиям: *Дзæрæхохты Хадзымурат уыдис хъæбатыр*. ‘Дзарахохов Хадзимурат был героем’ (*Чи уыдис Дзæрæхохты Хадзымурат?*)

Когда животные, звери и другие одушевленные предметы (не личности) выступают в роли личностей, к ним ставятся вопросы первой группы: *Бирагъ йае цыппартае хърихъуппмае тилы* 'Волк своими конечностями подзывает журавля' – *Чи тилы йае цыппартае хърихъуппмае?* [Там же].

В персидском языке нет четкого противопоставления категории одушевленности / неодушевленности, хотя они имеют грамматическое оформление.

По определению Ю.А. Рубинчика, одушевленные имена служат для наименования живых существ от человека до микроба, а также существа и предметы, приравненные к живым или просто олицетворяемые. К неодушевленным относятся предметы и явления реальной действительности, не причисляемые к одушевленным [Рубинчик 2001: 125].

Грамматический анализ имен одушевленных и неодушевленных ведется по четырем параметрам: «1) по способу образования формы множественного числа; 2) по способности образовывать словосочетания с прилагательными, заканчивающимися на суффикс *-āne*; 3) по возможности соблюдать согласование сказуемого с подлежащим во множественном числе; 4) по возможности замены имен существительных на соответствующие личные и указательные местоимения» [Рубинчик 2001: 125].

1. Преимущественное употребление суффикса *-ān* с именами одушевленными позволяет характеризовать его как показатель одушевленности. Такими же показателями являются суффиксы арабского происхождения *-in* и *-un*, которые употребляются только с именами, обозначающими деятелей, специалистов и т.д.

2. Классификация имен существительных на одушевленные и неодушевленные отражается и в употреблении имен прилагательных со словообразовательным суффиксом *-āne*. Прилагательные, образованные с помощью этого суффикса, употребляются после имен существительных неодушевленных.

3. Если имена существительные одушевленные выступают в предложении в качестве подлежащего, то глагол-сказуемое согласуется с ним в числе. Такого согласования между именем существительным неодушевленным и сказуемым в числе не существует.

4. Имена существительные одушевленные и неодушевленные заменяются в последующих предложениях на разные личные и указательные местоимения. Одушевленные имена существительные в единственном числе могут быть заменены на личное местоимение 3 лица единственного числа *vey* 'он'. Неодушевленные имена единственного числа заменяются на указательные местоимения *ap* «тот» или *in* «этот». Одушевленные имена множественного числа могут быть заменены на личные местоимения 3-го лица множественного числа *ānān*, *ānhā*, *inhā*, *išān* «они». Неодушевленные могут быть заменены только на одно местоимение *ānhā* [Рубинчик 2001: 125-127].

1.1.1.7. Категория падежа

В отличие от персидского языка, где падежная система полностью утрачена, осетинский язык имеет богатую парадигму склонения. Склонение в осетинском языке «агглютинативное с постоянным показателем множественности *m* и с одинаковыми падежными окончаниями в единственном и множественном числе» [Абаев 1959: 25]. При этом, несмотря на такую же многопадежность, что и в древнеиранских языках, осетинское склонение не является его продолжением и значительно отличается от остальных новоиранских языков, которые демонстрируют гораздо меньшее число падежей [Сатцаев 2015: 74]. В то время как многочисленные новоиранские языки, утратив старую именную флексию полностью или частично, утратили вместе с ней и само склонение, осетинский язык из собственных иранских элементов выработал новую

систему падежных окончаний и новое склонение, приближающееся по своему типу (выражение грамматических категорий падежа и числа с помощью отдельных формантов) к склонению в агглютинативных языках [Сатцаев 2015: 74].

А.П. Выдрин также отмечает, что «осетинская падежная система выделяется на фоне других новоиранских языков как большим количеством падежей (9 падежей), так и их семантикой (нехарактерные для других иранских языков локативные падежи)» [Выдрин 2014: 241]. В современном осетинском языке склоняются имена существительные, субстантивированные имена прилагательные, имена числительные, местоимения, инфинитивы глаголов и причастия. Не склоняются прилагательные, числительные и причастия, стоящие перед существительными в качестве определений. Наряду с падежными формами синтаксические отношения между словами в предложении оформляются послелогами, порядком слов, частично предлогами.

Большинство падежных окончаний произошло из самостоятельных слов, которые постепенно срастались с именем. Например, окончание союзного падежа происходит от наречия *цумæ* ‘вместе’, а окончание местного падежа *-ыл* – от послелога *уæл* ‘на, над’.

Характерной чертой осетинских падежей является их многозначность, многофункциональность. В частности, именительный падеж выполняет функции подлежащего, обращения, прямого дополнения, именной части составного сказуемого, именной части сложного глагола, приложения и т.д. [Кулаев 1957: 257].

Соответственно, при выделении падежей в качестве основного критерия используется наличие особого падежного окончания. Синтаксический критерий считается неприемлемым, поскольку «возможные функции имени в предложении столь многообразны, в установлении их так мало надежности и единодушия, что ставить вопрос о числе и характере падежей в плоскость их синтакси-

ческих функций – это значит отказаться от какой-либо стабильной и общеобязательной схемы склонения» [Абаев 1949: 130].

По вопросу о количестве падежей в осетинском языке среди ученых нет однозначного мнения, и разные исследователи насчитывают их от восьми до десяти.

Так, А.М. Шегрен в своей «Осетинской грамматике» выделил восемь падежей: именительный, звательный, винительный, дательный, родительный, местный внутренний, местный внешний и отводительный [Шегрен 1844: 76-99]. Другие парадигмы, как по количеству, так и по названиям предложили В.Ф. Миллер [Миллер 1962: 141] и В.И. Абаев [Абаев 1995: 362]. При этом, если В.Ф. Миллер считал, что в осетинском три падежа остались от древнеиранской системы, совпавшие по форме, а именно именительный, винительный и звательный, то В.И. Абаев из осетинских падежей рефлексам древнеиранской системы считает именительный, родительный и, возможно, локатив [Абаев 1995: 362].

Падежная система иронского диалекта осетинского языка

(по Миллеру)		(по Абаеву)	
1. Nominativus	<i>фыд</i>	1. Именительный	<i>бæх</i>
2. Genetivus	<i>фыды</i>	2. Родительный	<i>æхы</i>
3. Dativus	<i>фыдæн</i>	3. Дательный	<i>бæхæн</i>
4. Locativus exterior	<i>фыдмæ</i>	4. Направительный	<i>æхмæ</i>
5. Ablativus	<i>фыдаей</i>	5. Орудно-отложительный	<i>бæхæй</i>
6. Locativus interior	<i>фыды</i>	6. Местный внутренний	<i>бæхы</i>
7. Adessivus	<i>фыдыл</i>	7. Местный внешний	<i>бæхыл</i>
8. Comitativus	<i>фыдимæ</i>	8. Союзный	<i>бæхимæ</i>
9. Accusativus	<i>фыд</i>	9. Уподобительный	<i>бæхау</i>
(опр. <i>фыды</i>)			
10. Vocativus	<i>фыд</i> (<i>фыдай</i>)		

Часть изменений, внесенных В.И. Абаевым, носит терминологический характер. В частности, по его мнению, предлагаемые им названия падежей – направительный (местный внешний у А.М. Шегрена и В.Ф. Миллера) и местный внешний (адессив у В.Ф. Миллера) лучше выражают семантику этих падежей. Кроме того, В.И. Абаев ввел новый падеж – уподобительный и, наоборот, исключил винительный. Главный аргумент, который В.И. Абаев приводит в пользу исключения из падежной системы аккузатива – это отсутствие особого форманта [Абаев 1949: 129]. Его точку зрения разделяет и Н.Х. Кулаев [Кулаев 1957: 260.]. Последний, ссылаясь на определение В.Ф. Миллера, что «падежом в собственном смысле следует считать такую форму имени, которая состоит из имени и *postpositio*» [Миллер 2 : 127], указывает на его непоследовательность, поскольку В.Ф. Миллер выделяет звательный и винительный падежи, несмотря на то что они не имеют особых падежных окончаний. Со своей стороны, Н.Х. Кулаев твердо убежден в том, что «винительный падеж А. Шегреном и В. Миллером был ошибочно включен в систему осетинских падежей лишь по чисто синтаксической функции прямого дополнения (по аналогии с другими индоевропейскими языками)». По его мнению, «раз ни одно склоняемое слово в осетинском не имеет особую форму винительного падежа, которая бы отличалась от других падежных форм, то, следовательно, не может быть и речи о наличии в нем особого винительного падежа» [Кулаев 1957: 265].

О.И. Беляев согласен с тем, что действительно, у существительных эти падежи имеют одинаковое морфологическое выражение. Однако он обращает внимание на то, что «оно различно у указательных и энклитических местоимений. Таким образом, если принимать анализ Х.А. Таказова, то придется постулировать для существительных и местоимений различные наборы падежных граммем, что приводит к усложнению правил приписывания паде-

жа, которые должны учитывать лексическую категорию управляемой словоформы» [Беляев 2014а: 33]

Предложенная Н.Х. Кулаевым падежная система для иронского диалекта осетинского языка выглядит следующим образом:

1. Именительный падеж – в единственном числе с нулевой флексией, во множественном числе с флексией *-æ*, отвечает на вопросы *чи? читæ. цы? цытæтæ – кто? что?*

2. Родительный падеж – с флексией *-ы* в обоих числах, отвечает на вопросы *кай? (кайтты?), цай (цайтты?) – кого? чего? чей?*

3. Дательный падеж – с флексией *-æн* в обоих числах, отвечает на вопросы *камаен? (камаенты?), цамæн (цамаенты) – кому? чему? для кого? для чего?*

4. Направительный падеж – в единственном числе с флексией *-мæ*, во множественном с флексией *-æм*, отвечает на вопросы *камаæ? (камаеты?), цамæ? (цамаеты?) – куда? к кому? к чему? у кого?*

5. Отложительный падеж – с флексией *-йæ* (после гласных и полугласного *й*, в остальных случаях с флексией *-айы*), отвечает на вопросы *камай? (камайтты?), цамай (цамайтты?) – откуда? от кого? от чего? из кого? из чего? кем? чем?*

6. Местный внутренний падеж – с флексией *-ы* в обоих числах, отвечает на вопросы *каем? (камыты?) цæм? (цамыты?) – в ком? в чем? где?*

7. Местный внешний падеж – с флексией *-ыл* в обоих числах, отвечает на вопросы *кауыл? (кауылты?), цæуыл? (цауылты?) – на ком? на чем? о ком? о чем?*

8. Уподобительный падеж – с флексией *-ау* в обоих числах, отвечает на вопросы *кайау? (кайттау?), цайау? (цайттау) – подобно кому? чему? как?*

9. Совместный падеж – с флексией *-имæ* в обоих числах, отвечает на вопросы *каимæ? (кайттимæ, каймæты?), цайимæ (цайттимæ, цаймæты?) с кем? с чем?* [Там же].

М.И. Исаев также выделял в иронском диалекте осетинского языка девять падежей: именительный, родительный, дательный, орудийно-отложительный, направительный, местный внутренний, местный внешний, союзный, уподобительный. Отсутствие винительного падежа он, как и В.И. Абаев, объяснял влиянием склонения южных и восточных кавказских языков [Исаев 1987: 147].

В то же время следует отметить, что целый ряд ученых высказался против исключения винительного падежа из осетинской системы склонения. В частности, Н.К. Багаев, соглашаясь с тем, что особого форманта этого падежа в осетинском языке не существует, указывал на необходимость учета семантического значения, синтаксических функций, связи с другими словами в предложении, занимаемого места, ударения и т.д. [Багаев 1965: 153-155].

В настоящее время осетинская система склонения включает в себя восемь падежей:

Падеж	Ед. число		Мн. число
	после согл. и полусогл.		после гласных
Именительный	<i>-æ</i>		
Родительный	<i>-ы</i>	<i>-йы</i>	<i>-ы</i>
Дательный	<i>-æн</i>	<i>-йæн</i>	<i>-æн</i>
Отложительный	<i>-æй</i>	<i>-йæ</i>	<i>-æй</i>
Направительный	<i>-мæ</i>	<i>-мæ</i>	<i>-æм</i>
Местный внешний	<i>-ыл</i>	<i>-йыл</i>	<i>-ыл</i>
Союзный	<i>-имæ</i>	<i>-имæ</i>	<i>-имæ</i>
Уподобительный	<i>-ау</i>	<i>-йау</i>	<i>-ау</i>

Как отмечает Э.Б. Сатцаев, осетинский язык среди новоиранских языков «наиболее богато снабжен падежными формами; осетинские падежи большей частью не являются прямым продолжением древнеиранской падежной системы; осетинский язык

большей частью выработал новую систему падежных окончаний; современная система склонения осетинского языка относится к агглютинативному типу, во многом подобно славянским, тюркским и др. языкам» [Сатцаев 2015: 74].

В дигорском диалекте осетинского языка Х.А. Таказов выделяет также восемь падежей: именительный, родительный, дательный, отложительный, направительный, местный внутренний, местный внешний и уподобительный [Таказов 1977: 264.].

Таким образом, различия между парадигмами склонения в иронском и дигорском диалектах заключаются в отсутствии в иронском местного внутреннего падежа и его наличии в дигорском и, наоборот, в отсутствии в дигорском союзного падежа и его наличии в иронском.

Отвергая наличие винительного падежа, Х.А. Таказов, объясняет его включение в парадигму склонения А.М. Шегреном и В.Ф. Миллером тем, что эти ученые посчитали его необходимым элементом, только исходя из опыта изучения других индоевропейских языков. Однако наличие в осетинском языке винительного падежа признавал и Г.С. Ахвледиани, крупный специалист по кавказским языкам. Тем не менее Х.А. Таказов настаивает на том, что падеж есть морфологическая категория и должен определяться только по грамматической форме. Употребление же в роли подлежащего и в роли дополнения существительного в одной и той же форме определяется им как реализация различных синтаксических функций именительного падежа, в то время как существительные, которые в объектной получают формант *-ы*, Х.А. Таказовым относятся по аналогии к родительному падежу. По этой причине местный внутренний падеж также не включается им в число падежей в иронском диалекте [Там же]. По мнению О.И. Беляева, «в целом основным фактором выбора падежа прямого объекта в осетинском является именно одушевлённость» [Беляев 2014b: 18].

В персидском языке отношения между словами выражаются изафетом — универсальным способом выражения как качественного определения (типа *красивая девушка*), так и определения по принадлежности (типа *красота девушки*) при определяемом. В этой конструкции неизменяемое определение всегда следует после определяемого. Последнее при этом приобретает специальную изафетную форму, выражающуюся в добавлении безударного показателя (собственно изафета) *-е* к основе (после всех суффиксов и аффикса множественного числа) [Рубинчик 2001: 117].

Таким образом, имена существительные в осетинском и персидском языках обладают рядом схожих характеристик и дифференцирующих признаков. Общим является отсутствие грамматической категории рода в обоих языках и выражение значения естественного пола лексическими (в осетинском и синтаксическими) средствами; наличие определенных артиклей и в персидском, и в осетинском (дигорском) языках, использование числительного *иу* / *уек* в качестве неопределенного артикля. Дифференцирующим признаком является наличие в осетинском языке развитой системы склонения и ее полное отсутствие в персидском.

1.2. Имя прилагательное

К именам прилагательным относятся слова, выражающие признак (качество, свойство) предмета.

В осетинском языке прилагательные, выступая в роли определения, употребляются при существительном, предшествуя ему: *хорз лаепт* ‘хороший мальчик’, *раесугъд ныв* ‘красивая картина’.

Имя прилагательное и определяемое им существительное составляют один акцентуальный комплекс, т.е. имеют единое ударение. Самим прилагательным не свойственна категория определен-

ности/неопределенности. Однако если они выступают в качестве определения к существительному определенному, то ударение переносится со второго слога акцентуального комплекса на первый слог. В случаях, если прилагательное определяет неопределенное существительное, ударение сохраняется на втором слоге акцентуального комплекса [Абаев 1959: 19].

Имена прилагательные в обоих сопоставляемых языках делятся на две группы: имена прилагательные качественные и имена прилагательные относительные.

Как мы уже отмечали, провести четкую грань между именами существительными и именами прилагательными в осетинском языке затруднительно. Во-первых, у прилагательных нет специфических морфологических частеречных показателей. Во-вторых, многие имена существительные могут употребляться в функциях прилагательного. И, в-третьих, многие прилагательные могут иметь значение существительного. Так, в предложении *Уæрæсейы ис бирæ сыгъзæрин* ‘В России есть много золота’ слово *сыгъзæрин* выступает в роли существительного. В предложении же *Дуканийы ис сыгъзæрин сахæттæ* ‘В магазине есть золотые часы’ это же слово имеет значение прилагательного-определения. Различать прилагательные и существительные помогают приставки и суффиксы [Багаев 1965: 181].

В современном персидском языке прилагательные не имеют формы множественного числа. В предложении имена прилагательные выполняют функции определения (*otāq-e bozorg* ‘большая комната’) и именной части составного именного сказуемого (*Xande- aš boland bud* ‘Его смех был громким’) [Рубинчик 2001: 129]. Будучи определениями, прилагательные следуют после определяемого слова и присоединяются к нему с помощью изафетного показателя *-e* (*xāne-ye sangi* ‘каменный дом’). В отдельных случаях прилагательные могут стоять перед определяемым словом (*andak*

moddat ‘краткий срок’). Выделительный артикль ставится, как правило, после прилагательного-определения (*mard-e xub-i* ‘хороший человек’). В некоторых случаях он может стоять непосредственно после существительного для выделения прилагательного-определения (*Ahmad mard-i xub ast* ‘Ахмад хороший человек’) [Там же].

Как уже было указано, и в осетинском, и в персидском языках имена прилагательные по своим значениям и грамматическим признакам делятся на качественные и относительные.

1.2.1. Качественные прилагательные

Как отмечает Ю.А. Рубинчик «качественные прилагательные обозначают свойства и качества предметов, отражающие оценочно-классификационную деятельность человеческого сознания и непосредственно воспринимаемые органами чувств» [Рубинчик 2001: 130]. В осетинском языке к качественным прилагательным относятся [Багаев 1965: 183]:

1. Слова, выражающие цвет (*урс* ‘белый’, *сау* ‘черный’, *бур* ‘желтый’).
2. Слова, выражающие качественный признак лица или предмет (*хорз* ‘хорз’, *æвзæр* ‘плохой’, *рæсугъд* ‘красивый’).
3. Слова, выражающие пространственные или временные качества и отношения (*хæстæг* ‘близкий’, *дæрд* ‘далекий’)
4. Слова, обозначающие качества, свойства, воспринимаемые органами чувств (*адджын* ‘сладкий’, *туæг* ‘кислый’, *цæхджын* ‘соленый’)
5. Слова, выражающие наделенность предмета чем-то, обладание чем-нибудь (*амондджын* ‘счастливый’, *хъаруджын* ‘мощный’, *зондджын* ‘умный’).
6. Слова, выражающие физические или телесные качества (*куырм* ‘слепой’, *къуырма* ‘глухой’, *къуылых* ‘хромой’).

7. Слова, выражающие отсутствие, лишенность чего-либо (*аена-мат* ‘беспечность’, *агуыст* ‘безработный’, *аенаввис* ‘ненасытный’).

8. Слова, выражающие признаки по действию (*дзураг* ‘говорливый’, *хаераг* ‘прожорливый’).

9. Слова различного значения (*сабыр* ‘тихий’, *тагъд* ‘быстрый’, *хъæздыг* ‘богатый’).

Качественные имена прилагательные употребляются в качестве существительных. В этом случае они определяются существительными в родительном падеже (*Чызджы рæсугъдаей нæ мыггаг цух нæу* ‘Род наш не лишен девушек красивых’).

В персидском языке качественные прилагательные выражают [Рубинчик 2001: 130]: временные и пространственные отношения (*bozorg* ‘большой’, *kuček* ‘маленький’, *derāz* ‘длинный’, *pahnāvar* ‘широкий’), свойства и качества предметов (*širin* ‘сладкий’, *lazziz* ‘вкусный’, *sard* ‘холодный’, *garm* ‘теплый’), физические качества людей и животных (*nirumand* ‘сильный’, *javan* ‘молодой’, *pir* ‘старый’), качества характера и умственного склада (*nik* ‘добрый’, *xašmgin* ‘злой’, ‘сердитый’), цвета (*sorx* ‘красный’, *ābi* ‘голубой’, *kabud* ‘синий’). Многие качественные прилагательные обладают значением наречий и выступают в предложении в качестве обстоятельства образа действия.

В персидском языке от некоторых качественных прилагательных путем прибавления префикса *be-* и суффикса *-i* образуются наречия (*bezudi* ‘вскоре’, *bexubi* ‘хорошо’) [Рубинчик 2001: 130].

От многих качественных прилагательных путем прибавления ударного словообразовательного суффикса *-i* образуются имена существительные с общим значением отвлеченного качества (*sefid* ‘белый’ – *sefidi* ‘белизна’, *nirumand* ‘сильный’ – *nirumandi* ‘сила’) [Там же].

Главное отличие качественных прилагательных от относительных заключается в том, что первым свойственна грамматическая категория степеней сравнения.

Степени сравнения качественных прилагательных

И в осетинском, и в персидском языках имена прилагательные имеют три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную. При этом, как отмечает В.И. Абаев, наличие степеней сравнения не позволяет приписать данное слово к прилагательным, поскольку существуют и существительные, которые могут иметь степени сравнения (например, *лагдæр* ‘более мужественный’ [Абаев 1959: 29]).

Имена прилагательные в положительной степени характеризуют качество человека, предмета или процесса безотносительно к аналогичным качествам других людей, предметов или процессов (*сыгъдæг дон* ‘чистая вода’, *расугъд ныв* ‘красивая картина’).

Сравнительная степень качественных прилагательных

По определению Ю.А. Рубинчика, «имя прилагательное в сравнительной степени называет качество, присущее какому-то предмету (живому существу, процессу) в большей степени, чем другому, или же в большей степени, чем он обладал этим качеством в какое-либо другое время» [Рубинчик 2001: 131].

В осетинском языке сравнительная степень образуется путем прибавления к основе качественного прилагательного суффикса *-дæр* (*урсдæр* ‘белее’, *расугъддæр* ‘красивее’, *хъæбæрдæр* ‘тверже’).

В осетинском языке существует и усиительная форма сравнительной степени, которая образуется путем редупликации, т.е. повторения имени прилагательного. При этом в первой части бывает положительная степень в отложительном падеже, а во второй – форма в сравнительной степени (*Лæппу кодта егъауæй-егъаудæр* ‘Мальчик становился все больше и больше’) [Багаев 1965: 184].

Усиленная форма сравнительной степени прилагательного выражается употреблением сравнительной степени в сочетании с на-

речием *бирæ* ‘много’: *Æз бирæ рæсугъддæр ныв балхæдтон* ‘Я купил картину намного красивее’.

В персидском языке сравнительная форма прилагательного образуется путем прибавления к основе положительной степени суффикса *-tar*: *zibā* ‘красивый’ – *zibātar* ‘красивее’, *bad* ‘плохой’ – *badtar* ‘хуже’.

При образовании сравнительных оборотов в персидском языке перед существительным, выступающим в качестве эталона для сравнения, чаще всего употребляется предлог *az*. (*Man az barādar-am bozorgtar hastam* ‘Я старше моего брата’) [Рубинчик 2001: 131].

Прилагательное *xub* ‘хороший’ используется только в положительной форме. В других случаях употребляются супплетивные формы: *beh*, *behtar* ‘лучше’, *behtarin* ‘самый лучший’.

Иногда прилагательные в сравнительной степени субстантивируются и получают суффикс множественного числа.

Формы сравнительной степени могут приобретать значения превосходной степени при образовании словосочетания с определительным местоимением *hame* ‘все’ и предлогом *az*: *Az hame bozorgdar* ‘выше всех’.

Превосходная степень прилагательных

Как определяет Ю.А. Рубинчик «имя прилагательное в превосходной степени обозначает высшую степень качества или превосходство данного качества (процесса) над другими однородными предметами в отношении степени называемого качества» [Рубинчик 2001: 133].

Превосходная степень в осетинском выражается лексически за счет использования при положительной форме прилагательного наречий степени: со значением ‘очень’: *тынг*, *тыхджын*, *иттæг*, *сæнт*, *стыр*, *мæлæты*, *фыд*, *хъæбæр*, *заманайы*, *ахъаззаг*,

æвирхъау. Употребляются также наречия *хæрз* ‘совсем’, *фыр* ‘чрезмерно’, *диссаджы* ‘удивительно’, *æгæр* ‘слишком’, *æнаæкерон* ‘бесконечно’, *тæккæ* ‘самый’ (*бынтон рæсугъд* ‘совсем красивый’, *иттæг хъæбæр* ‘очень твердый’) [Гуриев 1984: 60].

Форма превосходной степени образуется от сравнительной в сочетании с частицами *тæккæ* ‘самый’, *æппæтæй* (*æппæты*) ‘всех’, *иууыл* ‘самый’ (*Хæхтæн сæ тæккæ бæрзонддæр æппынæдзух вæййы æмбæрзт митæй* ‘Из гор самая высокая все время бывает покрыта снегом’).

От имен существительных, обозначающих основные цвета, превосходная степень образуется за счет редупликации, т.е. повторения основы с прибавлением суффикса *-ид* (*урс-урсид*, *сау-сауид*, *бур-бурид*, *сырх-сырхид*, *цъæх-цъæхид*), хотя существует и другая интерпретация этих форм, согласно которой эти формы выражают высокое качество цвета, но не выражают степень: «*Фæлæ сын бæрцбарæнты формæтæ схонаен нæй*» (но нельзя назвать их формами сравнений) [Джусойты и др. 2010: 111].

В персидском языке форма превосходной степени образуется путем прибавления к положительной форме суффикса *-tarin*: *Volgā bozorgtarin-e rudhānehā-ye Orupā-st* ‘Волга – крупнейшая река Европы’. Прилагательное в превосходной степени всегда предшествует определяемому имени.

Прилагательное в превосходной степени сочетается с последующим именем двумя способами: с изафетом и без изафета [Рубинчик 2001: 134]:

1) Прилагательное в превосходной степени получает изафет только в том случае, если оно предшествует имени существительному во множественном числе или имени существительному в собирательном значении.

2) При отсутствии выделения независимо от того, стоит ли форма превосходной степени прилагательного перед именем суще-

ствительным в единственном или множественном числе, изафетный показатель отсутствует.

В отличие от прилагательных в сравнительной степени прилагательные в превосходной степени очень редко переходят в другие части речи.

Таким образом, формирование степеней сравнения в осетинском и персидском языках имеет как общие, так и специфические черты. Общим является наличие самой категории сравнения, ее реализация в трех степенях, использование одного и того же по происхождению суффикса для формирования сравнительной степени. Специфическим является формирование превосходной степени сравнения, для которой осетинский язык использует аналитический способ, а персидский – суффиксальный.

1.2.2. Относительные прилагательные

В осетинском языке к относительным прилагательным относятся имена, обозначающие признаки предметов в их отношениях к другим предметам, обстоятельствам, действиям: *сыгъзæрин къухдарæн* ‘золотое кольцо’, *æрхуы аг* ‘медный котел’, *литературон къорд* ‘литературный кружок’.

Относительные прилагательные обозначают [Багаев 1965: 185]:

а) признак по материалу, из которого состоит определяемый предмет (*хъæдын хæдзар* ‘деревянный дом’, *æфсæйнаг пец* ‘железная печь’);

б) признак предмета по его назначению (*æфсæдтон дзаума* ‘военное снаряжение’, *фыссаен фæйнаг* ‘доска для письма’);

в) признак по отношению к чему-либо (организации, политическому направлению, научному течению и т.д.): (*партион организаци* ‘партийная организация’, *литературон къорд* ‘литературный кружок’), *географион картæ* ‘географическая карта’;

г) признак по принадлежности лица или предмета к национальности, территории и т.д. (*хохаг лæг* ‘горский человек’, *уырыссаг лæг* ‘русский человек’, *ирон æгъдау* ‘осетинский обычай’);

д) признак по действию: *æвзарст лæг* ‘избранный человек’, *æлхæд дзаума* ‘купленная вещь’.

Некоторые относительные прилагательные могут употребляться в роли качественных (*сыгъзарин адæймаг* ‘золотой человек’).

В некоторых случаях происходит субстантивация относительных прилагательных.

Значительное число прилагательных имеет форму причастия прошедшего времени. В случае перехода из причастия в прилагательное слово теряет свое временное значение и приобретает качественное.

Адъективное значение, принимаемое формой причастия прошедшего времени, очень далеко от значения исходного глагола или вовсе с ним не связано. Как и другие качественные прилагательные, прилагательные-причастия прошедшего времени приобретают возможность формировать формы сравнительной и превосходной степеней сравнения [Багаев 1965: 186].

В персидском языке относительные прилагательные выражают признак, основанный на отношении к лицу, действию, обстоятельству и т.д. [Рубинчик 2001: 135]:

1) Отношение к лицу: *bāzihā-ye baččegāne* ‘детские игры’.

2) Отношение к животному: *pašm-e šotori* ‘верблюжья шерсть’.

3) Отношение к неодушевленному предмету: *xāne-ye čubi* ‘деревянный дом’.

4) Отношение к отвлеченному понятию *kār-i elmi* ‘научная работа’.

5) Отношение к действию: *naqše-ye pišnehodi* ‘предложенный план’.

6) Отношение к месту: *ruznāmeḥā-ye tehrāni* ‘тегеранские газеты’.

7) Отношение ко времени: *xabar-e diruzi* ‘вчерашнее известие’.

8) Отношение к определенному количеству предметов или явлений: *safar-e panjruze* ‘пятидневное путешествие’.

Относительные прилагательные обозначают постоянные признаки предметов, которые не имеют градацию. По своей синтаксической функции относительные прилагательные часто бывают функционально эквивалентны именам существительным, от которых они образованы, т.е. и те, и другие в атрибутивных словосочетаниях выступают в роли определений [Рубинчик 2001: 136].

Чаще всего для образования относительных прилагательных в персидском языке используется суффикс *-i*. Также используются суффиксы *-in*, *-āne* и др.

1.2.3. Склонение имен прилагательных в осетинском языке

В персидском языке прилагательные, как и существительные, не склоняются.

Осетинские имена прилагательные, употребляясь перед именем существительным, не имеют падежных форм. При этом падежные формы берет на себя имя существительное.

	Ед. число	Мн. число
Именительный	<i>бæрзонд бæлас</i>	<i>бæрзонд бæластæ</i>
Родительный	<i>бæрзонд бæласы</i>	<i>бæрзонд бæласты</i>
Дательный	<i>бæрзонд бæласæн</i>	<i>бæрзонд бæластæн</i>
Отложительный	<i>бæрзонд бæласæй</i>	<i>бæрзонд бæластæй</i>
Направительный	<i>бæрзонд бæласæ</i>	<i>бæрзонд бæластæм</i>
Местный внеш.	<i>бæрзонд бæласыл</i>	<i>бæрзонд бæластыл</i>
Союзный	<i>бæрзонд бæласимæ</i>	<i>бæрзонд бæластимæ</i>
Уподобительный	<i>бæрзонд бæласау</i>	<i>бæрзонд бæластау</i>

Падежные формы и другие особенности склонения прилагательных при их субстантивации ничем не отличаются от склонения существительных.

	Ед.ч.	Мн.ч.
Имен.	<i>баэрзонд</i>	<i>баэрзаэндтæ</i>
Род.	<i>баэрзонды</i>	<i>баэрзаэндты</i>
Дат.	<i>баэрзондмæ</i>	<i>баэрзаэндтæм</i>
Отл.	<i>баэрзондæй</i>	<i>баэрзаэндтæй</i>
Напр.	<i>баэрзондмæ</i>	<i>баэрзаэндтæм</i>
Мест. внешн.	<i>баэрзондыл</i>	<i>баэрзаэндтыл</i>
Союз.	<i>баэрзондимæ</i>	<i>баэрзаэндтимæ</i>
Уподоб.	<i>баэрзондау</i>	<i>баэрзаэндтау</i>

Образование множественного числа происходит так же, как у существительных, т.е. за счет прибавления суффикса множественности *-т*. При этом прилагательное подвергается тем же фонетическим изменениям, что и имя существительное [Багаев 1965: 192-195]:

а) чередование *а -æ, о -æ* (*маст* ‘горький’ – *мæстытæ*, *баэрзонд* ‘высокий’ – *баэрзаэндтæ*, *заэронд* ‘старый’ – *заэраэттæ*);

б) в именах прилагательных, исходящих на группу согласных (с конечным глухим) во множественном числе перед суффиксом множественности *-т* вставляется гласный *ы* (*маст* ‘горький’ – *мæстытæ*, *раст* ‘прямой’ – *рæстытæ*);

в) в прилагательных, исходящих на сонорные согласные и полугласные, при чередовании гласных *а – æ, о – æ* суффикс множественности *-т* удваивается (*рагон* ‘’ – *рагаэттæ*, *уæззау* ‘тяжелый’ – *уæззауттæ*);

г) в прилагательных, оканчивающихся на *-æг* во множественном числе из этого суффикса выпадает гласный *æ*. При этом перед суффиксом множественности появляется гласный *ы*, согласный *-г*

переходит в аффрикату *дж* (*науаг* ‘новый’ – *науджытае*, *рауаг* ‘легкий’ – *рауджытае* ‘легкие’).

1.3. Имя числительное

К числительным относятся имена, обладающие количественно-числовым и счетно-порядковым значением. Они обозначают отвлеченное число, количество предметов, порядок при их счете [Рубинчик 2001: 187].

Семантически и по способу образования числительные делятся на две большие группы: количественные и порядковые. Количественные числительные выражают абстрактное количество или количество конкретных предметов. Порядковые – порядок, последовательность предметов при их счете. В осетинском языке числительные делятся на четыре основных разряда: количественные, порядковые, дистрибутивные (разделительные) и дробные. Среди количественных числительных в персидском языке выделяются определенно-количественные, неопределенно-количественные и распределительные, а также дроби и проценты.

По своей структуре числительные в обоих сопоставляемых языках делятся на три группы [Багаев 1965: 208-209; Сатцаев 2017: 7; Рубинчик 2001: 188-189]:

- 1) Простые, состоящие из одной основы (*иу* ‘один’ / *уек* ‘один’).
- 2) Сложные, образованные путем соединения основ (*цыппардае* ‘четырнадцать’ / *čahārdah* ‘четырнадцать’).
- 3) Составные, полученные путем нескольких числительных с помощью союза *æмае* ‘и’ в осетинском и союза *о* ‘и’ в персидском (*цыппор æмае фондз* ‘сорок пять’ / *čehel-o ranj* ‘сорок пять’).

Отличительной особенностью современного осетинского языка является сосуществование двух систем счета – двадцатичной

и десятичной [Багаев 1965: 211-212]. В двадцатичной счет идет двадцатками до 400: *ссæдз* двадцать, *дыуусæдзы* ‘сорок’, т.е. ‘две двадцатки’, *æртиссæдзы* ‘шестьдесят’, буквально ‘три двадцатки’, *цыппарссæдзы* ‘восемьдесят’, буквально ‘четыре двадцатки’, *фондыссæдзы* ‘сто’, буквально ‘пять двадцаток’ и т.д. В этой системе числа от одной двадцатки до другой присоединяются к названию двадцатки через союз *æмæ* ‘и’, предшествуя ему: *иу æмæ ссæдз* – 21, *дыууæ æмæ ссæдз* – 22, *дæс æмæ ссæдз* – 30, *нудæс æмæ ссæдз* – 39, *иу æмæ дыууисæдзы* – 41, *иу æмæ фондзыссæдзы* – 101 и т.д. до 400, которое уже называется не *ссæдзыссæдзы* т.е. ‘двадцать двадцаток’, а *цыппарфондыссæдзы* (‘четыре пять по двадцать’).

Начиная с *фондыссæдзы* ‘сто’ счет идет и сотнями: *дыууæфондыссæдзы* ‘двести’, *æртæфондыссæдзы* ‘триста’ и т.д.

1.3.1. Определенно-количественные числительные

По своему составу количественные (в персидском языкознании «определенно-количественные») имена немногочисленны; это числительные от *единицы* до *десяти* (кроме девяти), числа от *одиннадцати* до *девятнадцати*, десятки от *двадцати* до *девяноста*, сотни от *ста* до *девятисот*. Сюда же относятся числа *тысяча*, *миллион*, *миллиард* и *триллион*.

Количественные имена всегда стоят перед существительным, к которому они относятся. В персидском языке исключение составляют имена с артиклем, когда выражается приближительность.

Имена существительные при количественных числительных всегда используются в единственном числе. Имена числительные количественные, субстантивируясь, могут выступать в качестве именных членов предложения. Более того, это может происходить и без субстантивации: *Цард иу у* ‘Жизнь одна’.

1.3.2. Нумеративы в персидском языке

Одной из особенностей строя персидского языка по сравнению с осетинским является наличие счетных слов-нумеративов в сочетании с определенно-количественными числительными [Рубинчик 2001: 190]. Нумеративы помещаются между числительными и именами существительными и всегда употребляются без изафетного показателя *do nafar dānešāmuz* ‘два (человека) ученика’. Наиболее универсальные нумеративы – *nafar* ‘человек’ и *tā* ‘штука’. Как указывает Ю.А. Рубинчик, «в основе употребления нумеративов лежит идея измерения, счета живых существ и предметов, поэтому в этой роли часто выступают имена существительные, обозначающие предметы, внешне напоминающие по форме и строению считааемые объекты» [Рубинчик 2001: 190].

При словах, относящихся к одному роду или виду живых существ, растений, предметов, могут употребляться разные нумеративы, различающиеся только по частоте употребления.

1.3.3. Неопределенно-количественные числительные

К ним относится небольшая группа слов со значением неопределенного количества [Рубинчик 2001: 192]. Это числительные *čand, čandin* ‘несколько’. Они выражают не дифференцированное, а общее понятие количества (т.е. более одного). После неопределенных числительных имена существительные ставятся в единственном числе. К неопределенно-количественным числительным относятся еще несколько слов, выражающих неопределенное количество, которое может относиться как к большому, так и малому, незначительному числу. В осетинском языке это *бирæ* ‘много’, *гыццыл* ‘мало’, *иу гыццыл* ‘немного’ и др. В персидском это слова

besyār, basi ‘много’, *besyāri* ‘множество’, *andak, andaki* ‘немного, мало’, *kami, qadri* ‘немного’ и некоторые другие. Как указывает Ю.А. Рубинчик, «они отличаются от обычных количественных числительных тем, что исчисляемое существительное может иметь форму множественного числа, а сами эти числительные могут сочетаться не только с конкретными, но и отвлеченными и вещественными существительными, употребляясь с предлогом *az* ‘из’...» [Рубинчик 2001: 192].

1.3.4. Разделительные / распределительные числительные

К разделительным числительным в осетинском языке относятся числительные, образованные путем прибавления к основе суффикса *-гай* (*фаендзгай* ‘по пять’ *фынддæсгай* ‘по пятнадцать’). Возможно также лексическое образование разделительных числительных (*фæйнæ æхсаз бандоны* ‘по шесть стульев’).

К распределительным персидским числительным относятся словосочетания, образованные путем редупликации количественного числительного и обозначающих количество предметов в виде расчлененных числовых групп. Существует три способа формирования распределительных числительных [Рубинчик 2001: 193]: 1) путем повторения основ количественного имени (*do do* ‘по два’, *čahār čahār* ‘по четыре’; 2) путем повторения количественного числительного с нумеративом *tā* (*se tā se ta* ‘по три штуки’); 3) путем соединения количественных числительных предлогом *be* (*yeḡ be yeḡ* ‘по одному’, ‘один за другим’).

1.3.5. Порядковые числительные

«Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при их счете и соотносятся по своему значению с соответствующими определенно-количественными числительными» [Рубинчик 2001: 193].

Порядковые числительные в осетинском языке образуются [Багаев 1965, 216]: а) при помощи суффикса *-аг* в числах до четырех и *-ам* в последующих (*дыккаг*, *аертыккаг*, *цыппаерæм*, *дæсæм*); б) посредством прибавления суффиксов *-æгæм* (*фыццагæм*, *дыккагæм*, *аертыккагæм*), и *-æймаг* к числительным, начиная с четырех (*цыппырагæймаг* ‘четвертый’, *фæндзæймаг* ‘пятый’, *дæсæймаг* ‘десятый’).

В персидском языке порядковые числительные образуются от количественных путем прибавления к их основам суффиксов *-ом*, *-омин*. Порядковые числительные, оканчивающиеся на суффикс *-ом*, ставятся после определяемого слова и соединяются с ним с помощью изафета (*jeld-e ranjom* ‘пятый том’). Порядковые числительные с суффиксом *-омин* ставятся перед определяемым словом и не соединяются с ним изафетом (*dahomin bār* ‘десятый раз’). Порядковое значение составных числительных выражается только последним числительным, остальные сохраняют форму количественных числительных [Рубинчик 2001: 193-194].

1.3.6. Дробные числительные

По определению Н.К. Багаева, «дробными называются имена числительные, обозначающие какое-то количество от равных частей целого» [Багаев 1965: 219]. Дробные имена числительные образуются путем прибавления к количественному числительному (числитель) порядкового числителя (знаменателя) с существи-

тельным *хай* ‘часть; доля’: *дыууа цыппаерам хайы* ‘две четвертых’ *аерта даесаам хайы* ‘три десятых’.

Когда в числителе бывает числительное *иу* ‘один’, то знаменатель-порядковое числительное бывает в форме, сходной с именительным падежом, т.е. без окончаний: *иу фаендзаам* ‘одна пятая’, *иу аестаам* ‘одна восьмая.’ Если же числительным бывает другое число, то знаменатель сходен с родительным падежом, т.е. с окончанием *-ы*: *дыууа фаендзаамы* ‘две пятых’ *аерта аестаамы* ‘три восьмых’ [Багаев 1965: 220].

Название целого, на часть которого указывает дробное числительное, обычно ставится впереди числительного в форме родительного падежа: *метры фондз даесаамы* ‘пять десятых метра’.

В персидском языке оформление дробного числа происходит аналогично [Рубинчик 2001: 194-195]. Чаще всего числитель выражается количественным числительным, а знаменатель – порядковым: *do panjom* ‘два пятых’. Последующее имя существительное присоединяется к знаменателю изафетом: *do sevvom-e dānešjuyān* ‘две трети студентов’. Второй способ обозначения дроби применяется в тех случаях, когда числителем является *yek* ‘один’. При этом прочтение дроби можно начинать со знаменателя: *čahār yek* ‘одна четвертая’, хотя допустим и первый способ. Третий способ выражения простых дробей основывается на употреблении предлога *az* ‘от’: *se az čahār* ‘три четвертых’ [Рубинчик 2001: 195].

В десятичной дроби число, указывающее на десятые, сотые, тысячные и т.д. доли, выражается количественным числительным, а сами доли – порядковым: *do dahom* ‘две десятых’ *panj sadom* ‘пять сотых’.

1.3.7. Проценты

Проценты обозначают количество, измеряемое в сотых долях чего-то, принятого за единицу.

В осетинском языке нет специальной формы для выражения процентов. Они формулируются так же, как другиечисляемые формы (*æртын фондз проценты* ‘тридцать пять процентов’).

В персидском языке проценты образуются за счет сочетания количественного имени с числительным *sad* ‘сто’. Существует два способа образования процентов [Рубинчик, 2001: 195]:

а) на первое место ставится число, обозначающее количество процентов, а затем сочетание предлога *dar* ‘в’ с числительным *sad* ‘сто’: *si darsad* ‘тридцать процентов’;

б) на первое место ставится числительное *sad* ‘сто’ с артиклем, за ним следует числительное, обозначающее количество процентов: *sadi- bist* ‘двадцать процентов’.

1.4. Местоимение

1.4.1. Значение местоимений

Сравнивая именные части речи с местоимениями в характеризуемых языках, обнаруживаем их совсем малое количество.

В обоих языках местоимения используются, как известно, вместо именных частей речи. Они не обозначают предметы, их признаки и количества, а только указывают на них. Именно этим отличаются местоимения от тех частей речи, коих заменяют, к примеру, в осетинском: *Нæ горæты историйы тыххæй нæм æрхæццæ алыхуызон сæрмаджытæ* – По истории нашего города до нас дошли разные сведения (материалы). *Нæ царын мæхæдæг, нæ цардысты*

мæ фыдаелтæ искаей фæллоуæ – Не живу сам, не жили и мои предки чьим-нибудь трудом (Бар. Г.).

По мнению многих ученых (Н.К. Багаев, 1965; Ю.А. Рубинчик, И.К. Овчинникова, 1956 и мн. др.), местоимением принято считать сравнительно небольшую группу слов, используемых вместо имен существительных. Их отличительной особенностью в языке выделяется то, что они не могут пополняться, хотя продолжают играть в словосочетаниях и предложениях существенную роль.

Н.К. Багаев и Б.Г. Медоева считают, что в осетинском местоимения, за исключением *æз* «я», *ды* «ты», *мах* «мы», *сымах* «вы», являются словами, которые заменяют имена существительные, прилагательные и числительные [Багаев 1965: 228], [Медоева 2003: 126].

Багаев Н.К. предпочитает делить этот заменяющий именные части речи класс слов по своему составу на *производные* и *непроизводные*: например, «(*æз, ды, уый, мах, сымах, чи, цы, ай, йед, инна, æндæр, алы* и др.) и *производные* при помощи суффиксов и словосложения (*чидæр, цыдæр, чидæриддæр, цыдæриддæр, кæцыдæр, кæцыдæриддæр, ници, ницы, мачи, исчи, исты, мæхи, дæхи, нæхи, не 'ппæт, уе 'ппæт, алцы, алчи, чифæнды, цыфæнды, ничиуал, ницыуал, никæцыуал* и т. д.) [Багаев 1965: 228]. Ю.А. Рубинчик считает, что «в общем языкознании нет единого подхода к характеристике местоимений. Существует несколько классификаций этого лексического разряда, но наиболее распространенная основывается на двух принципах: 1) классификация по соотносительности с частями речи и 2) классификация по семантическим признакам» [Рубинчик 2001: 168]. Он подчеркивает, что персидский язык обладает ярко выраженными аналитическими чертами и что ему более подходит классификация по семантическим признакам, «которая позволит не только объединить местоимения в один лексико-грамматический класс на основании характерных для них об-

щих дейктических свойств, но и произвести последующее деление их на личные (*man* «я», *to* «ты», *u* «он» и т.д.), слитные *-am* «мой», *-eman* «наш», *-at* «твой» и т.д.), указательные (*in* «этот», *ān* «тот» и т.д.), вопросительные (*ke?* «кто?», *če?* «что?», «что за?», «какой?», *kodām?* «какой?», «который?» и т.д.), определительные (*har* «каждый», «всякий», *hame* «весь», «все», *kolliyye* «все», «весь» и т.д.), определительно-возвратные (*xod* «сам», «свой», *xiš* и *xištan* «сам»), неопределенные (*bá'zi*, *bárxi* «некоторые», *folān* «некто», «некий», «такой-то» и т.д.), отрицательные (*hič* «никакой», «ничто», *hičkas* «никто» и т.д.), взаимные (*ham*, *hamdigar*, *yekdigar* «друг друга» [Рубинчик 2001, 168]. Он выделяет следующие группы персидских местоимений: личные, слитные, указательные, вопросительные, определительные, определительно-возвратные, неопределенные, отрицательные и взаимные [Рубинчик 2001: 168], у И.К. Овчинниковой находим: личные, местоименные энклитики, указательные, вопросительные, местоимение *ход* и неопределенные [Овчинникова 1956: 265 – 274].

В осетинском Н.К. Багаев определяет следующие группы местоимений: личные, усилительно-личные местоимения, возвратные: а) обще-возвратное, б) личные возвратно-усилительные, указательные, вопросительные, относительные местоимения (здесь он указывает на то, что они и есть вопросительные), неопределенные, определенные, отрицательные, *количественные*: а) определенно-количественные б) неопределенно-количественные [Багаев 1965: 229–231], у Б.Г. Медоевой количество групп местоимений по значению: личные, усилительные, возвратные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, определительные, отрицательные, количественные [Медоева 2003: 129–130].

Как видим, ни Н.К. Багаев, ни Б.Г. Медоева не упоминают о притяжательных местоимениях, хотя Н.Х. Кулаев в «Грамматике

осетинского языка» (под редакцией профессора Ахвледиани Г.С.) пишет: «Притяжательные местоимения указывают на принадлежность предмета какому-нибудь лицу речи и представлены в осетинском языке в пяти видах:

1. Полные притяжательные местоимения: *мæн* «мой», *дæу* «твой», *уый* «его (её)», *мах* «наш», *сымах* «ваш», *уыдон* «их». Примеры: Кæй чиныг у ай? – *Мæн* – «Чья эта книга? – Моя»; Кæй хортæ сты адон? – *Мах* – «Чьи эти хлеба? – Наши».

2. Краткие притяжательные местоимения: *мæ* «мой», *дæ* «твой», *йæ* «его (её)», *на* «наш», *уæ* «ваш», *сæ* «их». Примеры: *Мæ* гутон, *мæ* галтæ. – Мæнаен дæр цæттæ – «Мой плуг, мои волы – и у меня готовы» (Къ.). «*Мæ* дзыллæйы зæрдæ – *Мæ* хуымгæнды хай! – «Нашего народа сердце – Моя нива! (Къ.)».

3. Возвратно-притяжательные местоимения: *мæхи* «мой собственный», *дæхи* «твой собственный», *йæхи* «его собственный», *нахи* «наш собственный», *уæхи* «ваш собственный», *сæхи* «их собственный». Примеры: Ай-иу йæхи галæн 'взаргæ хос ракалдта... – «Этот, бывало, своему (букв.: его собственному) волю отборное сено давал... (Къ.)».

4. Субстантивные притяжательные местоимения образуются от полных притяжательных местоимений путем присоединения к ним суффикса *-он*: *мæнон* «мой», *дæуон* «твой», *уыйон* «его (её)», *махон* «наш», *сымахон* «ваш», *уыдоньон* «их». Примеры: Кърандæстæй *мæнон* уыд сырх, *дæуон* та сау – «Из карандашей мой был красный, а твой чёрный».

5. Возвратно-притяжательные субстантивные местоимения образуются от возвратно-притяжательных местоимений путем присоединения к ним суффикса *-он*: *мæхион* «мой собственный», *дæхион* «твой собственный», *йæхион* «его собственный», *нахион* «наш собственный», *уæхион* «ваш собственный», *сæхион* «их соб-

ственный». Примеры: Тамарæ, тетрæдтæй *дæхион* айтай? – О, *мæхион* «Тамара, ты взяла свою (твою) собственную тетрадь? – Да, свою (мою) собственную» и т.д. Н.Х. Кулаев в кн. [Грамматика осет. яз. 1963: 170 – 171].

Как видно, в персидском языке не находят своего отражения притяжательные и относительные местоимения, в осетинском – относительные, которые, по мнению и Н.К. Багаева, и Б.Г. Медоевой, заключают в себе вопросительные местоимения.

Итак, распределение типов групп местоимений в осетинском и персидском языках немножко колеблется, но не портит их основную грамматическую картину.

Имея представление о классификации местоимений в современном осетинском и персидском языках, рассмотрим их более детально в сопоставительном аспекте.

1.4.2. Группы местоимений по их соотносительности с другими частями речи

Как известно, в силу своего лексического значения и по тому, в значении какой части речи они выступают, местоимения соотносительны с именами существительными, именами прилагательными и числительными. Так как местоимения являются заменителями перечисленных частей речи, то по своим функциям их подразделяют на такие группы: а) *обобщенно-предметные* местоимения, которые соответствуют именам существительным и отличаются от них тем, что не называют предметы, а только указывают на них.

К этой группе, например, Н.К. Багаев относит местоимения: *æз* «я», *ды* «ты», *уый* «он», *мах* «мы», *сымах* «вы», *уыдон* «они», *мæхи*, *дæхи*, *йæхи*, *нæхи*, *уæхи*, *сæхи*, *кæрæдзийы*, *мæхæдæг*, *дæхæдæг*, *йæхæдæг*, *нæхæдæг* // *нæхуыдтæг*, *сæхæдæг* //

сæхуыдтæг, уæхæдæг // уæхуыдтæг, ай, алчи, алы, чидæр, цыдæр, исчи, исты, чидæриддæр, цыдæриддæр, алчидæриддæр, алыдæриддæр, не 'ппæт, уе 'ппæт, се 'ппæт, негас, уегас, сегас, чифæнды, цыфæнды, ничи, ницы, мачи, мацы и другие [Багаев 1965: 228]; б) *обобщенно-качественные* местоимения, которые содержат в себе указание на признаки и свойства предметов. По своему значению они соответствуют именам прилагательным: *ахæм, цы, ацы, уыцы, алы, кæцы, алкæцы, кæцыдæр, искацы, кæцыдæриддæр, цавæр, цавæрдæр, цавæрдæриддæр, никацы, ницавæр, макецы, кæцы-фæнды, цавæр-фæнды, цыхуызæн, цыхуызæн-фæнды, цыхуызæндæр, цыхуызæндæриддæр, иуæй-иу, иннæ, аннæ, æндæр* и др. и в) *обобщенно-количественные* местоимения по значению и функциям соответствуют именам числительным: *уал, цал, цас, цалдæр, цасдæр, цалдæриддæр, цасдæриддæр, уыйас, уыйбæрц, айæппæт (атæппæт), уыйæппæт (утæппæт), ауал, ацал-ауал, цал-фæнды, цас-фæнды, ницал, ницас, бирæ, чысыл, дзæвгар, цъус, къорд, иудзæвгар, иучысыл, иуцъус, иукъорд* и др. [Багаев 1965: 229].

Он также считает, что в осетинском языке некоторые местоимения могут быть отнесены и к обобщенно-предметным, и к обобщенно-качественным местоимениям. Приводит следующие примеры: «*цы, цыдæр, исты, ницы, мацы, цыдæриддæр* и некоторые другие (ср. например: Чи *цы* ссардта, уый — йæхи «Кто что нашел, то ему самому» и Цы хабæрттæ ис ам? «Какие здесь новости?», Æз *цыдæр* зонын «Я знаю что-то» и Цыдæр хъуыддаг базыдтон «(Я) узнал какое-то дело», Ды *исты* фендзынæ «Ты увидишь что-нибудь» и Уый *исты* куыст зоны? «Он знает какую-нибудь работу?», Мах *ницы* федтам «Мы ничего не видели» и Уый *ницы* хъуыддагыл хæст у «Он никакое дело не умеет делать» [Багаев 1965: 229].

1.4.3. Личные местоимения

Личные местоимения представлены в осетинском: *æз* «я», *мах* «мы» (1-е лицо), *ды* «ты», *сымах* «вы» (2-е лицо), *уый* «он», «она», «оно», *уыдон* «они» (3-е лицо), в персидском – *man* «я», *ma* «мы» (1-е лицо); *to* «ты», *šomā* «вы» (2-е лицо), *u, veu* «он», «она», «оно» (ед.ч.) – *ānhā, išān, ānān, inān*, «они» (мн.ч.) (3-е лицо). Отметим, что и в осетинском, и в персидском отсутствует категория рода, но при переводе местоимений 3 лица ед.ч. сохраняем их перевод на русский, как: он, она, оно.

Личное местоимение «я» (*æз / man*) в обоих языках обозначает лицо самого говорящего. Местоимение же «ты» (*ды / to*) может обозначать не только собеседника, но всякого вообще человека, т.е. может иметь обобщенно-личное значение. Например, в осетинском: *Ды нæ хъусыс, уад куыд ниуы тард, мæллæг зæронд куыдзæу* «Ты не слышишь, как воет ветер подобно изгнанной, тощей старой собаке» (Ниг.).

В персидском языке «в отличие от русского значение лица выражается не только в настоящем и будущем, но также и в прошедшем времени: *man goftam* «я сказал», *mā goftim* «мы сказали», *u goft* «он сказал», *ānhā goftand* «они сказали». Видимо, четким выражением лица флексивными формами персидского глагола можно объяснить более частый, чем в русском языке, пропуск подлежащего (которое следовало бы выразить личным местоимением). [Рубинчик 2001: 169].

Местоимение 3-го лица *уый* в осетинском обозначает лицо или предмет, известный или названный ранее. Например: *Фæлæ уый дæр уыцы хъуыддаджы кой нал скодта* «Но и он тоже не сказал об этом деле» и мн. др. В персидском же подчеркивается, что: «Местоимения 3-го лица ед. числа *u, veu* могут указывать как на лицо, так и на не-лицо (на любое живое существо), но обычно не ука-

зывают на неодушевленные предметы и явления. Для указания на них в 3-м лице ед. числа употребляется указательное местоимение *ān* «тот» (в некоторых случаях допустима его замена на другое указательное местоимение – *in* «этот»))» [Рубинчик 2001: 169].

Персидское местоимение 3-го лица мн. числа *ānhā*, представляющее собой соединение указательного местоимения *ān* с универсальным суффиксом мн. числа *hā*, указывает как на одушевленные, так и на неодушевленные предметы. Это наиболее употребительная форма местоимения 3-го лица мн. числа. Несколько реже в этом же значении употребляется местоимения *inhā*. Последнее в разговорном языке может приобретать указательно-обобщающее значение «это», «всё это»: *Inhā doruq ast* «Всё это ложь» [Рубинчик 2001: 170].

Кроме отмеченных местоимений 3-го лица мн. числа в отношении людей употребляются местоимения *ānān* и *inān* «они». Образованные от указательных местоимений *ān* «тот», «та», «то» и *in* «этот», «эта», «это» путем присоединения к ним суффикса мн. числа *-ān*, они также сохраняют значения соответствующих указательных местоимений «те» и «эти», относящихся к лицам: *Ānān āmade-and* «Они пришли», *Inān rāzi nistand* «Они недовольны» [Рубинчик 2001: 170].

В осетинском языке, например, личное местоимение *чи* «кто» (ед. ч.) может быть употреблено по отношению к любому существительному, обозначающему лицо, в сложноподчиненном предложении и предмет; местоимения *цы* «что», *уый* «он», «тот», *ай* «этот» могут быть употреблены по отношению к любому существительному, а местоимения, например: *ахæм* «такой», *ацы* «этот», *цавар* «какой», *кацы* «который» могут быть употреблены по отношению к любому прилагательному. Местоимения же *уал* «столько», *цал* «сколько», *цас* «сколько», *æппæт* «все» могут указывать на любое количество и т. д.

Думаем, что значение вышеуказанных местоимений проявится исключительно в контексте, без него они слишком отвлеченно себя ведут, поскольку содержат лишь общие указания на предметы или на их признаки и количество.

А местоимения 2-го и 3-го лица иногда обозначают и самого говорящего, но только тогда, когда речь бывает обращена к самому себе. Например: Ацу æмæ ды уымæ дзур, мæнæй уый – Иди да говори ты с ним.

В качестве же собеседника может выступать не только лицо, но и другое живое существо и даже неживой предмет (*при олицетворении*). Например: Рæсугъд бæлас йæ сыфтæртæ дауумае калы, сырх май! Нæ фæлтæрты тыхджын зæрдæ дауумае у æмбай (Боц. Б.) «Красивое дерево распускает листья к тебе, красный май! Сильные сердца нашего поколения с тобой ровесники» [Багаев 1965: 231].

Под влиянием русского языка в осетинском часто стали употреблять сымах «вы» вместо привычного ды в обращении к старшему или к незнакомому лицу (обращение вежливости) в разговорной речи.

О личных местоимениях персидского Ю.А. Рубинчик заключает, что «в составе личных местоимений насчитывается одиннадцать слов, указывающих на говорящего, его собеседника (или собеседников) и на лиц, о которых ведется речь. Наличие в составе личных местоимений не шести (по количеству лиц обоих чисел), а одиннадцати слов объясняется тем, что в 3-м лице ед. и мн. числа употребляются дополнительно другие слова» [Рубинчик 2001: 169].

Чтобы быть последовательным в разных дефинициях местоимений обоих языков, позволим себе прежде рассмотреть осетинские местоимения далее в такой последовательности:

Усилительно-личные местоимения, которые представлены следующим образом: *мæхæдаг* «я сам», *нæхæдаг* // *нæхуыдтæг* «мы

сами» (1-е лицо), *даæхæдæг* «ты сам», *уæхæдæг* // *уæхуыдтæг* «вы сами» (2-е лицо), *йæхæдæг* «он сам», «она сама», «оно само», *сæхæдæг* // *сæхуыдтæг* «они сами» (3-е лицо).

Данные местоимения образованы путем сочетания кратких форм личных местоимений в род. падеже ед. и мн.числа *мæ*, *дæ*, *йæ*, *нæ*, *уæ*, *сæ* с частицей *хæдæг*, принимающей во множественном числе и форму *хуыдтæг*.

Усилительно-личные местоимения в предложении всегда бывают носителями ударения, в предложении могут занимать разные позиции в зависимости от контекста. Не склоняются.

Возвратные местоимения: а) обще-возвратное: *хи* «себя»; б) личные возвратно-усилительные: *мæхи* «себя», «самого», *нæхи* «себя», «самих» (1-е лицо), *дæхи* «себя», «самого», *уæхи* «себя», «самих» (2-е лицо), *йæхи* «себя», «самого», *сæхи* «себя», «самих» (3-е лицо); в) взаимно-возвратное: *кæрæдзийы* «друг друга».

Общевозвратное местоимение *хи* в осетинском по Багаеву: «употребляется без отношения к лицу и числу. Например: *Хи* сыгъдæг дарын хъæуы «Себя надо держать чистым», *Хи* найын пайдæ у «Купаться (букв. «Купать себя») полезно».

Личные возвратно-усилительные местоимения *мæхи*, *дæхи*, *йæхи*, *нæхи*, *уæхи*, *сæхи*, образованные путем сочетания общевозвратного местоимения *хи* с родительным падежом кратких форм личных местоимений *мæ*, *дæ*, *йæ* (единств, числа) и *нæ*, *уæ*, *сæ* (множеств, числа), указывают на то, что действие направлено на само действующее лицо. Например: *Æз мæхи* æхсын «Я умываюсь» (букв. «Я умываю себя»), *Ды дæхи* æхсыс «Ты умываешься» (букв. «Ты умываешь себя»), *Уый йæхи* æхсы «Он умывается» (букв. «Он умывает себя»), *Мах нæхиуыл* ауæрдæм «Мы щадим себя», *Сымах уæхицæй* æппæлут «Вы хвалите себя», *Уыдон сæхицæй* разы сты «Они довольны собой». Это собственно-возвратное значение данных местоимений [Багаев 1965: 242], они также могут обозначать направленность

действия не на само действующее лицо, а на другое лицо или предмет, и в этом случае они приобретают усилительное значение.

Обще-возвратное местоимение *хи* не имеет всех форм косвенных падежей. Встречаются от него только формы род. (*хи*), направит. (*химæ*), внеш. мест. (*хиуыл*).

Возвратные местоимения в осетинском в предложении всегда бывают ударными словами, именно это явление им придает усиление.

Указательные местоимения: *а* «сей», «этот», *ай* «этот», *адон* «эти», *уый* «тот», *уыдон* «те», *ахæм* «такой», *ацы* «этот», *уыцы* «тот», *уæдыккон* «тогдашний», *ардыгон* «здешний», *уырдыгон* «тамошний», *ацырдыгон* «посюсторонний», *уыцырдыгон* «потусторонний», *уал* «столько», *уалæм* «такой-то» (по счету), *уалæймаг* «такой-то» (по счету), *уалгай* «по-столько», *айас* «столько», *уыйас* «столько», *айбæрц* «столько», *уыйбæрц* «столько», *айæппæт* (*атæппæт*) «столько», *уыйæппæт* (*утæппæт*) «столько», *ауал* «столько», *ацал-ауал* «столько».

У Н.К. Багаева «указательные местоимения *а*, *ацы*, *уыцы* употребляются только как определения при существительных, например: *а* лæппу «сей мальчик», *а* бæстæ «эта страна», *ацы* адæм «этот народ», *ацы* бæстæ «эта страна», *ацы* хæдзар «этот дом», *уыцы* бинонтæ «та семья», *уыцы* бæлас «то дерево», *уыцы* хæдзар ««тот дом». Местоимения *а* и *ацы* являются синонимами; они указывают на близкий предмет, а местоимение *уыцы* указывает либо на дальний предмет, либо на предмет ранее известный, на предмет, о котором раньше говорилось. Например: Уæртæ мын *уыцы* лæппу мæ чиныг айста «Вон тот мальчик взял мою книгу». 2 «Чиныг мæ чи айста, *уыцы* лæппуйы абон федтон «Я сегодня видел того мальчика, который взял у меня книгу». Так как местоимения *а*, *ацы*, *уыцы* всегда употребляются при именах существительных, которые не могут быть опущены, то они, как и прилагательные в сочетании с именами существительными, не изменяются.

Без имени существительного они склоняются и в единственном и во множественном числе [Багаев 1965: 246].

Указательные местоимения, заменяющие числительные, склоняются так же, как числительные, следовательно, как и имена существительные.

Указательные местоимения также все бывают в предложении ударными словами.

Вопросительные местоимения: *чи* «кто», *цы* «что», «какой», *каэцы* «который», *цавар* «какой», *цахам* «какой», *цыхуызан* «какой», *каэцон* «откуда», *кадон* «которые», *каэцырдыгон* «с которой стороны», *чердыгон* «откуда», *кадыккон* «когдашний», *цал* «сколько», *цас* «сколько», *цалам*, *цалаймаг* «который» (по счету), *цалгай* «по сколько», *цасгайттаэ* «по сколько».

Вопросительные местоимения служат для узнавания не известных говорящему лиц или предметов, признаков предметов, количества предметов.

Вопросительное местоимение *чи* соотносительно только с именами существительными (причем только в соотношении с человеком), а *цы* соотносительно как с именами существительными (неодушевленными и одушевленными), так и с именами прилагательными. При помощи *чи* мы обычно узнаем только лицо, а при помощи *цы* – любые другие предметы и лица.

Каждое местоимение этой группы имеет в себе в отдельности свою семантику и может показывать разные признаки, например, местоимение *цавар* может указывать на любой признак (качественный, относительный) предмета, за исключением признака, обозначающего порядок, принадлежность, местонахождение и т. п., например, на вопрос *цавар* хæдзар? «какой дом?» могут быть указаны признаки хъæдын «деревянный», дурын «каменный», стыр «большой», чысыл «маленький», бæрзонд «высокий», ныллæг «низкий», райдзаст «уютный», рæсугъд «красивый» и т. д. Как видно, в точности это будет ясно только в контексте.

Отметим и то, что вопросительные местоимения *чи* и *цы*, соотносительные с именами существительными, склоняются как имена существительные и в единственном и во множественном числе, но в их склонении имеются некоторые особенности.

Относительные местоимения: те же, что и вопросительные, но если при помощи вопросительных местоимений оформляются вопросы, то при помощи *относительных местоимений* указывается на отнесенность придаточного предложения к члену главного, выраженному указательным местоимением или наречием. Например: Доны былл *чи* цæры, йæ ивылæн дæр ын *уый* зоны «Кто живет на берегу реки, тот и знает ее разлив» (Посл.), Чиныг мын *чи* ратта, уымай фæбузныг уыдзынæн «Кто мне даст книгу, тому буду я благодарен», Цæлыккæн йæ зæрдыл æрлæууыдысты, Хæмæт Мырзахъæн *цы* ныхæстæ кодта, уыдон «Цалыку вспомнились те слова, которые Хамаг говорил Мырзаку» (Боц. Б.) [Багаев 1965: 254].

Так как осетинские относительные местоимения совпадают с вопросительными, то все сказанное и о вопросительных местоимениях (о значении их изменении, образовании и т. п.), относится и к относительным местоимениям. Отметим только словами Багаева, что «если местоимение *чи* (и в именительном и в косвенных падежах) как вопросительное местоимение указывает только на лицо, то в значении относительного местоимения может указывать не только на лица, но и на другие предметы, как живые, так и неживые. Например: Нæ уыдис ахæм дыууæ цæсты, æмæ Залдузмæ кæсгæйæ æнæ тыххæй атонгæ æндæрæрдæм аздæхын *чи* бакуымд-таид «Не было таких двух глаз, которые бы, смотря на Залдуз, можно было без усилия повернуть в другую сторону» (Мамс. Д.)» [Багаев 1965: 254].

Осетинские относительные местоимения в предложении выступают в качестве союзных слов.

Неопределенные местоимения представлены так: *чидæр* «кто-то», *цыдæр* «что-то», «какой-то», *цавæрдæр* «какой-то», *кæцондæр* «откуда-то», *чердыгондæр* «откуда-то», *цыхуызæндæр* «какой-то», *цахæмдæр* «какой-то», *кæцырдыгондæр* «откуда-то», *исчи* «кто-нибудь», *исты* «что-нибудь», «какой-нибудь», *искаæцы* «какой-нибудь», «который-нибудь», *искаæцон* «откуда-нибудь», *исчердыгон* «откуда-нибудь», *искаæцырдыгон* «с какой-нибудь стороны», *истыхуызон* «какой-нибудь», *цыдæрхуызон* «какой-то», *цыдæрхуызæн* «какой-то», *цалдæр* «сколько-то», *цалæмдæр* (цалæймагдæр) «который-то» (по счету), *цалдæргай* «по сколько-то», *цасдæр* «сколько-то», *иуæй-иу* «некоторые», *иу* «один» (в значении «какой-то»), *йед* «этот».

Н.К. Багаев этому типу местоимений дает следующую четкую характеристику: «Неопределенные местоимения *чидæр*, *цыдæр*, *кæцыдæр*, *цавæрдæр*, *цахæмдæр*, *цыхуызæндæр*, *кæцондæр*, *кæцырдыгондæр*, *чердыгондæр*, *цалдæр*, *цалæмдæр* (цалæймагдæр), *цалдæргай*, *цасдæр*, *исчи*, *исты*, *искаæцы*, *истыхуызæн*, *искаæцон*, *искаæцырдыгон*, *исчердыгон*, образованные от вопросительно-относительных местоимений *чи*, *цы*, *кæцы*, *цавæр*, *цахæм*, *цыхуызæн*, *кæцон*, *кæцырдыгон*, *цал*, *цалæм* (цалæймаг), *цалгай*, *цас* посредством суффикса-частицы *-дæр* и префикса-частицы *ис-*, и производное местоимение *йед* указывают на отсутствие определенности, выясненности предметов, признаков, количеств, а местоимение *иуæй-иу*, образованное путем редупликации количественного числительного *иу*, — на частичность, неполноту охвата предметов» [Багаев 1965: 254 – 255].

Определенные местоимения: *алы* «всякий», «каждый», *алчи* «всякий», *алцы* «все», *алкаæцы* «всякий», *чидæриддæр* (*чидæрид*) «всякий», «каждый», *цыдæриддæр* (*цыдæрид*) «всё», *кæцыдæриддæр* «всякий», *цавæрдæриддæр* «всякий»,

цахæмдæриддæр «какой бы ни», *кæцондæриддæр* «откуда бы ни», *чердыгондæриддæр* «с какой бы стороны ни», *цыхуызæндæриддæр* «любой», «всякий», *кæцырдыгондæриддæр* «с какой бы стороны ни», *æппæт* «весь», «всё», *не 'ппæт* «мы все», *уе 'ппæт* «вы все», *сеппæт* «они все», *алцыппæт* «всё», *æгас* «весь», «целый», *негас* «мы все», *уегас* «вы все», *сегас* «они все», *чи-фæнды* «кто бы ни», *цы-фæнды* «что бы ни», «какой бы ни», *кæцы-фæнды* «который бы ни», *цавæр-фæнды* «какой бы ни», *цыхуызæн-фæнды* «какой бы ни», *кæцон-фæнды* «откуда бы ни», *кæцырдыгон-фæнды* «откуда бы ни / с какой бы стороны ни», *чердыгон-фæнды* «откуда бы ни», *цалдæриддæр* «сколько бы ни», *цалæмдæриддæр* «какой бы ни» {по счету), *цалдæриддæргай* «по сколько бы ни», *цасдæриддæр* «любое количество», *цал-фæнды* «сколько бы ни», *цалæм-фæнды* «который бы ни», *цалгай-фæнды* «по сколько бы ни», *цасфæнды* «сколько бы ни».

Итак, в разряд определенных местоимений входит значительно большее количество слов, чем в другие разряды. Они выражают «отношение к полноте охвата, завершенности, исчерпанности, также подводят итог и констатируют, что охват лиц или предметов, признаков их является полным.

По мнению Н.К. Багаева, одни из этих местоимений по своему составу «являются непроеизводными (*алы*, *æппæт*, *иннæ*, *аннæ*, *æндæр*, *æгас*), другие – производными при помощи частиц-аффиксов (*чидæриддæр*, *цыдæриддæр*, *кæцыдæриддæр*, *кæцондæриддæр*, *цавæрдæриддæр*, *цыхуызæндæриддæр*, *цалдæриддæр*, *цавæрдæриддæр* и др.), третьи – производными при помощи словосложения (*алчи*, *алцы*, *алкæцы*, *алцыппæт*, *неппæт*, *уеппæт*, *сеппæт*, *негас*, *уегас*, *сегас** *чи-фæнды*, *цы-фæнды*, *цавæр-фæнды*, *кæцыфæнды*, *цал-фæнды*, *цас-фæнды* и др.) [Багаев 1965: 259].

Осетинские определенные местоимения в сочетаниях с определяемыми словами – именами существительными – составляют

акцентуальные комплексы, т. е. произносятся с определяемыми существительными с одним ударением. В предложении в функции определения, так и в функции других членов определенные местоимения всегда бывают носителями ударения, поскольку они все представляют собой либо двусложные, либо многосложные слова.

Отрицательные местоимения указывают на отсутствие лица или предмета, их признаков, количества: *ничи* «никто», *ницы* «ничто», «никакой», *никаџы* «никоторый», *ницавџер* «никакой», *никаџон* «ниоткуда», *никаџырдыгон* «ни с какой стороны» *ничердыгон* «ниоткуда», «ни на что», *ницахџем* «никакой», *ницыхуызџен* (ницыхуызон) «никакой», «ни на что не похожий», *ниџал* «нисколько», *ниџалџем*, *ниџалџеймаг* «никоторый», *ниџалгай* «нипосколько», *ниџас* «нисколько», *ниџасгай* «нипосколько», *мачи* «никто», *маџы* «никто», «никакой», *макаџы* «никакой», «никоторый», *макаџон* «ниоткуда», *макаџырдыгон* (мачердыгон) «ниоткуда», *маџыхуызџен* (*маџыхуызон*) «никакой (по виду, цвету)», *маџахџем* «никакой», *ниџуал* «никто больше», *мачиуал* «никто больше», *маџуал* «ничто больше», «никакой больше», *никаџуал* «никоторый больше», *макаџуал* «никоторый больше», *никаџонуал* «ниоткуда больше», *макаџонуал* «ниоткуда больше», *никаџырдыгонуал* «ниоткуда больше», *макаџырдыгонуал* «ниоткуда больше», *ничердыгонуал* «ниоткуда больше», «ни на что больше», *ниџуалхуызџен* «никакой больше», «ни на что больше не похожий», *маџуалхуызџен* «никакой больше», «ни на что больше не похожий».

Особенностью употребления отрицательных местоимений в осетинском языке является то, что при наличии их в предложении при сказуемом-глаголе отрицательные частицы *наџ*, *ма* больше не употребляются.

Ударение в комплексах: отрицательное местоимение + существительное падает всегда на местоимение, причем на первом сло-

ге, так как все эти местоимения являются двусложными или многосложными словами с сильным гласным и в первом слоге. Таким образом, все отрицательные местоимения бывают в предложении ударными словами.

Количественные местоимения: а) определенно-количественные: *бирæ* «много», *дзæвгар* «порядочно», *чысыл* (*гыццыл*) «мало», «немного», *цъус* «мало», «немного», *къорд* «несколько»; б) неопределенно-количественные: *иудзæвгар*, *иучысыл* (*иугыццыл*), *иуцъус*, *иукъорд*.

Количественные местоимения по своему значению соотносительны с количественными числительными. Они выражают неопределенные большие или малые количества. От числительных количественные местоимения по значению своему отличаются тем, что первые, т. е. числительные, всегда являются точным количественным определителем существительных, а количественные местоимения не обладают таким определенным счетно-числовым значением, в них понятие большого или малого количества не дифференцируется.

Н.К. Багаев подчеркивает, что: «В сочетании с именами существительными в функции определения количественные местоимения не изменяются, например: *бирæ сывæллæттæ*, *бирæ сывæллæтты*, *бирæ сывæллæттæн*; *чысыл адам*, *чысыл адамы*, *чысыл адамæн*, *чысыл адаммæ*; *иукъорд адаймæгтæ*, *иукъоод адаймæгты*, *иукъорд адаймæгтæй*, *иукъорд адаймæгтимæ* и т. д. Вне сочетаний с именами существительными количественные местоимения склоняются, как имена существительные, причем форма множественного числа образуется только от слов *бирæ*, *чысыл*, *гыццыл*, *цъус*, *дзæвгар*: *бирæтæ*, *чысылтæ*, *гыццылтæ*, *цъустæ*, *дзæвгартæ*» [Багаев 1965: 268].

Итак, как показывает вышеприведенная классификация, в персидском языке отсутствуют притяжательные и относительные ме-

стоимения. Но у Ю.А. Рубинчика мы находим, что отсутствие относительных местоимений в персидском «восполняется наличием группы местоименных подчинительных слов, которые вместе с подчинительным союзом *ke* вводят эти придаточные предложения. Характеристика местоименных подчинительных слов дается в синтаксической части «Грамматики», при рассмотрении средств связи сложноподчиненных предложений с придаточными определительными» [Рубинчик, 2001: 169].

Способы выражения принадлежности с помощью личных и слитных местоимений рассматриваются ниже, при характеристике этих разновидностей.

В персидском языке, как уже отмечалось, отсутствуют притяжательные местоимения, но «при необходимости выразить принадлежность одному из трех лиц используются личные местоимения (наряду с энклитическими местоимениями), которые в качестве определения с помощью изафета присоединяются к предшествующему слову: *ketāb-e man* «моя книга», *mādar-e to* «твоя мать», *xāne-ye mā* «наш дом», *dānešyār-e šomā* «ваш преподаватель». Таким образом личные местоимения выполняют функцию притяжательных» [Рубинчик 2001: 170].

Синонимы личных местоимений нашли в персидском языке широкое применение, получив при этом название «вежливые эквиваленты». По описаниям Ю.А. Рубинчика, некоторые из них свойственны главным образом эпистолярному стилю, что употребление вежливых эквивалентов расширяет стилистические возможности языка, что в качестве вежливых эквивалентов личных местоимений используются слова и устойчивые словосочетания, имеющие конкретные лексические значения: *«bande «я»* (букв. «раб»), *čāker «я»* (букв. «слуга»), *haqir «я»* (букв. «ничтожный»), *ahqar «я»* (букв. «ничтожнейший»), *sarkār «вы»* (букв. «госпо-

дин»), *nāmborde* «он» (букв. «вышеупомянутый»), *moazzam[on]lah* «он» (букв. «возвеличенный на него»), *moazzam[on]lahā* «она» (букв. «возвеличенная на нее»)» [Рубинчик 2001: 171-172].

Ю.А. Рубинчик считает, что по своему происхождению они являются либо арабскими заимствованиями (последние составляют большинство), либо словами иранского происхождения. Сюда же он относит и устойчивые словосочетания: «*in jāneb* «я» (букв. «эта сторона»), «*ān jāneb* «вы» (букв. «та сторона»), «*janāb-e āli* «вы» (букв. «высокое превосходительство», «высокий господин»). Все эти слова и словосочетания выступают как синонимы или полные эквиваленты местоимений [Рубинчик 2001: 171-172].

Приведенные автором примеры слов и словосочетаний, выступающих как эквиваленты личных местоимений, относятся к разным стилистическим слоям. «Так, местоименное слово *bande* «я» равнозначно личному местоимению *man* «я» и употребляется в нейтральном и в разговорном стиле. Вежливые эквиваленты личного местоимения 1-го лица ед. числа *čāker*, *haqir*, *ahqar* свойственны эпистолярному стилю и имеют уничижительный характер; *in jāneb* «я», *ān jāneb* «вы» употребляются в официальной деловой переписке. Социально-стилистическое употребление вежливых эквивалентов детерминруется их семантикой и позволяет выделить две группы: вежливо-уничижительные (1-е лицо ед. числа) и вежливо-почтительные (2-е лицо мн. числа и 3-е лицо ед. числа)» [Рубинчик 2001: 172] и еще: «С точки зрения перехода вежливых эквивалентов местоимений в разряд обычных местоимений прономинализации подверглись такие слова и словосочетания, как *bande* «я» (букв. «раб»), *in jāneb* «я», *an jāneb* «вы». По существу, можно говорить о полном превращении их в личные местоимения» [Рубинчик 2001: 172].

Слитные местоимения (местоименные энклитики). В описании персидских местоимений важное место занимают и местоименные энклитики, произносимые слитно с предшествующим словом, не принимая при этом самостоятельного ударения.

Эту группу местоимений из-за несамостоятельности и отсутствия ударения в Грамматике персидского языка Рубинчика называют местоименными энклитиками, энклитическими местоимениями или слитными местоимениями (термин арабской грамматики).

Считается, что эти аффиксоподобные элементы по своему значению соответствуют личным местоимениям, но отличаются от них характером употребления и выполняемым синтаксическим функциям, что они так же четко соотносятся с лицами и имеют формы единственного и множественного числа:

Ед. число	Мн. число
1-е л. — <i>-am</i>	<i>-emān (-emun)</i>
2-е л. — <i>-at (-et)</i>	<i>-etān (-etun)</i>
3-е л. — <i>-aš (-eš)</i>	<i>-ešān (-ešun)</i>

Рубинчик указывает, что по своему происхождению они восходят к соответствующим древнеиранским энклитическим местоимениям в родительно-дательном падеже:

1-е лицо ед. числа *-am* <ср.-перс. *am* <ир. **mai* (ср. др.-перс. *mai*);

2-е лицо ед. числа *-at* <ср.-перс. *at* <ир. **tai* (ср. др.-перс. *tai*);

3-е лицо ед. числа *-aš* <ср.-перс. *aš* <ир. **šai* (ср. др.-перс. *šai*),

что множественное число слитных местоимений образовалось в среднеиранский период из перечисленных выше форм единственного числа путем присоединения суффикса мн. числа *-ān* [Рубинчик 2001: 173].

По мнению Ю.А. Рубинчика, произношение и написание местоименных энклитик имеют некоторые особенности, следующих после слов, оканчивающихся на гласные звуки, например: «После устойчивых гласных *ā*, *u*, *i*:

Ед. число		Мн. число
1-е л.	- <i>yam</i>	- <i>yemān</i>
2-е л.	- <i>yat</i>	- <i>yetān</i>
3-е л.	- <i>yaš</i>	- <i>yešān</i>

и подсказывается, что между гласными слова и местоименной энклитики появляется эпентеза *y*. Звук *ā*: *pā-yam* «моя нога», *pā-yemān* «наша нога» и т.д., что после звука *i* слитные местоимения имеют двоякое произношение и написание:

а) *sandali-yam* «мой стул», *sandali-yemān* «наш стул» и т.д.;

б) *sandali-am* «мой стул», *sandali-mān* «наш стул» и т.д.

После неустойчивого гласного *e*

Ед. число	Мн. число
1-е л. - <i>am</i>	- <i>mān</i>
2-е л. - <i>at</i>	- <i>tān</i>
3-е л. - <i>aš</i>	- <i>šān</i>

[Рубинчик 2001 : 173 – 174].

При наличии нескольких определений при одном определяемом слитные местоимения помещаются в конце, после последнего из них: *pedar-e pir va bimār-aš* «его старший, больной отец», *dasthā-ye qašang-e sefid-at* «твои красивые белые руки» [Рубинчик 2001: 174].

Итак, в современном персидском языке функции слитных местоимений не ограничиваются выражением только принадлежности. Они в предложении способны выражать и косвенные, и прямые объекты, выступая в такой ситуации заместителями имен существительных и личных местоимений.

Указательные местоимения персидского языка, по заключению Ю.А. Рубинчика, в собственно указательном значении в качестве определения ставятся в препозиции к определяемому слову; при этом они не согласуются с ним в числе: *in ašxās* «эти люди», *ān xānehā* «те дома»

О персидских местоимениях *in* и *ān* автор грамматики пишет, что они могут употребляться в качестве личных местоимений 3-го лица, но в этой функции, как уже было отмечено, чаще используются их формы мн. числа и что местоимение *ānhā* «они» является основной формой личного местоимения 3-го лица мн. числа. Формы же ед. числа указательных местоимений, обозначая конкретное лицо или предмет, как и личные местоимения, выступают в роли именных членов предложения – в роли подлежащего и различных дополнений. В этом случае, считает автор, они сочетаются с предлогами и послелогом *-rā*: *Ān raft* «Тот ушел»; *In-rā nadidam* «Этого я не видел»; *Az ān birun raftand* «Они вышли оттуда» (букв. «Из того вышли») [Рубинчик 2001: 177].

Далее Ю.А. Рубинчик характеризует первичные указательные местоимения, считая, что помимо первичных указательных местоимений существуют другие формы, образованные путем сочетания этих двух местоимений с префиксальными частицами – *čon-/čep* – (восходит к предлогу классического персидского *čūn* «как», «подобно») и *ham-* (восходит к усилительной частице *ham* «также», «тоже»): *čonin/čenin* «такой», «подобный», *čonān/čenān* «такой», «подобный», *hamin* «этот же», «этот самый», *hamān* «тот же», «тот самый». Он также считает, что указательные местоимения *čenin* и *čenān* употребляются для указания на лицо либо предмет, подобный данному или тому, о котором уже говорилось: *Čenin kāršenās-i barāye mā lāzem ast* «Такой специалист нам нужен»; *Čenān xodnevis-i-rā lāzem dāram* «Мне нужна такая авторучка». Между местоимениями *čenin* и *čenān* по существу утрачивается противопоставление по принципу «ближний-дальний», заложенное в первичных местоимениях *in* и *ān*, что в указательных местоимениях *hamin* и *hamān* такое противопоставление сохраняется, а в значение еще добавляются оттенки уточнения и усиления: *Hamin ketāb ru-ye*

miz ast «Эта самая книга - на столе»; *Dar hamān ruz mā jam' šodim* «Именно в тот день мы собрались», «В тот же день мы собрались» [Рубинчик 2001: 177 – 178].

Заключительная характеристика персидских указательных местоимений заключается в том, что первичные указательные местоимения *in* и *ān* вступают в сочетание с производными местоимениями *šenin* и *šenān*, образуя сложные слова с местоименным адвербиально-адъективным значением: *inšenin* «такой», «подобный», «так», «таким образом», *ānšenān*, *ānšenin* «такой», «такого рода», «подобный», «так», «таким образом»

Вопросительные местоимения, как известно, служат в языке для узнавания неизвестных или известных лиц или предметов, также их признаков и количества. В персидском, по словам Ю.А. Рубинчика, «выражают вопрос о лице (*ке?* «кто?»), о предмете и его качестве (*че?* «что?», «что за?», «какой?»), о количестве предметов или лиц (*čand?* «сколько?»), о месте, занимаемом лицом или предметом среди им подобных (*kodām?* «какой?», «который (из двух или нескольких)»)» [Рубинчик 2001: 178].

Персидские вопросительные местоимения *ке?* и *че?* встречаются еще и в формах *ki?* и *či?*, что характерно разговорному языку. В составе предложения эти местоимения могут выполнять роль именных членов – подлежащего, дополнения, определения: *Ke āmad?* «Кто пришел?»; *Ke-rā da 'vat kardid?* «Кого вы пригласили?»; *Bā ki sohbat mikonī?* «С кем ты разговариваешь?»; *Daftar-e ki-rā gerefti?* «Чью тетрадь (букв. «тетрадь кого») ты взял?»; *Če šod?* «Что случилось?»; *U če xāhad goft?* «Что он скажет?»; *Az če xošhal-i?* «Чему ты рад?» и еще у него же встречаем, что оба вопросительных местоимения - *ке?* и *се?* произносятся и пишутся слитно с личными формами глагола-связки: *Kisti?* «Кто ты?»; *Injā manzel-e kist?* «Здесь чья квартира?»; *In čist?* «Что это?»; *In sadā čist?* «Что за шум?», «Из-за чего шум?». Однако полная форма глагола-связки

при сочетании с местоимением *ke?* (*ki?*) часто сохраняется неизменной: *To ki hasti?* «Кто ты есть?»; *Šomā ki hastid?* «Вы кем являетесь?» [Рубинчик 2001: 179].

Определительные местоимения, как известно, выражают обобщенный признак. В роли собственно определительных местоимений в персидском выделяются всего лишь два слова: *har* «каждый», «всякий» и *hame* «весь», «все», *hame* имеет форму мн. числа – *hamegān* (употребляется только по отношению к лицам) «все», «все люди», имеет еще производную форму – *hame* – *hamegi* «все», «весь». Местоимение *hame* при сочетании с другими словами находится в препозиции к определяемому слову и соединяется с ним словом посредством изафета: *hame-ye kārmandān-e edāre* «все сотрудники учреждения», *hame-ye šahrhā* «все города», *hame-ye ruz* «весь, целый день» и в отличие от местоимения *har* оно передает еще обобщающе-определяющее значение» [Рубинчик 2001: 180– 181].

Местоимение *u har* всегда используется в качестве определения и никогда самостоятельно не употребляется. Оба эти местоимения, по мнению Ю.А. Рубинчика, активно участвуют в словообразовании и фразеобразовании, в результате чего создаются сложные слова и устойчивые словосочетания со значением определительных местоимений, союзов, прилагательных, наречий: *har yek*, *har kodām* «каждый», «всякий», *har če* «всё, что», «что ни», «сколько ни», *hargune* «всякий», *har ān-če* «всё, что», *har čand* «хотя», «несмотря на то, что», *har vaqt-ke* «всякий раз, когда», *hamečiz* «всё», *hamevaqt* «все время», «всегда», *hameruze* «ежедневный», «ежедневно» [Рубинчик 2001: 180 – 181].

Определительно-возвратные местоимения. Как видно, в современном персидском языке определительно-возвратные местоимения представлены всего тремя местоимениями: *xod*, *xiš* и *xišlan* с приблизительно одинаковым значением «сам», «свой». Но более

употребительным, считает Ю.А. Рубинчик, является местоимение *xod*, а два других имеют архаичный характер и употребляются значительно реже.

В описании определительно-возвратных местоимений *xod* выполняет в языке три функции: 1) выступает в роли местоимения «сам» и может при себе иметь в качестве уточняющего слова либо существительное, либо личное местоимение и при этом «эти слова указывают на то, о ком именно идет речь, и ставятся в препозиции или в постпозиции по отношению к местоимению *xod*. При употреблении уточняющего слова перед местоимением *xod* последнее часто сочетается со слитными местоимениями: *Man xod-am midānam* «Я сам знаю»; *Mohandes xod-aš bāyad tasmim begirad* «Инженер сам должен принять решение». При постановке местоимения *xod* перед уточняющим словом оно связывается с ним изафетом: таким образом достигается выделение того лица или предмета, о котором ведется речь: *xod-e ānhā* «сами они», *xod-e ostād* «сам профессор», *tā xod-e šahr* «до самого города»; 2) Употребляется как притяжательное местоимение со значением «свой»: *Qalam-e xod-at-rā be man bedeh* «Дай мне свою ручку» и 3) Употребляется как возвратное местоимение со значением «себя». В этом случае оно выступает в роли прямого или косвенного дополнения и сочетается с послелогом *rā* или предлогами: *U piš-e xod fekr mikard* «Он думал про себя»; *Man xod-rā dar aine didam* «Я увидел себя в зеркале» [Рубинчик 2001: 182 – 183].

По сведениям из грамматик персидского языка, из архаичных определительно-возвратных местоимений *xiš* и *xištan* в современном литературном языке в значении «свой» (а иногда «сам») можно встретить *xiš*; местоимение *xištan* в языке классического периода чаще встречалось в значении «сам».

Местоимения *xiš* и *xištan* в сочетании с личными местоимениями и местоименными энклитиками не употребляются.

Неопределенные местоимения персидского (как и в других языках, в частности, осетинском) указывают на существующие, но неизвестные, неопределенные лица и предметы.

К числу неопределенных местоимений Ю.А. Рубинчик относит: *ba'zi*, *barxi* «некоторые», «одни», которые по его словам, являются синонимами (взаимозаменяемые), *folān* (или *felān*) «некто», «некий», «такой-то», *folāni* (или *felāni*) «такой-то», «такой-то человек», «некто», «один», в которых в качестве неопределенных местоимений выступают имена существительные *kas*, *šaxs* «человек», «лицо», «личность», *čiz* «вещь», употребляемые обычно с артиклем: *kas-i*, *šaxs-i* «некто», «кто-нибудь», *ciz-i* «нечто», «что-нибудь» и далее он добавляет, что: «допустимо употребление *ba'zi* без суффикса *ba'z-e dānešmandān* «некоторые ученые». В этом случае оно присоединяется к последующему слову при помощи изафета. Однако употребление слова *ba'z* в значении неопределенного местоимения более характерно для языка классической персидско-таджикской литературы, а в современном языке свойственно книжному стилю» [Рубинчик 2001: 183 – 184].

Отрицательное местоимение hič «никакой», «ничто» употребляется только с отрицательной формой сказуемого: *U hič nagoft* «Он ничего не сказал». При сочетании с именами ставится всегда в препозиции к ним и усиливает отрицание: *Hič soxan-i nagoft* «Он не сказал ни слова»; *Dar hič ketābxāne-i in ketāb-rā nemišavad peydā kard* «Ни в какой библиотеке этой книги нельзя найти».

Единственное отрицательное персидское местоимение *hič*, сочетаясь с рядом слов (с существительными, местоимениями, числительным *uek* «один»), образует сложные слова – отрицательные местоимения: *hiččiz* «ничто», *hičkas*, *hičyek* «никто», *hičgune* «никакой», *hičkodām* «никто», «никакой». Все эти местоимения также употребляются в отрицательных предложениях, а в вопросительных предложениях местоимения *hičkodām*, *hičgune*, образо-

вавшиеся с участием *hič*, приобретают значение неопределенного местоимения «какой-либо», «какой-нибудь»: *Hičkodām az in nevis-andegān-rā mišenāsīd?* «Вы знаете кого-либо из этих писателей?»; *Hičkodām az in ketābhā-rā pasandidid?* «Вам понравилась какая-нибудь из этих книг?»; *Bā barqarāri-ye hičgune mahdudiyyat-i tox-ālefat mikonid?* «Вы выступаете против установления каких-либо ограничений?» [Рубинчик 2001: 184].

Взаимные местоимения. В грамматиках персидского языка этот разряд местоимений почти не выделяется, кстати, их нет и у Овчинниковой. Но Рубинчик их все же выделяет в своей местоименной классификации и считает, что: «К этому разряду местоимений относятся *ham*, *hamdigar*, *yekdigar*, имеющие одно значение – «друг друга».

Основное значение таких местоимений заключается в указании на взаимодействие и взаимоотношение одного лица (предмета) с другим. В предложении они выступают в роли второстепенных членов предложения – дополнений и определений. В связи с этим они употребляются с различными предлогами и послелогом *ra*, присоединяются к предшествующему имени изафетом: *Ānhā yekdigar-rā salām kardand* «Они поприветствовали друг друга»; *Har ruz bāyad bā yekdigar be farsi sohbat konim* «Каждый день мы должны говорить друг с другом по-персидски»; *Anhā hamdigar-rā busidand* «Они поцеловали друг друга» и здесь же заключает, что взаимное местоимение *ham*, имеющее самостоятельное ударение, следует отличать от совпадающих с ним по звучанию энклитического соединительного союза *ham* «также и», «тоже» и усилительной частицы *ham* «даже»: *Šomā ke qarābat-i-ham bā ham dārid, fowran arize-i xedmat-ešān arz konid* «Так как вы также имеете родство друг с другом, срочно подайте ему заявление»; *Telefon-ham nakard* «Он даже не позвонил по телефону»; *Agar-ham biyāyad...* «Если он даже придет...» и что местоимение *ham* в персидском не употребля-

ется с послелогом *-rā*: *Dast-e ham fešordim* «Мы пожали друг другу руки» [Рубинчик 2001: 185].

Итак, отметим, что представленные классификации по местоимениям в осетинском и персидском языках чуть-чуть отличаются, ведь каждый язык имеет свои языковые особенности.

Так как местоимения не обладают какими-либо морфологическими или синтаксическими характеристиками, отличающими их от других частей речи, в нашей ситуации мы можем выделить их главный признак, который даст им возможность относить их к самостоятельной части речи – это их дейктическое значение.

Известно, что все местоимения могут выполнять функции как главных членов предложения, так и второстепенных, но это будет зависеть от позиции, которую принимают заменяемые ими имена существительные, прилагательные и числительные.

Глава 2

ГЛАГОЛ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОСЕТИНСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

В морфологии осетинского и персидского языков центральное место занимает глагол – богатая грамматическими категориями часть речи, имеющая огромное количество значений и выступающая основным «строительным материалом» любого текста. На современном этапе эта часть речи и в осетинском, и в персидском языкознании изучена достаточно широко – имеется немало работ, посвященных исследованию отдельных аспектов этой богатейшей части речи, однако до сих пор и в персидском, и в осетинском языкознании многие вопросы остаются или спорными, или нерешенными.

Как в осетинском, так и в персидском языках под лексическим значением глагола понимается его способность обозначать действия и состояния как процесс, протекающий во времени: *Уый фарон æрбаздæхт фæсарæнтæй - Sāl-egozašteazxārejebār-gastebud* «Он в прошлом году вернулся из-за границы»; *Чызг фынæй кæны Doxtar xābast* «Девочка спит». В обоих языках грамматические формы глаголы выражают характер протекания реального, предполагаемого, желаемого или утверждаемого (в персидском еще и отрицаемого) действия во времени, отношения действия к объекту или субъекту, соотношение действия с моментом речи.

В сопоставляемых языках в системе глагола есть спрягаемые и неспрягаемые формы, при этом спряжение осетинских глаголов

различно в прошедшем времени для переходных и непереходных, то есть налицо два типа спряжения, в то время как все персидские глаголы имеют один тип спряжения. Спрягаемые формы изменяются по лицам, временам и наклонениям. Глаголу в обоих языках не свойственная категория рода, а категория числа выражается личными формами глаголов. Неспрягаемыми формами глагола в осетинском языке считаются инфинитив, причастие и деепричастие, а в персидском – инфинитив и причастие.

В зависимости от типа образования глаголы в обоих языках делятся на простые (синтетические) и сложные (аналитические). Простые глаголы образуются от глагольных основ: в осетинском форма простого глагола может быть представлена только основой (*бад* «сиди»), превербом и основой (*сбад* «садись»), основой и личным окончанием (*бадыс* «сидишь»), превербом, основой, суффиксом и личным окончанием (*сбадтыстæм* «(мы) сели»); в персидском в образовании простого глагола участвуют только основы (*kubidan* «бить») или основы с префиксами (*bar-āmadan* «подниматься»). Сложные глаголы состоят из двух (в осетинском) или более (в персидском) слов, при этом в состав сложного глагола всегда входит служебный глагол.

2.1. Основы глаголов

В сопоставляемых языках все простые глаголы имеют по две основы – основу настоящего времени и основу прошедшего времени, которые, помимо выражения лексического значения глагола, указывают на время совершения действия. Как указывает Н.К. Багаев, в осетинском языке «Основа настоящего времени от всех глаголов, кроме *уæвын* «быть», получается путем исключения из форм настоящего времени изъявительного наклонения личного

окончания (любого лица) или путем исключения из форм инфинитива суффиксов *-ын*, *-æн*. Так, от глаголов *фыссын* «писать», *бадын* «сидеть», *худын* «смеяться», *цæрын* «жить», *цæуын* «ходить», *хъауын* «употреблять», «расходовать», *хъæуын* «быть нужным», *нымайын* «считать» основы настоящего времени будут *фысс-*, *бад-*, *худ-*, *цæр-*, *цæу-*, *хъау-*, *хъæу-*, *нымай-*.

За очень редким исключением основа настоящего времени совпадает с формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, например: *фысс*, *бад*, *худ*, *цæр*, *хъау*, *нымай*. Исключения составляют в этом отношении глаголы: *уæвын* «быть», который не имеет особой основы настоящего времени, *кауын*, *цæуын*, *хъæуын*, имеющие в основе настоящего времени *кау-*, *цæу-*, *хъæу-*, а во 2-м лице единств. числа повелительного наклонения *ку*, *цу*, *хъу*» [Багаев 1965: 290]. О двух глагольных основах говорится и в трудах В.И. Абаева [Абаев 1959: .47], Т.Т. Камболова [Камболов 2006: 349], «Грамматике осетинского языка» под ред. Г.С. Ахвледиани [Ахвледиани 1963: 218]. В осетинском языкознании существует и другая точка зрения на количество глагольных основ, принадлежащая Х.А. Таказову, который утверждает, что третья глагольная основа – основа будущего времени – состоит из корня и суффикса будущего времени *-дзын* / *-дзæн* / *-дзы*, так как суффикс, «слившись с корнем глагола (или основой настоящего времени), действительно дал с последним единое составное образование» [Таказов 1992b: 96]. Этой же точки зрения придерживаются авторы вузовского учебника современного осетинского языка [Джусоева и др. 2004: 104]. Относительно выделения в осетинском языке третьей глагольной основы совершенно справедливым представляется возражение А. Выдрины: «Если единственным аргументом в пользу выделения еще одной основы является наличие специального суффикса будущего времени, то, не привлекая данные диахронии, в осетинском языке следует выделять не только основу

будущего времени, но также основу контрафактива (основа прошедшего времени + «показатель» -а-) и основу прошедшего времени для переходных глаголов (основа прошедшего времени + показатель переходности -т-)» [Выдрин, 2014: 66].

Основа настоящего времени в обоих языках совпадает с корнем и выделяется путем исключения показателя инфинитива (-ын /-æн в осетинском и -ап в персидском): *дзурын* – *дзур*, *goftan* – *goft* «говорить» *уынын* – *уын*, *didan* – *did* «видеть».

В осетинском основы настоящего времени исходят на согласные: 1) одиночные согласные: *бад* – *бадын* «сидеть», *зон* – *зонын* «знать», *кур* – *курын* «просить»; 2) на удвоенные согласные: *хæсс* – *хæссын* «нести», *лауу* – *лаууын* «стоять», *сæтт* – *сæттын* «ломать»; 3) на группу согласных: *кæрд* – *кæрдын* «косить», *мæрз* – *мæрзын* «мести», *бырс* – *бырсын* «нападать». От основы настоящего времени образуются формы настоящего и будущего времен изъявительного наклонения (*бад-ын* «сизжу», *бад-дзынæн* «буду сидеть»), настояще-будущего времени желательного наклонения (*бад-ин* «(я) сидел бы»), настояще-будущего времени сослагательного наклонения (*дзур-он* «чтобы (я) говорил»), повелительного наклонения (*бад* «сиди»), причастные формы с суффиксами -æг, -аг, -инаг, -гæ, -æн, -æггаг (*бад-æг* «сидящий», *бад-аг* «(часто, обычно) сидящий», *бад-инаг* «намеревающийся сесть», *бад-гæ* «сидящий», *бад-æн* «для сидения», *бад-æггаг* «за сидение»), а также основы инфинитива (*бад-ын* «сидеть», *бад-æн* «возможность сидеть»).

От основы настоящего времени образуется основа прошедшего времени – путем прибавления суффиксов -д, -т, -ст, -ыд, -ад: *бад-ын* – *бад* – *бад-т* –(т)*æн* «(я) сидел», *кал-ын* – *кал* – *кал-д-тон* «(я) лил», *æхсын* – *æхс* – *æхс-ад-тон* «(я) стирал», *змæл-ын* – *змæл* – *змæл-ыд-тæн* «(я) шевелился», *ахор-ын* – *ахор* – *ахуыр-ст-(т)он* «(я) красил». При этом во многих глаголах происходят фонетиче-

ские изменения, как то чередование гласных, чередование согласных, выпадение согласных, ассимиляция согласных.

Более сложные отношения между основами настоящего и будущего времен в персидском языке: в зависимости от характера соотношения основ все глаголы делятся на три группы: : 1) правильные, которые образуют основу прошедшего времени путем прибавления к основе настоящего времени суффиксов *-d* или *-id-*: *residan* «достигать» – *ras-* (основа настоящего времени) – *rasid* (основа прошедшего времени); 2) подобноправильные и 3) неправильные, основы прошедшего времени которых отличаются от основ настоящего времени морфонологическими характеристиками и не образуются путем присоединения суффиксов *-d* или *-id*. Основы прошедшего времени исходят на согласный *-t* (после глухих согласных: *andāxt* – *andāxtan* «бросать») или согласный *-d* (после гласных и звонких согласных: *rasid*–*rasidan* «достигать»).

Таким образом, отличие в соотношении основ настоящего и прошедшего времен в сопоставляемых языках заключается в следующем: все осетинские глаголы образуют основу прошедшего времени от основы настоящего времени путем присоединения перечисленных выше суффиксов, причем в одной группе эти суффиксы присоединяются к чистой основе настоящего времени, в другой же при образовании основы прошедшего времени происходят фонетические изменения; в персидском же только правильные глаголы имеют основу прошедшего времени, образованную от основы настоящего времени, а подобноправильные и неправильные глаголы образуют основы прошедшего времени иным образом. Образование форм прошедшего времени осетинских и персидских глаголов более подробно рассматривается ниже.

2.2. Инфинитив

Неопределенная форма глагола в обоих языках по своим семантическим и грамматическим характеристикам достаточно тесно соотносится с существительными и прилагательными.

В современном осетинском языкознании принято выделять две инфинитивные формы – с исходом на *–ын* и на *–æн*: *кусын* «работать», *куæн* «(возможность) работать» [Багаев 1965: 274; Таказов 1992b: 22; Джусоева и др., 2004: 102], при этом второй инфинитив имеет только одну синтаксическую функцию – именной части составного сказуемого в безличном предложении: *«мæнæн дзурæн нæй, дæуæн куæн уыдзæн, уымæн хæрæн ис»* [Джусоева и др. 2004: 102] «мне нельзя говорить, тебе можно будет работать, ему можно есть». Однако существует и другая точка зрения (которой придерживаются и авторы данной работы), согласно которой в осетинском языке есть только один инфинитив – на *–ын*: «Глагольная форма, которую можно назвать инфинитивом, образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса *–ын* (она совпадает с формой 1 лица настоящего времени изъявительного наклонения): *цауын* «идти», *касын* «смотреть», *фыссын* «писать», *дуцын* «дойти». Форма эта может изменяться по падежам и даже числам и поэтому должна рассматриваться как глагольное имя» [Абаев 1956: 66]. «Инфинитив в современном осетинском языке образуется путем прибавления суффикса *-ын* к основе настоящего времени» [Ахвледиани 1963: 267]. Этой же точки зрения придерживается и Т.Т. Камболов: действительно, при помощи суффикса *–æн* в осетинском языке образуются имена со значением орудия, средства, места действия [Камболов 2006: 377], в случае же образования отглагольного имени оно имеет значение возможности / невозможности действия. А. Выдрин отмечает, что суффикс отглагольного имени *–æн*, образующегося от основы настоящего времени глаго-

ла, «с одной стороны омонимичен показателю дативного падежа, а с другой стороны сближается по своим функциям с показателем инфинитива -ын» [Выдрин 2014: 101], вследствие чего эти формы употребляются в функции определения, в качестве субстантивированного имени, в фацитивно-дифицитивной конструкции и в конструкции внешней возможности [Там же].

Морфологически современный персидский инфинитив разлагается на два компонента: основу прошедшего времени и специальный формант – суффикс –an: *kardan* «делать» образован от основы прошедшего времени *kard* и суффикса –an; *goftan* «говорить» разлагается на основу прошедшего времени – *goft* и суффикс –an; *didan* «видеть» состоит из основы *did* и суффикса –an (табл. 1).

Таблица 1

Образование инфинитива

Осетинский язык		Персидский язык		
основа настоящего времени	суффикс -ын	основа прошедшего времени	суффикс -an	
ныхас-	-ын	chasband-	-an	вклеивать
цæгъд	-ын	zad-	-an	играть на музыкальном инструменте
бад-	-ын	nesasht-	-an	сидеть
лæуу-	-ын	istad-	-an	стоять

В сопоставляемых языках инфинитив сочетает в себе свойства глагола и имени. Как и финитные глаголы, он распространяется словами в функции прямого или косвенного дополнения и обстоятельства: *фыстæг фыссын – name neveshtan* «писать письмо»; *дард лæууын – dur istadan* «далеко стоять».

Синтаксические функции инфинитива в обоих языках сходны с функциями существительного: подобно ему, инфинитив чаще

всего выступает в предложении в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства, части составного сказуемого.

Инфинитив в осетинском языке склоняется подобно имени (см. табл. 2).

Таблица 2

**Склонение инфинитивной формы
осетинского глагола кусын «работать»**

Именительный падеж	кусын
Родительный падеж	кусын-ы
Дательный падеж	кусын-æн
Направительный падеж	кусын-мæ
Отложительный падеж	кусын-æй
Местно-внешний падеж	кусын-ыл
Союзный падеж	кусын-имæ
Уподобительный падеж	кусын-ау

В функции именной части составного сказуемого инфинитив может иметь форму множественного числа. Как правило, сочетание *инфинитив во множественном числе + финитный глагол* (чаще всего это глагол со значением начала какого-либо активного и долго длящегося действия: *райдыдта* / *байдыдта* «начал», *схæцыд* в знач. «начал» (букв. потянул, начал поднимать), *балæууыд* в знач. «начал» (букв. встал рядом, придвинулся), *бавнаелдта* в знач. «начал» (букв. дотронулся, тронул) имеет значение начала какого-либо продолжительного действия: *кусын-т-æ райдыдта* «начал работать» (и много работал), *бадынтæ байдыдта* «начал сидеть» (и долго сидел), *дзурын-т-ыл схæцыд* «начал говорить» (и долго говорил), *ахуыр кæнын-т-æ райдыдта* «начал учиться» (и учился интенсивно, долго). В сочетании с финитным глаголом *схæцыд* инфинитив во множественном числе стоит в форме внешне-местно-

го падежа: *бадын-т-ыл схæцъд* (стал сидеть, сидел долго), *ныхас кæнын-т-ыл схæцъд* (начал говорить и говорил долго), *фауын-т-ыл схæцъд* (начал охаивать, критиковать и делал это долго и интенсивно).

В.И. Абаев в данной семантике усматривает не длительность, а «повторность» действия, которая «может быть выражена сочетанием множественного числа причастия прошедшего времени с глаголом *кæнын* «делать»: *кæсын* «смотреть», *кæстытæ кæнын* «посматривать»: *фæйнардæм акастытæ кодта* «он посмотрел по сторонам»...» [Абаев 1956: 61]. Авторы данного труда усматривают здесь не причастия прошедшего времени, а отглагольные имена. Этот вывод подтверждается и утверждением самого В.И. Абаева о том, что «длительность и повторяемость выражаются удвоением глагольной основы, снабженной приставкой, в сочетании с *кæнын* «делать»: *кæсын* «смотреть», основа *кæс-*, отсюда *акаес-акаес кæнын* «выглядывать», *дзурын* «говорить», основа *дзур-*, отсюда *радзур-бадзур кæнын* «переговариваться (долго)», а также: «этот способ выражения длительности возможен не только от глаголов, но также от имен и наречий: *ратаæрхон-батаæрхон кæнынц*, *цамæй ма цæрдзысты*, *ууыл* «судят-рядят, чем они еще будут жить» [Там же]. Таким образом, длительность и повторяемость действия в осетинском языке выражается двумя способами: 1) чисто глагольным, то есть сочетанием множественного числа инфинитива в прямом или косвенном падеже и 2) сочетанием отглагольных имен, образованных по типу причастий прошедшего времени или путем удвоения глагольной основы настоящего времени с вспомогательным глаголом *кæнын* «делать».

По мнению Н.К. Багаева, указанные свойства осетинского инфинитива дают основание для следующего вывода: «неопределенная форма глагола по своему значению (название действия, процесса без отношения к предмету), грамматическим признакам

(изменяется по падежам» и синтаксической функции (выступает в роли главных и второстепенных членов) может быть отнесена к именным формам глагола, т.е. к отглагольным существительным» [Багаев 1965: 275]. Однако авторы данной работы склонны рассматривать осетинский инфинитив не как отглагольное имя, а как личную форму глагола, которая по своим грамматическим и семантическим свойствам достаточно тесно соприкасается с именами.

По сравнению с осетинским, персидский инфинитив обладает еще более широким спектром именных характеристик. Так, он может иметь отрицательную форму, образующуюся при помощи отрицательной частицы *na*: *nakardan* «не делать, неделание», *nagofta* «не говорить, неговорение». Отметим, что в осетинском языке отрицательные префиксы *на-* «не», *æнæ-* «без», *æ-* (усеченная форма от *æнæ-*) присоединяются чаще всего к прилагательным (*æнæзонд* «безмозглый», *æнамонд* «несчастный», *æдых* «бессильный») и именным формам глагола - причастию (*æнæконд* «несделанный») и деепричастию (*æнæдзургæйæ* «молча, не говоря»). В отличие от личных глаголов, которые также могут иметь отрицательные формы, ударение в отрицательной форме инфинитива приходится не на первый, а на последний слог.

Как известно, персидскому языку чужда категория падежа, однако с функциями косвенных падежей успешно справляются другие средства, в том числе изафет. Изафетный показатель может принимать, в том числе, инфинитив: «в роли главного члена может выступать инфинитив глагола, который по значению принципиально не отличается от отглагольного имени: *ندروآرب ياضاقت نم* – *barāvarda-e taghāzā-ye man* – удовлетворение моей просьбы; *اضما ندرک داداراق* – *emzā kardan-e gharārdād* – подписание договора. Инфинитив может также выступать в роли распространяющих членов изафетных словосочетаний: *يوزرا نديد وا* – *ārezu-ye didan-e ou* – желание ее увидеть; *دادعتسا راک ندرک* – *est'edād-e kār kardan* –

способность работать» [Мохаммади 2014: 69-70]. Как отмечает Ю.А. Рубинчик, хотя инфинитиву и свойственно выступать во всех основных функциях существительного, однако он сохраняет черты глагола, что не дает возможности говорить о его полной субстантивации [Рубинчик 20021: 266].

В отличие от осетинского, в персидском языке инфинитив имеет также усеченную форму, морфологически совпадающую с основой прошедшего времени (инфинитив минус суффикс *-an*): от полной формы инфинитива *dānestan* (знать) образуется краткая форма *dānest* и т.п.

Ю.А. Рубинчик выделяет следующие условия использования усеченного инфинитива: 1) в составе аналитической формы будущего времени: *bar xāhim gašt* «возвратимся»; 2) в безличных модальных оборотах: *bāyad raft* «надо уходить»; 3) после личных форм модального глагола *tavānestan* «мочь»: *mitavānam goft* «могу сказать» [Рубинчик 2001: 269].

Формально персидские усеченные инфинитивы соответствуют основе прошедшего времени осетинского глагола, который, по сути, является причастием или отглагольным существительным (*мæрзын* «мести» - *мæрзт* «подметенный», «подметание»; *зæгъын* «сказать» - *зæгъд* «сказанный», «то, что сказано») и также употребляется в безличных конструкциях: *уымæн зæгъд уыдис* «ему было сказано».

Персидский инфинитив также тесно примыкает к классу имен по своим грамматическим и семантическим характеристикам, однако нет оснований для отнесения его к именам. В пользу глагольной природы инфинитива свидетельствуют следующие признаки: 1) инфинитив всегда соотносится по значению с личными формами глаголов; 2) от инфинитива при помощи суффикса *-i* образуются причастия долженствования (причастия будущего времени) [Восканян 1955: 5]; 3) инфинитив распространяется теми же словами,

что и личные формы глагола, то есть образует инфинитивный оборот с прямыми и косвенными дополнениями и обстоятельствами; *Barāye u nāme neveštan kāfi nabud* «Писать только письма ему было недостаточно»; *Darbāre-ye gozašte qasāvat kardan āsān ast* «Судить о прошлом – дело легкое»; *Xub tahsil kardan vazife-ye šomā ast* «Хорошо учиться – ваша обязанность»; 4) как и личные глаголы, инфинитив может выражать переходное и непереходное (активное и пассивное) значение. Практически все эти характеристики (за исключением способности образовывать причастие) присущи и осетинскому инфинитиву.

В обоих языках от инфинитива образуется каузативная форма. Разница заключается в следующем. Ю.А. Рубинчик отмечает способность инфинитива некоторых персидских глаголов (то есть не всех, а только некоторых) образовывать каузативные формы с помощью суффикса *-an*, который присоединяется к основе настоящего времени, и основообразующих суффиксов *-id* и *-d*. При этом инфинитивы непереходных глаголов становятся переходными (*residan* «достигать» - *rasāndan* «доставлять», *gozaštan* «проходить» - *gozarāndan* «проводить», а инфинитивы переходных глаголов, в свою очередь, получают побудительное значение, то есть выражают побуждение к какому-либо действию или состоянию [Рубинчик, 2001: 268]. Каузативные формы образуются, в основном, от простых глаголов, но могут быть образованы и от префиксальных: *bar-gaštan* «возвращаться» - *bar- gardanidan* «возвращать».

В осетинском же побудительная (или каузативная) форма образуется от всех глаголов (простых и сложных, переходных и непереходных) путем сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *кæнын* «делать»: *фыссын* «писать» - *фыссын кæнын* «заставлять писать», *æнхъæлмæ кæсын* «ждать» - *æнхъæлмæ кæсын кæнын* «заставлять ждать», *мæсты кæнын* «сердиться» - *мæсты кæнын*

канын «заставлять сердиться». Исключение составляют сложные глаголы совершенного вида, образуемые при помощи глаголы *уавын* «быть»: *бахæццæ уавын* «прибыть», *сахуыр уавын* «привыкнуть». От них каузативные формы образуются путем сочетания с глаголом *канын* «делать» не инфинитива сложного глагола, а только его именной части: *бахæццæ канын* «доставить», *сахуыр канын* «научить», «заставить привыкнуть».

Как и в персидском, инфинитив непереходного глагола в каузативной форме «принимает значение переходности, причем субъект (производитель) основного действия выступает в значении прямого объекта (дополнения) в винит. падеже. Например: *Фысым сбæдын кодта уазджыты* «Хозяин усадил (заставил сесть) гостей», *Лæппу бæлоны атæхын кодта* «Мальчик заставил голубя улететь» [Багаев 1965: 339].

Таким образом, инфинитив в сопоставляемых языках демонстрирует больше сходств, чем различий.

2.3. Простые глаголы

Структурно-словообразовательная классификация глаголов в осетинском и персидском языках имеет как общие черты, так и достаточно серьезные различия. Так, в осетинском языке традиционно принято выделять два структурных типа глаголов: простые (состоящие из одного слова) и сложные, или составные (состоящие из двух компонентов – именной части и вспомогательного глагола). От простых глаголов образуются так называемые перифрастические выражения (перифрастические глагольные выражения у [Выдрин 2014: 98] или, по терминологии Н.К. Багаева, сложные (перифрастические) формы. В персидском языкознании существуют разные подходы к классификации глаголов, однако наибольшее

распространение получила классификация, согласно которой выделяются три типа глаголов: простые, префиксальные и сложные. Простыми называются глаголы, инфинитив которых состоит из двух морфем: основы прошедшего времени и суффикса *-an*. В отличие от простых, префиксальные глаголы имеют в составе инфинитива словообразующие префиксы (превербы). Заметим, что такой тип глаголов в осетинском языке не может быть выделен, так как все восемь превербов являются, в основном, формообразующими, а не словообразующими.

Примечательно, что число простых глаголов в сопоставляемых языках невелико, причем их количество не увеличивается (то есть новые простые глаголы в языках не появляются). Так, относительно осетинского языка Н.К. Багаев утверждает, что простых глаголов в нем немногим более четырехсот [Багаев 1965:269]. Еще меньше простых глаголов в персидском языке – не более трехсот [Рубинчик 2001: 205; Сухорукова 2016: 495 и др.].

В основе деления персидских простых глаголов на разные структурные типы (правильные, подобноправильные и неправильные) лежит соотношение основ настоящего и прошлого времени.

Так, *правильными* принято считать простые глаголы, основа прошедшего времени которых образуется от основы настоящего времени путем присоединения к ней суффикса *-d* или *-id*. В осетинском языке им соответствуют глаголы, которые образуют основу прошедшего времени путем присоединения к основе настоящего времени суффикса *-t* или *-d*: «В простейших случаях основа прошедшего времени образуется от основы настоящего времени присоединением *t* или *d* без изменения гласного» [Абаев 1959: 49]. То есть, речь идет о не очень большой группе глаголов, основа прошедшего времени которых представляет собой основу настоящего времени+ суффикс *-t* или *-d*. Отметим, что в некоторых случаях основа прошедшего времени может образовываться при помощи

двух суффиксов: при этом один суффикс оформляет основу, совпадающую с причастием, другой – основу личной формы глагола.

Таблица 3

Правильные глаголы в персидском языке

Основа настоящего времени	Суффикс	Основа прошедшего времени	Инфинитив
- rān-	- -d	rānd-	rāndan (гнать)
- kub-	-id	kubid-	kubidan (ударять)

Таблица 4

«Правильные» глаголы в осетинском

Основа настоящего времени	Суффикс	Основа прошедшего времени	Инфинитив
къах-	-т	къахт-	къахын «копать»
бад-	-т	бадт-	бадын «сидеть»
дас-	-т	даст-	дасын «брить»
хъаз-	-т; -ыд	хъазт хъазыд-	хъазын «играть»
бар-	-ст	барст-	барын «взвешивать»

Подобноправильные простые персидские глаголы отличаются от собственно правильных тем, что имеют суффиксы *-ad*, *-est*, *-st* и не могут образовывать отыменные, вторичные и каузативные глаголы [Рубинчик, 2001, с. 205]: *istādan* (стоять), *ferestādan* (посылать), *dānestan* (знать) *negaristan* (глядеть). Этот тип простых глаголов не имеет соответствия в осетинском языке.

Что касается неправильных глаголов, то в обоих языках их большинство. Отличительной особенностью этого типа является то, что основы настоящего и прошедшего времени, хотя и восходят к одному корню, не могут механически образовываться одна от другой, так как имеют фонетические различия. Чаще всего эти

различия заключаются в одном звуке – гласном или согласном, но могут быть и более сложными.

Рассмотрим основные закономерности фонетических чередований в основах настоящего и прошедшего времени.

Таблица 5

Основные типы чередований гласных в основах настоящего и прошедшего времени осетинских глаголов

Чередующиеся гласные	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Инфинитив
<i>æ-a</i>	хæсс-	хаст-	хæссын «нести»
<i>a-æ</i>	араз-	арæзт-	аразын «делать», «строить»
<i>æ-o</i>	кæн-	конд-	кæнын «делать»
<i>u-ы</i>	лидз-	лыгъд-	лидзын «убегать»
<i>y-ы</i>	кус-	куыст-	кусын «работать»
<i>ay-ы</i>	тау-	тыд-	тауын «сеять»
<i>æy-ы</i>	кæу-	куыд-	кæуын «плакать»
<i>o-ы</i>	зон-	зы(н)д-	зонын «знать»
<i>- a</i>	æхс-	æхсад-	æхсын «мыть»

Таблица 6

Основные типы чередований гласных в основах настоящего и прошедшего времени персидских глаголов

Чередующиеся гласные	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Инфинитив
<i>- ā-u</i>	nemā(y)-	nemud-	nemudan «показывать»
<i>- ā-o</i>	āzār-	āzord-	āzordan «обижать»
<i>- n - -</i>	zan-	zad-	zadan «бить»

Таблица 7

Основные типы чередований согласных в основах настоящего и прошедшего времени осетинских глаголов

Чередующиеся согласные	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Инфинитив
<i>д-ст</i>	фад-	фаст-	фадын «рубить», «пилить»
<i>т- ст</i>	æрвит-	æрвыст-	æрвитын «посылать»
<i>тт – ст</i>	бæтт-	баст	бæттын «связывать»
<i>нд- ст</i>	ссæнд-	ссæст-	ссæндын «топтать»
<i>нт – ст</i>	змæнт-	змæст -	змæнтын «мешать», «перемешивать»
<i>дз- гъд</i>	лидз-	лыгъд-	лидзын «убегать»
<i>ц - гъд</i>	дуц-	дыгъд-	дуцын «доить»
<i>ндз - гъд</i>	тындз-	тыгъд-	тындзын «расстилать»
<i>нц- гъд</i>	хынц-	хыгъд-	хынцын «считать», «учитывать»
<i>- -ст</i>	æвзар-	æвзæрст-	æвзарын «выбирать»
<i>- - ыд</i>	каф-	кафыд-	кафын «плясать»

Таблица 8

Основные типы чередований согласных в основах настоящего и прошедшего времени персидских глаголов

Чередующиеся согласные	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Инфинитив
<i>z-x</i>	andāz-	andāxt-	andāxtan (бросать)
<i>s-x</i>	šenās-	šenāxt-	šenāxtan (знать)
<i>š - x</i>	foruš-	foruxt-	foruxtan (продавать)
<i>z - š</i>	afrāz-	afrāšt-	afrāstan (поднимать)
<i>s- š</i>	nevis-	nevešt-	neveštan (писать)
<i>l- š</i>	hel-	hešt-	heštan (оставлять)
<i>rd- š</i>	gard-	gašt-	gaštan (гулять)
<i>y-s</i>	ārāy-	ārāst-	ārāstan (украшать)

<i>h-s</i>	jah-	jast-	jastan (прыгать)
<i>nd-s</i>	band-	bast-	bastan «связывать»
<i>n-s</i>	šekan-	šekast-	šekastan «ломать»

Вопрос о выделении в отдельный тип так называемых *префиксальных* глаголов в персидском языкознании остается открытым, однако авторы данной работы, вслед за Ю.А. Рубинчиком [Рубинчик 2001: 214], под этим термином понимают глаголы, имеющие словообразовательные превербы, исторически восходящие к предлогам и наречиям: *paž-*, *bar-*, *dar-*, *farā-*, *foru-vā-* и др., а также сложные фразеологические сочетания имени и компонирующего глагола типа *kār kardan* (работать), *sigār kešidan* (курить) и др.

В зависимости от того, изменяют данные превербы значение глагола, к которому присоединяются, или же не влияют на его семантику, все префиксальные глаголы делятся на две группы: 1) превербы, присоединяясь к простым глаголам, образуют новые глаголы: *āmadan* (приходить), *bar- āmadan* (подниматься; восходить; выступать), *farā- āmadan* (выходить вперед; подходить ближе), *āvardan* (приносить), *bar-āvardan* (исполнять, осуществлять; вынимать, «вытаскивать»), *farā- hāmavardan* (добывать; приобретать; создавать) и др.; 2) превербы либо не изменяют семантику глаголов, либо семантика равна сумме значений компонентов: *foru-āmadan* (опускаться): преверб *foru-* образован от слова *forud*, имеющего значения «снижение», «вниз», «нижний»); *foru- āvardan* (спускать, опускать).

В сопоставительном плане интерес представляет вторая группа глаголов, значения которых равны сумме значений компонентов - преверба и простого глагола. Как отмечает Е.Е. Арманд, «превербы этимологически восходят к наречиям и имеют направительное значение, некоторые из них употребляются также в качестве предлогов или наречий. Все превербы сочетаются с глаголами движе-

ния и перемещения: āmadan ‘приходить’ — dar-āmadan ‘выходить, появляться’, bar-āmadan ‘подниматься, восходить’, furō(d)-āmadan ‘опускаться, перемещаться вниз’, farāz-āmadan ‘подходить, приближаться’, bāz-āmadan ‘приходить снова, возвращаться’ и т. п.» [Арманд 2021: 89]. Рассмотрим значения этих превербов.

Таблица 9

Значения превербов персидских префиксальных глаголов второй группы

Преверб	Значение	Пример
bar	направление действия вверх, на поверхность или наружу	dāštan (иметь) — bar-dāštan (поднимать, приподнимать; брать; забирать)
dar	направление действия снаружи внутрь какого-либо объекта или приближения к объекту описания	āmadan (приходить) — dar-āmadan (выходить, появляться (о светилах); подходить, «приближаться»)
furō	направление вниз	bordan (нести, уносить) — furō-burdan (погружать, вонзать)
farā	направление вперед	residan (наступить, fararesidan передвигать вперед)
bāz	повторение, возобновление или направление действия в сторону возвращения, обратно	dādan (давать) — bāz-dādan (отдавать, возвращать)

Система осетинских превербов, имеющих как пространственные, так и аспектуальные и дейктические значения, рассмотрена достаточно детально [Абаев 1959; Багаев 1965; Ахвледиани 1963; Выдрин 2014; Выдрин 2016; Мазурова 2012; Мазурова 2014; Левитская 2004; Левитская 2007 и др.]. Помимо того, что превербы придают глаголу значение совершенного вида, при глаголах движения они указывают не только на направление движение, а и на

«положение наблюдателя по отношению к движущемуся предмету» [Абаев 1959: 100].

Таблица 10

Значения осетинских превербов

Преверб	Значение	Пример
а-	направление изнутри наружу (говорящий находится внутри) или от говорящего в противоположную сторону	ацæуын «выйти, уйти»
	быстрое, поверхностное действие	абадын «посидеть»
	продолжительность действия	ацæрын «пожить» (какое-то время)
ра-	направление изнутри наружу в сторону говорящего	рацæуын «выйти»
	основательность, полнота действия	ракурын «выпросить»
	отделение, извлечение чего-нибудь – действие направлено в сторону говорящего	раласын «вывезти»
	быстрота, интенсивность действия	рацахсын «поймать»
ба-	направление снаружи вовнутрь (говорящий находится снаружи)	бацæуын «войти»
	тщательное, полное действие	бакусын «проработать»
	начало действия	базарын «запеть»
æрба-	направление в сторону говорящего в прямой плоскости	æрбатæрын «пригнать»
	неожиданное, быстрое, поверхностное действие	æрбаймысын «вспомнить»
æр-	направление сверху вниз (говорящий внизу)	æрхауын «упасть»
	тщательность, основательность действия	æркæсын «рассмотреть»
ны-	направление сверху вниз (говорящий наверху)	ныццауын «сойти» (вниз)
	интенсивность действия, грубое действие	ныннуазын «напиться»

	основательность, полнота действия	ныхгæнын «закрыть»
фæ-	направление в сторону от говорящего	фæцауын «уходить»
	длительное, многократное действие	фæхъазын «наиграться»
	внезапное, быстрое действие	ферттивын «блеснуть», «сверкнуть»
с-	направление вверх (говорящий наверху)	ссауын «взойти»
	полнота, основательность действия	сæхгæнын «закрыть»
	начало действия, процесса	сдзурын «заговорить»

2.4. Сложные глаголы

В данной работе под сложными глаголами понимаются лексически и грамматически связанные двухкомпонентные сочетания имени и глагола, по ряду характеристик отличающиеся от простых (однокомпонентных) глаголов и от свободного сочетания имени и глагола. При этом, если для осетинских сложных глаголов выработаны более или менее приемлемые критерии определения этих глагольных конструкций (хоть и оставляющие «за скобками» некоторое количество сложных глаголов), то в литературе по грамматике персидского языка нет единого понимания природы и объема сложного глагола.

Остановимся подробнее на том, что понимается под сложным глаголом в осетинском и персидском языкознании.

В «Грамматическом очерке осетинского языка» В.И. Абаева [Абаев 1959] речь идет о «составных глаголах», которые «состоят из именной части и вспомогательного глагола *канын* «делать» (иногда также *ласын* «влечь») или *уын* «быть» [Абаев 1959: 88] и отличаются от свободных сочетаний неформального имени и простых глаголов *канын* «делать», *уын* «быть», *ласын* «влечь», *да-*

рын «держать», *марын* «убивать», *маэлын* «умирать» двумя признаками: возможностью присоединять преверб к именной части и позицией отрицательных частиц *наэ*, *ма* «не» перед именной частью, то есть в препозиции ко всей глагольной конструкции [Там же: 90].

Заметим, что именной части в сложных глаголах предшествуют не только указанные частицы, но все отрицательные слова вообще (наречия, местоимения), в то время как в случае свободного сочетания имени и простого глагола отрицание всегда находится перед глаголом. Так, сочетание *маэсты каэнын* «злить(ся)» (букв. «злым делать») обладает указанными признаками сложного глагола: 1) именная часть присоединяет преверб: *с+маэсты кодта* «разозлил»; 2) отрицание стоит перед именной частью, то есть предшествует всему глаголу в целом: *наэ маэсты каэны* «не злится», *ма маэсты каэнаэд* «пусть не злится», *ничи маэсты каэны* «никто не злит(ся)», *никуы фаэмаэсты каэны* «никогда не злится». Сочетание простого глагола с именем не допускает такой позиции превербов и отрицаний: в словосочетании *хаэринаг каэнын* «готовить» (букв. «пищу делать») превербы присоединяются только к глаголу, ему же предшествуют отрицания: *хаэринаг с+каэнын* «пищу приготовить», *хаэринаг не скодта* «пищу не приготовил», *хаэринаг ничи скодта* «пищу никто (не) приготовил». Эти же признаки указываются и в работах других авторов [Багаев 1965: 271; Выдрин 2014: 73; Дзодзикова 2009: 41; Цаболов 1964: 114-115; Гращенков 2010: 115-116].

Однако указанные критерии не универсальны. За пределами их действия остаются сложные глаголы, именная часть которых выражена существительными со значением частей тела, в частности, такими, как *заэрдэ* «сердце», *саэр* «голова», *цаэст* «глаз», *хъус* «ухо»: *саэрмаэ хаэсын* «снисходить до чего-либо» (букв. «к голове нести»), *цаэстмаэ дарын* «попрекать» (букв. «к глазу держать»), *хъус дарын* «обращать внимание» (букв. «ухо держать»). Особенно велико количество сложных глаголов с компонентой *заэрдэ*, вы-

ражающих самые разные действия и состояния: *зæрдæ æвæрын* «обещать» (букв. «сердце ставить»), *зæрдæмæ цæуын* «нравиться» (букв. «к сердцу идти»), *зæрдæ хæссын* «тошнить» (букв. «сердце нести») и др. В этих образованиях преверб присоединяется только к глагольной части, позицию перед которой занимают и отрицательные слова: *зæрдæмæ фæцыдис* «понравился» (букв. «к сердцу пошел»), *зæрдæмæ нæ фæцыдис* «не понравился» (букв. «к сердцу не пошел»). Невозможны сочетания *фæ-зæрдæмæ цыдис*, *нæ зæрдæмæ цыдис*. Разумеется, метафоричность, некоторая фразеологичность подобных сочетаний лежит на поверхности, однако отнести их к собственно фразеологизмам, представленным сочетанием имени (оформленного или неоформленного) с простым глаголом, невозможно вследствие того, что они лишены таких атрибутов фразеологизмов, как эмоционально-экспрессивная выразительность и семантическая эквивалентность слову [Алефиренко и др. 2009: 30]; кроме того, в осетинском языке нет других средств для выражения указанных действий и состояний.

Н.К. Багаев считает синонимичными термины «сложный» и «составной» и определяет эти конструкции как «глаголы, состоящие из двух слов, выражающих одно понятие – действие или состояние-процесс» [Багаев 1965: 270]. С термином «сложный глагол» не согласен Р.Л. Цаболов, аргументируя тем, что он не отражает сущности явления, ибо подлинно сложные глаголы должны были бы быть организованы по словообразовательным моделям сложных слов, чего нет как в осетинском, так и в персидском языках [Цаболов 1964: 116-117]. Эту точку зрения разделяет и З.Б. Дзодзикова в монографии, посвященной анализу структурно-семантических особенностей данных конструкций [Дзодзикова 2009]. Тем не менее, в осетинском языкознании традиционным стал именно термин «сложные глаголы» [Багаев 1965; Ахвледиани 1963; Джусоева и др. 2004].

Забегая несколько вперед, отметим, что нерешенным остается вопрос о языковом статусе этих глагольных образований: З.Б. Дзодзикова определяет их как «особый продукт словообразования» – составные слова [Дзодзикова 2009: 3], в то время как А.П. Выдрин утверждает, что «осетинские сложные глаголы представляют собой именно словосочетания (характеризующиеся высокой степенью морфосинтаксического и акцентологического единства), а не цельные слова» [Выдрин 2014: 81]. Из определения Выдрина данной глагольной конструкции (словосочетание, характеризующееся непереставимостью, неразрывностью, цельнооформленностью, акцентологическим единством) [Там же: 76] – впрочем, достаточно спорного, – следует вывод, что это скорее единица фразеологии, чем морфологии. Однако с этим трудно согласиться. Действительно, в составе сложных глаголов есть определенное количество двухкомпонентных единиц, семантика которых не выводится из значений компонент (подобно фразеологическим единицам), к примеру: *сæрыл хæцын* «заступаться» (букв. «голову держать»), *зæрдамаæ цæуын* «нравиться» (букв. «к сердцу идти»), *цæстытыл уайын* «казаться, мерещиться» (букв. «идти по глазам»), *цæстмæ дарын* «упрекать, попрекать» (букв. «держат к глазу»), *зæрдаæвæрын* «обещать» (букв. «сердце класть»), которые тоже нельзя квалифицировать как фразеологизмы, т.к. они являются не стилистическими синонимами других глаголов, а единственной формой выражения данного значения. К тому же семантика подавляющего большинства сложных глаголов прямо связана с лексическим значением именной части: *лыг кæнын* «резать, отрезать» (букв. «отрезанным делать»), *ахуыр кæнын* «учить(ся)» (букв. «учебу делать»), *æххуыс кæнын* «помогать» (букв. «помощь делать»), *суазал уын* «замерзнуть» (букв. «замерзшим стать»). Исходя из этого, представляется возможным определить осетинские сложные глаголы как особый структурный тип глагола – составные слова, семанти-

ко-синтаксические свойства которых распределены между именной и глагольной частями.

Что касается персидских сложных глаголов, то они выделены как особый структурный тип глагола всеми авторами, с работами которых нам удалось ознакомиться, однако нет единого понимания сути этого языкового явления, его состава и объема. Так, Ю.А. Рубинчик сложные глаголы определяет как двучленные глагольные фразеологические единицы – «глагольные словосочетания разной степени устойчивости, компоненты которых сохраняют словесную автономность» [Рубинчик 2001: 217], такого же мнения придерживается Ш.С. Набати, говоря о двучленных сочетаниях функционально равноправных компонентов [Набати 2016: 49]. П. Самвелян понимает под сложными глаголами состоящие из нескольких слов синтаксические группы и называет их фразовыми лексемами, структурные элементы которых демонстрируют настолько тесную спаянность, что «невозможно распределить семантико-синтаксические свойства СГ между именной и глагольной компонентами» (цит. по [Выдрин 2013: 132]).

Таким образом, можно констатировать, что если для осетинских сложных глаголов нерешенным является вопрос их статуса – двухкомпонентные составные слова или глагольные словосочетания, то для персидского сложного глагола спорным остается и количество структурных элементов: от многокомпонентных «фразовых лексем» до двух-, трех- и более компонентных фразеологических единиц или синтаксически связанных глагольных словосочетаний. При этом, как отмечает Выдрин, в научной литературе относительно персидского сложного глагола отчетливо выделяются два направления: фразеологическое, в русле которого сложные глаголы считаются одним из типов фразеологических единиц, и морфосинтаксическое, ориентированное на исследование морфосинтаксических характеристик сложных глаголов, позволяющих

дифференцировать их от свободных глагольных словосочетаний [Там же].

В обоих языках остается актуальной проблема установления четких границ между свободными сочетаниями «имя+простой глагол» и несвободными – сложными глаголами. В персидской грамматической литературе, как отмечает Рубинчик [Рубинчик 2001: 217], нет четкого определения сложных глаголов, в результате чего невозможно сформулировать критерии отнесения глагольных конструкций типа *xabardādan* «сообщать» (букв. «сообщение делать»), *sarmā xordan* «простужаться» (букв. «холод есть»), *kār kardān* «работать» (букв. «работу делать»), *tarjomekardān* «переводить» (букв. «перевод делать») к свободным или несвободным глагольным словосочетаниям. Действительно, принятое во «фразеологическом» направлении разделение словосочетаний на свободные и устойчивые на основании того, выводится общее значение глагольных единиц непосредственно из значений компонент или нет, нельзя признать объективным, так как оно не учитывает семантических возможностей и структурных особенностей свободных и несвободных глагольных сочетаний [Там же]. В этой связи особый интерес, на наш взгляд, представляет точка зрения Выдрина, который в качестве критерия, определяющего границы между неоформленным именем и именной компонентой сложного глагола (по сути – между свободными глагольными словосочетаниями и сложными глаголами) выдвинул «способность неоформленного объекта быть антецедентом анафорического местоимения» в противовес именной компоненте сложного глагола, которая лишена этого свойства [Выдрин 2013: 133]. Отметим, что этот критерий действителен и в осетинском языке. Сравним: в свободном сочетании *хæдон кæнын* «рубашку надевать» неоформленное имя *хæдон* легко заменяется местоимением в генитиве: *кæнын æй* «надевать ее», в то время как в сложном глаголе такая замена невозможна: вместо *ахуыр кæнын* «учиться» нельзя сказать *кæнын æй* «делать ее».

Особая трудность разграничения свободных глагольных слово-сочетаний и сложных глаголов во многом связана со способностью группы простых глаголов персидского языка быть как самостоятельным словом, так и компонентой сложного глагола или глагольной частью составного именного сказуемого. Таковы и осетинские вспомогательные глаголы, однако в количественном отношении они значительно уступают персидским: в осетинском в качестве глагольной компоненты сложного глагола выступают, в основном, *канын* «делать», *уын* «быть». Глаголы *дарын* «держать», *касын* «смотреть», *марын* «убивать», *малын* «умирать», *ласын* «влечь», «тащить» и некоторые другие образуют ограниченный круг сложных глаголов.

В персидском языке Рубинчик выделяет три класса глаголов, имеющих функции служебных [Рубинчик 2001: 200-204]. К связочным глаголам относятся *hast* «есть», «имеется» и *budan* «быть», семантически неполноценные и обычно выступающие в роли предикативной связки. В осетинском языке им соответствуют такие же связочные глаголы *уын* «быть» (в значении однократного действия) и *вэййын* «бывать» (в значении многократного действия): *Ermuz garm ast* – Абон хъарм у «Сегодня тепло (есть)», которые, однако, в осетинском могут быть и частью сложного глагола: *Æз студент даен* «Я студент (есть)» (*даен* – предикативная связка) / *Æз сурс даен* «Я побелел» (букв. «Я по+белый есть») (*даен* – компонента сложного глагола). Глагол *budan* в настоящем времени является «книжным» синонимом связки *hast*, но, в отличие от последнего, имеет форму прошедшего времени, но не имеет краткой и отрицательной форм.

Персидский связочный глагол *hast* употребляется только в настоящем времени, в положительной форме имеет полную и краткую формы (табл. 11).

Таблица 11

Спряжение персидского глагола *hast*

Число	Лицо	Положительная форма		Отрицательная форма
		полная	краткая	
единственное	1	hastam	-am	nistam
	2	hasti	-i	nisti
	3	hast	-ast	nist
множественное	1	hastim	-im	nistim
	2	hastid	-id	nistid
	3	hastand	-and	nistand

Осетинский глагол-связка *вæййын* (Абаев считает его многократной формой глагола *уын* [Абаев 1959: 73]) также имеет только форму настоящего времени в индикативе:

Таблица 12

Спряжение осетинского глагола *вæййын*

Число	Лицо	
единственное	1	вæййын
	2	вæййыс
	3	вæййы
множественное	1	вæййæм
	2	вæййут
	3	вæййынц

Если глагол *hast* не имеет инфинитива, то для глагола *вæййын* форма инфинитива совпадает с формой 1 л. ед.ч., но собственно инфинитив имеет несколько книжный характер и практически не употребляется в современном осетинском языке.

Глагол *budan* не имеет полной и краткой форм (см. таблицу 13).

Таблица 13

Спряжение персидского глагола *budan*

Лицо	Настоящее время		Прошедшее время	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1	mibâšam	mibâšim	budam	budim
2	mibâši	mibâšid	budi	budid
3	mibâšad	mibâšand	bud	budand

В отличие от персидских, осетинский глагол-связка *уын* имеет полную парадигму, однако в форме инфинитива он также неупотребителен. Покажем его спряжение в индикативе.

Таблица 14

Спряжение осетинского глагола *уын*

Лицо	Настоящее время		Прошедшее время		Будущее время	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1	дæн	стæм	уыдтæн	уыдыстæм	уыдзынæн	уыдызстæм
2	дæ	стут	уыдтæ	уыдыстут	уыдзынæ	уыдызстут
3	у, ис /и	сты	уыд(ис)	уыдысты	уыдзæн(ис)	уыдызсты

Как видно из таблицы 12, личные окончания 3 л. ед.ч. в прошедшем и будущем временах совпадают с формой того же лица в настоящем времени (ис). И хотя принято считать, что осетинский глагол-связка *уын* не имеет полной и краткой форм, однако такие формы налицо для 3 лица единственного числа прошедшего и будущего времен, которые чаще всего употребляются безличных окончаний, в усеченной (краткой) форме (*уыд*, *уыдзæн*), а их полные формы (*уыдис*, *уыдзæнис*) имеют выраженный книжный характер. Обращает на себя внимание тот факт, что оба языка «выделяют» 3 лицо единственного числа: в персидском малоупотребима форма *hast*, обычно заменяемая краткой формой – *ast*.

Кроме уже указанных *hast* и *budan*, в персидском выделяются и полусвязочные глаголы, еще более «лексически малозначимые» [Рубинчик 2001: 202], типа *šodan* «делаться», *gardidan* «становиться» и др.

Эти же глаголы, а также *dāštan* «иметь», беспривставочные формы глагола *xāstan* «хотеть» в особых аналитических формах еще больше утрачивают лексического значение и становятся собственно вспомогательными глаголами. Аналогов им в осетинском языке нет, соответствующие значения выражаются формой 3 лица единственного числа глагола *уын* (*ис* «имеется», «наличествует») и модальными глаголами *фæндын* «хотеть», *хъæуын* «нуждаться», инфинитив которых носит несколько искусственный характер и употребляется только в субстантивированном виде.

Третья группа служебных глаголов, так называемые компонирующие, выступают в составе сложных глаголов и обеспечивают формально-грамматические функции показателя действия [Рубинчик 2001: 203]. В их составе как простые, так и префиксальные глаголы: *kardan* «делать», *dādan* «давать», *zadan* «бить», *šodan* «становиться», *xordan* «есть», *didan* «видеть», *bar-dāštan* «поднимать», *dar-āvardan* «вынимать», *yāftan* «находить» и др. В осетинском им соответствуют *кæнын* «делать», *уын* «быть» и, в более редких случаях, *дарын* «держать», *кæсын* «смотреть», *марын* «убивать», *мæлын* «умирать», которые, подобно указанным персидским глаголам, также могут быть и знаменательными словами с полной семантикой (кроме глагола *уын*). Таким образом, ни в осетинском, ни в персидском языках семантические и типологические характеристики глагольной компоненты не могут быть критерием разграничения свободных глагольных словосочетаний и сложных глаголов.

Что касается именной части сложных глаголов, то в обоих языках она может быть выражена разными частями речи. В персид-

ском именная часть сложного глагола может быть предложной или беспредложной. Как отмечает Рубинчик, предлог перед именной частью придает сложному глаголу особые структурные и семантические свойства [Рубинчик 2001: 218]. В осетинском же, с его развитой системой послелогов, принято выделять всего два предлога: *æд* «с» и *æнæ* «без» [Ахвледиани 1963: 280-281; Джусоева и др. 2004: 116]. Третий предлог – *фæйнæ* «по», с количественно-разделительным значением, совершенно правомерно, на наш взгляд, указывает Н.К. Багаев [Багаев 1965: 397]. Однако предлогам несвойственна позиция перед глаголом, как простым, так и сложным.

Как в осетинских, так и в персидских сложных глаголах именная компонента чаще всего представлена существительными. Рассмотрим примеры.

Абстрактные существительные, в том числе со значением действия: *estefādekardan* «использовать» (букв. «использование делать»); *пайда кæнын* «использовать», букв. «пользу делать»; *хāheš kardan* «просить» (букв. «просьба делать»); *хатыр кæнын* «прощать» (букв. «прощение делать»), *тох кæнын* «бороться» (букв. «битву, борьбу делать»).

Конкретные существительные: а) со значением названий частей тела: *pāšodan* «вставать» (букв. «нога становиться»), *češmandāxtan* «смотреть» (букв. «глаз бросать»); *цæст дарын* «присматривать» (букв. «глаз держать»), *хъус дарын* «обращаться, обращать внимание» (букв. «ухо держать»); если в персидском сложные глаголы с такими компонентами выражают значение действия, производимого этими частями тела, то в осетинском глагольные конструкции с компонентами *цæст* «глаз», *зæрдæ* «сердце», *сæр* «голова» и др. не имеют значения, равного сумме значений частей, и могли бы быть названы собственно фразеологизмами, если бы они обладали экспрессивностью и в языке имелись их стилистически нейтральные синонимы; б) со значением предметов, с помощью

которых выполняются определенные действия: *arre kardan* «пилить» (букв. «пила делать»), *qofl kardan* «запирать» (букв. «замок делать»); в осетинском языке подобные сложные глаголы редки, во всяком случае, нам известен лишь один случай: *иту кæнын* «гладить» (букв. «уютюг делать»); в) в обоих языках именная часть может быть представлена не всеми семантическими разрядами существительных. К примеру, в персидском нет сложных глаголов с именной компонентой, обозначающей людей, животных, растения. В осетинском языке такие сложные глаголы есть, но их число невелико. Так, из существительных, обозначающих людей, в роли именной компоненты встречаются *лæг* «мужчина» и *чызг* «девушка»: *лæг кæнын* «мужать» (букв. «мужчиной становиться»), *слæг уын* «возмужать» (букв. «мужчиной стать»), *рачызг уын* «заневеститься» (букв. «девушкой стать»); из наименований животных в именной части возможно слово *бирæгъ* «волк», причем чаще всего это превербные сочетания со значением «становиться волком», т.е. злым, озлобленным человеком: *абирæгъ ис* «озлобился» (букв. «стал волком, превратился в волка»), *йæхи абирæгъ кодта* «стал злым» (букв. «себя в волка превратил»); слово *хъæмп* «солома» встречается в сложном глаголе — экспрессивном синониме глагола «умереть»: *ныхъхъæмп уæвын* «помереть» (букв. «соломой стать»).

В осетинских сложных глаголах в именной части существительное может быть не только неоформленным, но и в форме косвенного падежа, чаще всего аблатива (с исходом на *-æй*), аллатива (*-мæ*), экватива (*-ау*): *мæстæй мæлын* «злиться» (букв. «умирать от злости»), *мæстæй марын* «дразнить» (букв. «убивать от злости»), *коммæ кæсын* «слушаться» (букв. «смотреть в рот»), *фæдзæгъæлау уын* «быть потерянным» (букв. «как бы потерянным быть») [Абаев 1959: 91; Багаев 1965: 270; Выдрин 2014: 75], а также в форме множественного числа: *дис кæнын* «удивляться» (букв. «удивление делать») — *дистæ кæнын* «удивляться», *цин кæнын* «радоваться»

(букв. «радость делать») – *цинтæ кæнын* «радоваться» (букв. «радости делать»). Выдрин отмечает, что употребление при именной части показателя множественного числа, обеспечивающего «мультипликативное прочтение» [Выдрин 2014: 75], есть и в персидском языке: *dard-hā kešid-im* «Мы постоянно страдали от боли» [Выдрин 2006: 58].

Сложные глаголы с именной компонентой в косвенном падеже – застывшей падежной формой – представляют собой немногочисленный закрытый тип, обладающий всеми признаками сложных глаголов с именем в прямом падеже. Относительно конструкций с именной компонентой в эквативе типа *бахудæгау кæнын* «как бы засмеяться» от *худын* «смеяться», *лаууæгау кæнын* «как бы стоять» от *лаууын* «стоять», *фæсонтау уын* «как бы ошалеть» от *сонт* «ошавевший» существуют разные точки зрения. В частности, Н.К. Багаев [Багаев 1965: 270], В.И.Абаев [Абаев 1959: 91] все имена в эквативе, в том числе отглагольные, сочетающиеся с компонирующим глаголом *кæнын* или *уын* и способные присоединять превербы, считают именными компонентами сложных глаголов. З.Б. Дзодзикова придерживается того мнения, что подобные конструкции «стоят ближе к сложным глагольным формам типа *бадгæ кæнын*, *лæугæ кæнын*» [Дзодзикова 2009: 41], т.е. к перифрастическим формам простых глаголов – *бадын* «сидеть», *бадгæ кæнын* «сидеть» (букв. «сидящий делать»), объясняя свой вывод тем, что подобные именные компоненты трудно отнести к определенной части речи, они не имеют автономного употребления и имеют значение неполноты действия, а «основным элементом... указанных сложных слов» является «простой глагол» [Там же: 40]. Трудно согласиться с подобными аргументами в пользу исключения конструкций «имя в эквативе+компонирующий глагол» из разряда сложных глаголов. Во-первых, сам автор на предыдущей странице указывает, что именной частью сложного глагола могут

служить «элементы, не имеющие самостоятельного употребления» и приводит примеры *ахъуытты кæнын (уын)* «прогнать», «убраться», *уисæн кæнын* «повиноваться» и др. [Там же: 39]. Семантика слов *а-хъуытты*, *уисæн* действительно затуманена, а формальных признаков какой-либо части речи они не имеют, в то время как слова типа *бадæгау*, *лаууæгау* и структурно, и семантически выступают как субстантивированные причастия: *бад-ын* «сидеть» – *бад-æг* «сидящий» – *бад-æг-ау* «подобно сидящему». Во-вторых, слова *хъуытты*, *уисæн* и другие из приведенных автором примеров также сложно отнести к определенной части речи. В-третьих, семантика сложных глаголов практически безгранична (чему способствуют в том числе значения компонирующих глаголов: *уын* «быть», «становиться», кончать(ся), деваться и др., *кæнын* «делать», «творить», «создавать», открывать», «надевать», «сыпать», «производить», «лить» и др., *дарын* «держать», «носить», «кормить», «поить» и др.), и непонятно, почему в ее объеме не может быть значения неполноты действия наряду, к примеру, со значениями начала, окончания, продолжения, однократности, многократности действия. Как отмечает Р.Л. Цаболов, «сочетания имени с такими глаголами могут носить самый разнообразный характер» [Цаболов 1964: 133]. В-четвертых, семантическим ядром указанных глагольных конструкций, как и всех остальных сложных глаголов, определенно является именная часть (в данном случае отглагольная), а не глагольная. В-пятых, перифрастическим формам простых глаголов всегда присуща некоторая экспрессия: они употребляются или с целью акцентировать само действие, сделав на нем логическое ударение, или противопоставить одно действие другому, к примеру: *бадын* «сидеть», *бадгæ кæнын* «сидеть (сидящим делать)», *бадгæ нæ кæнын*, *фæлæ лаугæ (кæнын)* «я не сижу, а стою» (совершенно очевидно, что вышеуказанные конструкции лишены этих характеристик). В то же время автор отмечает, что

рассматриваемые конструкции имеют общий с «подлинными составными глаголами» признак – возможность присоединения преверба к именной части, но лишены другого признака: «От подлинных составных глаголов данные образования отличаются еще одной особенностью: невозможностью употребления отрицательных частиц перед первыми частями» [Дзодзикова 2009: 41].

Гораздо меньше в обоих языках сложных глаголов, образованных от прилагательных, чаще всего качественных. При этом в персидских сложных глаголах с именами прилагательными употребляются компонирующие глаголы *kardan* «делать» и его эквивалент *sāxtan*, сочетающийся только с прилагательными, *šodan* «становиться», а в осетинских – *кæнын* «делать», *уын* «быть»: *bozorg kardan* «увеличивать», «растить» (букв. «большим делать»), *sorx šodan* «подрумяниваться», «раскаляться докрасна» (букв. «красным делать»), *sefid kardan* «белить» (букв. «белым делать»); *стыр кæнын* «увеличивать(ся)» (букв. «большим делать(ся)»), *сырх кæнын* «краснеть» (букв. «красным делать»), *урс кæнын* «седеть» (букв. «белым делать(ся)»), *багъæввадкæнын* «разувать(ся)» (букв. «босым делать(ся)»).

В осетинском языке есть довольно значительное количество сложных глаголов, именные компоненты которых представляют собой звукоподражательные слова («звукоподражательно-выразительные слова» по Абаеву [Абаев 1959: 91]). С такими словами сочетается только компонирующий *кæнын* и, реже, *ласын* «влечь», «тащить», «везти» – в превербных конструкциях со значением высокой экспрессии. Такие сложные глаголы имеют два структурных типа: в одних именная часть может быть удвоенной или неудвоенной, в другой – только удвоенной. Редупликация имеет семантическую функцию: глаголы с неудвоенной именной частью имеют значение однократного действия, с удвоенной – многократного действия; к примеру, от слова *гæпп* «прыг» образуются сложные

глаголы *гæпп кæнын* «прыгать» (букв. «прыг, прыжок делать»), *гæпп-гæпп кæнын* «подпрыгивать», «(какое-то время) прыгать». Сложный глагол также приобретает значение многократного действия, если именная часть имеет форму множественного числа: *гæппытæ кæнын* «подпрыгивать», букв. «прыжки делать». В других глаголах именная часть может быть только удвоенной – чаще всего это слова со значением звуков природы или удара: *цъиу-цъиу кæнын* «щебетать» (букв. «щебетание делать»), *мыр-мыр кæнын* «ржать» (букв. «ржание делать»). Подобные сложные глаголы, хоть и в меньшем количестве, есть и в персидском языке: *ququliqu kardan* «кукарекать» (букв. «кукареку делать»), *miyowmiyow kardan* «мяукать» (букв. «мяу-мяу делать») и др.

В роли именной части сложных глаголов могут выступать причастия, причем в осетинском языке сложные глаголы образуются от причастий настоящего и прошедшего времени, тогда как в персидском в образовании этих глагольных конструкций участвуют только причастия прошедшего времени: *фæ-лидз-æг уын* «убегать» (букв. «быть убегающим») от причастия настоящего времени *лидз-æг* «убегающий»; *æххæст кæнын* «выполнять» (букв. «завершенным делать») от причастия прошедшего времени *æххæс-т* «завершенный»; *barāvarde-kardan* «исполнять» от причастия *barāvarde* «исполненный», «оцененный», *ābdide-kardan* «закалять» от причастия *ābdide* «закаленный».

В осетинском языке в случае оформления именной части причастием настоящего времени (с суффиксами *-æг*, *-гæ*) и прошедшего времени (*-д*, *-т*, *-ст*, *-ад*) возникает проблема разграничения собственно сложных глаголов и так называемых перифрастических форм простых глаголов. Как известно, практически от каждого простого глагола можно образовать перифрастическую форму по модели «основа настоящего времени глагола+суффиксы причастий настоящего или прошедшего времени+глагол *кæнын*

(реже *уын*)»: *цар-ын* – *цар-гæ канын* – *цар-д канын*. (О специфике употребления перифрастических форм мы говорили выше.) По этой же модели образуются и сложные глаголы с причастиями в именной части. Разница в том, что значение перифрастической формы можно передать простым глаголом, от которого она произведена, в то время как значение сложного глагола никакой другой формой выразить нельзя. Иногда разграничение таких омонимичных конструкций возможно только в контексте. Сравним: *зон-ын* «знать» – *зон-гæ канын* 1) «знать» (именно знать): *зонгæ йæ канын* «(я) его знаю» (семантически соответствует русскому «знать-то (я) его знаю»; 2) знакомить: *æмбал-ы зонгæ канын* «друга знакомить». В том случае, когда причастие является компонентой сложного глагола, оно легко присоединяет преверб: *ба-зон-гæ канын* «познакомить». Если же оно в составе перифрастической формы, то преверб возможен только при глагольной части: *зон-гæ ба-кодтон* «(я) узнал» («узнать-то (я) узнал»). Отрицательные слова также предшествуют всему сложному глаголу и глагольной части перифрастической формы простого глагола: *нæ базонгæ кодтон* «(я) не познакомил», *зонгæ йæ нæ бакодтон* «(я) (его) не узнал».

Если в именной части сложного глагола в осетинском языке может быть причастная форма только простого глагола, то в персидском это могут быть причастия, образованные и от простых, и от сложных глаголов (как в приведенных выше примерах): *āludekardan* «пачкать» от *ālude* «запачканный».

Остальные части речи в качестве именной компоненты сложного глагола выступают достаточно редко. Так, в роли именной части персидского сложного глагола могут быть инфинитивы простых глаголов: *didan kardan* «посещать», «наносить визит», *jastan kardan* «прыгать», «скакать» и др. [Рубинчик 2001: 220]. Круг таких образований невелик. В осетинском языке подобные сложные глаголы находит Выдрин, отметив, что именная компонента может быть

представлена в том числе инфинитивной формой глагола «при образовании аналитического каузатива, например: ны-ффыс-ын кæнын (PREF – писать.PRS-INFделать.PRS-INF) ‘заставить написать’» [Выдрин 2014: 78]. Данное утверждение представляется некорректным. Учитывая то, что в осетинском языке каузатив редко представлен синтетической формой (сохранились лишь рефлексы «старого каузатива с характерным оформлением за счет подъема гласного» [Камболов 2006: 349]), а от абсолютного большинства как простых, так и сложных глаголов каузативная форма образуется аналитическим путем, включение аналитического каузатива в объем сложного глагола не только безмерно расширяет его границы, но делает невозможным и бессмысленным само его выделение в осетинском языке, ибо сложными глаголами придется признать все аналитические формы, в том числе перифрастические и пассивные.

В отличие от персидского, осетинский сложный глагол не может иметь в качестве именной компоненты местоимения или предлоги. Таким образом, в осетинском языке нет аналогов персидским *bar ānbudan* «намереваться», «собираться» от указательного местоимения *ān* «тот», *beniĉ gerefītan* «не ставить ни во что» от отрицательного местоимения *niĉ* «ничто», *azbeynbordan* «уничтожать» от отыменного предлога *beyn* «среди», «между» (примеры даны по [Рубинчик 2001: 225]).

Надо отметить еще один структурный тип осетинского сложного глагола. Это конструкции, именная часть которых представляет собой редуцированную основу глагола настоящего времени, причем основы всегда имеют один и тот же преверб или коррелирующую пару превербов: «преверб+основа настоящего времени глагола+преверб+основа настоящего времени глагола+комбинирующий глагол *кæнын*»: *рау-бау кæнын* «ходить туда-сюда» (букв. «выход-вход делать»), *ракæс-ракæс кæнын*

«выглядывать» (букв. «выглянуть-выглянуть делать»). В.И. Абаев считает такие конструкции описательными формами простого глагола [Абаев 1959: 97-98]. Однако мы считаем возможным согласиться с точкой зрения З.Б. Дзодзиковой, относящей их к сложным глаголам [Дзодзикова 2009: 42]. В пользу такой позиции говорит следующее: во-первых, значения этих сложных форм невозможно передать простым, одноосновным, глаголом; во-вторых, эти конструкции демонстрируют оба основных структурно-грамматических признака сложных глаголов: возможность присоединения преверба к именной части (в данном случае происходит вторичная префиксация) и нормальное положение отрицания перед именной, а не глагольной частью: *фæ-ра-цү-ба-цү кодта* «ходил туда сюда (длительное время)», *на рацү-бацү каены* «не ходит туда-сюда», *ма рацү-бацү каен* «не ходи туда-сюда».

2.5. Переходные и непереходные глаголы

Как в осетинском, так и в персидском языках нет четкого противопоставления глаголов по принципу переходности или непереходности. Однако основными свойствами переходных глаголов считается их способность управлять прямым дополнением и образовывать пассивный залог.

Различие между переходными (прямопереходными, то есть требующими прямого дополнения) и непереходными глаголами выражается несколькими способами. Так, в персидском языке все переходные глаголы, независимо от структурного типа (простые, префиксальные или сложные) образуют пассивный залог. Так же ведут себя прямопереходные глаголы в осетинском языке.

Сравним:

Таблица 15

Осетинский язык		Персидский язык	
переходный глагол	пассивная конструкция	переходный глагол	пассивная конструкция
каэсын «читать»	каст æрцыд «прочитан», каст цауы «читается», каст у «прочитан»	xāndan «читать»	xānde šod «было прочитано»
исын «братъ»	ист æрцыд «получен», «взят» ист цауы «берется», «получается», ист у «взят», «получен»	gereftan «братъ», «получать»	gerefte mišavad «берется», «получается»
мæрзын «подметать»	марзт æрцыд «подметен» марз цауы «подмется» марз у «подметен»	bar-dāštan «поднимать»	bar-dāšte mišavad «поднимается»

Как видим, пассивные конструкции в осетинском языке состоят из причастия прошедшего времени (совпадающего с основой прошедшего времени) и вспомогательных глаголов *уын* «быть» и *цауын* «идти». Именно этот тип пассивно-нейтральной конструкции описывается во всех грамматиках осетинского языка [Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965; Джусоева и др. 2004 и др.]. Однако А.П. Выдрин [Выдрин 2011a]: выделил в осетинском языке еще четыре типа модально-пассивных конструкций 1) конструкция, состоящая из причастия-деепричастия на *-гæи* вспомогательного глагола *уын* «быть» (в качестве примера автор статьи приводит *Ацы чингуы-тæ Зауыр-ы æрба-хæс-гæ уыд-ысты* букв. «Эти книги были принесены рукой Заура – перевод наш); 2) конструкция долженствования, состоящая из причастия-деепричастия

на *-гæ* и вспомогательного глагола *уын* «быть», при котором агентивное дополнение имеет форму датива: *Зауыр-æн ацы чингуы-тæ кæс-гæ сты* «Заур должен читать эти книги», букв. «Зауру эти книги нужно читать»; 3) конструкция с причастием будущего времени с суффиксом *-инаг* и вспомогательным глаголом *уын* «быть», при этом агентивное дополнение имеет форму номинатива: *Æз цæу-инаг дæн горæт-мæ* букв. «Я намереваюсь ехать в город»; 4) конструкция со значением возможности, состоящая из отглагольного имени на *-æн* и вспомогательного глагола *уын* «быть», при этом агентивное дополнение в дативе: *Ацы фыс-тæ нын зын æрц-ахс-æн сты* «Нам трудно поймать этих баранов» [Выдрин 2011а: 43] букв. «Эти бараны нам трудны для поимки». Автор совершенно справедливо отмечает, что в составе четвертого типа модально-пассивной конструкции обязательно должно быть наречие *зын* «трудно» или *æнцон* «легко», однако сам вопрос количества, состава и особенностей пассивных (как нейтрально-пассивных, так и модально-пассивных) конструкций в осетинском языке требует дальнейшего исследования. «Особый интерес представляет как количество осетинских синтаксических пассивных конструкций, так и их семантика (наличие модально нагруженных конструкций). Насколько можно судить по имеющимся описаниям ареально (языки Северного Кавказа, а также тюркские языки) и генетически (иранские языки) близких к осетинскому языков, ни в одном из них не существует сходных с осетинскими модально-пассивных конструкций» [Выдрин 2011а: 45].

В отличие от осетинского, в персидском языке есть специальный показатель переходности глагола – послелог *-ra*, оформляющий прямое дополнение при переходном глаголе. Послелог имеется не при любом дополнении, «а лишь после такого, которое обозначает предметы и явления вполне определенные, конкретные, известные. Прямое дополнение всегда имеет послелог, если оно выра-

жено именами собственными и местоимениями или если к нему относятся имена собственные и местоимения: *ار تاقلام دمحامدرک* «я встретил Ахмада»; *تساوخ نيا باتک ار هرابود یم دناوخب* «он хотел снова перечитать эту книгу». Глагол остается прямо-переходным и в тех случаях, когда прямое дополнение не сопровождается послелогом *ار*. Это часто имеет место, когда предметы и явления мыслятся как представители всего класса: *منواخ نم ره زور همانزور یم* «я каждый день читаю газету» (а не книгу)» [Мохаммади и др. 2017: 256-257].

В осетинском языке различия между переходными и непереходными глаголами представлены большим количеством способов выражения (см. табл. 16).

Таблица 16

**Различия между переходными и непереходными глаголами
в осетинском языке**

Отличительный признак	Переходные глаголы	Непереходные глаголы
лексические различия - разные основы	арын «рожать», «рождать»	гуырын «рождаться»
чередование гласных в основе: сильный гласный в основе переходного глагола, слабый – в основе непереходного	калын «лить» халын «разрушать» сафын «терять» иртасын «отделять» тадзын «лить» хъусын «слушать»	кæлын «литься» хæлын «разрушаться» сæфын «теряться» иртæсын «отделяться» тæдзын «литься» хъуысын «слышаться»
ослабление гласного в основе непереходного глагола и наращение звука с	удайын «мочить» тухын «кутать» ахорын «красить»	удæсын «мокнуть» тыхсын «оббиваться» ахуырсын «окрашиваться»
разные личные окончания в прошедшем времени	амæнтын «мазать» - амæстон «мазал» æмбæхсын «прятать» - æмбæхстон «прятал» хизын «пасти»- хыз- тон «пас»	амæстæн «мазался» æмбæхстæн «прятался» хызтæн «пасся»

глаголы совмещают в себе значения переходности и непереходности	ивын «менять», «меняться» ивтон бынат «менял место»	тынг ивтон «сильно менялся»
---	--	-----------------------------

Абсолютное большинство глаголов в осетинском языке, в зависимости от переходности/непереходности, имеют разные личные окончания в прошедшем времени (см. табл. 17)

Таблица 17

**Спряжение переходных и непереходных глаголов
в прошедшем времени**

Число	Лицо	Переходный глагол <i>фыссын</i> «писать»	Непереходный глагол <i>бæззын</i> «годиться»
Ед.ч.	1	фыс-тон	бæззыд-тæн
	2	фыс-тай	бæззыд-тæ
	3	фыс-та	бæззыд-ис
Мн.ч.	1	фыс-там	бæззыд-ыстæм
	2	фыс-тат	бæззыд-ыстут
	3	фыс-той	бæззыд-ысты

В осетинском и персидском языках у глагола разные наборы грамматических категорий. Так, осетинский глагол имеет три времени (настоящее, прошедшее, будущее), два вида (совершенный и несовершенный), четыре наклонения (впрочем, не все авторы согласны с этим утверждением – к слову, В.И. Абаев говорит о трех наклонениях, см. [Абаев 1959: 56]), но не имеет морфологической системы залоговых противопоставлений (залоговые значения выражаются не морфологически, а синтаксически), а также категорию лица/числа. В то же время персидский глагол выражает свое значение при помощи категорий залога, времени, наклонения и лица/числа. В персидском глаголе не имеет четкого грамматического выражения категория вида: завершенность /незавершен-

ность действия, его повторяемость, длительность и результативность проявляются во временных формах.

2.6. Категория времени

В сопоставляемых языках временные формы глагола, указывающие на отношение действия /состояния к моменту, принятому за отправную точку, четко выражаются грамматическими средствами. В обоих языках традиционно выделяются три основных времени: настоящее, прошедшее, будущее, называемые также абсолютными временами в отличие от относительных. *Абсолютные* времена выражают отношение действия или состояния непосредственно к моменту речи, в то время как *относительные* указывают на время действия по отношению к другому действию, выражаемому другим глаголом. Отметим, что в осетинском языке относительные времена не выделяются и не маркируются грамматически. В персидском языке к описательным принято относить: будущее категорическое время, настоящее конкретное и прошедшее конкретное имя, прошедше-настоящее время (перфект), прошедше-настоящее длительное время, преждепрошедшее время (плюсквамперфект), прошедшее предположительное время.

Таблица 18

Времена глаголов

Осетинский язык	Персидский язык
настоящее время	
настоящее время изъявительного наклонения	настояще-будущее время изъявительного наклонения
настояще-будущее время желательного наклонения	настоящее время сослагательного наклонения
настояще-будущее время сослагательного наклонения	

прошедшее время	
прошедшее время изъявительного наклонения	простое прошедшее время (претерит)
прошедшее время желательного наклонения	прошедшее длительное время (имперфект)
	преждепрошедшее время (плюсquamперфект)
	прошедшее предположительное время сослагательного наклонения
будущее время	
будущее время изъявительного наклонения	будущее категорическое время
настояще-будущее время желательного наклонения	настояще-будущее время
настояще-будущее время сослагательного наклонения	

Рассмотрим временные формы изъявительного наклонения, их значения и способы образования.

Настоящее время

В осетинском языке форма настоящего времени образуется от основы настоящего времени (совпадающей с основой инфинитива) + личные окончания. Значения этих временных форм во многом зависят от вида глагола. Так, формам настоящего времени глаголов несовершенного вида характерны следующие значения:

- действие, совершающееся в момент речи: *Мит уары* «Снег идет»;

- действие, совершавшееся в прошлом («настоящее повествовательное» или «настоящее историческое» время [Багаев 1965: 317]: *Дуар сæхгæдта æмæ фæцæуы* «Закрыв дверь и идет»;

- действие, совершающееся длительно, постоянно, в том числе в момент речи: *Æз ахуыр кæнын* «Я учусь»;

- действие, которое будет происходить в будущем, причем время совершения действия устанавливается соответствующими наречиями: *Райсом нæ хохмæ æрвитынц* «Завтра нас в горы посылают».

Глаголы совершенного вида в настоящем времени выражают обычное, многократно совершавшееся в прошлом, совершающееся в настоящем и имеющее продолжение в будущем действие: *Mit rauary* «Снег идет» (обычно, часто, в прошлом и настоящем, а также возможно в будущем).

В персидском языке в изъявительном наклонении две формы настоящего времени: настоящее-будущее время и настоящее конкретное время.

Настояще-будущее время образуется от основы настоящего времени путем присоединения приставки *mi-* и личных окончаний. Эта форма и по образованию, и по выражаемым значениям (см. ниже) больше соотносится с настоящим временем осетинских глаголов совершенного вида (как известно, совершенный вид образуется путем прибавления к форме несовершенного вида превербов). Однако, в отличие от осетинского языка, в персидском глагол имеет также специализированную отрицательную форму, которая образует настоящее-будущее время при помощи частицы *-na*, вставляемой перед превербом *-mi*.

Для глаголов в настоящее-будущем времени характерны следующие значения:

- действие, совершающееся в момент речи: *Hālā ruznāte mīxānam* «Я сейчас читаю газету»;

- действие, совершающееся традиционно, обычно: *Man har ruz ruznāte mīxānam* «Я каждый день читаю газету». Если в осетинском языке специфическим показателем постоянно, обычно, традиционно совершающегося действия является преверб при глаголе настоящего времени, то в персидском глагол часто сопровождается наречием: *hamiše* «постоянно», *har ruz* «каждый день» и др.;

- действие, которое будет происходить в будущем: *Fardā piš-e to miāyam* «Завтра я приду к тебе»;

- действие, происходившее в прошлом (историческое настоящее): как и в осетинском, в персидском языке это значение вы-

ражается синтаксически, когда в одном предложении соседствуют глаголы в прошедшем и настоящем времени, причем отнесенность действия, выражаемого глаголом в настоящем времени, подчеркивается также наличием наречия или иного слова-обстоятельства, указывающего на прошлое: *Yek sã'at ast ke montazer-e to hastam* «Я ждал тебя целый час», букв. «Это один час, что я жду тебя»;

В обоих сопоставляемых языках глагол настоящего времени может употребляться в побудительном значении: *Сыстадтæ æмæ фæцæуыс* «Встал и идешь», то есть «Вставай и иди»; *Miravi piš-e pedar-at va be u hekāyat mikoni* «Пойдешь к отцу и расскажешь», то есть «Иди к отцу и расскажи».

Настоящее конкретное время представляет собой аналитическую форму, состоящую из основы настоящего времени основного глагола и формы настоящего времени вспомогательного глагола *dāštan* «иметь». Чаще всего эта форма выражает действие, происходящее в момент речи: *Dāram nāte minevisam* «Я пишу письмо» (сейчас, в настоящее время).

Будущее время

Форма будущего времени глаголов в осетинском языке образуется от основы настоящего времени путем прибавления к ней элемента (суффикса) *-дзы(н)/-дзæн* и личных окончаний. Значение, выражаемое глаголом в будущем времени, также связано с видом глагола. Так, будущее время глаголов несовершенного вида имеет следующие значения:

- действие, которое будет происходить после момента речи: *Райсом диктант фысдзыстæм* «завтра будем писать диктант»;

- действие, которое совершается в момент речи и продолжится далее: *Мах кæддæриддæр хорз ахуыр кæндзыстæм* «Мы всегда будем хорошо учиться».

Будущее время от глаголов совершенного вида – своего рода «будущее категорическое»: оно обозначает действие (состояние,

процесс), которое непременно состоится после момента речи: *Æз æй сæххæст кæндзынæн* «Я это выполняю».

Будущее категорическое время от персидских глаголов имеет то же самое значение – действия, которое обязательно совершится в будущем. Оно образуется от личной формы вспомогательного глагола *xāstan* «хотеть» без приставки *mi-* и усеченного инфинитива основного глагола: *xāham kard* «сделаю», *xāhi kard* «сделаешь» и др. В отрицательной форме отрицательная приставка *na-* присоединяется к личной форме вспомогательного глагола: *naḫāham kard* «не сделаю». Как видим, «осетинские и персидские глаголы обнаруживают много сходств и аналогий и являются наследием древнеиранских форм» [Сатцаев 2015].

Прошедшее время

В осетинском языке прошедшее время от всех глаголов образуется по одной схеме – путем прибавления личных окончаний к основе прошедшего времени (чаще всего равного причастию прошедшего времени).

Прошедшее время от глаголов несовершенного вида имеет значение действия, осуществлявшегося раньше момента речи, причем чаще всего это длительно совершавшееся действие: *Лæппу æнцæд бадти* «Парень спокойно сидел». Эта форма может выражать также ирреальное действие, то есть такое, которое было желательным, но не осуществилось в реальности. Значение ирреальности действия всегда подчеркивается наличием в конструкции противительного союза *фæлæ* «но»: *Зæлинаæ дæр нæмæ цыди, фæлæ йын нæ бантысти*. «Залина тоже ехала (то есть собиралась ехать) с нами, но не смогла».

Глаголы совершенного вида в прошедшем времени имеют значение действия, состоявшегося в определенное время до момента речи: *Зæлинаæ дæр нæмæ ацыди* «Залина тоже поехала с нами».

Персидский язык гораздо богаче формами прошедшего времени, которые имеют большой диапазон оттенков значений. Те же значения в осетинском выражаются в осетинском одной формой прошедшего времени при помощи присоединения разных провербов или путем употребления в конструкции (предложении) специальных лексических средств.

Простое прошедшее время (претерит) образуется в персидском языке путем прибавления к основе прошедшего времени личных окончаний, как и прошедшее время в осетинском. При этом в обоих языках в обоих языках форма 3 лица единственного числа представляет собой чистую основу: в персидском эта форма не имеет личного окончания: 1) *kardam* «(я) делал»; 2) *kardi* «(ты) делал»; 3) *kard* «(он) делал»; в осетинском же 3 лицо единственного числа непереходных глаголов имеет варианты: чистая основа, без личного окончания; усеченное личное окончание *-e*; полное личное окончание *-ис*: 1) *цардтæн* «(я) жил»; 2) *цардтæ* «(ты) жил»; 3) *цард, царди, цардис* «(он) жил».

Чаще всего простое прошедшее время обозначает состоявшееся действие без указания на его длительность или повторяемость: *Se hafte gozašt* «Прошло три недели».

Прошедшее длительное время (имперфект) также образуется от основы прошедшего времени путем прибавления личных окончаний, но, в отличие от простого прошедшего, в этой форме имеется приставка *mī-*: *mikardam, mikardi, mikard*. Для этой формы характерно значение незавершенного, длительно и многократно совершавшегося действия: *Tābestān-e gozašte bacččehā har ruz ābtani mikardand* «Прошлым летом дети каждый день купались». В осетинском языке подобное значение передается формой прошедшего времени глаголов несовершенного вида: *Фарон сæрды сывæллæттæ алы бон дæр сæхи надтой* «Прошлым летом дети каждый день купались».

Прошедшее конкретное время – аналитическая форма, не имеющая негативной формы, образуется из личных форм прошедшего длительного времени основного глагола и предшествующих ему личных форм прошедшего времени вспомогательного глагола *dāštan* «иметь». Таким образом, эта форма состоит из двух финитных глаголов (по способу образования не имеет аналога в осетинском языке): 1) *dāštam mikardam*; 2) *dāšti mikardi*; 3) *dāšt mikard*. Прошедшее конкретное время обозначает действие, происходившее в определенный момент: *Man dāštam mikardam* «Я делал» (в тот момент). Подобное значение в осетинском языке выражается формой прошедшего времени глагола, при котором обязательно употребляется местоименное слово: *уæд* «тогда», *уыцы рæстæг* «в это время» и др.: *Уыцы рæстæг æз куыстон* «В это время я работал».

Прошедшее-настоящее время (перфект) образуется от причастия прошедшего времени основного глагола и кратких форм глагола-связки *hast* «есть», «имеется»: *karde-am, karde-i, karde-ast*. По образованию эта форма соответствует прошедшему времени непереходных глаголов: как указывалось, выше, они образуются путем присоединения к основе прошедшего времени (совпадающего с причастием прошедшего времени) личных окончаний, образованных от вспомогательного глагола *уын / уæвын* «быть»: *дæн, дæ, ис; стæм, стут, сты*. В обоих языках в 3 лице единственного числа может опускаться глагол-связка (или личное окончание – в осетинском). Особенно это явление распространено в разговорной речи: *Цы 'рцыд?* (полная форма – æрцыд-ис). *Їе ettefāq-i ofiāde?* «Что случилось?»

Особенностью значения прошедше-настоящего времени является то, что оно указывает не только на само свершившееся действие, но и на его отношение к моменту речи: *U nahār xorde-ast* «Он уже пообедал» (до момента речи); *Šomā-rā pā-ye telefon xāste-and* «Вас зовут к телефону» (действие началось до момента речи).

и продолжается после). В осетинском аналогичные значения выражаются глаголами прошедшего времени в сочетании с обстоятельственными словами типа *ныридаггаен* «уже», «к настоящему моменту»: *Уый ныридаггаен сихор бахорд-та* «Он уже пообедал» (букв. съел обед) или глаголами настоящего времени: *Телефонмæ дæм дзур-ыны* «Тебя зовут к телефону».

Прошедшее-настоящее длительное время, свойственное книжной речи, книжному стилю, образуется от форм прошедшее-настоящего времени при помощи приставки *mī-*: *mikarde-am*, *mikarde-i*, *mikarde-ast*. Данная форма выражает длительное, многократное действие, совершавшееся в прошлом: *Man mikarde-am* «Я делал» (в значении «раньше я делал», «бывало, я делал»). В осетинском длительность, многократность совершавшегося в прошлом действия подчеркивает частица *-у*, которая может прикрепляться как к глаголу прошедшего времени, так и любому другому слову, с которого начинается предложение: *Афтæ-у кодтон* «Так (я) делал (бывало)»; *æз-у афтæ кодтон* «я (бывало) так делал»; *кодтон-у афтæ* «делал (я) так (бывало)».

Преждепрошедшее время (плюсквамперфект), аналитическая форма, образующаяся от причастия прошедшего времени и финитных форм простого прошедшего времени вспомогательного глагола *budan* «быть»: *karde budam*, *karde budi*, *karde bud*. Эта форма соотносит действие не с моментом речи, а с моментом совершения какого-то другого действия в прошлом, то есть выражает время прошедшего действия, совершенного до начала другого прошедшего действия. Преждепрошедшее время характерно для сложно-подчиненных предложений: *Ketāb-i-ra ke xānde budan be ketābxane-ye dānešgāh pas dādan* «Книгу, которую прочитал, я возвратил в библиотеку университета». В осетинском языке нет аналитических форм, присущих другим иранским языкам, в том числе персидскому [Сатцаев 2020: 54], однако значение, выражаемое пер-

сидским плюсквамперфектом, доступно ему путем использования синтаксических и лексических средств. В частности, определенного порядка расположения частей сложного предложения: *Цы чиныг бакас-таен, уый университеты чиныгдонмæ рат-тон* букв. «Которую книгу (я) прочитал, ее вернул в библиотеку университета».

Сослагательное наклонение в сопоставляемых языках представлено меньшим, по сравнению с изъявительным наклонением, количеством временных форм. Так, в осетинском языке это только настоящее-будущее время, а в персидском «сослагательное наклонение имеет два главных времени: настоящее-будущее (*اخبارى مضارع*)), традиционно называемое аористом, и прошедшее, обычно называемое в грамматиках прошедшим предположительным временем» [Хосани и др. 2013]

Настояще-будущее время осетинских глаголов сослагательно-го наклонения образуется от основы настоящего времени путем прибавления специальных личных окончаний и имеет следующие значения:

- действие (процесс, состояние), предполагаемое к осуществлению в момент речи: *Ныр та дæумæ байхъус-он* «А теперь (я) слушаю тебя»;

- возможное, предполагаемое действие, которое может произойти после момента речи; обычно такое значение выражается, помимо формы глагола, модальным словом *хъуамæ* со значением долженствования: *æз хъуамæ ныфффыссон* «я должен написать»;

- возможное действие, при условии совершения которого будет осуществляться другое действие; глаголы с таким значением употребляются в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени или условия: *Мæ куыст куы фæу-он, уæд æцæудзынæн* «Когда (я) закончу свою работу, то уйду».

Настояще-будущее время персидских глаголов сослагательного наклонения образуется от основы настоящего времени путем прибавления приставки *be-* и личных окончаний и выражает условие в придаточном предложении, побуждение, желательность: *bekonam* «пусть/если сделаю», *bekoni*, *bekonad*. Приставка *be-* отсутствует в форме аориста у префиксальных глаголов и часто опускается в той же форме сложных глаголов, а также при отрицании: *na-konam* «если не сделаю». Как отмечает Ю.А. Рубинчик, «аорист употребляется в тех случаях, когда совершение действия является не обязательным, а только возможным» [Рубинчик 2001: 250]. По выражаемым значениям аорист соответствует настояще-будущему времени осетинского глагола: действие, которое должно произойти или произойдет при определенных условиях.

В сопоставляемых языках обе временные формы независимо от других языковых средств могут выражать модальный смысл предложения: *Мацы зæгъ-æд йæ фыртæн. Ве pesar-aš naguead* «Пусть (он) ничего не говорит своему сыну»; или же ставятся после модальных слов: *Хъуамæ байрæджы кæнон. Šāyad dir konam* «Возможно, (я) опоздаю».

Прошедшее предположительное время образуется от причастия прошедшего времени основного глагола и форм аориста вспомогательного глагола *budan*: *karde bāšam*, *karde bāši*, *karde bāšad* и др. В негативной форме отрицательная частица *na-* ставится перед причастием. Особенностью прошедшего предположительного времени является то, что оно выражает не свершившееся действие, а сомнение, предположение, желательность совершения действия в прошлом [Шафаги 2020]. Значения, выражаемые прошедшим предположительным временем персидского глагола, в осетинском характерны для настоящего-будущего времени сослагательного наклонения, настоящего-будущего и прошедшего времен желательного

го наклонения. Так, характерное для персидского глагола в этой временной форме значение сомнения относительно достоверности совершившегося действия: *Momken ast eštabāh karde bāšad* «Возможно, он ошибся» в осетинском выражается прошедшим временем желательного наклонения: *Уый дæр фæрæдыдаид* «И он, возможно, ошибся» и др.

Желательное наклонение имеет особые временные формы только в осетинском языке, однако выражаемые этими формами значения в персидском передаются временными формами изъявительного или сослагательного наклонений.

В осетинском языке настоящее-будущее время от глаголов в желательном наклонении выражает действие желаемое, возможное в будущем при определенных условиях: *Ам куы уаис, уæд дæ мææ ахонин* «Если бы (ты) (сейчас, в момент речи) был здесь, то (я) взял бы тебя с собой (сейчас, в момент речи)». Подобное значение в персидском имеет прошедшее предположительное время сослагательного наклонения: *Аgar eštabāh karde bāšam marā malāmat konid* «Если я ошибусь, то поругайте меня» - результат действия, которое может проявиться в будущем.

Прошедшее время желательного наклонения обозначает действие, которое могло бы произойти в прошлом, но не произошло, а осталось желаемым, предполагаемым: *Ам куы уыдаис, уæд дæ мææ ахуыдтаин* «Если бы ты был здесь (тогда, в прошлом, до момента речи), то я взял бы тебя с собой (в прошлом, до момента речи)».

2.7. Категория наклонения

В осетинском языке различают четыре наклонения: изъявительное, желательное, сослагательное и повелительное (детальному описанию форм и значений данной категории посвящена работа А.П. Выдрина [Выдрин 2011b]).

В современном персидском принято выделять три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Что касается желательного наклонения, то оно встречается в основном в языке классического периода. В значениях наклонений сопоставляемых языков больше общих черт, чем различий.

Изъявительное наклонение в обоих языках выражает реальное действие, осуществляемое в настоящем, прошедшем или будущем: *Уый ныртаекка æрбаæудзæнис* - *U dārad miāyad* «Он сейчас придет». Формы изъявительного наклонения в обоих языках могут передавать и другие значения, в том числе значения нереального, желаемого, предполагаемого действия и другие, рассмотренные нами в предыдущем разделе.

Сослагательное наклонение в осетинском языке выражает действие не реальное, а возможное, предполагаемое в настоящем или в будущем. Основными значениями сослагательного наклонения являются: долженствование (чаще всего это значение, наряду с формой глагола, подчеркивается наличием модального слова *хъуамæ* «должно»): *Æз хъуамæ сахуыр кæнон ирон æвзаг* «я должен выучить осетинский язык»; побуждение к действию: *Абон хорз бакусæм* «(Давайте) сегодня хорошо поработаем»; пожелание: *Уадз æмæ дæ цуан рæстмæ уа* «Пусть твоя охота будет удачной» и др. В персидское сослагательное наклонение также употребляется для выражения возможного, желаемого действия. Две временные формы – настоящее-будущее и прошедшее предположительное – различаются тем, что настоящее-будущее (аорист) обозначает действие безотносительно результата, а прошедшее предположительное подчеркивает наличие результата действия (см. предыдущий раздел). Надо отметить, что по данному вопросу существуют и иные мнения (см., например, [Панова 2001; Панова 2004]. Так, Ю.Н. Панова средства маркирования ирреального действия в персидском языке относит формы имперфекта, плюсквамперфекта

и прогрессива прошедшего времени: «Основная форма, используемая в ирреальных контекстах, — форма имперфекта, используемая без ограничений для маркирования ирреальных ситуаций, обладающих любыми аспектуальными и темпоральными характеристиками, в соответствии с отмечаемой лингвистами общей закономерностью, сочетает в себе семантику прошедшего времени и модальности / футуральности: в своих основных («не-ирреальных») употреблениях эта форма может обозначать гипотетическую ситуацию (будущую ситуацию), локализованную по отношению к точке отсчета в прошлом. Поскольку, однако, форма имперфекта, помимо ирреальных ситуаций, может также обозначать хабитуальные и гипотетические ситуации в прошлом, в некоторых случаях возникает неоднозначность интерпретации контекстов ирреального типа. В качестве одного из средств снятия этой неоднозначности персидский язык использует формы плюсквамперфекта и прогрессива прошедшего времени.

В семантике этих двух форм прошедшего времени, в отличие от формы имперфекта, отсутствуют какие бы то ни было модальные / футуральные компоненты: в своих основных употреблениях они обозначают фактические ситуации, предшествующие (в случае плюсквамперфекта) или строго синхронные точке отсчета в прошлом. Однако использование этих двух форм, отличающихся от формы имперфекта своей аспектуальной характеристикой маркируемой ими ситуации, в ирреальных контекстах, тем не менее, оказалось возможным, что обусловлено, очевидно, именно необходимостью снятия модальной / аспектуальной неоднозначности некоторых конструкций, маркированных формой имперфекта. При этом отсутствие в семантике форм плюсквамперфекта и прогрессива прошедшего времени модальных / футуральных компонентов не помешало вовлечению этих форм в систему ирреального маркирования персидского языка. Вероятно, это связано с тем, что,

как мы показали, в семантике самих ирреальных контекстов, как правило, содержатся некоторые модальные компоненты. [Панова 2004: 349-350]. Под прогрессивом прошедшего времени понимается форма, «наряду с другими формами прогрессивного аспекта относительно недавно появившаяся в системе глагольных форм персидского языка», которая «в своем основном употреблении используется для представления ситуации как актуально длящейся / динамично развивающейся в точке отсчета, локализованной в прошлом. Наиболее типичный случай употребления формы прогрессива прошедшего времени может быть проиллюстрирован следующим примером:

(21) Man ke az dar vâred šodam,
я SUB из дверь входить:PRET:1SG
dâšt migoft...

говорить: PROG:PAST:3SG

‘Когда я вошел в дверь, он как раз говорил...’ [PD: 39]» [Панова 2004: 343].

Желательное наклонение в осетинском языке выражает нереальное действие, то есть такое, которое не осуществляется, не будет осуществляться и не осуществлялось. Как отмечает А.П. Выдрин, специально контрафактическое наклонение употребляется как в сложных предложениях, так и независимо, при этом в сложных предложениях «контрафактив употребляется в условных конструкциях с контрафактическим условием, в негенерализованных условно-уступительных предложениях с контрафактическим условием/уступкой в прошлом, в генерализованных уступительных предложениях в прошлом, в придаточных целевых, относящихся к плану прошлого (при условии, что цель не была достигнута). Контрафактив обязательно употребляется после модальной частицы хъуамæ ‘должен’ в ситуации прошедшего (ситуация при этом может быть как фактической, так и контрафактической). Употребляясь

независимо, это наклонение передает контрафактическое желание, гипотетическую внутреннюю и внешнюю возможность в ситуации прошлого и эпистемическое предположение о ситуации в прошлом» [Выдрин 2010: 33]. Форма желательного наклонения путем прибавления к основе настоящего времени специального показателя контрафактивности *и* в настояще-будущем времени (цæуын «идти» - цæуин «(я) шел бы (сейчас)») и показателя *аи* к основе прошедшего времени (цыдаин «(я) шел бы (в прошлом)»).

Что касается современного персидского языка, то в нем «сохранились лишь некоторые из глагольных форм желательного наклонения, например: *budan* «быть» *bād* «да будет» *Khodā u ga biāmorzad* «да простит его бог».

По мнению исследователей персидского языка, формы 1-го и 3-го лица глаголов пожелания не образуют самостоятельного наклонения, но они обладают оттенками побуждения и просьбы (желания), и их поэтому иногда включают в состав повелительного наклонения» [Асади 2006: 20-21].

Повелительное наклонение в обоих сопоставляемых языках выражает побуждение к действию, просьбу, предложение или категорическое требование совершить или не совершать какое-либо действие: *Ma kæn! Nakon!* «Не делай!»

В осетинском языке побуждение к действию может относиться не только ко второму или третьему лицу (лицам), но и к самому говорящему или группе лиц, в числе которых находится говорящий. Таким образом, императивные формы образуются от глаголов не только 2 и 3 лица, но и 1.

Рассмотрим формы императива от глагола *зарын* «петь» (табл. 19).

лицо	Ед.ч.	Мн.ч.
1	зар-он	зар-æм
2	зар-ø	зар-ут
3	зар-æд	зар-æнт

Формы 1 лица единственного и множественного числа, а также форму 2 лица множественного числа А.П. Выдрин называет «не-специализированными формами императива» [Выдрин 2011: 171], так как обе формы 1 лица совпадают с соответствующими формами сослагательного наклонения (конъюнктива), а форма 2 лица множественного лица – с аналогичной формой настоящего времени изъявительного наклонения (индикатива). На этом основании формы 1 лица чаще всего не включаются в парадигму императива [Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965; Камболов 2006 и др.] Таким образом, специализированные формы императива имеют 2 лицо единственного числа (нулевое окончание) и единственного и множественного числа 3 лица.

В персидском языке императив употребляется только во 2 лице единственного и множественного числа и образуется от основы настоящего времени с помощью приставки *be-*. В отрицательной форме приставка *be-* заменяется на отрицательную частицу *na-* : *na- kon* «не делай». Как и в осетинском, 2 лицо в единственном числе не имеет личного окончания (нулевое окончание): *kæn* – *bekon* «делай»; а множественное число имеет окончание *-id*: *bekonid* «делайте». Для усиления отрицания вместо частицы *na-* может употребляться частица *ta-*: *tagi* «не говори». Примечательно, что в осетинском языке при глаголе в императиве употребляется только отрицательная частица *ma*: *ma dzur* «не говори».

Если в осетинском все глаголы образуют форму повелительного наклонения одинаково, по одной и той же схеме, с одними и

теми же окончаниями, то в персидском таких словообразовательных схем больше. Так, в префиксальных глаголах с префиксом *bar-* не употребляется приставка *be-*: *bar-xiz* «встань»; также не имеет в повелительном наклонении приставки *be-* вспомогательный глагол *budan* «быть»: *bāš* «будь», *bāsid* «будьте»; повелительное наклонение от глагола *dāštan* «иметь» образуется от причастия прошедшего времени этого глагола и формы повелительного наклонения вспомогательного глагола *budan*: *dāšte bāš* «имей», *dāšte bāsid* «имейте».

2.8. Категория залога

В обоих сопоставляемых языках категория залога выражена слабо. Так, в осетинском языке отношения между субъектом и объектом действия не выражаются особыми формами глагола, поэтому можно констатировать, что «глагол в осетинском языке, можно сказать, в залоговом отношении не дифференцируется» [Багаев 1965: 276].

В персидском языке принято выделять активный и пассивный залого. При этом активный залог показывает, что действие прямо переходит на объект, а пассивный залог указывает на то, что предмет, выступающий в роли подлежащего, не производит действие, а само испытывает на себе действие субъекта, выступающего в роли агентивного дополнения.

Категория залога тесно связана с понятием переходности / непереходности глагола, поэтому отношение разных глаголов к объекту, а также каузативные и пассивные конструкции мы рассматриваем выше, в соответствующем разделе.

2.9. Категория лица / числа

Лицо – это «грамматическая словоизменительная категория глагола (в некоторых языках также имени в позиции сказуемого), обозначающая отношение субъекта действия (процесса, качества) (иногда и объекта) к говорящему лицу» [ЛЭС 1990: 271]. В сопоставляемых языках различают три лица – первое, второе и третье. Форма 1 лица указывает, что субъектом действия является говорящий (*уынын, tibiṇat* «вижу»), форма 2 лица указывает на собеседника как субъекта действия (*уыныс, tibiṇi* «видишь»), а 3 лицо указывает на то, что субъектом действия является лицо, не участвующее в речевом акте (*уыны, tibiṇad* «видит»). В обоих языках различия между лицами выражаются личными окончаниями глаголов. В отличие от осетинского, в персидском в 3 лице единственного числа «простого прошедшего времени категория лица не выражается, и поэтому для понимания значения необходимо знание конкретного субъекта или предшествующего контекста» [Рубинчик 2001: 262]. Множественное число глаголов имеет собственные личные окончания: 1) *уынаѐм, tibiṇim* «видим»; 2) *уынут, tibiṇid* «видите»; 3) *уыныны, tibiṇand* «видят».

Основное отличие между личными формами осетинских и персидских глаголов заключается в том, что в персидском все глаголы спрягаются по одному типу, имеют, независимо от временной формы и наклонения, одни и те же личные окончания, в то время как в осетинском каждая временная форма имеет собственные личные окончания, а в прошедшем времени изъявительного наклонения различные окончания имеют переходные и непереходные глаголы.

В обоих языках есть глаголы, которые, могут употребляться только в 3 лице – они обозначают действия, состояния или процессы, которые не могут производиться личностью. В осетинском это глаголы типа *хъызын* «морозить», *уарын* «идти (об осадках)»,

ævzæryn «прорастать», *згъæлын* «сыпаться» и др. В персидском подобным свойством обладают глаголы типа *dard kardan* «болеть», *be dard xordan* «годиться», *xoš āmadan* «нравиться» и др. В обоих языках только форму 3 лица имеют глаголы в составе устойчивых глагольных сочетаний (по сути, фразеологизмов) типа *зæрдæ æхсайы* «сердце тревожится», *мæ сæр мæ хæры* «у меня голова чешется», *entezār miravad* «ожидается», *tasavvor miravad* «предполагается», *banā ast* «решено» и др.

2.10. Категория вида

Категория аспекта, несмотря на свою универсальность, в разных языках может проявляться по-разному, то есть грамматически тип с его бинарной оппозицией совершенного и несовершенного вида вовсе не обязателен для всех языков. ««Бинарной» трактовке категории вида (неудачной, на наш взгляд, как в качестве кандидата на типологическую универсальность, так и в связи с эксплицитной или имплицитной опорой на метафору «целостности») в типологии издавна противостоит традиция, исходящая из идеи иного устройства универсальной семантической зоны аспекта. Согласно этой «множественной» трактовке, число элементарных аспектуальных грамем, обслуживающих ту часть универсального грамматического набора, которая соотносится с аспектом, существенно больше двух, а их классификация имеет весьма сложную структуру. Наряду с этим, в конкретно-языковых аспектуальных системах мы наблюдаем, как правило, выражение нескольких универсальных значений с помощью одного полисемичного показателя (так называемое «совмещение значений», порождающее грамматические кластеры, число которых, как можно полагать, не очень велико, и которые могут совпадать в разных, в том числе

неродственных, языках). Но даже и конкретно-языковые системы с полисемичными аспектуальными показателями кластерного характера в большинстве случаев насчитывают более двух таких показателей, т. е. и на конкретно-языковом уровне аспектуальность бинарность вовсе не является преобладающей тенденцией. Так, типичный набор аспектуальных показателей в глагольной системе может включать, например, перфектив, дуратив, перфект и хабитуалис, что весьма непохоже на бинарную аспектуальную систему» [Плунгян 2012: 11-12].

С точки зрения аспектуальности в осетинском языке выделяют два вида глагола - совершенный и несовершенный. Глаголы несовершенного вида обозначают действия, процессы в их течении, совершении, в то время как совершенный вид глагола указывает на завершившееся действие. Основным способом выражения предельности действия, то есть образования совершенного вида, является префиксация: практически любой глагол несовершенного вида при присоединении к нему одного из восьми продуктивных превербов (см. табл. 10) приобретает совершенный вид. Однако бинарность аспектуальной оппозиции достаточно сильно отличается от оппозиции «славянского типа», что подробно описано в работах [Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Выдрин 2016; Выдрин 2020; Козырева 1951; Левитская 2004; Левитская 2007 и др.]. Говорится, в частности, о том, что основная грамматическая функция осетинских превербов – перфективирующая, выражение предельности, при этом практически все превербы – не «чистовидовые», несущие вполне определенное значение, то есть здесь «можно говорить об общих тенденциях преобразования системы глагольных ограничителей в систему с классифицирующими аспектуальными показателями (событийной) перфективности. Тенденции эти коснулись практически всех языков, располагавших показателями глагольной ориентации. Наиболее близкими к славянским языкам по степени

грамматикализованности деривационного вида являются грузинский и особенно осетинский языки» [Плунгян 2012: 25], имеющие системы с деривационным выражением комплетивности на основе глагольных ограничителей-классификаторов. А.А. Левитская отмечает, что в осетинском языке есть глаголы, не имеющее «имперфективных коррелятов»: это глаголы длительно-ограничительного (пердуративного) способа действия с превербом фæ-; ограничительного способа действия; ненаправленного движения/перемещения; многоактного способа действия; начинательного способа действия, объясняя этот факт тем, что «идея ограниченности протекания действия определенными временными рамками обуславливает невозможность представления этих действий как процессуальных. [Левитская 2014: 29]. В то же время А.П. Выдрин утверждает, что превербы «сохраняют свою основную перфективирующую функцию в прошедшем и будущем времени изъявительного наклонения, а также в косвенных наклонениях. Таким образом, взаимодействие превербов и показателей времени и наклонения по большей части является тривиальным. Нетривиальным случаем взаимодействия является употребление превербов с предикатом в настоящем времени» [Выдрин 2016: 11]: в этом случае, по справедливому замечанию автора, при глаголе движения или перемещения в настоящем времени преверб теряет перфективирующую функцию и сохраняет «локативно-дейктическое значение. Ср. пример ниже, где преверб æрба- употребляется только для выражения направления движения к говорящему, который находится внутри; при этом само движение является незавершенным.

(6) *Æмæ дын мæм уæртæ*

и 2SG.ENCL.DAT 1SG.ENCL.ALL вон

æрба-цæу-ынц, æмæ дын

PREF-идти-PRS.3PL и 2SG.ENCL.DAT

сæ къух-т-ы æртæ къопп-ы

POSS.3PL рука-PL-INESS три коробка-GEN

йедтæмæ нæ.

кроме NEG

‘И вот они идут ко мне, и у них в руках только лишь три коробочки’. <...>

При употреблении преверба с предикатом в настоящем времени, не входящим в класс глаголов движения или перемещения, перфективирующая функция преверба меняется как правило на хабитуально-итеративную» [Там же: 12].

В персидском языке нет бинарной оппозиции аспектиальности, и на этом основании многие исследователи не выделяют в системе глагола категорию вида (см., например, [Рубинчик 2001; Шейхи и др.2017]). Однако существуют и другие мнения. «Иранские ученые расходятся во мнениях относительно видового числа и в общей сложности категории вида, не получившей четкого грамматического выражения в персидском языке», - пишет Шейхи Д.Н. [Шейхи и др. 2017] и указывает, что Шафаи в структуре вида выделяет простое прошедшее (завершенное действие) и простое длительное время (длительное, повторяющееся, многократно совершавшееся), в то время как З. Таджоддин и М. Ешгави выявляют три видовые группы, противопоставляя их грамматическим временам: 1) совершенный вид, 2) несовершенный вид, 3) сложный вид. Ученый Х. Фаршидвард выделяет целых пять глагольных видов: неопределенный, указывающий на неопределенность предельности/непредельности, завершенности/ незавершенности действия; незавершенный, указывающий на совершение незаконченного действия в определенный момент; совершенный, указывающий на завершение действия в определенный момент; полусовершенный, охватывающий промежуточную границу между незавершенным и совершенным видами [Шейхи и др. 2017]. Тем не менее, ясно то, что видовые различия и оттенки аспектиальности в персидском

языке передаются при помощи различных временных форм, иногда во взаимодействии с особыми лексическими средствами (см. выше соответствующий раздел).

2.11. Непрягаемые глагольные формы (причастие и деепричастие)

Причастие

Языковедческий интерес к сопоставительному анализу осетинских и персидских причастий и деепричастий диктуется новыми условиями и предпосылками сегодняшнего дня. До сих пор указанная проблема не рассматривалась ни в осетинском, ни в персидском, хотя оба языка относятся к иранской группе индоевропейской семьи. Именно это явление и подчеркивает исключительную актуальность исследуемой проблемы.

В связи с этим возникает необходимость более глубокого теоретического и практического исследования аспектов изучения причастий и деепричастий осетинского и персидского языков в сопоставительном рассмотрении.

Широкая функциональная маневренность причастий объясняется их морфологической двуприродностью или, лучше, — многоприродностью частей речи — *глагола* и *имени*.

Причастия к выбору признаков той или иной части речи подходят весьма избирательно: в стороне остаются именно те признаки, которые бы не мешали свободному маневрированию в пространстве предложения между именем глаголом.

Так, например, осетинские и персидские причастия, отказавшись от форм спряжения, категории рода, лица и т.д., оставляют только категории залога и времени ввиду того, что глагол в этих двух языках всегда отличался залоговой недифференцированностью.

По мнению В.И. Абаева, «залоговые границы между причастиями весьма текучи и зыбки... Три значения присущи этим причастиям: *субъект действия, объект действия, самое действие*. Но эти три значения отнюдь не распределены четко между тремя причастными формами. Напротив, каждая причастная форма могла принимать и то, и другое, и третье значение в зависимости от конкретных условий и потребностей» [Абаев 1949: 571]. О залоговой недифференцированности писал и А.М. Шёгрэн [Шёгрэн 1844: 424 – 426].

Своеобразная амальгамность причастий, когда одно означающее может выражать несколько означаемых, основывается на том факте, что и осетинские, и персидские причастия предстают в виде моста между двумя зонами – между именными частями речи, с одной стороны, и глагольными частями речи, с другой.

Естественно, отмеченное выше свойство двуприродности (или многоприродности) причастия не могло не иметь свои негативные последствия: исследователи персидского и осетинского языков, справедливо делившие морфологию языка по «черно-белому» рецепту – трафарету: «имя и глагол», оказались и оказываются до сих пор в затруднении перед загадочностью данного класса слов.

Красноречивым подтверждением сказанного могут служить многочисленные факты неоднозначного восприятия сути причастий. Даже в общей теории языка нет полного согласия относительно данной лингвистической единицы. Сказанное проявляется уже в самом названии – термине «причастие», которое как калька с латинского *particium* [ЛЭС 1990: 399], похоже, навязывает исследователям других этно-языков понятие «причастия», необязательно присущее другим языкам. Было бы правильнее, если бы лингвисты не использовали это понятие, а старались бы «сконструировать» новое понятие, адекватно отражающее соответствующий лингвистический объект, как это, к слову, в осетинском языкознании, где

вместо «причастия» принято название «*миногми*» (*миног* – «признак» + *ми* – «действие»).

Однако больше расхождений мы видим в восприятии того понятия, которое заключено в анализируемом термине. Так, у О.С. Ахмановой даются «родовое глагольное слово», «склоняемое глагольное имя», «именная форма глагола» [Ахманова 1969: 363]; в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» – «нефинитная форма глагола» [ЛЭС 1990: 339]. В отдельных исследованиях: «именные формы отглагольных основ» [Мейе 191: 168], «прилагательное» [Мейе 1914: 336], «именные формы» [Барроу 1976: 342]; «отглагольные или первичные имена» [Одри 1988: 46], «именные формы глагола» [Одри 1988: 79], «глагольные имена» [Соколов 1979: 227 – 265], «именные формы глагола» и «отглагольные прилагательные» [Багаев 1965: 350 – 355], «неличные или неспрягаемые глагольные формы» [Овчинникова 1956: 317 – 326], у А.М. Шегрена: «неокончателное наклонение» [Шегрен 1844: 421] и т.д.

Очевидно, что отмеченная пестрота восприятий сути причастий имеет и объективные, и субъективные корни-причины. Во-первых, приведенные названия чаще всего оказываются родовыми для инфинитива, причастия, деепричастия, герундия и т.д., границы между которыми в тех или иных языках предстают довольно сомнительными. Во-вторых, в разных языках или в разных периодах развития одного и того же языка, или у разных авторов доминирующими оказываются отдельные определения: *неличные формы глагола, нефинитные формы глагола, отглагольные имена, глагольные имена, именные формы глагола* и т.д.

Большинство ученых описание причастия помещает под рубрикой «Глагол». Во многих же других работах причастие описывается сразу под двумя рубриками: «Имя» и «Глагол» (А.М. Шегрен, 1844; А. Мейе, 1914; А. Мейе, 1938; Ж. Одри, 1988 и др).

Опираясь на отмеченное, лучше судить о причастиях персидского и осетинского языков как о дву или многоприродных формах глагола, что является ближе к языковой реальности.

Для рассмотрения причастий и деепричастий в осетинском и персидском языках в сопоставительном аспекте обратимся к следующему тексту: «Осетинский язык представляет остаток древней скифской группы, совершенно от указанного выше персидского и авестийского типа... Он стоит в видимом родстве с современными говорами Памира и языком древних согдийских текстов, которые могут представлять другую часть скифской группы» [Мейе 1914: 54; Мейе 1938: 92] и ягнобскому, на котором ныне говорят к востоку от Самарканда [Мейе 1938: 92].

Касательно персидского читаем: «На территории Исламской Республики Иран (ИРИ) вследствие особых историко-географических и политических условий, в которых проходило развитие этой многонациональной страны и формирование ее населения, существует огромное количество языков и диалектов. Наряду с языками иранской группы здесь распространены тюркские и семитские языки.

Согласно новой конституции ИРИ, принятой в результате референдума в декабре 1979 г., официальным государственным языком страны является персидский. Этот язык, являющийся родным для персов (составляющих немного менее половины населения), для других народов, населяющих Иран (это азербайджанцы, курды, белуджи, луры, бахтияры, кашкайцы, туркмены, арабы, армяне и др.), служит средством межэтнического общения» [Рубинчик 2001: 6] и еще: «Современный персидский, распадающийся на три близкородственных варианта, признанных официальными в качестве отдельных национальных языков в трёх странах Азии: Иране, Афганистане, Таджикистане. Из них наибольшей известностью и влиянием обладает *западный персидский язык* (западный фар-

си, собственно фарси), что обусловлено и бóльшим количеством носителей, и бóльшим экономическим потенциалом Ирана» [Персидский язык org.viki].

Можно сделать вывод, что причастие появилось в очень древний период и предстает как бы переходным этапом от имен к спрягаемому глаголу. Эту мысль подтверждает тот факт, что в причастиях нет указания на лицо, нет залоговой четкости, что персидские и осетинские причастия представляют собой одно из противоречивых и самых «сложных явлений языка и охватывают разнообразную по грамматическим свойствам категорию слов» [Рубинчик 2001: 269].

Рассмотрим более подробно суть собственно причастия в осетинском и персидском языках.

В осетинском языкознании словообразование причастий сводится только к морфологическому – аффиксальному (*суффиксальному*) способу. Такое положение, вероятнее всего, есть результат недифференцированного подхода к статусу причастий, при котором последние рассматриваются не как единицы самостоятельной части речи, а всего-навсего как случаи сочетания признаков глагола и прилагательного. В нашем определении немалую роль играет авторитет русского языкознания, в котором принято считать, что «причастие – это атрибутивная форма глагола, в котором совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т.е. значения действия и собственно определительное» [Русская грамматика 1982: 665]. Именно поэтому в осетинском языкознании также распространено мнение, что «причастием называется глагольное прилагательное, обозначающее действие, приписываемое лицу или предмету как его признак во времени. Хотя, как мы увидим ниже, для осетинского причастия признак времени, равно как и другие глагольные признаки – залог, вид и т.п. – не столь существенны [Качмазова 2006: 11 – 19].

Прежде всего считается, что причастие в осетинском языке, как и в других индоевропейских языках, *совмещает в себе признаки глагола и прилагательного* [Грамматика осетинского языка 1963: 268].

Следует заметить, что в указанном восприятии причастий их словообразовательные признаки смешиваются с частеречным статусом: вообще, в результате чего в орбиту описания попадает только наиболее общий деривационно-частеречный признак, а именно наличие тех или иных суффиксов, присоединяемых к глаголу.

Сказанное, очевидно, порождается следующим обстоятельством: как известно, термин «морфология» включает в себя такие морфологии, как: 1) частеречная морфология, 2) морфемная морфология, 3) словообразовательная морфология, 4) словоизменяемая морфология.

Довольно часто эти аспекты не различаются, иногда же редуцируются до двух, а то и одного типа.

Именно это обстоятельство весьма запутывает исследования и языковую действительность.

Следовательно, не ошибемся, если мы определим такое положение и для осетинского причастия, в изучении – исследовании которого больше неясностей, чем пробелов.

Следует отметить, что причастиям довольно часто отказывают в статусе слова, определяя их как отглагольные формы, в результате чего употребление самого термина «словообразование» по отношению к причастиям становится нецелесообразным. В этом смысле поучительно, например, то обстоятельство, что при описании частей речи, дается система их словообразования, а там, где говорится о причастиях, употребляется выражение «образование причастий» (Ср.: в [Русская грамматика 1982: 129]).

Само собой, понятно, что отмеченное выше не лучшим образом сказывается в деле изучения истинной сути причастий, ибо ото-

ждествление понятия «части речи» с каким-то одним способом (средством) словообразования, несомненно, затушевывает подлинную сущность того или иного класса слов.

В изучении осетинско-персидских причастий для восстановления их полного статуса как самостоятельных слов необходимо системное описание всех их словообразовательных способов, средств, типов. Только такое системное представление их деривационной морфологии позволит увидеть в причастиях самостоятельный лексико-грамматический класс слов, в которых тесно переплелись собственно словообразовательные средства и способы выражения грамматических значений (Ср.: [Кодухов 1987: 214-219; 232-235; Брагина 1986: 211-215; Ахманова 1969; Улуханов 1977; Русская грамматика 1982; ЛЭС 1990 и др.]).

Словообразование как часть ономазиологии тесно связана с другими уровнями языка, со словоизменительными категориями частей речи, что позволяет ему устанавливать связи между отдельными частями речи [ЛЭС 1990: 467] и при этом представлять как систему словообразовательных гнезд, рядов, парадигм, типов.

То обстоятельство, что причастия одними учеными вообще не признаются и не выделяются, другими выделяются как самостоятельная часть речи, третьими – как «смешанная часть речи», четвертыми – как «отглагольные имена», пятыми – как «имена» и т.п., наводит на мысль о необходимости обращения к словообразованию причастий и представлению его как системы.

Если взять, например, за основу определение причастий, в котором говорится, что причастие это отглагольные прилагательные, сохранившие от глагола «вид, время, переходность / непереходность, залог, возвратность / невозвратность» и приобретение от прилагательного склоняемость, изменяемость по родам, согласование с существительными в роде, числе, падеже» [Русская грамматика 1982: 301 – 303], то мы обнаружим невозможность приме-

нения этих критериев по отношению к осетинским и персидским причастиям.

В действительности, и персидские, и осетинские причастия, как было выше отмечено, характеризуются залоговой, временной, видовой недифференцированностью, да и переходность / непереходность слишком сомнительный критерий.

Что касается прилагательных обоих языков, то они вообще не склоняются, не изменяются по родам (ввиду отсутствия категории рода и в осетинском, и в персидском), не согласуются с существительными, а примыкают к ним.

Иными словами, осетинские и персидские причастия предстают как неграмматикализованные действия в функции неграмматикализованных признаков лица или предмета. Именно отсутствие четкой грамматичности в причастиях, т.е. то обстоятельство, что они образуются тем или иным деривационным способом от глагольных корней, обозначающих самое только действие (процесс, состояние), заставляет обратиться для установления их лингвистического статуса в системе их словообразования.

Как было отмечено выше, словообразовательная и словоизменяющая (грамматические способы) системы в характеризуемых языках тесно переплетены, что уже обнаруживается в общности их типов, способов и средств.

При этом, как известно, выделяются следующие типы грамматических способов: *синтетический, аналитический, смешанный, супплетивный и лексический*.

К синтетическим относятся аффиксальный способ, ударение, чередование звуков, к аналитическим – слова, контекст, интонация, к смешанному типу – синтетические и аналитические средства [Ахманова 1969: 448; Кодухов 1987: 214 – 219].

Далее следует сказать, что словообразование представлено такими типами: аффиксальный, лексико-семантический, морфоло-

гический (фонетико-морфологический), парасинтетический, семантический, синтаксический) [Ахманова 1969: 424].

В рассматриваемых персидско-осетинских причастиях, как это будет показано ниже, используются почти все названные выше типы, способы, средства, но все – только в словообразовательном плане.

При этом здесь можно использовать и мнение В.И. Абаева о том, что категория залога в осетинском может быть выражена: «а) лексически, т.е., различием основ (*хауын* «падать» – *æппарын* «бросать»; б) морфологически, т.е. чередованием гласных (*калын* «течь» – *калын* «сыпать»); в) морфологически – различием форм в прошедшем времени (*хъуысти* «слышалось» – *хъуыста* «слышал»; г) словосочетанием *бадын* «сидеть, сажу» – *бадын каенын* «приглашать садиться)» [Абаев 1949: 567].

Итак, наше рассмотрение осетинских и персидских причастий в сопоставительном аспекте начнем с системы словообразования.

2.11.1. Причастия настоящего времени персидского и осетинского языков

В персидском языке причастия настоящего времени вызывают некоторые несогласия среди грамматистов. К слову, по мнению Л.С. Пейсикова, «связь значения этих форм со значением действия не дает права включать их в разряд причастий...» [Цит. по Рубинчик 2001: 362], выходит, что причастия в настоящем времени считаются исключенными из ряда этого класса слов. А у Ю.А. Рубинчика по этому поводу читаем: «Ряд грамматистов вообще исключают причастия настоящего времени из состава причастных форм и рассматривают их среди имен существительных и прилагательных, образованных с помощью суффиксов *-gar*; *-gār* и др., а также глагольных полуаффиксов. Такой подход характерен для большинства иранских авторов» [Рубинчик 2001: 276 – 277].

Но, если указанные слова-причастия в своей основе имеют глагол, то, вероятнее всего, стоит их рассмотреть под другим углом зрения. Часто в современном осетинском языке тоже появляются такого рода сомнения: относить ли то или иное глагольное образование к разряду причастий, но мы не можем упускать здесь транспозиционные возможности уникального причастия. Естественно, что при любом таком изменении (субстантивации, адverbииализации, адъективации) наше причастие начинает подвергаться сомнению.

Итак, причастия настоящего времени в персидском по Ю.А. Рубинчику представлены следующим образом: «Причастия с суффиксом» *-ande* образуются присоединением к ОНВ глагола суф. *-ande:nevis* + *ande* → *nevisande* «пишущий», «писатель» (*neveštan* «писать»); *baxš* + *ande* → *baxšande* «щедрый», «великодушный», «милосердный» (*baxšidan* «дарить», «жаловать», «извинять», «миловать») [Рубинчик 2001: 277].

Известно, что в персидском «при образовании причастий настоящего времени от префиксальных глаголов происходит слияние префикса с основной формой, главное ударение с префикса переносится на последний слог: *farāxānandé* «вызывающий», «призывающий», «отзывающий» (*farā-xāndan* «вызывать», «призывать», «отзывать»); *fortunešānandé* «усмиряющий», «успокаивающий»; (*foru-nešāndan* «усмирять», «успокаивать») [Рубинчик 2001: 277].

Суффикс *-ande* в персидском имеет широкие возможности в образовании причастий от сложных глаголов, чаще всего это происходит, «когда в качестве компонирующего глагола участие принимает глагол *kardan* «делать»: *ijādkonande* «создающий», «создатель» (*ijādkardan* «создавать»); *šekatkonande* «участвующий», «участник» (*šekatkardan* «участвовать») и т.д. и также «при образовании причастий с суф. *-ande* от СГ, в состав которых входит не глагол *kardan*, а другие компонирующие глаголы, в качестве словообразовательного коррелята всегда берется такое сочетание

именной части и компонирующего глагола, которое является наиболее употребительным, а другие эквивалентные компонирующие глаголы обычно не участвуют в образовании причастных форм: *nejātdehande* «спасающий», «спасатель» (*nejātdādan* = *nejātbaxšidan* «спасать»), *āzārdehande* «мучающий», «мучитель» (*āzārdādan* = *āzārrasāndan* «мучить») [Рубинчик 2001: 278].

Итак, понятно, что причастия с суф. *-ande* образуются как от простых, так и от сложных глаголов.

В причастиях с суф. *-ande* основным носителем времени, как и в случае с причастиями прошедшего времени, является основа (в данном случае – презентная основа). Значение времени в таких причастиях выражается не столь отчетливо, как в причастиях прошедшего времени.

В этом можно убедиться, сравнив значения времени, выражаемые обеими разновидностями причастий (от гл. *gereftan* «получать» и *raftan* «идти», «уходить»): *gerefte* «полученный», «получивший»; *girande* «получающий», «получатель»; *rafte* «ушедший»; *ravande* «идущий» и т.д.

Персидские причастия с суф. *-ande*, образованные от переходных глаголов, обладают только активным значением (ср. с причастиями прош. вр. переходных глаголов, которые одновременно обладают как активным, так и пассивным значением).

Наличие активного значения создает предпосылки для участия причастий с суф. *-ande* в составе развернутого причастного определения, в котором эта причастная форма выступает в качестве стержневого слова и осложняется поясняющими словами, причем зависимые слова присоединяются к причастию с помощью изафета и предлогов: *Hamiseašxās-eguyande-yeinsoxanānva nevisande-ye insoturbīš azyekmaqsudnadārand*. «Люди, говорящие эти слова и пишущие эти строки, всегда имеют только одну цель»; *Xāst-oerāde-ye mardom-e šerkatkonande-yedarjombešha-yezedd-ejang-rā minemāyad*.

«Он показывает желание и волю народа, участвующего в антивоенном движении» [Рубинчик 2001: 279].

По мнению А.А. Вахидова, (см. в кн. «Грамматика современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика [Рубинчик 2001: 279] «в причастиях с суф. *-ande* глагольность проявляется также в том, что они, как правило, семантически связаны со значением глагола и что «не все значения исходных глаголов получают отражение в значениях причастий» [Вахидов 1990: 91-94].

Причастия с суффиксом *-ān*

Данный суффикс для образования персидских причастий прибавляется к основе настоящего времени глагола: *goriz + ān = gorizān* «бегущий», «убегающий» (гл. *gorixtan* «убегать»); *geri + ān = geryān* «плачущий», «плача» (гл. *geristan* «плакать») и т.д.

Персидские причастия с суф. *-ān* образуются не от всех глаголов, они имеют дополнительные переносные значения, возникающие в результате семантического сдвига: *časbān* (от гл. *časbidan* «приклеиваться», «прилипнуть») наряду со значениями, соотносимыми со значениями исходного глагола – «приклеенный», «прилипающий», – имеет значения «облегающий», «обтягивающий», «ловко», «проворно»; *suzān* (от гл. *suxtan* «гореть») наряду со значением «горящий» получило дополнительные значения – «обжигающий», «палящий», «едкий», «разьедающий».

При анализе персидских причастий, образованных от сложных глаголов при помощи суф. *-an*, по мнению Ю.А. Рубинчика, по своей семантике обладают больше адвербиальным значением.

В отличие от причастных форм, образованных от сложных глаголов, причастные формы, образованные от простых глаголов имеют не только адвербиальным значением, но и адъективным, причем последнее (адъективное) значение остается преобладающим.

Опираясь на мнение Ю.А. Рубинчика, можем также подчеркнуть, что: «Семантическая преемственность этих причастий по сравнению со значениями сложных глаголов в большинстве случаев почти не нарушается.

Компонентный анализ причастных образований с суф. *-an* от СГ подтверждает ту же закономерность, о которой говорилось в связи с образованием причастий с суф. *-ande* от СГ [Рубинчик 2001: 281].

Судя по «Грамматике современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика, можно считать, что: «Несмотря на наличие признаков, позволяющих говорить об отрыве причастных форм от глагола, причастия с суф. *-an* остаются в рамках глагольной системы. О глагольности этих причастных форм свидетельствует прежде всего сохранение ими значения настоящего времени, вносимого основой наст. вр. глагола: *ruyān* «цветущий», «произрастающий» (*rostan* «расти», «произрастать»); *xandān* «смеющийся», «смеясь» (*xandidan* «смеяться»). Значение причастий с суф. *-an* связано с оттенком процессуальности» [Рубинчик 2001: 282].

Из описанного выше следует, что персидские причастия данной категории в предложении могут выполнять функции определения, если причастие находится рядом с существительным (определяемым словом), предикатива и обстоятельства образа действия, что вполне соответствует классическому причастию и в современном осетинском языке тоже.

По мнению персидских грамматистов, причастия настоящего времени плохо подвергаются субстантивации, но все же выделяется несколько таких причастий. К примеру у него же: *bārān* «дождь», *bāridan* «выпадать», «идти (об осадках)» или одновременно обладают адъективным и субстантивным значениями (например, *gozarān* «непостоянный», «преходящий», «средства к жизни», «жизнь»; *gozaštan* «проходить», «протекать») [Рубинчик 2001: 282].

Персидские причастия с суффиксом -ā

Интересным предстает суффикс -ā, который путем прибавления к основе настоящего времени глагола образует следующие причастия: *kuš* + ā = *kušā* «старающийся», «усердствующий» (*kušidan* «стараться», «усердствовать»), *pazir*+ ā = *pazirā* «принимающий», «соглашающийся» (*paziroftan* «принимать», «соглашаться») [Рубинчик 2001: 283].

Вахидов считает, что причастия настоящего времени, образованные при помощи указанного суффикса представлены только образованиями от простых глаголов [Вахидов 1990: 121].

Одним из показателей полной транспозиции причастных образований этой разновидности является утрата ими семантической соотносительности.

Для причастия с суф. -ā характерно в основном адъективное значение, хотя иногда оно имеет одновременно и адъективное, и адвербиальное значение: *xānā* «разборчивый», «удобочитаемый» и «разборчиво», «четко (*nucam*)»; *gozarā* «преходящий», «временный» и «мельком», «мимоходом»; *porsā* «спрашивающий», «любопытный» и «спрашивая».

Персидское причастие настоящего времени может «выступать в адъективном значении, эти слова с суф. -ā выражают постоянные качества лица или предмета и могут образовывать степени сравнения, получая соответствующие показатели: *rasā* «доходчивый», «громкий» – *rasātar* «более доходчивый», «более громкий» – *rasātarin* «самый доходчивый», «наиболее громкий»; *dānā* «мудрый» – *dānātar* «более мудрый» – *dānātarin* «мудрейший» [Рубинчик 2001: 284].

Как и имена прилагательные, причастия с суф. -ā могут образовывать имена существительные абстрактные с помощью суф. *yā-yemasdari*: *dānā* «знающий», «мудрый» – *dānāyi* «знание», «мудрость»; *binā* «видящий», «зрячий» – *bināyi* «зрение».

Некоторые причастия с суф. *-ā* способны выступать в качестве именной части СГ, сочетаясь обычно с компонирующим глаголом *budan* «быть». Образующиеся сложные глаголы сохраняют основные значения тех простых глаголов, от которых образованы причастные формы: *daštan– dārā budan* «иметь», «обладать»; *jostan– juyā budan* «искать»; *paziroftan – pazirā budan* «принимать».

Особенностью таких сложных глаголов является то, что они преимущественно употребляются в форме рамочной конструкции: *U dārā-ye yek ketāb-e jāleb-i ast* «У него есть одна интересная книга». Поскольку причастие наст. вр. *juyā* помимо основного значения «ищущий» получило еще значение «расспрашивающий», «интересующийся», то и сложный глагол приобретает это дополнительное значение: *Agar az rāh-e lotf juyā-ye hāl-e bande bāsid behamdollāh ne'mat-e salāmati hāsel ast*. «Если вы из благосклонности интересуетесь моим здоровьем, то, слава Богу, дело идет на поправку» [Рубинчик 2001: 285].

Итак, причастия с суф. *-ā*, сравнивая их с другими причастиями настоящего времени, сохраняют в наименьшей степени грамматическую связь с глаголом.

Таким образом, семантическая связанность причастий настоящего времени с исходными глаголами имеет относительный характер. В ряде случаев в причастных формах появляются дополнительные значения, не вытекающие прямо из значений исходного глагола.

Наиболее часто причастия с суф. *-ande* выступают как имена прилагательные и существительные, получая при необходимости все грамматические показатели, свойственные этим частям речи, что позволяет таким причастным формам выполнять все функции именных членов в составе предложения.

Как показал семантико-грамматический анализ причастий с суф. *-an*, они обладают сложной и противоречивой природой, совмещающей в себе причастные и деепричастные функции. Именно по-

следнее свойство этой разновидности причастий дает основание рассматривать ее среди неличных форм глагола и называть также причастием настоящего времени.

Из рассмотренных выше причастных форм причастие с суф. *-a*, как выяснилось, меньше всего связано с глаголом. Указанные выше авторы грамматик и учебников персидского языка, в которых данная разновидность включается в систему причастий, ограничиваются краткой характеристикой способа их образования и констатацией факта преобладания именных значений у этих причастий.

Осетинские же причастные формы настоящего времени представлены тремя суффиксами: *-æg*, *-ag*, *-gæ*.

Для уточнения отметим, что, например, у А.М. Шёгрена: «Суть происходящая от действительных глаголов – причастия» [Шёгрэн 1844, 125]. Ученый причастие считает больше формой прилагательного, чем формой глагола. К суффиксам настоящего времени он относит: *-ag* и *-æg*: *цæуæg* – «ходящий», «ходок»; *нуазаг* – «пьющий» [Шёгрэн 1844: 125].

Как видим, он не говорит о суффиксе *-gæ*, вероятнее всего, боясь его принадлежности к деепричастному суффиксу.

У В.Ф. Миллера же читаем: «В осетинском употребительны 3 причастные формы: с суффиксом *-äg*; с суф. *-gä*; с суф. *-gäjä* (диг. *-gäi*). Он же и считает, что форма на *-äg* соответствует по значению причастию настоящего времени других языков и может выражать как совершающее действие или находящегося в известном состоянии в данный момент, так и качество постоянное, переходя таким образом от значения *participi praesentis* к значению *nominis agentis*. Так, *цäyäg* значит «идуций», а также: «странник», «путник» [Миллер 1881: 404-405] Ученый говорит о соответствии формы *-gä* по значению русскому причастию настоящего времени с тем отличием, что может относиться как к подлежащему предложения, так и к дополнению [Миллер 1881: 405].

Осетинские причастия на *-æг* соответствуют по значению причастию настоящего времени других языков и выражают как совершающее действие, так и постоянное качество. В последнем случае причастие переходит от значения причастия настоящего времени к значению *nominis agentis*. Так, *цæуæг* может одновременно обозначать и «идушего», и «путника»; *фысæг* – «пишущего» и «писателя», «писаря»; *тауæг* – «сеющего» и «сеятеля» и т.д.

Мы можем сказать только, что причастия, образованные от основы настоящего времени глагола путем прибавления к ним суффиксов *-аг*, *-гæ*, *-æг*, остаются полноценными представителями класса причастий, потому что показывают признак предмета по действию (действителя). Это происходит только при наличии определяемого слова, например: *кусын* «работать» – *кус+аг* лæппу (работающий парень), *дзурын* «говорить» – *дзур+аг* сывæллон (говорливый ребенок), *худын* «смеяться» – *худ+гæ* чызг (смеющаяся девочка), *бадын* «сидеть» – *бад+гæ* чызг (засидевшая дева), *цæуын* «идти» – *цæу+æг* адæймаг (идуший человек), *кафын* «танцевать» – *каф+æг* лæппу (танцующий мальчик) и мн. др.

Осетинский причастный суффикс *-аг*

Здесь нельзя не согласиться со следующим мнением В.И. Абаева относительно суффикса *-аг*: «К причастным образованиям надо отнести также формы с суффиксом *-аг*, означающие постоянное свойство или склонность к какому-либо действию:

уайаг – «скакун» от *уайын* – «скакать»

нуазаг – «пьяница» от *нуазын* – «пить»

хъазаг – «балагур» от *хъазын* – «играть, шутить»

таерсаг – «пугливый» от *таерсын* – «бояться» и т.п. [Абаев 1970:

111].

В то же время, очевидно, следует заметить, что переводы примеров с осетинского на русский, приведенных В.И. Абаевым, зву-

чат вовсе не как причастия, а как субстантивы, поэтому, как выше отмечалось не раз, для уточнения принадлежности приводимых примеров к причастиям необходимо всегда учитывать их контексты: 1. Уый уыдис æфсармджын æмæ *цæстдараг* зонд, йæхи стыр нæ кодта... (Æмб. Ц.) – Это был застенчивый и *внимательный* ум, себя не возвышал... 2 *Хиуарзаг* хорз лæг балæууыд, чындзæхсæв цы хæдзары уыди, уый дуармæ (Æмб. Ц.) – «*Самолубивый* хороший человек остановился у ворот дома, где была свадьба». 3. Тынг зараг лæппу, йæ дзыхы раст цыма уадындзтæ уыд, уый-ау... (Бедж. Ч., Хъуыл. С.) – Сильно поющий мальчик, во рту будто свирели были...».

Заметим, что относительно причастий на *-аг* и *-æг* в осетинском языкознании имеются следующие суждения. Так, в свое время Т.З. Козырева отмечала: «В осетинском языке имеются две формы причастия настоящего времени, которые образуются путем прибавления суффиксов *-аг* и *-æг* к основе настоящего времени соответствующего глагола. *Например*: от глагола зарын – «петь» причастие настоящего времени: а) зараг: зараг лæппу – «хорошо поющий мальчик», зараг цъиу – «певчая птица»; б) зараг – «поющий», «певец»: – Зараг лæджы ма хъыгдар – «Поющему мужчине не мешай». От глагола *хæрын* – «есть», «кушать» причастия настоящего времени: а) хæраг: *хæраг* адæймаг – «многокушающий, прожорливый человек», б) *хæрæг* – «едающий», «едок»: *хæрæг* адæймаг – «кушающий человек» в кн.: [Грамматика осет. яз. 1963: 268 – 269].

И далее: «Причастие настоящего времени на *-аг* выражает постоянное свойство или склонность лица к какому-либо действию.

Например: Таймураз уайаг бæхыл фæцæуы ам уæлæмæ – «Таймураз на скакуне поехал (по улице) вверх». Хъзаг лæджы адæм бирæ уарзынц – «Умеющего шутить человека люди очень любят». («Балагура люди очень любят»). Кæд *тæрсаг* дæ, уæд хъæдмæ ма

цу – «Если ты боязливый, то в лес не ходи». Мæ хо писмо *фыссаг* у. – «Сестра моя часто (букв.: «частопишущая есть») пишет письма» [Грамматика осет. яз. 1963: 269].

У Н.К. Багаева тот же суффикс относится к «именным формам глагола»: «От всех глаголов, и переходных, и непереходных, простых и сложных, образуются отглагольные имена (существительные и прилагательные), называемые нами *именными формами глагола*.

Именные формы глагола образуются при помощи суффиксов:

-аг: *кусаг* – «работящий», *дзураг* – «разговорчивый», *хаераг* – «прожорливый», *уайаг* – «скакун», *сайаг* – «обманчивый», *хъæргæнаг* – «крикливый», *тыхгæнаг* – «насилующий», *фынæйгæнаг* – «сонливый» [Багаев 1965, 350].

Здесь мы считаем, что отглагольные формы с суффиксом на -аг относятся к разряду причастий настоящего времени с присущим им свойством постоянства признака и склонностью лица к какому-либо действию. Например: 1. *Цæваг* галæн йæ сыкъа *сæттаг* у (Посл.) – У бодающегося быка рог ломается (букв.: «рог является ломающимся»). 2. *Æнæхъæнæй дæр* уыдтæн *рисгæ*, *судзаг* сынчы хуызæн, æмæ кæд *судзаг* сынкъ исты зонын æмæ исты хъуыды кæнынхъом у, уæд æз дæр истытæ хъуыды кæнын уыцы тухиты (Гуызм. А.) – «Я весь был болен, как *горящий* чирь, и если *горящий* чирь способен что-либо понимать и думать, то я тоже помню что-нибудь из этих мук». 3. *Рухс хурау, дызæрдэг фæндтæ уарзаг* удтæм нæй (Хадж. Т.) – «Подобно ясному солнцу, сомнительных желаний в любящих душах нет».

В осетинском языкознании существует и такое мнение что: В предложении причастий на -аг выступает:

1. В функции подлежащего, например: *Лæппуйæ рæдиаг* нæ ваййы æвзæр! (Къ.) – «Ошибающийся юношей не бывает плохим!». В функции именной части сказуемого, например:

1. Йæ сыгъдаг цæстытæ æнцæд каст кодтой, йæ ныхас уыдис фæлмæн æмæ зæрдæмæ арф *хъараг*, ныфс *дæттаг* æмæ *рæвдауаг* (Мамс. Д.) – «Ее чистые глаза смотрели спокойно, разговор его был мягкий и *западающий* глубоко в сердце, *обнадеживающий* и *успокаивающий*». 2. Баймæтон – сабыр, хæларзæрдæ æмæ искайы зыныл *сагъæстагæнаг* (Мамс. Д.) – «Баймæтон – тихий, сердечный и горящий из-за чужого горя человек». 3. Йæ фыды *фæндиаг* кæм вайы фырт дæр? (Къ.) – «Чей сын ожидания отца оправдал?». 4. Цæуаг сæм никуы уыдис Джамбот (Мамс. Д.) – «Джамболат редко к ним ходил» (букв.: «был не часто ходящий») [Грамматика осет. яз. 1963, 269].

И далее: «В функции определения. *Например*: Æмæ та мæнæ йæ тарзæрдæ фыд æфхæрдта *цингæнаг* мады (Мамс. Д.) – «И вот опять жестокосердый отец укорял *любящую* мать» [Грамматика осет. яз. 1963: 269].

Отметим, что причастия, образованные при помощи суффикса *-аг* в предложении редко выступают в качестве обстоятельственных (образа действия) слов.

Причастия на -аг, -æг довольно часто предстают как отпричастные прилагательные. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и послужило причиной причисления всех образований на *-аг* и *-æг* к прилагательным (Ср. у А.М. Шегрена, В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Н.К. Багаева), что, естественно, как это мы видели выше, не совсем так.

Теория языка подсказывает, что причастие способно переходить в разряд прилагательных, если они (причастия) потеряли свой признак по действию, что кардинально меняет суть причастия: слова-причастия в такой ситуации могут обозначать только признак предмета, а грани определения признака предмета по действию стираются и приобретается исключительно переносное лексическое значение.

Известно, что в осетинском языке аналогичным способом образовано множество прилагательных, например: *ахст* цъиу – пойманная птичка и *ахст* зæрдæ – букв.: *пойманное* сердце (т.е. – занятое сердце); *баст* род – *привязанный* теленок и *баст* хъуыдытæ – *связанные* мысли; *хæрзконд* зæхх – хорошо *вспаханная* земля и *хæрзконд* лæппу – хорошо *сложенный (стройный)* парень; *скъуыд* къаба – *порванное* платье и *скъуыд* ныхас – *прерванный* разговор; *саст* тæбагъ – поломанная тарелка и *саст* зæрдæ – *поломанное (измученное)* сердце и мн.др. Здесь не только рассматриваем переносное значение, но и приобретение причастиями всех других качеств прилагательного, например, степени сравнения: 1. *Тынг* зæраг лæппу, – йæ дзыхы раст цыма уадындзтæ уыд, уыйау (Бедж. Ч., Хъуыл. С.) – Очень хорошо поющий мальчик, в рту у него будто свирели. Переходит в прилагательное, о чем свидетельствует и прибавление слова «*тынг*» (показатель превосходной степени осетинских прилагательных и причастий). 2 ...Мæ хъæлæс бæджындæр, *хъæргæнагдæр* – «Мой голос гуще, *крикливее* – переходит в прилагательное, о чем также свидетельствует суффикс сравнительной степени в осетинском «*дæр*».

Следует отметить, что все осетинские причастия (не только образованные при помощи суффикса *-аг*) активно могут переходить в разряд имен прилагательных.

Н.Я. Габараев считает, что: «Прилагательные, имеющие в своем словообразовании суффикс *-аг*, обозначают: действие, к которому расположена основа мотивирующего глагола: *сайаг* – «обманывающий», «обманчивый», *кауаг* – «любитель плакать», «плаксивый», *хаераг* – «обжорливый», «любитель поестъ», *хъастгæнаг* – «любитель жаловаться» [Габараев 1977: 130].

Далее он же подтверждает: «Мотивирующей частью бывает только основа глагола несовершенного вида: *сай-ын* – *сай-аг* («обманывающий», «обманчивый»), *лидз-ын* – *лидз-аг* («тот, кто любит

бегать»), худ-ын – худ-аг («смешливый», «смешной»), сомы кæн-ын – сомы кæн-аг (тот, кто любит клясться») [Габараев 1977: 130].

У В.И. Абаева этот же суффикс находит свое отражение так: «Суффикс *-аг* дает (здесь идет перечисление существительных, прилагательных, числительных с примерами, мы только приведем примеры в качестве прилагательных) прилагательные: *сæйраг* – «главный», *кусаг* – «работящий», *раззаг* – «передний», *фæстаг* – «задний», *уæллаг* – «верхний», *дæллаг* – «нижний» [Абаев 1970: 675].

В приведенных примерах – прилагательных, выраженных разными частями речи при помощи суффикса *-аг*, нас особо интересует «кусаг» – от глагола «кус-ын» – кус+аг («работящий»), в котором ясно подчеркивается склонность действующего лица к определенному виду действия – «кусын» – «работать».

Причастия на *-æг*

В «Грамматике осетинского языка» значится, что: «В роли имен существительных выступают причастия на *-æг* и имеют значение действующего лица: *марæг* – «убийца», *уарæг* – «тот, кто делит», *хуыйæг* – «портной», «портниха», *дзураг* – «оратор», *зараг* – «песня, и «поющий», *кусаг* – «рабочий», *æлхæнæг* – «покупатель», *ныййарæг* – «родитель», *цауæг* – «путник», *кассаг* – «зритель» и т.д.» [Грамматика осет. яз. 1963: 269]

Неоспоримо, что причастия активно субстантивируются, но также активно они сочетаются и с определяемыми словами, что даёт им право принадлежать к классу причастий.

Примечательно мнение выдающегося лингвиста В.И. Абаева, что: «Причастие на *-æг* в современном осетинском языке имеет обычно активное значение» [Абаев 1970: 610]. И далее: «Снабженные превербами причастия на *-æг* получают значение прошедшего времени: *Фыссаг* – «пишущий», *ны-ффыссаг* – «написавший»,

хæссæг – «несущий», *а-хæссæг* – «унесший», *мæлæг* – «умирающий», *а-мæлæг* – «умерший» [Абаев 1970: 610].

И еще у него же: «В ряде случаев формы причастия настоящего времени получили значение имени действия: *зарæг* – «песня» от *зарын* – «петь», *ризæг* – «лихорадка» от *ризын* – «дрожать», *хуыфæг* «кашель» от *хуыфын* – «кашлять», *æхснырсæг* – «насморк» от *æхснырсын* – «чихать» (Абаев 1970: 612).

Причастия, образуемые при помощи суффикса *-æг* в осетинском выражают четко признак по действию в настоящем времени, это же касается и причастий, образуемых при помощи суффикса *-гæ*: *дзураг* лæг – «говорящий человек», *кусаг* лæг – «работящий человек», *кусгæ* бон – «рабочий день», *фауæг* ныхас – «осуждающая речь», *фаугæ* ныхас – «осуждающая речь», *хацгæ* низ – «инфекционная болезнь», *хацæг* адæм – «воюющий народ», *кауæг* айнаг – «плачущая скала», *каугæ* сывæллон – «плачущий ребенок» и т.д.

Причастия на *-æг* означают лицо, находящееся в состоянии действия в настоящем времени: 1. Бака́с-ма йæм: уыцы за́ронд хæрра́гъ куы рба́цауы, уа́д йæ цина́н ка́рон нал ва́ййы, уый цур йæхи *ныййараг* мады куыдзы хъуыды дæр нал фæка́ны (Дзес. К.) – Посмотри на него: этот старый оборванец когда приходит, то радости его не бывает конца, он даже свою *родную* (букв.: «родящую») мать не признает около него. 2. Кард дæр ын нæ бакоммæ кастис, уый дæр æфсон скодта: «Уыцы уисы къуыдыр иттæг тæригъæдджын у, йæ ца́рæнбонты раст ма́гуыр *кусаг* фосы фæна́дта» (Дж. Ш.) – Даже нож не подчинился ему, он тоже схитрил (сочинил): «Этот прут большой грешник, на протяжении всей жизни избивал бедный рабочий скот».

Причастия на *-æг* также означают имя действия или состояния: 1. *Худаг* уалдзæг æй нæ уадзы, *Худаг* уалдзæг æм ка́сы (Гæд. С.) – *Смеющаяся* весна не дает ему покоя, *смеющаяся* весна не смотрит на него.

В приведенном примере причастие *худæг* означает признак предмета по его действию: *худæг* (уалдзæг) – *смеющаяся* (весна), но это же слово может означать: *худæг* (сывæллон) – *смешной* (ребенок), *худæг* (хабар) – *смешной* (случай), *худæг* (чиныг) – *смешная* (книга), т.е. периодичность с некоторым постоянством признака предмета.

От глаголов *худын* «смеяться», *хуыфын* «кашлять», *æхснырсын* «чихать» и некоторых других образуется при помощи суффикса *-æг* состояние действия: *худæг* – смех, *хуыфæг* – кашель, *æхснырсæг* – насморк, чихание и т.д.

В предложениях такие причастия выполняют роль субстантивированных существительных: Батрадзыл *худæг* бахæцыд – «Батрадз заразился *смехом*» и Сывæллон ма *хуыфæгæй* тыххæй фервæзт – «Ребенок с трудом избавился *от кашля*».

Нельзя не заметить и то, что суффикс *-æг* в вышеуказанных примерах, и не только в них, является показателем полноценного действующего лица, так, например: *худæг* – тот, кто смеется, *хуыфæг* – тот, кто кашляет, *æхснырсæг* – тот, кто чихает и мн.др.

Обратим внимание и на то, что приведенные примеры чаще выполняют функцию субстантива.

Причастия на *-æг* образуются практически от всех (переходных / непереходных) глаголов: *хуыфын* – *хуыфæг* – кашляющий, *æхснырсын* – *æхснырсæг* – чихающий, *дымын* – *дымæг* – курящий, *æппæлын* – *æппæлæг* – хвалящий, *хъавын* – *хъавæг* – нацеливающийся, *бадын* – *бадæг* – сидящий, *хъазын* – *хъазæг* – играющий, *кæсын* – *кæсæг* – читающий, смотрящий, *фыссын* – *фыссæг* – пишущий, *æлвынын* – *æлвынæг* – стригущий, *къахын* – *къахæг* – копающий и т.д.

Известно, что в осетинском языке простые глаголы бывают непроизводными (*корневыми*) и производными (при участии приставок). Образование причастий с суффиксом *-æг* от них (производных

/ непроизводных) вполне возможно: *кусын* – работать – *кусаг* – работающий, рабочий; *тухын* – сматывать, *тухаг* – сматывающий; *дзурын* – говорить – *дзураг* – говорящий, *судзын* – сжигать – *судзаг* – сжигающий; *æмбæрзын* – накрывать – *æмбæрзаг* – накрывающий; *фæливын* – обманывать – *фæливаг* – обманывающий, *æфтауын* – прибавлять – *æфтауаг* – прибавляющий; *рæхойын* – колоть – *рæхойаг* – колющий, *лæмарын* – выжимать – *лæмараг* – выжимающий и т.д.

Сложные причастия, образуемые от имен существительных (в том числе и отглагольных), прилагательных, числительных, местоимений, наречий, междометий, путем сочетания их с вспомогательными глаголами *канын* – «делать», «производить», *уавын* – «быть», реже *ласын* – «делать», «производить», еще реже *дарын* – «держатъ», *касын* – в значении «подчиняться», *марын* – «мучать», «убивать», *маelyn* – «умирать», прибавляя к ним суффикс *-аг*, становятся показателями действителя, причем меняется орфографическая норма написания таких сложных форм глагола, как: *хъар канын* – «кричать», *хаџца канын* – «смешивать», «путать», *ахуыр канын* – «учиться», *сахуыр уавын* – «выучиться», «научиться», «привыкнуть», *раст канын* – «исправлять», *сраст уавын* – «освободиться», «исправиться», *хъал канын* – «будить», *сыхъал уавын* – «проснуться», *схъал уавын* – «возгордиться», *ардамдар канын* – «приближать», «подвигать» (в свою сторону), *оххыта канын* – «охать», *уауу канын* – «стонать» (букв. вскрикивать «уауу»), *рафаерс-бафаерс канын* – «расспрашивать», *ныхъхъар канын* – «крикнуть», *тыхджын канын* – «усиливаться», *ныггуыпп ласын* – «всполыхнуть», «стукнуть» (разг.), *комма касын* – «слушаться», *аенхъæлма касын* – «ждать», *маестæй марын* – «злить», *маестæй маelyn* – «злиться», «умирать со зла», *хъыгдарын* – «мешать», *цъæх дарын* – «зеленеть», *сау дарын* – «чернеть», «носить, быть в трауре» и т.д.

При прибавлении к ним (*ко вторым словам*) суффикс причастия *-æг* в осетинском языке будут выглядеть следующим образом: хъæр кæнын – *хъæргæнæг* (кричащий, глашатай), хæццæ кæнын – *хæццæгæнæг* (смешивающий, смешиватель), ахуыр кæнын – *ахуыргæнæг* (обучающий, учитель), раст кæнын – *растгæнæг* (исправляющий, исправитель), сраст уæвын – *срастуæвæг* (исправившийся), хъал кæнын – *хъалгæнæг* (тот, кто будит), сыхъал уæвын – *сыхъалуæвæг* (проснувшийся), схъал уæвын – *схъалуæвæг* (возгордившийся), ардæмдæр кæнын – *ардæмдæргæнæг* (приближающийся), оххытæ кæнын – *оххытæгæнæг* (охающий), уæуу кæнын – *уæуугæнæг* (вскрикивающий «уæуу»), рафæрс-бафæрс кæнын – *рафæрс-бафæрсгæнæг* (расспрашивающий), ныхъхъæр кæнын – *ныхъхъæргæнæг* (закричавший), ныггуыпп ласын – *ныггуыппласæг* – (стукнувший, всполыхнувший), коммæ кæсын – *коммæгæсæг* (послушный), æнхъæлмæ кæсын – *æнхъæлмæгæсæг* (ожидающий, ждущий), мæстæй марын – *мæстæймарæг* (издевающийся), мæстæй мæлын – *мæстæймæлæг* (умирающий со зла), хъыг дарын – *хъыгдарæг* (мешающий, нарушающий), цъæх дарын – *цъæхдарæг* (зеленеющий, носящий зеленое), сау дарын – *саударæг* (носящий траур) и т.д.

При образовании таких сложных форм причастий с помощью суффикса *-æг*, некоторые глухие согласные переходят в звонкие: ахуыр кæнын (учиться) – *ахуыргæнæг* (обучающий) – к переходит в г; дзæггъæл цæуæг – *дзæггъæлдзæуæг*, где ц переходит в дз, в таких случаях, как видно из приведенных примеров, сложные причастия пишутся слитно, хотя известно, что вспомогательные глаголы «кæнын», «уæвын» и в особенности «ласын», «марын», «мæлын», «дарын», «кæсын» не только образуют сложные причастия (как и, конечно же, сложные глаголы), но и бывают в значении самостоятельных, т.е. простых глаголов, от которых тоже образуем причастия с *-æг* (и не только с этим суффиксом), за исключением

глагола «уæвын», от которого мы не можем образовать все виды причастий.

По мнению Н.К. Багаева, «существительное – именная часть сложного глагола – может быть не только в начальной форме, но и в форме косвенного падежа (уподобительного, отложительного, направительного), например: *бадаæгау кæнын*, *лаууæгау кæнын*, *хъуырмаæ кæнын*, *коммаæ кæсын*, *æнхъæлмаæ кæсын*, *мæстæй марын* и т.д. Существительное в этой роли может быть и в форме множественного числа. *Например*: *хъæр-т-æ кæнын* – «кричать», *мæс-т-æй марын* – «злить», *цин-т-æ кæнын* – «радоваться» и т.д. [Багаев 1965, 270] подтверждает, что причастия в осетинском языке, образуемые при помощи суффикса -æг (и простые, и сложные) могут быть в форме всех падежей, если брать их без сочетания с существительным.

Итак, причастия, взятые отдельно (без существительных) склоняются так же, как и именные части речи: *Например*:

бадаг – сидящий

бададж-ы

бадаг-æн

бадаг-æй и т.д.,

мæстæймарæг – тот, кто злит

мæстæймарæдж-ы

мæстæймарæг-æн

мæстæймарæг-æй и т.д.

Что касается причастий, которые находятся в сочетании с существительными, то они никак не изменяются.

Здесь уместно напомнить о том, что причастие, перешедшее в субстантив, естественно теряет свою «причастность», что бывает видно из контекста, а если причастие, простое оно или сложное,

находится в сочетании с существительным, т.е. является определением, тогда не имеет склонности изменяться, *например*:

бадаг чызг – «сидящая девушка»

бадаг чызджы

бадаг чызгæн

бадаг чызгæй и т.д.

мастæймарæг адæймаг – «злящий человек»

мастæймарæг адæймаджы

мастæймарæг адæймагæн

мастæймарæг адæймагæй и т.д.

Образование сложных форм причастий на *-æг* (и не только) чрезвычайно распространенное явление в осетинском языке: 1. Хæрзбон, ма хæстон æмбал, *тыхгæнæг* никамæн уыдтæ, *лабурæгæн* та никуы барстай, тохы никуы фæцъула дæ, цонг дæ нæ фæллад (Хъайт. Аз.) – «Прощай, мой боевой друг, насильником никогда не был, нападшему ты никогда не прощал, в бою не смирялся ты, рука твоя не уставала». 2. Теджиа æнæгъдау, рæуæг лæг уыди, алы *дзæгъалдзæуæг* устытимæ лымæнтæ кодта... (Гæд. С.) – «Теджиа был невоспитанным, легкомысленным человеком, водил дружбу со всякими развратными женщинами». 3. Кæмæн-иу дондзау, Кæмæн – *сугæттæг*, Кæмæн – æргъомдзау, Кæмæн *дурдæттæг* (Гæд. С.) – Кому по воду, Кому – дровосек, Кому – носитель тяжестей, Кому – подающий камень» и др.

Отметим и то, что если причастия настоящего времени с суффиксом *-æг* показывают действующего, т.е. того, кто совершает действие, например: *кафæг* (лæппу) – «танцующий» (тот, кто танцует); *дзураг* (лæг) – «говорящий человек» (тот, кто любит говорить); *цауæг* (адæймаг) – «идущий человек» (тот, кто идет) и т.д., то после прибавления к ним превербов, эти причастия на-

чинают носить характер совершенного действия, прошедшего времени: *арцауæг* (адаймаг) – пришедший (человек), *ныххудæг* (сываеллон) – засмеявшийся ребенок) и т.д.

Причастия на *-æг* (и не только) в осетинском языке в предложении могут выступать в роли подлежащего, в роли составного именного сказуемого, определения, дополнения, обстоятельственных слов.

Причастия на *-гæ* в осетинском

Исследование данной проблемы ясно показывает, что суффикс *-гæ* в словах, образованных от основы глагола настоящего времени, может выступать и как причастная форма, и как деепричастная форма, поэтому часто в осетиноведении эта форма еще называется *причастно-деепричастной* (Ср. в [Шегрен 1844; Миллер, 1882; Абаев 1979 и др.]), большинство примеров с отмеченным суффиксом четко разделяет причастные функции от деепричастных. Исходя из этого, лучше было бы говорить дифференцированно о причастных и деепричастных формах осетинского глагола, образованных при помощи суффиксов *-гæ* и *-гæйæ*.

Суффикс *-гæ* в контексте может образовывать как причастия (при наличии определяемого слова – существительного или вообще субстантива), так и деепричастия (*при выражении добавочного действия при основном*).

Таким образом, без контекстных ситуаций вряд ли следует говорить о принадлежности суффикса *-гæ* к той или иной форме (в данном случае – причастий или деепричастий).

Рассматривая одни и те же слова в разных предложениях, можно уверенно сказать, что слова, образованные от основы настоящего времени глагола при помощи суффикса *-гæ* также выполняют функции причастий, как и деепричастий, *например*: 1. *Худгæ* хуры тынтæ фæлмæн рæвдауыц зæхх – «Лучи *смеющегося* солнца мягко ласкают землю». 2. Мурат *худгæ* рахызт фæлварæнæй – «Мурат,

смеясь, вышел с экзамена»; 1. Студенттæн лæвæрд æрцыд *фысгæ* куыст – «Студентам было дано *письменное* задание». 3. Студенты баййæфтам *фысгæ* – «Студентов застали *пишущими*» и т.д.

В первых предложениях слова «худгæ» и «фысгæ» являются причастиями (имеют определяемые слова – существительные, а во вторых предложениях эти же слова выполняют функцию деепричастий – обстоятельственных слов.

Рассмотрим слова на -гæ в предложениях, где они выполняют функцию причастия, в предложении же выступают определениями, например:

1. Уæддæр мæ риуы де *'видийгæ* зарæг Зæйау цауы... (Цыр. М.) – «Все равно в моей груди твоя *неиссякаемая* песня лавиной идет (поет)». 2. Дæ уаззау мæт – адæмы *наергæ* цин (Хадж. Т.) – «Твоя глубокая печаль – людская гремящая радость». 3. *Худгæ* хуры хæрдгæ тынтыл Рухс амонд махмæ тындзы (Кок. Т.) – «На золотых нитях смеющегося солнца светлое счастье торопится к нам».

Отметим также, что форма на -гæ (*при определяемом слове*) имеет степень сравнения как и качественные прилагательные: *æмбаргæ* (сывæллон) – *понятливый, смысленный* (ребенок) – *æмбаргæдæр* – тынг *æмбаргæ*; *аразгæ* (ныхас) – искусственная («деланная» речь) – *аразгæдæр* – тынг *аразгæ*; *сайгæ* (цæстæнгас) – обманчивый (букв.: «обманывающий» взгляд) – *сайгæдæр* – тынг *сайгæ*; *рæвдаугæ* (хъæлæс) – *ласкающий* (голос) – *рæвдаугæдæр* – тынг *рæвдаугæ*; *хъуызгæ* (цыд) – *подкрадывающаяся* (ходьба, походка) – *хъуызгæдæр* – тынг *хъуызгæ*; *хъавгæ* (дзырд) – *осторожное* (слово) – *хъавгæдæр* – тынг *хъавгæ* и т.д.

Сравнительная степень формы на -гæ в подобных случаях проявляется путем прибавления суффикса сравнительной степени прилагательных -дæр и превосходная степень – при помощи других слов типа «тынг», – очень «иттæг» – исключительно и т.д.

Приведенные примеры являются ярким показателем того, что суффикс *-гæ* одинаково активен в образовании тех или иных (в данном случае причастно-деепричастных) глагольных форм.

Деепричастные функции осетинского суффикса *-гæ* подробнее рассмотрим ниже в разделе «Деепричастие».

2.11.2. Причастие прошедшего времени осетинского и персидского языков

В современном осетинском языке активно употребляются причастные формы прошедшего времени на *-д*, *-т*, *-ст*, реже на *-ыд*, *-ад* и характеризуются следующим образом:

«Суффиксы *-т*, *-д*, образуют причастия прошедшего времени: *фыст* «написанный», *даст* «бритый», *баст* «связанный», *арæзт* «сделанный», *мард* «убитый», «мертвый», *лыгъд* «убежавший», *сыгъд* «сгоревший» и мн. др.» [Абаев 1970: 665].

У Абаева о данном суффиксе *-ад* читаем, что он «образует отвлеченные понятия: *æлдарад* «господство», (*æлдар* «князь»), *хицауад* «правительство» (*хицау* «начальник», «правитель»), *паддзахад* «государство» (*паддзах* «царь»), *сабырад* «спокойствие» (*сабыр* «тихий»), *сæрибарад* «свобода» (*сæрибар* «свободный»), *ахуырад* «образование» (*ахуыр* «ученый»), *дæсныад* «мастерство» (*дæсны* «искусный») и др.» [Абаев 1970: 667].

В «Грамматике осетинского языка» также читаем: «Причастие прошедшего времени образуется от корня глагола путем прибавления суффиксов *-т* или *-д*, тем самым совпадая с основой прошедшего времени. Например: от глагола *сидын* «призывать» причастие прошедшего времени *сидт*; от *марын* «убивать» – *мард*; от *ласын* «везти» – *ласт*; от *цæрын* «жить» – *цард*; от *цæуын* «идти» – *цыд*; *кæсын* «смотреть» – *каст*».

И далее: Пассивный характер причастия прошедшего времени от большинства глаголов и в осетинском языке проявляется ясно. Например: *амад* – «построенный» от *амайын* «строить»; *фыст* «написанный» от *фыссын* «писать»; *баст* – «связанный» от *бæттын* «связывать»; *саст* – «сломанный» от *сæттын* «ломать» [Грамматика осет. яз. 1963: 271].

Отметим, что в указанных в «Грамматике осетинского языка» примерах в словах – причастиях *баст* «связанный» и *саст* «сломанный» суффикс не *-т*, как может показаться, а *-ст* (тоже суффикс причастия прошедшего времени).

Как видно из приведенного, о суффиксах причастий прошедшего времени осетинского языка *-ст*, *-ыд*, *-ад* в указанных источниках ничего не говорится, хотя изучение данного вопроса оказалось много интересней и актуальней.

Н.К. Багаевым же формы на *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад* рассматриваются в следующем аспекте: «Именные формы на *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад*:

а) в значении имен существительных бывают от всех глаголов (переходных и непереходных) и обозначают названия производимых действий, например: *хæрд* «еда», *цыд* «ход», *цард* «жизнь», «житье», *рæвдыд* «ласка», *тахт* «полет», «летание», *тыхт* «сверток», *фыст* «письмо», «писание», *хъазт* «игра», «играние», *хъызт* «вьюга», *уарзт* «любовь», *кафт* «пляска», *æвзæрст* «выбор», *æхсад* «мойка», *рæхсад* «штопка», «латание» и т.д.

б) в значении имен прилагательных от переходных глаголов обозначают признак предмета, лица по произведенному над ним действию (соответствуют причастиям прошедшего времени страдательного залога русского языка), например: *фыст* гæххæтт «написанная бумага», *рæвдыд* сывæллон «обласканный ребенок», *æвзæрст* нартхор «отборная кукуруза», *рывд* хуым «прополотая пашня», *карст* уыгæрдæн «скошенный луг», *марзт* уат «подметенная комната» и т.д.

Прилагательные же, образованные от непереходных глаголов при помощи этих суффиксов, обозначают признаки предметов по действиям, произведенным этими предметами, например: *бадт* дон «отстоявшаяся вода», *аебыд* нас «гнилая тыква», *сыд* картоф «мерзлый картофель», *раеыд* кях «опухшая нога» и т.д. [Багаев 1965: 353].

Напомним о том, что Н.К. Багаев не упоминает термин «причастие» и называет их «отглагольными прилагательными». Но мы не можем игнорировать тот факт, что причастие показывает признак предмета по действию, а в указанных выше примерах они, вне всякого сомнения, являются таковыми.

У него же читаем: «Следует отметить, что не от всех непереходных глаголов именные формы, образуемые при помощи суффиксов *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад* могут употребляться в значении имен прилагательных, например: *цард* «жизнь», *кафт* «танец», *зард* «пение» и т.д.» [Багаев 1965: 353], хотя приведенные примеры являются в указанной ситуации субстантивами.

К этому следует также добавить, что причастия образованные от переходных глаголов, образованные при помощи вышеуказанных суффиксов, обозначают действие, произведенное над определенным предметом, например: *каст* чиныг «прочитанная книга», *тыд* фæткъуы «сорванное яблоко», *хаст* хæдзар «унесенный, разворованный дом», *саст* тæбæгъ «поломанная тарелка», *æвæрд* чиныг «положенная книга», *калд* бæлас «снесенное дерево», *æфснайд* уат «убранная комната», *æхсад* пьолтæ «вымытые полы», *барст* мæнæу «взвешенная пшеница» и мн.др.

Нельзя не заметить и то, что причастия, образованные от основы прошедшего времени переходных и непереходных глаголов на *-д*, *-т*, *-ст*, *-ыд*, *-ад* можно четко разграничивать по тем или иным грамматическим категориям. Однако такая процедура зависит исключительно от контекстной ситуации и еще от того, что прича-

ствия данной группы особенно охотно переходят в разряд имен существительных, имен прилагательных, наречий.

По своим синтаксическим функциям эти причастия не отличаются от других. Приобретая числовое или падежное изменение, чаще всего переходят в разряд субстантивированных слов.

Причастия прошедшего времени на *-ад* и в особенности на *-ыд* сравнительно редки. Что касается формы на *-ыд*, то ее можно отнести как к разговорной, так и к литературной речи.

Наряду с вышеприведенными примерами в осетинском имеется также ряд причастий прошедшего времени, имеющие по две формы, причем обе являются литературными.

Например: *комын* «соглашаться» – *куымд* – *комд*; *канын* «делать» – *конд* – *канд*; *ссонын* «толкать» – *ссыннд* – *ссонд*; *ссын* «точить», «молоть» – *ссад* – *ссыд*; *уигъын* «трясти» – *уыгъд* – *уигъд* и некоторые другие.

Некоторые причастия часто в прошедшем времени совпадают с формой 3-го лица глагола с нарастающим значением действия. Например: *фæллад* лæг «уставший» человек и уый *фæллад* – он уставал (как бы постепенно), *калд* нартхор «разбросанная кукуруза» и дон *калд* – вода «текла», «стекала», *æфсæст* сывæллон «наевшийся» ребенок и сывæллон *æфсæст* – «наедался ребенок» и т.д.

В случаях затруднения определения принадлежности таких слов к причастиям или глаголам решить проблему может только контекст.

Сравнительно большую группу слов – причастий – омонимов составляют формы прошедшего времени от переходных и непереходных глаголов: от *уигъын* «трясти» и *уидзын* «собирать» – *уыгъд* (стряхнутый, собранный), от *фадын* «рассекать» и *фасын* «расчесывать» – *фаст* (рассеченный, расчесанный), от *æфтауын* «прибавлять», «застегивать», «сносить» и *æфтын* «попадать», «налегать», «достигать» – *æфтыд* (прибавленный, застегнутый), от *æфсадын* «кормить» и *æфсæдын* «наедаться» – *æфсæст* (накорм-

ленный, наевшийся), от *аходын* «пробовать» и *ахуыссын* «быстро лечь» – *ахуыст* (попробованный, улягание), от *намын* «бить» и *найын* «купать», «купаться» – *над* (битый, купанный), от *фидын* «платить» и *фыссын* «писать» – *фыст* (выплаченный, написанный) и мн.др.

Отличительно от осетинских причастий прошедшего времени *-д, -т, -ст, -ыд, -ад*, в персидском причастие этого же времени образуется путем прибавления единственного суффикса *-е* к основе прошедшего времени, например: *āmade* – «пришедший», *gofte* – «сказанный», *gerefte* – «полученный». Характеризуемый вид указанных причастий в персидском языке сохраняет наибольшую грамматическую и лексико-семантическую связь с глаголом.

Причастия прошедшего времени активно «участвуют в образовании следующих аналитических форм персидского глагола: *прошедше-настоящего времени, давнопрошедшего времени, прошедше-настоящего длительного времени, прошедшего предположительного времени, пассивного залога*. Причастия прошедшего времени могут быть образованы от всех структурных типов и лексико-грамматических классов персидского глагола – от простых, префиксальных, сложных глаголов, а также от переходных, непереходных, «двузаложных», модальных и каузативных глаголов» [Рубинчик 2001: 271].

Есть также мнение (Ю.А. Рубинчик, И.К. Очинникова и др.), что персидские причастия данного класса всех структурных типов и лексико-грамматических классов глагола могут иметь отрицательную форму, при этом ударение переносится на частицу отрицания *na- nāgerefte* «не полученный», *bar-nagašte* «не возвратившийся», *tarjomenāšode* «не переведенный».

Обращает на себя внимание просодическая структура персидских причастий прошедшего времени, которые образуются от префиксальных и сложных глаголов.

Судя по изложению данной проблемы в «Грамматике современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика, «причастия прошедшего времени, образованные от префиксальных глаголов, сохраняют полную акцентную и семантическую соотнесенность с данным структурным типом глаголов только в случае их участия в образовании упомянутых выше аналитических форм: *bār-ofiādè* <преф.гл. *bar-ofiddan* «выходить из употребления», «исчезать»; *fara-raside* <преф. гл. *farā-rasi-dan* «подходить», «наступать» и т.д.» [Рубинчик 2001: 271].

Понятно, что в персидском языке, как и в осетинском, причастия прошедшего времени активно адъективируются и субстантивируются, и это не будет зависеть от префиксов (по крайней мере, в осетинском).

Причастиям прошедшего времени в двух характеризующих языках свойственны следующие глагольные признаки: время, переходность / непереходность, способность к глагольному управлению. Отсутствие у них, как и у инфинитива, связи с категориями лица и наклонения дает основание включить причастия этого класса в систему неличных форм глагола.

Основным грамматическим значением для этих причастий «является результат действия, выражаемый в виде качества. Причастие прошедшего времени представляет действие, закончившееся к настоящему моменту или имевшее место в прошлом: *rafte* «ушедший», *āzmude* «испытанный», *ālude* «испачканный» [Рубинчик 2001: 272].

По мнению Ю.А. Рубинчика, двойственное значение причастий прошедшего времени в современном языке не случайно, оно объясняется их историческим развитием, что в среднеперсидском языке причастия прошедшего времени от переходных глаголов имеют пассивное значение. Он также отмечает серьезные изменения уже

в новоперсидском языке, в результате чего эти причастия приобрели также и активное значение.

Определяется и не свойственная причастиям прошедшего времени категория залога, «активный залог / пассивный залог» характерно только для персидских переходных глаголов.

Обращаясь вновь к «Грамматике современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика, читаем: «Т. Вахидиан-Камиар в статье «Изучение причастий прошедшего времени и значение их для персидского языка» отмечает, что такие причастия прош. вр., как» *dide* «увиденный», *zade* «ударенный», «битый», *porside* «спрошенный», *haride* «купленный», *xānde* «прочитанный», никогда не могут быть употреблены в качестве определения к имени без сочетания с причастной формой *šode*. В то же время некоторые причастия прош. вр. - *gošude*, *fahmide*, *godāxte* (например, *dar-egošude* «открытая дверь», *ādam-efahmide* «понятливый человек», *āhan-egodāxte* «расплавленное железо») - могут самостоятельно употребляться в качестве определений» [Рубинчик 2001: 273].

Об устойчивости перехода причастий прошедшего времени в качественные прилагательные может свидетельствовать их употребление в роли однородного определения с определением, выраженным прилагательным: *Mard češmhā-ye ābi-yebozorgvabarāmadedāšt* «У мужчины были большие голубые и выпуклые глаза» (*barāmade* «выпуклый», *bar-āmadan* «выступать»).

Известный факт, что персидское причастие прошедшего времени «приобретает одновременно значения прилагательного и существительного: *bargozide* (< гл. *bar-gozidan* «выбирать», «избирать») имеет значения «избранник» и «избранный»; *kufte* (< гл. *kufan* «бить», «ударять», «отбивать», «размягчать») – «разбитый», «утомленный» и «куфте (кушанье из рубленого мяса и риса тупа тефтелей)»; *gozaste* (< гл. *gozaštan* «проходить», «протекать») имеет значения «прошедший», «прошлый» (*sāl-egozašte* «про-

шлый год») и «прошлое», «былое» (*dargozašte-yenazdik* «в недалеком прошлом»). Кроме того, слово *gozašte* участвует в образовании вторичного предлога: *gozašteaz* «кроме» (*gozašteaz inpišnehād* «кроме этого предложения»).

В отдельных случаях персидское причастие прошедшего времени может получить значение наречия. Например, причастие *fah-mide* помимо значения прилагательного приобрело также адвербиальное значение «сознательно», «намеренно»; причастие *fešorde* кроме адъективных значений «сжатый», «конденсированный», «насыщенный», «плотный», «тесный» имеет также адвербиальное значение «сжато», «кратко».

Если в персидском языке «образование адъективных, субстантивных значений не является универсальным свойством для всех причастий прошедшего времени и, что многие причастия, образованные от простых, префиксальных и сложных глаголов сохраняют только причастные значения и других дополнительных значений не имеют, например: *āvarde* (<гл. *āvardan* «приносить»), *andišide* (< гл. *andišidan* «думать»), *baxšide* (< гл. *baxšidan* «дарить», «прощать»), *xandide* (<гл. *xandidan* «смеяться»)) [Рубинчик 2001, 274], то в осетинском языке причастия прошедшего времени, образованные при участии суффиксов *-d*, *-m*, *-st*, *-ыd*, *-ad*, чаще всего адъективируются, адвербиализуются (если находятся в позиции отложительного и уподобительного падежей) и субстантивируются при изменении числа и падежа.

Поскольку процесс перехода причастий прошедшего времени в именные части речи активно продолжается в современном языке, степень адъективации и субстантивации этих причастий неодинакова. Среди всех разновидностей персидских причастий причастия прошедшего времени в наибольшей степени обладают свойствами окказиональных транспозитов. Об их употреблении в функции других частей речи можно говорить лишь в определенном контек-

сте. Вне контекста их целесообразно рассматривать как причастия прошедшего времени соответствующих глаголов.

В персидском языке транспонированные в именные части речи причастия прошедшего времени выполняют все грамматические функции, свойственные именам существительным и прилагательным: субстантивированные – они выполняют функции подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого, могут получать показатели мн. числа и выделительный артикль; адъективированные – выступают в качестве определения и именной части составного сказуемого, образуют также степени сравнения.

Таким образом, в результате словообразовательной транспозиции причастия прошедшего времени получают не только новые лексические значения, но и новые грамматические свойства. К наиболее устойчивым транспозитам можно отнести те слова, у которых произошел существенный разрыв со значением исходного глагола. К ним можно отнести такие лексемы, как *farāvarde* «продукт», «изделие» (от гл. *farā-āvardan* «добывать», «приобретать»); *barjaste* «выдающийся», «знаменитый», «важный» (от гл. *bar-jastan* «вспрыгивать», «вскакивать», «выпрыгивать»); *oftāde* «скромный» (от гл. *oftādan* «падать») и т.д. [Рубинчик 2001: 275]

Причастия прошедшего времени активно участвуют и в других словообразовательных процессах, главным образом в аффиксации, словосложении, лексикализации словосочетаний.

В данном разделе остановимся более подробно на участии причастий прошедшего времени в аффиксальном способе словообразования, свидетельствующем о том, что эти причастные формы выступают в качестве производящей основы подобно качественным прилагательным. Это является еще одним доказательством перехода таких причастий в имена прилагательные.

Как и многие качественные прилагательные, причастия прош. вр. с помощью словообразовательного суффикса *yā-yemasdari* мо-

гут образовывать абстрактные имена существительные: *āzorde* «обиженный» -*āzordegī* «обида» (от гл. *āzordan* «обижать»); *āmixte* «смешанный», «перемешанный» *āmixtegi* «смешанность», «соединение» (от гл. *āmixtan* «смешивать», «перемешивать»); *darrafte* «вывихнутый», *darraftegi* «вывих», «растяжение» (от гл. *dar-raftan* «вывихнуться»); *ārāste* «украшенный» -*ārāstegi* «украшение» (от гл. *ārāstan* «украшать») и т.д.

Факты участия причастий прошедшего времени в редупликации, когда путем повторения одних и тех же причастных форм образуются сложные слова (например, *rafterafte* «постепенно», *borideboride* «прерывисто», *jastejaste* «мало-помалу», в модельном слово сложении (например, *bādkarde* «вздувшийся», *tahsilkarde* «обученный», «получивший образование», *zelzelezade* «пострадавший от землетрясения») свидетельствуют об их высокой словообразовательной активности.

Отметим, что приобретать значения прилагательного и существительного, выступать в функции наречий характерно и осетинским причастиям прошедшего времени.

2.11.3. Причастия будущего времени осетинского и персидского языков

Форма будущего времени персидского причастия в грамматиках рассматривается как «причастие долженствования», имеющее при этом еще и второе название «причастие будущего времени».

По словам авторитетного грамматиста и исследователя персидского языка Ю.А. Рубинчика, видим, что «двойное наименование связано с теми семантико-грамматическими значениями данного глагольного образования, которые, с одной стороны, заключают в себе модальность, выражая долженствование, необходимость, желательность, возможность совершения действия, а с другой –

содержат значение будущего времени, тесно связанное с этой модальностью [Рубинчик 2001: 285], ученый убежден в том, что вторая дефиниция для данных форм персидского является наиболее полно отражающей их семантико-грамматическую сущность. У него же: «Причастия долженствования образуются путем прибавления к инфинитиву ударного суффикса *kardan* – «делать», *kardani* – «то, что нужно сделать», «то, что можно сделать», «выполнимый», «осуществимый»; *goftan* – «говорить», *goftani* – «то, что нужно или можно сказать», «заслуживающий того, чтобы сказать»; *raftan* – «уходить», «уезжать», *raftani* – «собирающийся уходить, уезжать» и т.д.» [Рубинчик 2001: 285].

Здесь же говорится, что причастия долженствования в персидском языке большей частью образуются от простых глаголов, такое совпадение с современным осетинским дает нам право сказать о том, что осетинское причастие будущего времени тоже представляет собой слова, образованные как от основы всех простых глаголов, так и от многих сложных глаголов при помощи единственного суффикса будущего времени причастий осетинского языка *-инаг* по той же традиционной схеме словообразования причастий.

Если образование персидского причастия будущего времени большей частью опирается на простые глаголы, то и осетинское причастие также (см. выше).

Образование причастных форм будущего времени, образуемых от префиксальных глаголов в персидском, совпадает тоже с причастием будущего времени осетинского причастия: *арба+цæу+инаг* (намеревающийся прийти), *ра+цæу+инаг* (намеревающийся выйти, выехать), *фæ+цæу+инаг* (намеревающийся пойти), *а+цæу+инаг* (намеревающийся уйти, уехать) и мн.др. и персидские: *bar-gaštan* – «возвращаться», *bargaštani* – собирающийся возвратиться; *dar-yāftan* – «понимать» *daryāftani* – «понятный», «постижимый» [Рубинчик 2001: 286].

Причастия долженствования могут быть образованы от глаголов с переходным и непереходным значениями, при этом в большинстве случаев причастные формы, образованные от переходных глаголов, характеризуются пассивным значением с оттенком долженствования: *xordani* – «съедобный», «годный в пищу, для питья», *xordan* – «есть», «пить»; *baxšidani* – «простительный», «даруемый» *bašidan* «прощать», «дарить»; *didani* – «заслуживающий того, чтобы быть увиденным».

В то же время причастия долженствования, образованные от непереходных глаголов, могут иметь значение активного долженствования, намерения: *raftani* – «собирающийся уходить, уезжать», *raftan* – «уходить», «уезжать»; *bargaštani* – «собирающийся возвратиться», *bar-gaštan* – «возвращаться».

Рассмотренные нами семантические особенности будущего времени персидских причастий подсказывают, что они в полной мере с осетинским имеют способность адъективироваться, субстантивироваться. Это происходит в обоих языках спокойно: адъективации подвергаются все причастия при приобретении переносного значения, вместо прямого лексического значения и при получении показателей сравнительной степени имен прилагательных. Например, в персидском: *Harakat-e tānkerhā-ye hāmel-e mavādd-e suxtani va fāsedšogani azsāat-e šeš-e sobh āqāz mišavad* – «Движение танкеров, груженных горючими и скоропортящимися продуктами, начинается с шести часов утра» [Рубинчик 2001: 287], в осетинском: *æмбаринаг* (то, что следует понять) – *æмбаринагдæр* (то, что следовало бы лучше понять) – *тынг æмбаринаг* (исключительно / совсем / чересчур то, что следовало бы понять).

В «Грамматике современного персидского литературного языка» Ю.А. Рубинчика есть отрицательное мнение о полной транспозиции указанных образований в прилагательные, в осетинском

же, подчеркнем, этот переход в разряд имен прилагательных происходит более активно.

При образовании отрицательных форм адъективированных причастий долженствования используются как отрицательный словообразовательный префикс *na-*, так и его алломорф *nā̄tix-tani* – «не поддающийся обучению», «не поддающийся приручению», *napaziroftani* – «неприемлемый», «неподходящий», «недо-стоверный». В причастных образованиях от сложных глаголов отрицательная частица присоединяется к компонирующему глаголу, не нарушая их просодической структуры и лексической цельности: *farāmušnašodani* – «незабываемый», *jodānašodani* – «неотделимый», «неразделимый» [Рубинчик 2001: 288].

Отмечается также в [Ю.А. Рубинчик 2001, Ю.А. Рубинчик 1960, И.К. Овчинникова 1956], что персидские причастия долженствования подвержены субстантивации и не только в указанном времени. У Рубинчика видим: «В большинстве случаев в основе субстантивных образований лежит адъективное значение причастия: *xordani* – «съедобный», «то, что съедобно», «пища», «еда»; *bāftani* – «годный для тканья, вязания», «вязанные вещи», «трикотаж»; *pušidani* – «пригодный для надевания», «одежда»» [Рубинчик 2001: 288].

Понятно, что причастия будущего времени обоих языков подвержены субстантивации и, как само собой разумеющееся, приобретают все характерные лексико-грамматические свойства имен существительных.

В осетинском единственный суффикс будущего времени причастия *-инаг* рассматривается В.И.Абаевым следующим образом:» От инфинитива образует причастия будущего времени: *даринаг* (из дарын – аг) «иждивенец» (тот, кого нужно содержать), *харинаг* «пища» (то, что подлежит съедению), *худинаг* «позор» (то, что подлежит осмеянию), *тауинаг* «семена» (то, что подлежит высеву).

нию) и т.п.» [Абаев 1970: 659], а у Н.К. Багаева: «Именные формы на *-инаг* от переходных глаголов бывают:

а) в значении имен существительных, выражающих название предметов по производному действию, например: *хæринаг* «кушание», *æлвисинаг* – «шерсть» (подлежащая прядению), *кусинаг* «предмет работы», *хъусинаг* «объявление», *даринаг* «иждивенец», *кардинаг* «то, что должно быть скошено, сжато» и т.д.;

б) в значении имен прилагательных, обозначающих признак предмета, лица по действию, которое над ним должно быть произведено, например: *æлвисинаг* *къуымбил*, «подлежащая прядению шерсть», *хæринаг* *æхца* «подлежащие израсходыванию деньги», *æлхæнинаг* *чиныг* «подлежащая купле книга», *хæссинаг* *уаргъ* «подлежащая несению ноша», *къахинаг* *уæрм* «подлежащая углублению яма», *фидинаг* *хæс* «подлежащий оплате долг» и т.д. [Багаев 1965: 352].

Суть причастия будущего времени, образованного от глагольной основы настоящего времени, прибавляя суффикс *-инаг* рассмотрен в «Грамматике осетинского языка»: «Причастия будущего времени образуются от глагольной основы настоящего времени путем прибавления суффикса *-инаг*. Например: от глагола *кусын* «работать» причастия будущего времени *кусинаг* – «то, что нужно сделать» или «намеревающийся сделать», *хæрын* «кушать, есть» – *хæринаг* «подлежащее съедению» или «намеревающийся съесть», *фыссын* «писать» – *фыссинаг* «подлежащее написанию», *нуазинаг* «напиток» или «намеревающийся выпить» [Грамматика осетинского языка 1963: 270].

Имея конкретное представление о причастиях будущего времени осетинского языка, мы можем подчеркнуть, что они образуются от всех глаголов (простых и сложных, переходных и непереходных) от основы настоящего времени путем прибавления суффикса *-инаг*.

Причастия будущего времени выражают имя действия, которое должно сделаться, совершиться, или называет имя конкретного лица, намеревающегося совершить то или иное действие. Например: 1. Уæрцц бирæгъæн афтæ загъта: «Уæ, бирæгъ, мæнæ дын сæгъ *æргæвдинаг*, æмæ йæ аргæвд æмæ дзы мæ маст дæр райс...! (Дж. Ш) – Перепел волку говорит: «О, волк, вот тебе коза для *закалывания*, зарежь ее и отомсти за меня тоже». 2. Дардыл æрзылдысты цæстытæ, иу *зæрдæхсаинаг* бынат дæр æнæсгаргæ нæ ныууагътой, фæлæ нукуы æмæ ницы (Бедж. Ч., Хъуыл. С.) – Осмотрели все глаза, ни одного подозрительного места не оставили, не обыскав, но нигде и ничего. 3. ...Нæ дæн *ныббаринаг* мæхицæн Мæ сыгъдæг уарзт, мæ нæргæ цинты раз... (Хадж. Т.) – Не могу простить себе мою чистую любовь при моих звонких радостях.

Причастия будущего времени в осетинском языке выполняют те же синтаксические функции, что и причастия настоящего и прошедшего времен.

В причастиях будущего времени залог не выражен. В зависимости от контекста они могут пониматься и как активные, и как пассивные: «Именная форма на *-инаг* от переходных глаголов в сочетании с личными формами вспомогательного глагола «уæвын» образует пассивный оборот: чиныг *æлхæнинаг* у – «книга должна быть куплена» и т.д.

В значении имен прилагательных именные формы на *-инаг* могут обозначать качественные признаки и тогда могут иметь степени сравнения, например: *хæринаг* æхца – *хæринагдæр* æхца – *бынтон хæринаг* æхца, *фидинаг* хæс – *фидинагдæр* хæс, *тынг (бынтон) фидинаг* хæс и т.д. [Багаев 1965: 352]

Отметим и то, что причастия будущего времени в осетинском представлены только одним единственным суффиксом *-инаг* и способны активно субстантивироваться и адъективироваться.

2.12. Полисуффиксальный способ образования осетинских и персидских причастий

За основу данного изложения берем некоторые аспекты полисуффиксального способа образования причастий в осетинском и персидском языках в рамках их сопоставления. Лингвистический интерес к данному вопросу подсказывается тем, что оба языка относятся к иранской группе индоевропейской семьи языков.

Причастие в языке по праву считается самым распространенным глагольным именем, вбирающим в себя характер адъективации, субстантивации и адвербиализации. В таком формате оно встречается в основном в индоевропейских языках.

Обогащение функциональных возможностей и расширение семантического диапазона осетинские причастия приобретают благодаря моноссуффиксальному и полисуффиксальному способу словообразования.

Причастия на –æггаг (очень часто с участием превербов): указанный суффикс *-æггаг* в образовании причастий в осетинском языке играет существенную роль. Причастия, образованные при помощи сложного суффикса *-æггаг* (*æг(г)+аг*) от основы настоящего времени глагола, употребляемые при именах существительных, обозначают признак предмета по производимому или произведённому (*с превербом*) действию: *æрцæуæггаг* бинонтæ – «приехавшая семья»; *æрбаскъæфæггаг* ныхæстæ – букв. «принесённые / перехваченные / занесённые слова»; *ракурæггаг* æхца – «выпрошенные / попрошенные деньги»; *æрвитæггаг* ныхæстæ – «посылаемые слова»; *фæдæттæггаг* / *раттæггаг* лæвæрттæ – букв.: «подаренные (букв. «подарки»)»; *æрымысæггаг* хабар – «придуманная весть (дело / случай)» [Качмазова 2006: 11 – 19].

Одиночные же подобные причастия с суффиксом *-æггаг* (употребляемые без имен существительных) выражают расширенное

общее понятие предмета, получаемое от действия, которое выражается или воспроизводится причастием.

Приводимые ниже причастия без имен существительных, образуемые с *-æггаг*, выражают вообще то, что могло бы быть результатом определённого действия, выражаемого причастием. Сравним: *хаæггаг* – все то, что могло бы быть результатом еды; *даваæггаг* – результат воровства, *мысæггаг* – результат выдумки и др.

Указанный суффикс *-æггаг* Н.К. Багаевым рассматривается как: «Слова – прилагательные, образуемые при помощи этого суффикса, обозначают признаки предметов по произведённому действию, например: *кураæггаг* дзаума – «прошенная вещь»; *байсæггаг* бæстæ – «завоёванная страна»; *æмбæлæггаг* нуазæн – «встречный бокал»; *æрвитæггаг* æхца – «посылаемые деньги» [Багаев 1965: 198].

Осетинские причастия, образованные при помощи сложного суффикса *-æггаг* обозначают признак предмета не только по «произведённому» действию, так как слова – причастия данной категории носят в себе и постоянное качество, и признак постоянства: *хассæггаг* ныхас – букв.: «носимая речь», *фæрсæггаг* æхца – «деньги от (для) гадания», *хассæггаг* дзырд – «носимое / передаваемое слово», *кураæггаг* ссад – «просимая мука» и т.д.

Суть данного утверждения изменится, если мы используем с этими же причастиями превербы, которые придают им вид совершенного (произведённого) действия: *æрба+хассæггаг*, *æрба+рвитæггаг*, *ны+(ф)фыссæггаг* и т.д., зная, что от глаголов совершенного вида образуются причастия совершенного вида и от глаголов несовершенного вида – несовершенного вида причастия: *ракураæггаг* æхца – «попрошенные деньги»; *балхаæнæггаг* фæткъуытæ – «купленные яблоки»; *æрцæгъдæггаг* дыргътæ – «потрушенные фрукты»; *æрызгъалæггаг* мæнæу – «осыпавшаяся пшеница»; *æрбахассæггаг* ныхас – «принесённое слово»; *æрбакураæггаг*

дзаума – «попрошенная вещь»; *æрбауайæггаг* нузаен – «встречный бокал» (букв.: «бокал, предназначенный в связи с приходом») и мн. др.

Далее у Н.К. Багаева: «Слова, образованные при помощи сложного суффикса *-æггаг*, представляют собой образование посредством суффикса *-аг*от глагольных имён на суффиксе *-æг* (*æлхæнæг* – «покупающий», «покупатель»; *курæг* «просящий», «проситель»; *фыссæг* – «пишущий», «писатель» и т. д.)» и ещё одна важная мысль: «Однако в современном осетинском языке *-æг* и *-аг* в них не осознаются как отдельные суффиксы. Этому способствует, очевидно, удвоение звука «г» перед суффиксом *-аг*» [Багаев 1965: 199].

В современном осетинском языке данный сложный суффикс *-æггаг* действительно складывается из двух, ранее рассмотренных нами простых суффиксов *-æг* и *-аг*. При этом суть здесь в том, что если в моносуффиксальных причастиях в качестве основы выступают глагольные корни-основы, то уже в полисуффиксальных образованиях в качестве основы обязательно выступают дериватемы причастия, предстающие как производящее основы (ср.: *(дзур + æг) + аг = дзураæггаг*; *хæр + (æг) + аг = хæраæггаг*; *зар + (æг) + аг = зараæггаг* и др. И теперь в этом смысле как раз сомнительно приведённое выше утверждение Н.К. Багаева о том, что «в современном осетинском языке *-æг* и *-аг* не осознаются как отдельные суффиксы», и что этому способствует удвоение «г» перед суфф.-*аг*. Рядовые носители языка (не лингвисты) никогда не задаются вопросом о том, какова словообразовательная структура – морфология того или иного слова, но если бы мы от них вдруг потребовали решить эту проблему, то понятно, что если не во всех и даже не во многих случаях, то, по крайней мере, в ситуациях, подобных нашей, они бы вполне осознали, что, скажем, *даваæггаг* «(у)краденное» образуется в два этапа: а) *дав(ын)* «красть, воровать» + *æг* = *даваæг* – «ворующий, вор» и б) *даваæг + аг = даваæггаг* – «ворованное, краденное».

В этой ситуации в осетиноведении никого бы не смутило обстоятельство удвоения «г» перед *-аг*, ведь это вполне регулярное и живое фонетическое явление. Это же касается и образования следующих причастий: 1. *Паддзахгæнæггаг* кæйдæр цыхт хордта нæ гæды рувас (Къ.) – А сыр всё ела Кума – лисица... 2. *Æрбадавæггаг* ныхас æлгъыстæй уæлдай нæу (Посл.) – Принесённое (букв.: «то, что занесли») слово – проклятие. (3. *Хæрзæггураггаг* дын цы авæрон, мæ гыццыл хур? – Что мне тебе дать в подарок (букв.: «просимое за добрую / хорошую (весть)»), моё маленькое солнышко? 4. *Кураггаг* æмæ *даваггаг* æхцатæй бирæ нæ ахæсдзынæ – Просимыми и ворованными деньгами долго не протянешь (Посл.) и т.д.

Сложный суффикс от *-æг + -аг (æггаг)* одинаково часто образует слова – причастия как от простых глаголов, так и от сложных: худын – «смеяться» (*худæггаг*); хæссын – «носить, нести» (*хæссæггаг*); фасын – «расчёсывать» (*фасæггаг*); бадын – «сидеть» (*бадæггаг*); æрвитын – «посылать» (*æрвитæггаг*); зарын – «петь» (*зарæггаг*); фыссын – «писать» (*фыссæггаг*); ахуыр кæнын – «учиться» (*ахуыргæнæггаг*); хъаст кæнын – «жаловаться» (*хъастгæнæггаг*); цырды кæнын – «торопиться» (*цырдгæнæггаг*); хъær кæнын – «кричать» (*хъæргæнæггаг*); ныв кæнын – «рисовать» (*нывгæнæггаг*); гом кæнын – «открывать» (*гомгæнæггаг*); цъæл кæнын – «ломать» (*цъæлгæнæггаг*) и мн. др.

Осетинские превербы применительны и к сложным, и к простым причастиям. При этом такие причастия, помимо указанных признаков, в зависимости от ситуаций (контекста), могут выражать и признак предназначенности действия: *фæрсæггаг* æхцатæ – деньги за гадание, *æмбæлæггаг* нуазæн – бокал, данный за приход (появление) и др.

Причастия на -æйцаг и -иуцаг. Непродуктивные суффиксы *-(æ)йцаг* и *-(и)уцаг* в осетинском языке образуют причастия исключительно редко, да и в образовании других частей речи мало эффек-

тивны. Они также обозначают признак предмета по действию. Вероятно, данные образования построены в два этапа: а) *бæллын* «желать», «хотеть» + *-иц* = *бæллиц* «желание, мечта» б) *бæллиц* + *-аг* = *бæллиццаг* «желаемое»; а) *цæрын* «жить» + *æц* = *цæраец* б) *цæраец* + *-аг* = *цæраеццаг* «тот, кому суждено жить» и др.

Сравним ещё такие аналогичные слова: *калæддзаг* «то, что находится в состоянии немедленного падения»; *мæлæтдзаг* «смертельный, тот, кто находится в смертельном состоянии» (последние два примера см. в: [Абаев 1979: 302].

Примечательно в данной ситуации, что суффикс *-æццаг* на современном этапе развития осетинского языка не поддаётся разбиению на два суффикса – на *-æци* *-аг*. У В.И. Абаева читаем: «Суффикс *-æццаг* в этимологии слова *цæраеццаг*: «от *цæрын* «жить» с помощью не вполне ясного суффикса *-æццаг*» [Абаев 1979: 302].

Отдавая себе отчёт в том, что наши следующие версии могут оказаться в той или иной мере рискованными, мы всё же попытаемся изложить их. *Первая версия* такова, что, возможно, сегмент *-æц* в суффиксе *-æццаг* восходит к суффиксу прошедшего причастия *-д (т)* (ср.: *цæрын* + *д* = *цæрд*, *мæлын* < *марын* + *д* = *мард*, *калын* / *калын* + *д* = *калд* (*калд*), к которому прибавляется суффикс *-аг*. При этом происходят соответствующие морфонологические процессы: *цæрд* + *аг* = *цæрает(с) аг* = *цæраеццаг*; *мард* + *аг* = *мæл(æ)т(с)аг* = *мæлæц(ц)аг*; *калд* / *калд* + *аг* = *кæлт(с)* + *аг* = *кæлæц(ц)аг*.

Вторая версия: суффикс *-аг* прибавляется к форме 3-го лица, единственного числа, повелительного наклонения, т.е. к *-æд*, где *-д* есть вариант «полисемантического элемента» [Таказов 1992: 16], которая сама присоединяется к основе (корню) настоящего времени [Габараев 1977: 28] (ср.: *цæр* + *æд* = *цæраед*; *мæл* + *æд* = *мæлæд*, *кæл* + *æд* = *кæлæд* и т.д.).

В таком случае, *цæраед* + *аг* = *цæрает(с)аг* = *цæраеццаг* с учётом грамматического знания суффикса *-аг* (*постоянный признак*)

буквально может означать: наделённый постоянным признаком – «пусть живёт», как пожеланием, что, естественно, не так далеко отстоит от значения: «тот, кому суждено жить» (ср.: по той же схеме и другие примеры).

Трудно сказать, какая из двух версий предпочтительней. В этой ситуации уместно привести этимологию слова *байзæддаг* «потомство» по В.И. Абаеву: «...образовано от причастия *байзад* с помощью суффикса *-аг*» (ср.: его же аналогично: *амæттаг* «жертва» [Абаев 1979: 232], что поддерживает нашу первую версию.

Причастия на *-æгой*. Наряду с причастиями настоящего времени с суффиксом *-æг*, выделяются и некоторые причастия с *-æг*, к которым прибавляется ещё и суффикс *-ой* и которые сохраняются при этом как причастия: *уарзын* – «любить» – *уарзæг* – «любящий» – *уарзæгой* – «любящий»; *хъазын* – «играть» – *хъазæг* – «играющий» – *хъазæгой* «играющий» («любитель играть, шутить»); *сайын* – «обманывать» – *сайæг* – «обманывающий» («обманщик») – *сайæгой* – «обманщик» («любитель обманывать»); *худын* – «смеяться» – *худæг* «смешной», «смеющийся» – *худæгой* – «смешной» (любитель посмеяться) и т.д.

В предложениях их смысловая нагрузка увеличивается: 1. Куырда бар, цæмæй æруагътаид йæ зæронд сæр чызджы *уарзæгой* зæрдæйыл (Бар. Г.). – Просил разрешения, чтобы склонил, (положил) свою старую голову на *любящее* девичье сердце. 2. Ахæм *хъазæгой* митæ адамы зæрдæмæ ссардтой фæндаг – Такие *смешливые* (увеселительные) действия нашли путь к людским сердцам.

Суффикс *-ой* придаёт осетинским причастиям оттенок некоторого постоянства признака предмета по действию. Этим формам синонимичны причастия на *-аг*. Отличительно от первых они менее применимы (частотны) и образуются не от всех глаголов (в данном случае речь идёт о прибавлении суффикса *-ой* к причастиям настоящего времени с *-æг*).

Отметим и то, что если причастия настоящего времени с суффиксом *-æг* показывают действующего, т.е. того, кто совершает действие, например: *кафæг* (лæппу) – «танцующий мальчик» (тот, кто танцует); *дзурæг* (лæг) – «говорящий человек» (тот, кто любит говорить); *цæуæг* (адæймаг) – «идущий человек» (тот, кто идёт), то после прибавления к ним превербов, эти причастия начинают носить характер совершенного действия, прошедшего времени: *акафæг* (лæппу) – станцующий (мальчик); *æрцæуæг* (адæймаг) – пришедший (человек); *ныххудæг* (сывæллон) – засмеявшийся (ребенок) и т.д.

Вот что о причастиях с суффиксом *-æг* пишет Н.К. Багаев: «В значении имён прилагательных отглагольные имена на *-æг* соответствуют причастию действительного залога настоящего времени русского языка, обозначают признак действующего лица или предмета по производимому им действию, процессу, например: *кусæг* лæг – «работающий человек»; *дзурæгадæймаг* – «говорящий человек»; *цæрæг* адæймаг – «живущий человек»; *æнхъæлма кæсæг* сывæллон – «ожидаящий (ждущий) ребенок» и т. д. [Багаев 1965: 351-352].

Следует отметить, что малопродуктивный суффикс *-ой* образует причастия, сочетаясь с суффиксом *-æг*, причастия настоящего времени: *уарзæг* – «любящий» и *уарзæгой* – «любитель любить»; *сайæг* – «обманивающий» и *сайæгой* – «обманивающий», «любитель обманывать»; *худæг* – «смешной», «смешливый» и *худæгой* – «смешливый», «любитель смеяться»; *смудæг* – «нюхающий» и *смудæгой* – «любитель нюхать что-либо»; *кусæг* – «работающий», «рабочий» и *кусæгой* – «любитель работать», «работяга»; *дзурæг* – «говорящий» и *дзурæгой* – «говорливый», «болтун», «любитель говорить»; *æппæлæг* – «хвастающий» и *æппæлæгой* – «хвастливый», «хвастун»; реже такое образование на *-ой* от сложных глаголов: *хыл кæнын* – «драться», «ругаться» и *хылæгой* – «драчун», «люби-

тель драться», «драчливый», причём в последнем примере форма «*хылаæg*» без суффикса *-ой* невозможна.

Если в причастиях, образованных от основы настоящего времени глагола при помощи суффикса *-æg* сохраняется действие в настоящем времени, то с прибавлением к таким словам-причастиям суффикса *-ой* слова приобретают признак постоянного качества действия. Остаются ли такие слова причастиями или субстантивизируются, решает только контекст.

Причастия на -ынцъаг/ -ынцъæg, -ындзæg. Названные модели словообразования причастий весьма непродуктивны в осетинском языке. Так на *-ынцъаг*: *бырынцъаг* (фæндаг) – «скользящая» (дорога); на *-ындзæg*: *кауындзæg* (хъæлæс) – «плачущий, плаксивый (голос)»; *омындзæg* (хуыз) – «рвота (состояние, вид)».

Причастия указанных моделей обозначают либо признак по действию, либо лексикализованность этого признака, но уже без определяемого слова.

Представляется интересным вопрос структуры указанных суффиксов. Во-первых, с точки зрения современного состояния языка, здесь трудно говорить о выделении отмеченных суффиксов, поскольку у них есть общий элемент *-ын*, совпадающий с инфинитивом на *-ын*, тогда, похоже, что выше речь идет не о суффиксах *-ынцъаг/ -ынцъæg, -ындзæg*, а о суффиксах *-цъаг /-цъæg, -дзæg*. И если это действительно так, то следует отметить уникальность модели, поскольку это единственный случай, когда суффикс присоединяется не к глагольному корню (основе настоящего времени), а к инфинитиву на *-ын*.

Но мы всё же склонны думать, что перед нами всё-таки сложные суффиксы (в синхронном плане), и указанные причастия образовались путём прибавления к глагольному корню (основе настоящего времени) сначала суффикса *-ын*, а затем уже к этому образованию присоединились суффиксы *-цъаг / -цъæg, -дзæg*.

Причастия на -д, -дзаг. Суффикс *-дзаг* образует новые причастия от причастий, произошедших от основы прошедшего времени глагола при помощи суффикса *-д*: *калд + -дзаг (калæддзаг* – «ветхий, разрушенный»); *хæлд + -дзаг (хæлæддзаг* – аналогично «*калæддзаг*»); *хауд + -дзаг (хæуддзаг* – «то, что осталось, что не годится»); *мард + -дзаг (мæрддзаг* – «вещи, предназначенные для покойника»); *уад + -дзаг (уаддзаг* – «то, что отрезали, оставили»).

Отмеченное полисуффиксальное явление в современном осетинском языке малопродуктивно, но не исключается из употребления как в устной, так и в письменной речи.

Причастия, образованные вышеуказанным способом, показывают признак по произведённому (с превербом) или производимому действию. Примеры, приведённые здесь, выполняют функцию определения, показывая при этом признак производимого действия с *определенной предназначенностью*.

Такова краткая характеристика основных нюансов полисуффиксального способа образования осетинских причастий в современном его состоянии и рассмотрении.

Касательно персидского языка известно, что древний языковой период представлен Авестой – древнеперсидским и скифским языками. Зная, что скифский является наиболее близким предком осетинского языка, по проблеме причастия лучше обратиться к Авесте, поскольку в скифоведении трудно найти сколь-нибудь серьёзных сведений по исследуемой проблеме.

Используя сюжет Авесты, мы увидим продолжение линии активных индоевропейских причастий от основы презенса и аориста при помощи суффикса **-nt*, **-ont* [Расторгуева 1981, 227-228].

Медиальные же причастия на **-mna* и **-ana* как презенса, так и перфекта [Соколов 1979: 229] продолжают линию санскрита.

В Авесте нас могут заинтересовать причастия будущего времени и пассивные причастия перфекта, продолжающие линию индоевропейского языка.

В самом деле, как пишет С. Н. Соколов: «В причастии сохраняются специальные значения исходной глагольной основы. Так, от основ на **-sya* причастие имеет значение будущего времени» [Соколов 1979: 228], потому что «корень + (*sya*) - выражает будущее время» [Соколов 1979: 211], «корень же с удвоением + (*-sa*) имеет дезидеративное значение» [Соколов 1979: 211]. Заметим, что осетинские причастия на *-инаг* в действительности образуются не от *-инаг*, а от корня + (*с*)*ин* + *аг*; ср. у Н. К. Багаева: «*инаг* (*из ы-й-н-аг*)» [Багаев 1965: 350], у А.М. Шёгрена: «корень (или причастие прошедшего времени) + *суинаг* «будущее» [Шёрген 1844: 193] имеет значение и будущего времени, и дезидеративного характера.

Далее у С.Н. Соколова читаем: «Пассивными причастиями перфекта называют обычно отглагольные прилагательные с суффиксом **-ta*. Образуются непосредственно от корня */sap-ta/*, */sup-ta/* «следовать», причастие */hak-ta/*. Это причастие употреблялось в описательных конструкциях, которые легли в основу парадигм прошедшего времени в новоиранских языках. Соотношение переходность-пассив: непереходность-актив сохранилось в производном от этого имени так называемом «причастии прошедшего времени» в новоперсидском языке (*gufta* – «сказанное», *zafta* – «ушедший») [Соколов 1979: 229]. Всё отмеченное полностью касается и современного осетинского языка.

В Авесте также представлены были причастные формы на **-ya*, **-tva*, **-gva*, **-ata* [Соколов 1979: 229-230].

Отметим еще, что древнеперсидский язык, по мнению С.Н. Соколова, имеет активные причастия на **-nt* и медиальные причастия на **-mn*, также и причастия на **-ta* [Соколов 1979: 265-266].

Значит, «характерным признаком всех древнеиранских языков является развитая система флексий, пронизывающая весь грамматический строй. Однако уже в древнеиранскую языковую эпоху начинается процесс постоянного ослабления флексий. Стоящие

в конце слова грамматические окончания (падежные, родовые и т.д.) постепенно редуцируются и отмирают, что влечёт за собой постепенный распад и разложение древней флективной системы» [Миллер 1881: 144].

Известно, что среднеиранская языковая эпоха представляет собой гибкий переходный этап от древнеиранских к новоиранским языкам.

Так, например, «среднеиранский язык уже в сильной степени отошёл от своего древнеиранского прототипа... В морфологии он (язык) подвергся коренной перестройке: полностью элиминирована категория рода, распалась система склонения, преобразована система спряжения глагола с заменой древних флективных форм прошедших времён новыми, аналитическими, образовавшимися на базе причастия прошедшего времени на **-ta*» [Оранский 1988, 7].

И всё же, несмотря на отмеченное, можно предположить, что в любом случае, система причастных форм не столь кардинально подверглась изменениям, трансформациям. Более того, как это видно было из приведённого: отдельные её формы (это касается не только среднеперсидского языка) «внедрялись» в систему спряжения. Система глагола не так уж и изменилась, если она ещё во многом предстаёт вполне узнаваемой.

Слова крупнейшего ираниста В.И. Абаева, сказанные им в статье «К характеристике современного осетинского языка» вполне поучительны: «Переходя от имени к глаголу, от склонения к спряжению, мы попадаем в другой языковой мир, флективный, «индоевропейский». Если в склонении мы видим коренную ломку древнеиранской системы, то в спряжении почти любая форма рождает иранские реминисценции» [Абаев 1949: 102].

К рассмотрению представим причастные формы в среднеиранский период.

Среднеперсидский язык имел следующие причастия: «Общеиранские пассивные причастия перфекта на **-ta* в среднеперсидском генерализовались в качестве основы прошедшего времени... Непредикативное использование их в среднеперсидском редко» [Оранский 1988: 129]. Причастие прошедшего времени с суффиксом **-ag* (*-к, ман, -g*) – исторически пассивное причастие перфекта на **-ta*, расширенное суффиксом **-aka* в сильной степени адъективируется или субстантивируется» [Оранский 1988: 129].

Приведем здесь аналогичные осетинские примеры: *мæрддзаг* «предназначенный для покойника», букв.: «для смерти»; *мæрддаг* «подобный смерти»; *кæлддзаг* «готовый разрушиться»; *хæлддзаг* «неисправный» и т. д., которые построены также по модели: причастие прошедшего времени на *-m* (кусын «работать» – *куыс+m*), *-d* (цæуын «идти» – *цы+d*) (общеир. **-ta*) + *-ag*.

Причастие настоящего времени с суффиксом **-an* от основы настоящего времени (общеиран. медиальное причастие на **-ana*, ав. **-mar*, **-hano* «думающий» [Оранский 1988: 129]).

Итак, сделаем вывод о том, что большинству причастных форм в персидском можно найти параллели и в осетинском языке, но полисуффиксальный способ образования причастий в персидском не находит своего отражения в грамматиках.

2.13. Префиксально-суффиксальный способ образования осетинских причастий

Названный способ при тщательном рассмотрении оказывается весьма условным. Дело в том, что в осетинском языке причастия образуются только при помощи суффиксов. Нет ни одного случая, чтобы причастия образовались при помощи префиксов. Поскольку же это так, то понятно, что префиксально-суффиксального спосо-

ба как такового в строгом (объективном) смысле в сфере словообразования причастий нет. Суть сказанного в том, что о таком словообразовании можно было бы говорить только в том случае, если бы причастия с префиксами и суффиксами не встречались с тем же суффиксом, но уже без префиксов. Но ведь как раз дело в том, что префиксы все время прибавляются к уже готовым причастиям. Да и прибавляясь к ним, они ничего нового в лексико-семантическом и общеграмматическом плане не привносят кроме тех или иных аспектуальных нюансов.

В связи с отмеченным понятно, что префиксально-суффиксальное образование осетинских причастий целесообразнее рассмотреть в стилистическом плане.

2.14. Морфонологический способ образования причастий в осетинском языке

Суть данного способа, как известно, заключается в морфологически обусловленном чередовании звуков, в результате которого морфема меняет свой грамматический статус (частеречный, категориальный).

Названный способ в чистом виде в сфере словообразования осетинских причастий нам встретился только в нескольких словах – примерах, что, естественно, не должно ослабить к нему внимание, анаоборот, в виду его уникальности, привлечь к себе особый исследовательский интерес.

Выше мы уже говорили об одном таком примере. В частности, мы отметили, что из всех осетиноведов этот случай выделили только В.Ф. Миллер, В.И. Абаев (Абаев 1968: 487) и М.И. Исаев, которые писали, что в дигорском языке от глагола *фицун* – «вариться» причастие прошедшего времени образуется наряду с *фунхт* и еще в виде *фунх* (сваренный).

Как известно, В.Ф. Миллер причастия прошедшего времени на *-т* (*-д*, *-ст*) не выделял как причастия, что, видимо, провоцировалось восприятием этих причастий как полностью грамматикализовавшихся.

В контексте такого рассмотрения только дигорский *фунх* мог претендовать на роль причастия прошедшего времени. Но, увы, и эта словоформа не спасла статус причастий прошедшего времени – в рубрике «причастия» нет не только причастий на *-т*, *-д*, *-ст* и т.д., но и способа, по которому образовано слово «фунх». Возможно, что виной тому – единичность проявления этого способа, ибо ясно, что В. Миллер не мог не заметить, что в дигорском, если в качестве грамматикализованной формы (базы новой основы прошедшего времени) выступает *фунхт*, то в роли собственно причастия выступает форма *фунх*.

У М.И. Исаева выделяются причастия прошедшего времени на *-т*, *-д*, *-ст* и т.д., в том числе и *фунхт*, у которого в качестве второго простого дублета называется форма *фунх*. И это в то время, когда, как справедливо пишет Х.А. Таказов: «В осетинском языке причастие прошедшего времени грамматикализовалось и перешло в основу прошедшего времени не глобально, не везде, а лишь там, где оно употреблялось вместе с вспомогательным глаголом в предикативном значении. Там же, где эта форма сохранила именное значение, она и сейчас функционирует в качестве отглагольного имени или причастия» [Таказов 1992: 26].

Помимо прочего следует заметить, что означенные выше дигорские варианты от глагола *фицун*, а именно *фунхт* и *фунх*, резонируют и в иранском, но уже, соответственно, как «*фыхт*» и «*фых*» (в последнем случае никто из иронцев не скажет вместо «фых дзидза» (сваренное мясо) – «фыхт дзидза», из которых первая форма – грамматикализована, а вторая предстает причастием.

Морфологический способ здесь заключается в том, что в дигорском языке глагол *фиц(ун)* преобразуется в корне на *фунхт* (пер-

вичное причастие) и *фунх* (вторичное причастие) благодаря замене корневого гласного *и* на *у*, корневого согласного *ц* на *х*, а также появлению наращения согласного *н*.

В иранском языке же от *фыц(ын)* получаем *фыхт* (первичное причастие), а затем *фых* (вторичное причастие).

Подобное размежевание форм поучительно для познания не только истории языка, но и его философии и логики.

Заметим далее, что к рассмотренному примеру близко стоит и причастие *цаѣф* (салдат) – «раненый (солдат)», которое образовалось от глагола *цаввын* «ударять, бить»: здесь глагольный корень *цав* исходный согласный *в* чередуется с *ф*.

2.15. Образование причастий от сложных глаголов в осетинском

Особо следует отметить словообразование причастий в осетинском от сложных глаголов, состоящих из знаменательной и вспомогательной (глагольной) частей. От простых глаголов образование причастий таким способом не представляется возможным.

Сюда относим такие примеры: *коммаѣгас* = от *коммæ+кæсын* «послушный»; *хъæддзау* = *хъæд+цауын* (букв.: «ходящий в лес»); *сагсур* = *саг+сурын* «молодец» (букв.: «преследующий оленя»); *усгур* = *ус+курын* «жених» (букв.: «женщину просящий»); *магуыргур* = *магуыр+курын* «нищий», «попрошайка» (букв.: «бедный проситель»); *хъæдхой* = *хъæд+хойын* «дятел» (букв.: «стучащий дерево»); *къæрцхъус* = *къæрцц+хъусын* (букв.: «треск слышащий» т.е.: «острый на слух»); *амондагур* / *амондгур* = *амонд+агурын* / *курын* (букв.: «счастье ищущий / просящий»); *сойфых* = *сой+фыцын* (букв.: «на жиру испеченный / сваренный»); *касаглас* = *касаг+ласын* «цапля» (букв.: «рыбу тянущий»); *къуымзил* = *къуым+зицын* (букв.:

«по углам шныряющий»); *сусæгхор* = сусæг+хæрын (букв.: «тайком кушающий») и мн. др.

Причастия, образованные вышеуказанным способом, следует характеризовать в современном осетинском как причастия, образованные бессуффиксальным способом, т.к. в них отсечен суффикс *-æг*.

2.16. Образование полусложных слов-причастий в осетинском языке

Очевидно, логичным будет после описания морфонологического и морфологического способов словообразования перейти к переходному типу словообразования – к описанию полусложных слов – причастий, представляющих собой своеобразный морфолого-синтаксический деривационный способ.

Суть названного способа заключается в том, что в отличие от чисто морфологического способа, где причастия образуются от глагольных корней при помощи тех или иных типов аффиксов (префиксов, суффиксов и т.д.) здесь к глагольным корням / основам прибавляются препозитивные или постпозитивные аффиксоиды или полуаффиксы, или свободные (не связанные аффиксы (см. в: [ЛЭС 1990: 60]); в роли которых выступают полуграмматикализованные / слабо десемантизированные слова, всевозможные частицы, местоимения, наречия и т.д.

В соответствии со сказанным, рассмотрим образцы полусложных слов, и прежде всего таких, у которых в первой части находится привативная частица либо в краткой форме *-æ*, либо в полной *-æнæ* – «без»: *æ-дзæрæг* (от *цæрын* «жить») – пустынный (букв. «без живущего»); *æ-гусæг* (от *кусын* «работать») – без рабочего; *æ-гъуыссæг* (от *хуыссын* «спать») – без сна; *æ-гуыст* (от *ку-*

сын «работать») – безработный / без работы; *æ-загъаг* (от *загъын* «сказать») – без сказывающего и мн.др.

В первой части предложная частица *-æм*, выражающая совместность, соответствие и пр.: *æм-кусæг* (от *кусын* «работать») – «сотрудник» (букв.: «вместе работающий»); *æм-дзураг* (от *дзурын* «говорить») – «совместно говорящий»; *æм-хатæг* (от *хатын* «требовать») – совместно требующий; *æм-дзæрин* (от *цæрын* – «жить») – «сожительствовавший»; *æм-хиз* (от *хизын* – «пасти») – «совместная пастьба»; *æм-кур* (от *курын* – «просить») – «совместное прошение»; *æм-дзу* (от *цæуын* – «ходить», «идти») – «совместное хождение»; *æм-дзырд* (от *дзурын* – «говорить») – «совместно говорить»; *æм-гуыст* (от *кусын* – «работать») – «совместно работать»; *æм-фæнд* (от *фæндын* – «желать») – «совместно желать»; *æм-загъд* (от *загъын* – «сказать») – «совместно сказать»; *æм-кафт* (от *кафын* – «танцевать») – «совместно танцевать», «вместе танцевать» и т.д.

В первой части старые наречия – предлоги *уæл* – «над», *дæл* – «под», *раз* – «перед», *фæс* – «позади», «за», *мид* – «внутри»: *уæл* – *цæраг* (от *цæрын* – «жить») – живущий наверху (над); *уæл* – *бадаг* (от *бадын* – «сидеть») – сидящий наверху (над); *дæл* – *къуыр* (от *къуырын* – «забивать») – забить вниз; *дæл* – *сагъд* (от *садзын* – «сажать») – посадить вглубь; *мид* – *худт* (от *худын* – «смеяться») – смеяться внутри; *мид* – *хъазт* (от *хъазын* – «играть») – играть внутри; *мид* – *дзæф* (от *цæвын* – «ударять») – удариться внутри; *фæс* – *тард* (от *тарын* – «гнать») – после угона; *фæс* – *куыст* (от *кусын* – «работать») – после работы; *фæс* – *бадт* – (от *бадын* – «сидеть») – после, как посидели; *фæс* – *дзæуин* – (от *цæуын* – «идти») – следом идущий; *раз* – *дзырд* (от *дзурын* – «говорить») – предисловие и мн.др.

В первой части местоимение *хæд* – «сам»: *хæд* – *æвзæрст* (от *æвзарын* – «появляться», «всходить») – самовсход; *хæд* – *барст* (от *барын* – «взвешивать», «измерять») – «самоизмерение»; *хæд* –

зилгæ (от *зылын* – «кужить», «крутить», «вертеть») – самокрутящийся; *хæд* – *тæхæг* (от *тæхын* – «лететь») – самолет; *хæд* – *мæл* (от *мæлын* – «умирать») – падаль; *хæд* – *дзу* (от *цæуын* – «идти») – самоидуший: *хæд* – *агур* (от *агурын* – «искать») – самопишущий» и т.д.

В первой части местоимение *хи* – «себя»: *хи* – *уарзон* (от *уарзын* – «любить») – «себялюбивый»; *хи* – *дарон* (от *дарын* – «держать», «содержать») – «себясодержащий»; *хи* – *ппæлой* (от *æппæлын* – «хвастать») – «себяхвалящий»; *хи* – *сæрфæн* (от *сæрфын* – «вытирать») – букв. «себявытирание» – «полотенце»; *хи* – *вæнд* (от *фæндын* – «желать», «хотеть») – «своевольный», упрямый»; *хи* – *уынаг* (от *уынын* – «видеть») – букв.: «себявидящий» и т.д.

2.17. Сложные причастия – сложные имена

В первой части числительное или количественное слово: *ды* – *вæнд* (от *фæндын* – «желать», «хотеть») – «колебание», «сомнение»; *артæ* – *аздыд* (от *цæуын* – «идти») – «трехлетний»; *авд* – *аздыд* (от *цæуын* – «идти») – «семилетний»; *æрдæг* – *мард* (от *мæлын* – «умирать») – «полумертвый»; *æрдæг* – *сыгъд* (от *судзын* – «гореть») – «полусгоревший»; *фыр* – *дзырд* (от *дзурын* – «говорить») – «многословный», «разговорчивый»; *фыр* – *хæрд* (от *хæрын* – «кушать», «есть») – «обжорство»; *фыр* – *хост* (от *хойын* – «бить») – букв. «чересчур измельчить», «избить» и т.д.

В первой части – неоформленное имя, которое служит определением ко второй.

Значительную группу сложных причастий составляют сложения с *хæрз* «хороший», «отличный» и *фыд* – «дурной», «плохой» в первой части: *хæрз* – *уынд* (от *уынын* – «видеть») – «приятный», «симпатичный»; *хæрз* – *хаст* (от *хæссын* – «нести», «воспиты-

вать») – «хорошо откормленный»; *фыд* – *конд* (от *канын* – «делать») – «плохо / отвратительно сложенный» и др.

В первой части имя существительное, выполняющее в сложении функцию определения ко второй: *уаенг* – *мард* – букв. «орган» – «мертвый» – «слабый»; *чындз* – *хаст* – «невеста» – «принести» – «свадьба»; *лаг* – *мард* «человек» «убить» – «убийство»; *лаг* – *авзаст* «человек» – «избрать» – «избранный»; *хъау* – *гуывд* «село» – «пир» – «пир на все село»; *заваг* – *дзагъд* «пятка» – «уничтожать» – «уничтожение»; *фагаст* – *дзаф* «топор» – «ударять» – «ударенное топором»; *багъц* – *тагъд* «мера» – «капать» – «в меру на капанное»; *багъц* – *куывд* «мера» – «пир» – «пир в меру» и т.д.

В первой части отглагольное имя, определяющее вторую: *кусаен* – *гарз* – «работать» – «орудие» – «орудие труда»; *хацаен* – *гарз* – «воевать» – «орудие» – «оружие»; *цагаст* – *уат* – «жить» – «комната» – «жилая комната»; *хъазаст* – *хъул* – «играть» – «альчик», «косточка» – «предмет веселья»; *цауга* – *дон* – «идти» – «вода» – «текучая вода»; *кагъдга* – *дур* – «тесать» – «камень» – «тесанный камень»; *зайга* – *хал* – «расти» – «трава» – «растущая трава»; *хагаст* – *хагмаг* – «чесать» – «струп» – «чесотка» и т.д.

В первой части имя, являющееся по смыслу прямым дополнением во второй, глагольной части: *лаг-хор* – «людоед»; *лаг-мар* – «человекоубийца»; *лаг-саф* – «предатель», букв. «уничтожающий / убивающий человека» и мн.др.

Число сложных слов этого типа в осетинском велико.

2.18. Склонение причастий в осетинском и персидском языках

Итак, склоняются ли причастия или нет? Чтобы ответить на данный вопрос обратимся к соответствующей литературе. Вот что

сказано о склонении русских причастий в академической грамматике: «Причастия объединяют в себе признаки глагола и прилагательного. Как глагол, формой которого они являются, причастия имеют значение вида – совершенного и несовершенного и времени – настоящего или прошедшего, а также залога – действительно или страдательного. Как прилагательные, причастия изменяются по родам, числам и (полные формы) по падежам. В тех случаях, когда причастие представляет действие как признак, свойство, в его отвлечении от временной приуроченности, создаются условия для развития у причастий адъективных значений, т.е. значений, характерных для отглагольных прилагательных [Русская грамматика 1982: 665].

Относительно же склонения осетинских причастий мы читаем в «Грамматике осетинского языка»: а) «ряд имен существительных исходящих на *-æг*, при образовании множественного числа теряет слабый гласный основы *æ*, а между исходным согласным основы и суффиксом множественности появляется гласный *ы*: æлхæнæг – æлхæндж-ы-тæ «покупатель – покупатели», стæг – стдж-ы-тæ «кость – кости», уазæг – уаздж-ы-тæ «гость – гости», барæг – бардж-ы-тæ «всадник – всадники» и др.

Перед гласным *ы* заднеязычный звонкий *г* закономерно переходит в аффрикату *дж*. Например: Уый лæууыди иуварс *кæсджыты* (ед. ч. *кæсæг*) къордмæ (Коц. А.) – Он стоял в стороне с группой зрителей. *Кусджытæн* (ед. ч. *кусæг*) сæ дытæ уыдысты мидаæмæ тылд, рæмбыныкъæдзтæй уæлдæр (Коц. А.) – У рабочих рукава были засучены выше локтей.

У части существительных, исходящих на *-æг*, при образовании множественного числа сохраняется гласный основы, а между исходным согласным основы и показателем множественности вставляется гласный *ы*, перед которым *г* переходит в *дж*: Арæх æй хонгæ дæр кодтой йæ *хæстæджытæ* (ед. ч. *хæстæг*) æмæ зонгæтæ

(Коц. А.) – Часто его приглашали и родственники, и знакомые» [Грамматика осетинского языка 1963: 81-82].

Исходя из изложенного, мы можем судить о правильности или неправильности мнения, считающего, что причастия в характеризующих языках склоняются, ибо это право или возможность они приобретают в транспозите.

Склонение осетинских и персидских причастий сопровождается их грамматическим изменением по числам, падежам. Часто некоторые формы этого класса слов могут склоняться по одной модели с прилагательными и существительными, что характеризующие причастия – и сложные, и простые – вне зависимости от суффиксов, времени, числа и, подвергаясь еще падежным изменениям, перестают быть собственно причастиями в обоих языках, потому что переходят в разряд субстантивированных слов, но при этом не теряют присущий им характер действующего. Этим-то как раз и легко их отличить от обычных существительных.

2.19. Деепричастие в осетинском и персидском языках

Деепричастие в современном осетинском языке представлено двумя суффиксами *-гæ* и *-гæйæ*, из которых *-гæ* является, как уже было отмечено, и причастно-деепричастным.

Итак, осетинские причастия на *-гæ* активно выполняют и функцию деепричастий: 1. *Заргæ мæ ниугæ цæгатагъ куы суры Сау мигъты коммæ...* (Æрн. Ил.) – *Напевая и рыдая*, с севера гонит черные тучи в ущелье... 2. *Цард съл æхситгæнгæ афтæ дымдта...* (Бар. Г.) – Жизнь на них, *свистя*, так дула... 3. *Ма кæнут, хуыздæр уын нæ уыздæн, ауадзут мæ мæ фæндагыл, – йæхи иргъæвгæ лæгъстæ кодта Теде* (Хъайт. Аз.) – *Перестаньте*,

лучше вам не будет, отпустите меня своей дорогой, – *защищаясь*, умолял Теде.

Отметим, что по своему значению деепричастные формы на *-гæ* и *-гæйæ* близки, и что в разных контекстах первую форму (*-гæ*) часто можно заменить другой – *-гæйæ* формой, например: 1. Уырдыджы *æнæцудгæ*, *Сиргæ* таессæртты, хæрды дын *æвæлмæцгæ* Бирæ фæуайдзæн (Къ.) – По спуску, не шатаясь, танцуя по скло-ну, без усталости по подъему долго будет скакать (букв.: «идти»). 2. Йæ хъæбулы йæхимæ *нылхъивгæ*, куыдта къуырма куыдæй (Гу-ыцм. А) – *Прижав* к себе своего ребенка, плакала глухим плачем. 3. *Æрмæст-иу* уад-тымыгъ миты хъæпæнтæ, *уылæнтæгæнгæ*, хаста æмæ сæ лæгæты дуармæ амадта (Гæд. С.) – И только буря снежные лавины *волнообразно* поднимала и складывала их около пещеры.

Вышеприведенные примеры можно использовать в этих же контекстах с *-гæйæ*, но при этом они не изменяют свое лексическое значение, хотя, как известно, суффиксы *-гæ* и *-гæйæ* как деепричастные обычно бывают синонимичны, но все же второй суффикс приобретает иногда функцию семантического дифференциала – выражение более углубленного, продвинутого, продолжительного действия: 1. Фæкæсынц æм хардзау, æвирхъау йæ хъыгтæ – гуырысхотæ æмæ дæм *уарзгæйæ* дзуры... (Скиф.) – Кажутся напрасными, трагичными свои печали – сомнения и к тебе, *любя*, обращается. 2. Кадмæ *балгæйæ*, æгадæй мæлæм... (Къ.) – *Стремясь* к славе, погибаем в бесчестии. 3. Иу усы риуыл та Зылынц *хæд* – *зилгæйæ* стыр куыройы фыдтæ (Къ.) – А на груди одной женщины *крутятся сами* (букв.: «самокрутятся») по себе большие мельничные жернова...

В осетинском языке также распространено употребление сложного глагола, состоящего из вспомогательного глагола *кæнын* «делать» и причастно – деепричастной формы другого глагола на *-гæ*: *худгæ кæнын* – смеюсь (от *худын* «смеяться»)

лаугæ кæнын – стою (от *лаууын* «стоять»)
дзургæ кæнын – говорю, разговариваю (от *дзурын* «говорить»)
хуыфгæ кæнын – кашляю (от *хуыфын* «кашлять»)
мæлгæ кæнын – умираю (от *мæлын* «умирать»)
хъазгæ кæнын – играю (от *хъазын* «играть»)
кæугæ кæнын – плачу (от *кæуын* «плакать»).

Сложные формы на *-гæ* выражают те же самые действия, процессы, что и простые глаголы, от которых они образуются, когда говорящий хочет подчеркнуть данное определенное действие. Например: 1. *Æз худгæ кæнын* – Я смеюсь. 2. Таймураз *кусгæ кæны* – Таймураз работает. 3. *Мæ мад дзургæ кæны* – Мама разговаривает. 4. Сывæллон *хуыфгæ кæны* – Ребенок кашляет. 5. Дон *цаугæ кæны* – Вода течет и т.д.

Они (сложные формы на *-гæ*) могут быть несовершенного и совершенного видов. Для образования совершенного вида от сложных форм на *-гæ* в единственном числе глагольные приставки (*превербы*) прибавляются только к вспомогательному глаголу «кæнын», что, кстати, лишний раз заставляет убедиться в почти полной грамматикализации «кæнын», т.е. утвердиться в точной правоте крупного американского специалиста в когнитивной лингвистике Л. Талми, утверждающего, что содержание концептов (открытый класс – лексика) может переходить в разряд закрытых классов – грамматических категорий, концептуальной структуры [Талми 1999: 110 – 119]. Например, *цаугæ кæнын* – (иду) – *цаугæ акодтон* (ушел) – *цаугæ акæндзынаен* (пойду, уйду); *фысгæ кæнын* (пишу) – *фысгæ акодтон* (пописала) – *фысгæ акæндзынаен* (попишу); *хъазгæ кæнын* (играю, шучу) – *хъазгæ акодтон* (пошутил, поиграл) – *хъазгæ акæндзынаен* (пошучу, поиграю); *дзургæ кæнын* (говорю, разговариваю) – *дзургæ акодтон* (поговорил) – *дзургæ акæндзынаен* (поговорю); *кæугæ кæнын* (плачу) – *кæугæ акодтон* (поплакал) – *кæугæ акæндзынаен* (поплачу); *мæлгæ кæнын* (уми-

раю) – *мæлгæ акодтон* (умер) – *мæлгæ акæндзынæн* (умру); *лæугæ кæнын* (стою) – *лæугæ акодтон* (постоял) – *лæугæ акæндзынæн* (постою) и мн. др.

Как видно из этих примеров, данная сложная форма на *-гæ* имеет все три времени, а вторая является формой совершенного вида, причем в его образовании могут быть использованы и другие глагольные приставки, т.е. не только $\neg a$.

Осетинский деепричастный суффикс *-гæ* нельзя бывает заменить суффиксом *-гæйæ* при употреблении вышеназванных сложных форм глагола. Нельзя сказать: «*мæлгæйæ кæнын*» вместо «*мæлгæ кæнын*» – умираю (букв. «делаю умирать»), «*лæугæйæ кæнын*» вместо «*лæугæ кæнын*» – стою (букв. «делаю стоять»), «*цæугæйæ кæнын*» – ухожу (букв. «делаю уходить») и т.д.

Другое дело, если выражения «*мæлгæйæ кæнын*», «*лæугæйæ кæнын*», «*худгæйæ кæнын*», «*цæугæйæ кæнын*», «*кафгæйæ кæнын*», «*хъазгæйæ кæнын*», «*бадгæйæ кæнын*» означают действие, происходящее в определенном состоянии: *мæлгæйæ кæнын* – делаю умирая, *лæугæйæ кæнын* – делаю стоя, *худгæйæ кæнын* – делаю смеясь, *цæугæйæ кæнын* – делаю идя, *кафгæйæ кæнын* – делаю танцуя, *хъазгæйæ кæнын* – делаю играя, *бадгæйæ кæнын* – делаю сидя и мн.др.

Так как это явление в предложениях выглядит ярче, приведем несколько примеров: 1. Хæдзары куыстытæ æз *худгæйæ кæнын* – Домашние дела выполняю, *смеясь*. 2. Мæ дзуринæгтæ *кафгæйæ кæнын* – То, что следует рассказать, делаю, *танцуя*. 3. Дзаумæттæ иту *бадгæйæ кæнын* – Вещи глажу *сидя* и т. д.

Эти примеры показывают, что в первом случае деепричастные формы типа «*мæлгæ*», «*цæугæ*», «*лæугæ*», «*бадгæ*», «*худгæ*» являются именной частью составного сказуемого и, следовательно, употребляется неразрывно со вспомогательным глаголом «*кæнын*» – делать.

В других же случаях они являются обстоятельствами образа действия и показывают добавочное действие при основном.

Нельзя также вместо «*хæргæйæ ферхæцыд*» сказать «*хæргæ ферхæцыд*» вместо «*кафгæйæ фæкалд*», «*кафгæ фæкалд*», «*каесгæйæ схуыфыд*» – «*каесгæ схуыфыд*», «*цаугæйæ ахауд*» – «*цаугæ ахуд*», «*фысгæйæ скуыдта*» – «*фысгæ скуыдта*». Хотя употребление второй формы приведенных примеров не категорично, но все же будет являться нежелательной, а порой и невозможной формой.

Наряду с этим можно сказать: *хæргæ* фæцауы – идет, кушая; *кафгæ* фæлидзы – убегает, *танцуа*; *каесгæ* араст – направился, *читая*; *дзургæ* цауы – идет, *разговаривая* и т.д.

Эти формы можно также заменить на повторяющиеся глагольные основы: *хæргæ* – *хæрын* ферхæцыд, *цаугæ-цауын* фæкалд, *кафгæ-кафын* ныххудт, *кусгæ-кусын* бахъæлдзæг и т.д.

Деепричастное значение формы на *-гæ* часто ослабляется, поэтому для более ясного выражения к ней добавляется инфинитив или употребляется форма на *-гæйæ*:

дзургæ-дзурын – *дзургæйæ* – разговаривая;

тæхгæ-тæхын – *тæхгæйæ* – летя;

лидзгæ-лидзын – *лидзгæйæ* – убегая;

хуыфгæ-хуыфын – *хуыфгæйæ* – кашляя;

цæргæ-цæрын – *цæргæйæ* – живя;

бадгæ-бадын – *бадгæйæ* – сидя;

сайгæ-сайын – *сайгæйæ* – обманывая;

худгæ-худын – *худгæйæ* – смеясь;

æфснайгæ-æфснайын – *æфснайгæйæ* – убирая и т.д.

Нельзя заменить причастный суффикс *-гæ* на *-гæйæ* (при определяемом слове: 1. Дæ диссаджы гуыр, дæ *худгæ* былтæ!... (Къ.) – Твоя удивительная грудь, твои смеющиеся губы!... 2. Адæмы царды цы *зынгæ* цаутæ цыд, уыдон уыдысты историон таурæгъты

æрмаг (Дж. Ш.) – Значительные события, происходящие в жизни народа, были материалом для исторических преданий З. Иу *æхсгæ* каст ма фæкодтой хурыскаæсæнмæ æмæ батагъд кодтой арвы денджызы аныгъуылынмæ (Дзаб. Т.) – Одним *стреляющим* взглядом посмотрели еще они на восход солнца и поторопились окунуться в небесное море.

Сложная форма осетинского глагола с суффиксом *-гæ* нередко употребляется наряду с простой формой и в повелительном наклонении, при этом сложная форма (т.е. первая) придает повелению более категоричное, настойчивое значение с оттенком некоторой фамильярности (иногда даже приобретает бранный оттенок). Сравним: 1. *Цæугæ* кæ тагъд ардыгæй – Убирайся быстро вон отсюда и *Ау* ардыгæй – Уйди отсюда и т.д.

Формы на *-гæ* в значении имен существительных употребляют очень редко: при обозначении названия предметов (субстантивов), в которых сохранено производимое действие: *дымгæ* – ветер, *цымгæ* – жидкая каша.

В сложных формах на *-гæ* именная часть обычно предшествует вспомогательному глаголу, но не исключается и возможность постановки вспомогательного глагола и впереди именной части. Например: 1. Сыхах *лаугæ* кодтат – Вы стояли и Сыхах кодтат *лаугæ* – Вы стояли (букв.: «делали стоять»); 2. *Æз уæ фæрсгæ* кодтон – Я вас спрашивал и *Æз уæ кодтон фæрсгæ* – Я вас спрашивал (букв.: «делал спрашивать») и т.д.

Подчеркнем также, что при спряжении сложных форм на *-гæ* (и не только) изменяется только вспомогательный глагол и в единственном, и во множественном числе: *бадгæ кæнæм* (сидим) – *бадгæ кæныс* (сидишь) – *бадгæ кæндзынæ* (будешь сидеть); *худгæ кæнæм* (сеемся) – *худгæ кæнут* (смеетесь) – *худгæ кæндзыстут* (будете смеяться).

В осетинском в сложных формах на *-гæ* типа: *хуысгæ даен*, (я есть лежащий, болеющий, стонущий), *нафæразгæ уыд* (он был слабый, болеющий), *мæлгæ у* (он есть умирающий) и др. спрягается только вспомогательный глагол.

Причастно-деепричастные формы на *-гæ* типа *дзургæ* – говоря, *худгæ* – смеясь, *каугæ* – плача и т.д. способны употребляться во множественном числе, но при этом могут терять статус причастно-деепричастной характеристики и переходить в разряд субстантивированных слов: 1. *Дзургæтæ æмæ худгæтæ* нал кæны – Не разговаривает и не смеется он уже (букв.: «не делает *говорити* и *смеяти*»). 2. *Каугæтæ* нал кæны – Не плачет уже (букв.: «не делает *плачи*»). 3. *Лаугæтæ æмæ бадгæтæ* нал фæразы – Сидеть и стоять уже не может (букв.: «*сидети* и *стояти* уже не может») и т.д.

Как видно, перевод указанных слов во множественном числе невозможен, разве только в качестве инфинитива.

От сложных глаголов образуются сложные формы слов-деепричастий, выполняющие в предложении функции только обстоятельственных слов – образа действия. Например: 1. *Сæумаæрайсом, сæуæхсиды сырх базыр Тамаентæкалгæ* куы 'рæндзæвы мæ базыл... (Ходы К.) – Ранним утром красное крыло зарева, сверкая, касается моей подушки. 2. *Фæдисон мигъ хъынцъымгæнгæ кæцайдæр февзæрд æмæ йæ хæлын сау фæдджийæ мæрдты цæсгæмттæ æрæхгæдта* (Хъайт. Аз.) – Облако тревоги, страдая, появилось откуда-то и своим перепончатым черным подолом прикрыло лица умерших. 3. *Саг футтытæгæнгæ хæрдмæ хауд, йæ лæгъз буар ризынай нал æнцад* (Хъайт. Аз.) – Олень, *фыр-кая*, подпрыгивал, его гладкое тело не переставало дрожать и т.д.

Отметим, что от сложных форм глагола легко можно образовать формы деепричастий с суффиксами *-гæ*, *-гæйæ* и только в редких случаях причастную форму на *-гæ*.

Форма на *-гæ* при наличии в предложении двух субъектов обозначает не действие субъекта главного действия, а действие второго субъекта, например: *Æз Мæдинаейы баййæфтон кусгæ* – Я застала Мадину *работающей*. *Мах дæ федтам фысгæ* – Мы видели тебя *пишущим*. *Мад сывæллонны ныууагъта кæугæ* – Мать оставила ребенка *плачущим* и т.д.

Если же отсутствует в предложении второй субъект, то форма на *-гæ* показывает добавочное действие при основном, т.е. действие субъекта главного действия: *Мах рараст стæм хæдзармæ хъазгæ æмæ худгæ* – *Смеюсь* и *шутя*, мы направились домой. *Лæппу кæугæ къæсæрыл æрбалæууыд* – Мальчик, *плача*, появился на пороге и т.д.

Такие модификации могут наблюдаться как в простых формах на *-гæ*, так и в сложных. При этом допускаются и *-гæ* и *-гæйæ*.

Отметим, что осетинские отглагольные формы на *-гæ* при определяемом слове выполняют функцию причастий, без него – деепричастия: «Форма на *-гæ* не принимает аффиксов множественности и падежа, и поэтому как неизменяемое имя (*деепричастие*) может выступать в роли наречия – обстоятельства» [Гагкаев 1952: 76-77], *-гæйæ* же остается исключительно деепричастным суффиксом.

В этой ситуации подчеркивается языковая (парадигматическая) несвободность образований с суффиксами *-гæ* и *-гæйæ*, их речевая (дискурсная), т.е. контекстная зависимость.

Деепричастие же персидского языка рассматривается в контексте причастий прошедшего времени. Например, Овчинникова считает: «причастие прошедшего времени (оно же деепричастие)» и что: «причастие прошедшего времени образуется из основы прошедшего времени путём прибавления к ней суффикса: *кәрде, гофте, амәде, диде* и т.д. [Овчинникова 1956: 320].

Причастия прошедшего времени имеют в персидском языке большое распространение и широкий круг использования. Они

могут употребляться в качестве компонента сложных глагольных форм и в качестве самостоятельного слова.

Подчеркнем также, что в качестве компонента сложных глагольных форм причастия прошедшего времени в персидском могут иметь как активное, так и пассивное значение, но только это будет зависеть от семантики глагола и от того, в состав какой глагольной формы оно входит...

Глава 3

СИНТАКСИС ОСЕТИНСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

Синтаксис как раздел языкознания изучает синтаксический строй языка – его синтаксические единицы, связи и отношения между ними. Основными синтаксическими единицами признаются словосочетание и предложение (простое и сложное). Кроме того, как синтаксическая единица изучается сложное синтаксическое целое.

3.1. Словосочетание

Словосочетание – это «смысловое и грамматическое объединение двух (или нескольких) полнозначных слов или форм слов, проявляющее их подчинительные свойства» [Валгина 1991: 23].

В зависимости от принадлежности главного слова в словосочетании к той или иной части речи в осетинском языке выделяют следующие лексико-грамматические типы словосочетаний: именные, глагольные и наречные [Цопанты 2017: 22], а в персидском языке – именные (в роли главного слова наиболее часто выступают имена существительные, прилагательные), инфинитивные; причастные, наречные и местоименные [Рубинчик 2021: 360].

В осетинском языке причастные и местоименные словосочетания относят к именным. Вместо инфинитивных в осетинском языке указываются глагольные, но по структуре они схожи.

В роли зависимых слов в названных словосочетаниях выступают знаменательные части речи с предлогами и послелогами или без них, причастия, артикли, неделимые и фразеологические словосочетания.

3.1.1. Лексико-грамматические типы словосочетаний: именные, глагольные и наречные

3.1.1.1. Именные словосочетания

Именные словосочетания можно подразделить на *субстантивные, адъективные, местоименные и количественные*.

Субстантивные словосочетания с главным словом существительным, а в роли зависимых слов выступают: существительные в различных падежах – родительном (*адæмы цард – народа жизнь*), отложительном (*цыхтæй уæливыхтæ – с сыром пироги*), направлении (*астæумæ дон – до пояса вода*), внешнеместном (*къахфындзтыл кафт – танец на пальцах ног*), союзном (*дохтыримæ фембæлд*), уподобительном (*лæгау лæг – букв.: похожий на мужчину мужчина*); *ketab-e baradar* (книга брата), *safag-e be Moskou* (поездка в Москву), *estefiide az komak* (использование помощи) («главное слово + предлог + распространяющее слово») [Рубинчик 2001: 373]; прилагательные во всех степенях сравнения (*хорз адæймаг – хороший человек, хуыздæр адæймаг – лучший человек, иууыл хыздæр адæймаг – самый лучший человек*); *ketab-e jaleb* (интересная книга), *por az iib* (полный воды), *emiir_at-e boland* (высокое здание), *qavitarin-e vaznebardaran* (сильнейший из иштангистов); местоимения: личные (*мæ цард – моя жизнь*), указательные (*ацы бон – этот день*), общевозвратное (*хи амонд – свое счастье*), возвратно-личные (*мæхи сывæллон – мой ребенок*), вопросительные (*кæй зонд – чей ум, цавæр ном – какое имя*), неопределенные

(исты хæринаг – какая-нибудь еда), *ba'zi az danesjiuan* (некоторые из студентов), определенные (*æппæт цард* – вся жизнь), отрицательные (*ницавæр бынат* – никакое место); порядковые и разделительные числительные (*фыццаг фæлварæн* – первый экзамен, *do nafar kargar* (двое рабочих), *дыгай чингуытæ* – по две книги); наречия, имеющие форму родительного падежа (*зноны цард* – вчерашняя жизнь, *амы хъуыддæгтæ* – здешние дела); неопределенная форма глагола в родительном падеже с суффиксом -ын (*кусыны рæстæг* – время работать); *neul-e ʒe hadaf* (достижение цели), *xandan-e ketiib* (чтение книги); причастия в настоящем, прошедшем и будущем временах (*кафæг лæппу* – танцующий парень, *баст куыдз* – привязанная собака, *аразинаг хъуыддаг* – подлежащее выполнению дело); нечленимые словосочетания (*æхсæст хоры хуызæн фæсивæд* – похожая на очищенное зерно молодежь) и фразеологические словосочетания (*мыды къусчы хуызæн хæдзар* – пчелиной ячейке подобный дом).

2. Адъективные словосочетания с главным словом прилагательным в положительной, сравнительной и превосходном степенях, а зависимые слова – имена существительные в отложительном падеже (*зондæй хъæздыг* – богатый умом, *хæхтæй бæрзонддæр* – выше гор), *por az iib* (полный воды), наречия степени и количества (*тынг хорз* (зондамынд) – очень хорошее (наставление), *чысыл фылдæр* – немного больше;

Главное слово – причастие, а в качестве зависимых слов выступают: имена существительные в трех падежах: отложительном (*зондæй æххæст* – полный ума), во внешнеместном (*æхцайыл уæйгаенæг* – продающий за деньги) и союзном (*айдæнау серттиваг*), наречия (*хъæрæй дзурæг* – громко говорящий); *raside az Iran* (прибывший из Ирана), *puside az barf* (покрытый снегом), *ta 'limyifte-ye pedar* (наученный отцом), *alude ʒe samt* (отправленный ядом).

3. *Местоименные словосочетания*. В роли главного слова – неопределенные местоимения (*чидæр, цыдæр, исчи* – *чидæр махæй* – кто-то из нас, *æндæр цыдæр* (зонын) – другое что-то (вспоминать); существительные (*чидæр студенттæй* – кто-то из студентов) и прилагательные (*уæззау цæмæйдæр* (цæвын) – тяжелым чем-то (ударять); *ход-е тап* (я сам), *о тап-е блæрæ* (бедный я).

В персидском языке разное отношение к местоименным словосочетаниям. Так Л.С. Пейсиков считал, что «Словосочетания с местоименной связью возникают лишь на базе предикативного соединения слов» [Пейсиков 1959: 196].

4. *Квантитативные словосочетания*. Словосочетания с числительными в роли главного слова и существительными в роли зависимого слова (*дыууæ æмбалы* – два друга).

3.1.1.2. Глагольные словосочетания

Главными словами в этих словосочетаниях бывают глагол и деепричастие, а зависимыми словами – существительные в разных падежах с предлогами и послелогами и без них (*дзурын лæппуйæн* – говорить мальчику, *лæууын бæласы цур* – стоять у дерева, *цæрын æнæ зæхх* – жить без земли); *sohbat az owza'-e beynolmela/i* (беседа о международном положении); местоимения (*дзурын мæнæн* – говорить мне), неопределенная форма глагола (с суффиксом -ын) с послелогами или без них (*зонын нывтæ кæнын* – уметь рисовать, *æхсын хæрыны размæ* – мыть перед тем, как поесть); *хиб тахsil kardan* (хорошо учиться), *vaziiyef-e hod-rii anjam dadan* (выполнять свои обязанности), количественные числительные (*раттын фондзыл* – сдать на пять), деепричастия (*кусын зæрдæрайгæйæ* – работать радуясь), наречия (*дзурын иронау* – говорить по-осетински), словосочетания (*Уыцы лæппуимæ иннæ абон фæхаттæн* (Н.к.) (С этим парнем неделю (букв.: в другой сегодня) постраниковал).

Главное слово – деепричастие, а зависимые слова бывают существительные (*дон агургæ – ища воду*), наречия (*фæстæмæ цаугæйæ – возвращаясь обратно*), местоимения (*мады фенгæйæ – увидев маму*), неопределенная форма глагола (*ахауынаей тæрсгæйæ – боясь упасть*)).

3.1.1.3. Наречные (или адвербиальные) словосочетания

В этих словосочетаниях главным словом бывают наречия, а зависимыми – наречия (*фыссын*) *бирæ хуыздæр – (писать) намного лучше*) и местоимения (*фехъусын*) *æндæр кæцæйдæр – (услышать) откуда-то с другого*); *хеули беподрат (очень редко).*’

3.1.2. Синтаксически свободные и несвободные словосочетания

В зависимости от спаянности образующих словосочетания компонентов в обоих языках словосочетания бывают синтаксически свободные и синтаксически несвободные.

В свободном словосочетании каждый компонент имеет самостоятельное лексическое значение и может быть заменен другим в зависимости от нового содержания словосочетания. Например: *дзурын аивадыл (говорить об искусстве), дзурын хъæрæй (говорить громко); neyl-e be hadaf (достижение цели).*’

Слова могут иметь большую или меньшую сочетаемость в зависимости от их лексико-грамматических и стилистических особенностей.

Синтаксически несвободные словосочетания мы подразделяем на две группы: *нечленимые* и *фразеологически несвободные*.

Они, как и свободные словосочетания, строятся на основе подчинительной связи и по утвердившимся в языке структурным схемам.

Свободным синтаксическим конструкциям в персидском языке противопоставляют «устойчивые сочетания слов, которые, хотя и строятся по обычным синтаксическим схемам, имеют лексические, грамматические и семантические особенности, дающие основание исключить их из синтаксиса и включить во фразеологию» [Рубинчик 2021: 346].

Мы включаем их в состав словосочетаний: в синтаксисе они рассматриваются как один из типов словосочетаний, которые строятся на основе подчинительной связи.

Нечленимые словосочетания. Особенность этих словосочетаний в том, что только связь зависимого и главного слов дает семантически полноценную синтаксическую единицу как члена предложения.

В обоих языках они образуются из разных лексико-грамматических единиц: количественно-именных (*дыууае аембалы* – два друга), *do nafar kargar* (двое рабочих), двух существительных в именительном и союзном падежах (*Чермен Азамаэтиме* (цауыни хос кәрдынме) – Чермен с Азаматом (идут косить сено), главное слово указывает предмет или место, на которое указывает зависимое слово (*арвы кәрон* – край неба), зависимое слово указывает на предмет, а главное слово на количество этого предмета (*ссады таепи* – щепотка муки, *рухсы цъыртт* – лучик света), существительное в отложительном падеже со словом, указывающим количество (*адамай бирәтә* – из людей многие), составные наименования (*цонджы хъул* – руки косточка, *Сау денджыз* – Черное море), наименования ведомств (*Ветеранты Совет* – Ветеранов Совет), названия художественных произведений («*Дыууа хойы*» – «Две сестры»), метафорические наименования (*азы райсом* – года утро, *зәххы цәсгом* – земли лицо), *abr-e tashui* (дымовая завеса), инфинитив с модальными, фазисными и другими вспомогательными глаголами (*фаенды царын* – хочется жить, *дзурыныл фәваейын* – приняться говорить) и др.

Фразеологически несвободные словосочетания. Они создаются по тем же грамматическим образцам, что и свободные словосочетания: *балтæ хæрын (вишни кушать)* – *къухтæ хæрын (руки чешутся* букв.: *руки кушать*).

3.1.3. Синтаксические связи и отношения между компонентами словосочетаний

В персидском языке синтаксические связи между словами в словосочетаниях и предложениях чаще всего выражаются не формами слов, а служебными словами – предлогами, послелогом *-ra*, служебной частицей – изафетным показателем, порядком слов. Изафетный показатель не является показателем формы предшествующего слова, а выступает как самостоятельная морфема, появляющаяся на уровне словосочетания.

В осетинском языке синтаксические связи в свободных, нечленяемых и фразеологических словосочетаниях выражаются многообразными грамматическими средствами: 1) падежными формами (*мæ уды гага* – букв.: *моей души зерно*, *дзурынын* (неопределенная форма глагола во внешнеместном падеже) *фæвæййын* – *начать говорить*); 2) предлогами (*æнæ дæу цæуын* – *без тебя идти*, *æд хъуын*, *æд хъис* – *целиком* букв.: *с волосом*, *со щетиной*); 3) послелогами (*лæууыди суадонь цур* – *стояла у родника*; *цур* – послелог; *карчы нæмьджы йас цыхт* – букв.: *сыр размером с зернышко для курицы*; *йас* – послелог); 4) порядком слов (*цыдæр æнахуыр æнцойад* – *какое-то непривычное спокойствие*, *туг хæстæгæй* – *кровь+родством*). В осетинском языке два предлога: *æд* (*с*) и *æнæ* (*с*), но много послелогов. В персидском языке развита система предлогов, послелогов – пять, из них лишь послелог *-ra* не имеет самостоятельного лексического значения, он выполняет только синтаксические функции [Овчинникова 1966: 288].

В обоих языках два типа подчинительной связи – управление и примыкание, но в персидском основным типом связи считается примыкание.

В персидском и осетинском языках между компонентами словосочетаний имеются следующие основные синтаксические отношения: *атрибутивные, объектные, обстоятельственные, субъектные и комплетивные*.

Атрибутивные (определительные) отношения обозначают «предметы и их признаки». Они входят в состав именных словосочетаний.

Мы рассмотрим атрибутивные словосочетания в осетинском языке в сравнении с аналогичными словосочетаниями в персидском языке. Они возникают при семантико-грамматическом взаимодействии имен существительных в качестве главного слова, а зависимыми словами являются: имена прилагательные, имена существительные и субстантивированные прилагательные, местоимения, порядковые числительные, некоторые наречия места и времени, неопределенная форма глагола с суффиксом *-ын*, причастия.

В персидском языке препозитивные определения бывают выражены «количественными числительными, замещающими числительные местоимениями, счетными словами (нумеративами), атрибутивные сочетания, обозначающие меру веса, длины, площади, времени, указательными, неопределенными, вопросительными местоимениями, превосходной степенью качественных прилагательных, порядковыми числительными» [Овчинникова 1966: 282-284].

Атрибутивные словосочетания с именем существительным в функции главного слова. Зависимые слова – имя прилагательное в положительной, сравнительной и превосходной степенях (*хорз адаймаг* – *хороший человек*, *хуыздаер адаймаг* – *лучший человек*, *иууыл хыздаер адаймаг* – *самый лучший человек*), Препозитивное

определение, выраженное существительным, стоит в именительном или имена существительные в различных падежах без послелогов и с послелогоми (*саг* (имен. пад.) *лæг* (букв.: *олень мужчина*), (*адамы* (родит. пад.) *цард* – *народа жизнь*, саджы хуызæн (родит. пад. с послелогом) *æхсæз лæппуйы*, *Азджеритæн* (дат. пад.) *сæ хорз Куыцыкк* – *Азгериёвых хороший Куыцыкк*), *цыхтæй* (отложит пад.) *уæливыхтæ* – *с сыром пироги*, *астæумæ* (направит. пад.) *дон* – *до пояса вода*, *къахфындзыл* (внешнеместн. пад.) *кафт* – *танец на пальцах ног*, *лæгау* (союзн. пад.) *лæг* – букв.: *похожий на мужчину мужчину*), местоимения (личные: *мæ* (*дæ*, *йæ*, *нæ*, *уæ*, *сæ*) *цард* – *моя* (*твоя*, *его* (*ее*), *наша*, *ваша*, *их*) *жизнь*, указательные (*ацы бон* – *этот день*, *алы хæдзар* – *каждый дом* и др.), возвратные (*хи амонд* – *собственное счастье*, *мæхи* (*дæхи*, *йæхи*, *нæхи* *уæхи*, *сæхи*) *сывæллон* – *мой* (*твой*, *его* (*ее*), *наш*, *ваш*, *их*) *ребенок*, вопросительные (*кæй зонд* – *чей ум*, *цæй амонд* – *какое счастье*, *цавæр ном* – *какое имя*, *кæцы бæллиц* – *какое желание* и др.), неопределенные (*исты хæринаг* – *какую-нибудь еду*, *кæйдæр хъуыддæгтæ* – *что-то дела* и др.), определенные (*æппæт цард* – *вся жизнь*, *кæйфæнды ном* – *что-нибудь имя*) и отрицательные (*ницавæр бынат* – *никакое место*, *ницы ныхæстæ* – *никакие разговоры* и др.), порядковые числительные (*фыццаг фæлварæн* – *первый экзамен*), наречия, имеющие форму родительного падежа (*зныны цард* – *вчерашняя жизнь*, *амы хъуыддæгтæ* – *здесь дела*), неопределенная форма глагола (на -ын) в родительном падеже (*дзурыны рæстæг* – *время говорить* (*говорения*), причастия в настоящем, прошедшем и будущем временах (*кафæг лæппу* – *танцующий парень*, *баст куыдз* – *привязанная собака*, *аразинаг хæдзар* – *подлежащий постройке дом*).

В осетинском языке неоднородные определения с определяемым словом бывают связаны в именительном и родительном, внешнеместном падежах (*бирæ фæлмæн тынтæ* – *много мягких лучей*, *мæ фыды зонд* – *моего отца ум*, *мæ цунаг хъæбул* – *мое*

единственное дитя), *хорз цардыл мæт*. Как видим, первое определение непосредственно относится не к определяемому слову, а к словосочетанию – определению с определяемым словом. Определения и определяемое слово бывают под одним ударением.

Из однородных определений к определяемому слову относится только последнее определение, образуя с ним акцентуальный комплекс. Остальные определения имеют самостоятельные ударения: *хъæлдзæг, зардахæлар лæппу* – *веселый, добрый парень*. В изафетной цепи в персидском языке, кроме последнего определения, остальные определения соединяются изафетной связью кетаб-е хуб-е мён (букв.: книга хорошая моя). В отдельно взятых номинативных единицах ударение падает на последний слог слова. Словосочетания рассматриваются как одно слово [Анвары 1996: 12].

В осетинском языке определения стоят перед определяемым словом – существительным. Другой порядок: определяемое слово – определение – не является традиционным для осетинского языка, более того, категорически утверждается, что «обратный порядок совершенно немыслим» [Абаев 1949: 108].

Но определение в осетинском языке может стоять в постпозиции к определяемому слову [Кудзоева 2002: 15-18]. Атрибутивные словосочетания с инверсией называют «конструкциями изафетного типа» [Гуриев электр. Ресурс: 219]. Изафет – «сочетание определяемого с постпозитивным определением» [Ахманова 2004: 166].

Синтаксическая структура «определяемое слово – определение» целенаправленно используется и «в стилистических целях в стихотворных произведениях» [Багаев 1982: 252]. Таким образом, инверсивные определения выполняют много функций, значимых в различных типах речи.

Хотя персидский язык относится к западноиранским языкам, а осетинский – к восточноиранским, между ними много общего. Во-первых, можно указать около 1500 лексических схождений с

новоперсидским [Камболов 2006: 27]. Например: *берадър – асрвад* (брат), *сър – сар* (голова), *гарм – хъарм* (горячий), *сайт – сахат* (час) и др. Общие особенности имеются и в грамматике. Но различий на всех уровнях двух языков значительно больше.

«Современный персидский язык в грамматическом строе дале-ко отошел от древних иранских языков. Он является языком аналитического типа. В нем отсутствуют падежные формы, а синтаксические отношения имен выражаются главным образом аналитическими конструкциями (предложными, послеложными, а также синтаксическими средствами типа порядка слов и т. п.» [Овчинникова 1966: 9]. Так как осетинский язык ближе к древнеперсидскому, чем к современному персидскому, то многие грамматические структуры в этих языках не образуют параллельных рядов.

Определения в постпозиции при их обособлении в одном случае не меняют своих семантико-структурных особенностей, но они всегда становятся средством выразительной характеристики предмета или лица. От остальной части предложения отделяются паузой и выделяются логическим ударением.

Обособленные постпозитивные определения бывают выражены: прилагательными в положительной, сравнительной и превосходной степенях (*Йæ зарæджы уый ракæны, хъазуат лæппу, / æндонæхсар, куыд тых кæны фыдызнæгтыл* (Бар. Г.) (*В своей песне говорит, как отважный парень, /* (букв.: *Сталь+отвага*) *побеждает врагов*); адъективными и причастным оборотами, причастиями (*Уыд Тройы хæсты сахъ лæг Паламед, / Хъæбатыр хæстон, зондæй дæр æххæст* (Дж.Н.) (*Был на Троянской войне геройский мужчина Паламед, / Отважный воин, полный ума*) и др.

В художественных текстах такая синтаксическая структура может использоваться с целью создания языковых особенностей фольклора, это – сказовые мелодика и ритм предложений и текста: *Зæрдæхсайгæ куы рацæуы Азджериты / Чысыл Куыцыкк,*

хъабатыртæй хъабатырдæр (Бар.Г.) (*Встревоженный уходит Азгериевых / Маленький Куыцыкк, храбрее храбрых*).

Субстантивированные инверсивные прилагательные в художественных текстах, имитирующих поэтический язык устного народного творчества, чаще используются во множественном числе: *Куы разыныц хæрз цæттæйæ сæдæ саргъы / Æд нымæттæ – æвзаргæтæ* (*Оказываются совершенно готовые сто седел / С бурками – отборные*); *Цæуы Куыцыкк – лæгтæй, бæхтæй æдхъарутæ / Кæд ыссарид* (*Идет Куыцыкк – из мужчин, коней сильных* (букв.: *с силами / Может, найдет*); *Кæм уагътой сæм бæхты хæртæ, / йе фосы хорз* (*Где оставляли им коней хороших или скот хороший*). Определение с определяемым и в постпозиции, как в данных примерах, чаще образуют акцентуальный комплекс: два слова имеют одно ударение. Но могут иметь и самостоятельные ударения, когда определительные отношения менее выражены: *Силæм къуыбырхъус* (*Силам* букв.: *бугор+ухо*), *Агуындæ рæсугъд* (*Агунда красавица*). Но если определяемое слово стоит в родительном падеже, то образуют с определением комплекс: *Агуындайы рæсугъд* (*Агунды красавица*), *чызджы рæсугъд* (*девушки красота*), *Сырдоны Хуыцауы 'лгъыст* (*Сырдон, Богом проклятый*). «Изафетные конструкции так же жизнеспособны, хотя и более архаичны, чем сочетания с препозитивными определениями; эти сочетания не взаимозаменяемы» [Кудзоева 2002: 18].

В осетинском языке, как и в персидском языке, нет притяжательных местоимений. Их функции выполняют краткие формы личных местоимений в родительном падеже (*мæ цард* – *моя жизнь*, *сæ куыст* – *их работа*) и личные возвратно-усилительные местоимения (*мæхи фæнд* – *мое намерение*).

В персидском языке, как было сказано, атрибутивные сочетания образуют изафетные конструкции. Морфологическим показателем изафета является *e* (после гласных – *je* и др.), а в ряде случаев

на письме не обозначается. Определение может располагаться и перед определяемым словом [Овчинникова 1966: 277]. «Изафетный показатель не является показателем формы предшествующего слова, а выступает как самостоятельная морфема, появляющаяся на уровне словосочетания» [Рубинчик 2001: 351]. В осетинском языке постпозитивные определения не имеют специального морфологического показателя, как в персидском.

Инверсивное определение было характерно для скифского и древнеперсидского языков: «определение может также следовать за определяемым: др. перс. *xšāyathiya vazraka* «царь великий»... определение может быть связано с определяемым так называемой изафетной конструкцией: др. перс. *kāra hya mana* «мое войско», букв.: «войско, которое мое». [Абаев 1990: 113]. «Определение, выраженное родительным падежом имени существительного, может также либо предшествовать определяемому, либо следовать за ним» [Абаев 1990: 113].

Инверсия определения используется в скифских антропонимах. Например: Αβδαρακος (ар+дар) «вододержец», «воду держащий», Αταμαζας: имя популярного нартовского героя, прославленного музыканта – Ацамаза. К. Мюлленхоф видит во второй части др.-иран. *taz* «великий», в первой части, вероятно, *was/wac*, культовый термин, с отпадением начального *w*. (Камболов 2006: 58, 61). «В скифских названиях рек Северного Причерноморья содержится тот же элемент в более старой форме *dan*, но здесь он стоит не в конце, а в начале *Danapr*-, *Danastr*-, *Danuvi*. Таким образом, названия великих черноморских рек построены по «инверсионному» типу скифского словообразования: впереди общее понятие «река», а за ним определяющее его конкретное наименование: *Dan-apr* = осет. *arf-don* «глубокая река» [Камболов 2006: 113].

В постпозиции стоит определение и в нартском имени – *Батрадз*. «Батрадз обозначает *Батр уаз*, *Батр уадз* (сыгъдæг – Батр

святой») [Джыккайты 1992: 110]. «Все эти факты отражают, как кажется, то более древнее состояние осетинского языка, когда и в развернутой речи (в синтаксисе) определение могло стоять позади определяемого. Пережиточно это состояние дошло до нас в нескольких сказочно-эпических и религиозных наименованиях, в которых украшающий эпитет стоит не впереди, а позади имени» [Абаев 1990: 234]. Собственное имя нарттовского героя Борæфæрныг образовано из двух слов *Bora* и *Færnug*; *færnug* ‘наделенный *фарном*’. В грузинском языке собственные имена, в которых определение стоит после определяемого. *Iodmangan* можно также объяснить из осетинского: *I – wod – mængon*, буквально «*тицедушный*» [Камболов 2006: 252].

Инверсия в осетинском языке используется не только в поэтических произведениях, но и в разговорной речи. Например, в нечленимых словосочетаниях: *ссады хорз* (*муки хорошее качество*), *зæххы хорз* (*земли хорошее качество*), *усы хорз* (*женищины хорошее качество*), *арвы цъæх* (*неба голубизна*). Эти инверсивные определения отличаются от соотносительных словосочетаний с прямым порядком слов: *хорз ссад* (*хорошая мука*), *цъæх арв* (*голубое небо*). Расположение определения в постпозиции к определяемому слову особенно характерно для разговорной и художественной речи: *Фæлæ нозт æгæр нæ барста уыдонæн дæр* (Бар. Г.) (*Но выпивка чрезмерная тоже им не прощала*). Инверсивные определения использует К. Л. Хетагуров, основоположник осетинского литературного языка, как разговорное и выразительное средство: *Тызмæггæй мæм ма кæс, / Мæ фыды зæронд* (*Грозно не смотри на меня, / Мой отец старый* (букв.: *отца старый*); *Лæппуйæ рæдийæг / Нæ вæййы æвзæр!* (*Мальчиком ошибающийся / Не бывает плохим*). Подобные атрибутивные словосочетания встречаются и в современной осетинской поэзии: *Лæууыд мæ зæрдыл иу хабар – бердзенаг* (*Помню одно событие – греческое*. В персидском языке

при постпозитивном присоединении слов при помощи изафета в качестве распространяющих членов выступают существительные, прилагательные, инфинитивы, порядковые числительные, личные местоимения, субстантивированные и адъективированные причастия [Цопанова 2021: 10].

Количественные числительные в именном словосочетании бывают в функции главного слова, зависимое слово-существительное стоит в родительном падеже: *фондз чиныджы (пять книг), цалдар чиныджы (несколько книг)*. Подчинительная связь между ним – управление. В персидском языке количественные числительные присоединяются к определяемому слову примыканием. В таких словосочетаниях используются еще счетные имена (нумеративы), «различные в зависимости от значения определяемого слова: *āhar kētab* – при счете людей; *ta* – при счете мелких предметов [Овчинникова 1966: 293]; *шесть (человек) студентов, несколько (штук) книг*.

В осетинском языке инфинитив (с суффиксом *-ын*) образует атрибутивные сочетания с именами существительными (*дзурыны растæг – говорения время*) и является также главным словом в составном глагольном сказуемом (*æмбæлы дзурын – можно говорить*). Кроме того, он может выполнять роль второстепенных членов предложения (*райгуырын цæрынæн* (дат. падеж) – *родиться жить (для жизни)*) и др.

Синтаксические отношения между главными и зависимыми компонентами атрибутивных словосочетаний (строятся на основе двух способов подчинительной синтаксической связи – *управления и примыкания*. Управлением связываются зависимые слова, выраженные изменяемыми частями речи: существительными, местоимениями, неопределенной формой глагола (с суффиксом *-ын*), нечленимыми словосочетаниями (*æхсæст хоры хуызæн фæсивæд – похожая на очищенное зерно молодежь*).

При связи примыкание формы зависимых слов не меняются. Они бывают выражены неизменяемыми частями речи: именами прилагательными, адъективированными существительными и частицами, местоимениями (вопросительно-относительными, указательными, определенными, неопределенными, отрицательными), глагольными именами (с суффиксом *-æн*), порядковыми числительными, причастиями, нечленимыми (*кадыл мæлæг адæймаг*) и фразеологически связанными словосочетаниями с постоянным компонентным составом (*ардыгæй дæумæ лæг* – ничтожный мужчина букв.: *отсюда до тебя*)

В персидском языке в атрибутивных словосочетаниях, состоящих из определяемого и качественного определения, чаще всего в конце изафетной конструкции ставится артикль: *данэшджу-йе хуб-и* – *некий хороший студент*. Однако для оживления повествования артикль можно поставить непосредственно за именем существительным: *данэшджу-и хуб* [Рубинчик 2021: 308].

При постпозитивном присоединении слов при помощи изафета в качестве распространяющих членов выступают существительные, прилагательные, инфинитивы, порядковые числительные, личные местоимения», субстантивированные и адъективированные причастия. В этом видим сходство с осетинскими атрибутивными словосочетаниями.

На использование инфинитива при помощи изафета приводятся следующие примеры: *«желание ее увидеть, способность работать, красота восхода солнца* – *bar – āmadan-e āftab*) [Рубинчик 2021: 366].

Атрибутивные отношения имеются между приложением и определяемым словом. Приложение бывает выражено существительным, и его падеж зависит от падежа определяемого слова – нарицательного или собственного имени существительного или личного местоимения: *мах, студенттæ* – *мы, студенты, махаен,*

студенттæн – нам, студентам; чызджыты хуыздæр Косер – из девушек лучшая Косер. Приложение, выраженное одним словом, может стоять и перед определяемым словом, и после него: лæппу-дохтыр (парень-врач), æртах-цæссыг (капля-слеза).

Между определяемым словом и приложением в разговорной речи могут вставляться и другие члены предложения: *Уый та æвдæмты ахуыр кодта, Гæба* (Х.С.).

Определительные отношения существуют между нарицательными существительными и собственными именами (именами людей, географическими названиями, названиями литературных произведений и др.). При этом в функции приложений выступают собственные имена *горæт Алагир, мæ хо Люба* (моя сестра Люба).

В персидском языке на первом месте стоят изафетные определения. «В осетинском языке атрибутивные определения не имеют специального морфологического показателя – изафета, как в персидском языке» (Цопанова 2021: 87).

Объектные отношения в словосочетании – бывают между действием и предметом, на который направлено действие или с которым происходит действие. Помимо глагола главное слово бывает выражено деепричастием, в роли зависимых слов выступают имена существительные (*хъусын зарæгмæ* (слушать песню), *æууæндын æмбалыл* (доверять другу) *mobiiरेze kardan* *Ба та/ах* (бороться с саранчой), местоимения (*мæнмæ кæсын* (смотреть на меня), количественно-именные словосочетания (*дыууæ æмбалы хонын* (приглашать двух друзей)).

Объектные отношения бывают в словосочетаниях с прилагательным в роли главного слова (*сæрыстыр уæлахизæй* (гордый победой), и существительным (*æууæнк адæймагыл* (доверие человеку). *mobiiरेze kardan*

.Ба та/ах ‘бороться с саранчой’,

Субъектные отношения, «когда зависимая форма имени существительного в них обозначает действующее лицо или предмет» [Валгина 1991: 45] (*цардаей æфхæрд* – обиженный жизнью, *дохтыраей уæгъдгонд* – освобожденный врачом)

Обстоятельственные отношения – свойственны глагольным словосочетаниям. Действия и процессы происходят в различных обстоятельствах. Они выражают различные отношения: определительно-обстоятельственные, временные, пространственные, причину, цель, степень и качество действия и процесса.

Обстоятельственные отношения возникают при сочетании с глаголами наречий, деепричастий, существительными, обозначающими место, пространство, некоторыми причастиями.

Комплетивные отношения возникают при необходимости восполнить некоторые слова в качестве полнозначных синтаксических единиц: *разындис хæдзардзин* (оказалась бережливой), (*ссады тæпп* (горстка муки), *дыгууæ æмбалы* (два друга).

3.1.4. Простые и сложные словосочетания

Как известно, в зависимости от количества составляющих их компонентов, словосочетания делятся на простые и сложные. Простые словосочетания обычно состоят из двух знаменательных слов, сложные – из нескольких. Кроме того, к ним относятся словосочетания, в составе которых имеются составные слова. Например, прилагательное превосходной степени с определяемым словом (*æппæтæй хуыздæр куыст* – самая хорошая работа), нечленимые и фразеологические словосочетания (*хæдзарæн лæгæй ацыдысты* – отправились по мужчине из (каждого) дома, *мигъы къуыбылой æрцауындыæг* – повис клочок облака, *сæ туг сын базмæлын кæнын* – расшевелить им кровь). Трехсловные (и даже многословные) словосочетания, построенные на однородной изафетной связи типа:

dust-e gerami-ye тап ‘мой дорогой друг’, divar-e хапе-ye boland-e ajorī ‘стена высокого кирпичного дома’, которые по своей семантика-грамматической структуре относятся к сложным.

Среди сложных словосочетаний выделяются словосочетания с распространяющими членами, связанными сочинительной связью: mard-e

javan-e qavi va kutahqadd ‘молодой сильный мужчина низкого роста’. В приводимом примере три определения поясняют и уточняют признак лица, выраженного главным словом. Первые два распространяющих члена связаны изафетом, а третий – присоединяется к ним сочинительным союзом *va*. [Рубинчик 2021: 375]. Данные примеры являются актуальными для осетинского языка.

3.1.5. Копулятивные сочетания слов

К сложным словосочетаниям в персидском языке относят пары слов с сочинительной связью между ними. Это – копулятивные сочетания слов. «В словосочетаниях этого типа компоненты имеют свободные синтаксические отношения, где отсутствует грамматическая зависимость. Сочинительный союз *и*, объединяя знаменательные слова в единое целое, образует сочинительные словосочетания, где отсутствуют определительные отношения. Эти словосочетания имеют структуру *имя+союз+имя*» [см.: Талыбова 2007].

«Компонентами копулятивных словосочетаний являются:

1. парные слова: *zan-o šowhar* (букв. ‘жена’ и ‘муж’) ↔ ‘супруги’;
2. слова-синонимы: *lāzem-ozaruri* (букв. ‘нужный’ и ‘необходимый’) ↔ ‘необходимый’;
3. слова-антонимы: *tang-ogošād* (букв.: ‘узкий’ и ‘широкий’) ↔ ‘повсюду’;
4. однокоренные арабские слова: *sālem-o salāmat bašid* ‘будьте здоровы’ (букв. ‘здоровье’ и ‘здоровье’);

5. единственное и множественное число слова: *valad-o olād* 'дети, наследники' (букв. 'дети и дети')» и др. [см.: Талыбова 2007].

В сочинительных словосочетаниях все компоненты относятся к одной и той же части речи и выступают в одной и той же грамматической форме.

Употребление сочинительных словосочетаний, как и другие виды словосочетаний, уходит корнями в среднеиранскую языковую эпоху.

Традиция по созданию этих словосочетаний широко используется современными авторами иранской художественной литературы и является украшением обиходно-разговорной речи.

В персидском языке грамматическая связь между компонентами в словосочетаниях осуществляется изафетной частицей, предлогами, соединительным союзом и примыканием, в котором отсутствует связующий элемент/средство связи.

В осетинском языке также широко представлены двучленные сочетания – копулятивные сочетания слов [Цопанты 2017]. В пары могут соединяться не любые слова, а только те, которые связаны семантически. Ценностный компонент этих образований отражает те бытовые, духовные, этические, этикетные понятия, которые утвердились в национальном сознании в качестве речевых идеалов в общении. Они входят как сложные наименования в национальную языковую картину мира, отражая «мировоззрение носителей данного языка и формируя их картину мира» [Маслова 2004: 68]. Мы не относим их к разряду словосочетаний. Их следует рассматривать в системе однородных членов предложения.

В осетинском языке парные сочетания слов в функции однородных членов предложения бывают связаны интонационно или союзом «æмæ» («и»).

Двучленные сочетания типа двандва (копулятивные сочетания слов) являются в осетинском языке существительными: *хъыпп-*

сыпп (звук-шум), *хæрд-минас* (еда-угощение), *хо-æфсымæртæ* (сестра-братья) (т.е. дети одних родителей) [Гуриев 1995: 37], прилагательными (*райдзаст æмæ зæрдæрухсы*) (светлые и радостные), глаголами (*сагъæс æмæ удхар кодта*), деепричастиями (*хъазгæ æмæ райгæ* (играючи и радуясь)). Части этих сочетаний слов соединяются интонацией и союзом *и*.

Повторяются в таких сочетаниях важные для народа понятия: *хор-дон* (хлеб-вода), *рын-сон* (мор-беда), *мад-фыд* (мать-отец), *ис-бис* (имущество-состояние), *еу æмæ сар* (плач и горе) и др.

Пары слов могут быть синонимами (*хæстæггæй-хионæй* (родственники-свои), *æнæ хъыпп, æнæ сыппæй* (без звука, без шума), антонимами (*зæрондæй-ноггæй* (стар-млад), *хиуонæй-æддагонæй* (свой-чужой) или имеют иные, но также близкие в разных отношениях семантические связи (*лæггæй-лæппуйæ* (мужчины-парни); *хæцгæ-цæугæ* (заразные-ходячие) *низтæ* (болезни).

Копулятивные сочетания слов свое семантическое и тематическое единство сохраняют и в бессоюзных сложных предложениях: *Йæ февнæлд – арт, йæ фезмæлд – зынг* (Царц. тау.) (Его хватка – пламя, движение – огонь).

Традиция создания парных сочетаний идет из осетинского устно-поэтического творчества, особенно из нартовского эпоса, народных песен – героических, из похоронных плачей, пословиц, разговорной речи. Так, «излюбленными и весьма характерными для нартовских сказаний являются парные сочетания: парные образы, парные эпитеты и сравнения, парные имена. О сильном снегопаде говорится: «заловский снег и вечный глетчер» («залты мит æмæ æнусы цъити»). О сильной выюге: «крутящийся ветер и кутающая выюга» («зилгæ дымгæ æмæ тухгæ уад») Уæд мигъ *наергæ-тулгæ* бæстон / *Æрцыд арвыл тарфæй* (громохвая и крутятся) [Абаев 1990: 49].

Такие сочетания стали использоваться в осетинских художественных текстах с той же семантикой, например, для стилизации текста: *Чи кудыз, чи хæрæг, мæ дусæрттæ мын йæ сæрæй чи сæтты?* (Хъайт. Аз.) (*Что за собака, что за осел, кто открывает мои двери своей головой?*)

Парные сочетания в современных художественных текстах становятся наименованиями бытовых, морально-нравственных, этических понятий осетин: *Ахх, хъазгæ 'мæ райгæ куы фæхæссин дæу / Нæ ницæйаг дунейæ дардмæ* (Х.К.) (*Ах, если бы унес тебя, играя и радуясь, далеко от нашей никчемной жизни*); *Адæймаг цардмæ кæугæйæ рацæуы, мæлгæ та хъуамæ заргæйæ акæна* (Хъайт. А.) (*Человек рождается с плачем, а умереть должен с песней* (букв.: плача-напевая)).

В осетинской этикетной речи парные сочетания закрепились как стереотипные формулы: *Æнæниз, æнæмаст ут* (*Будьте здоровы, без горя*).

Парными сочетаниями можно дать информацию о многих человеческих качествах, о свойствах предметов, явлений: о красоте: *Туг æмæ аехсыр йæ уадултыл схъазыдысты* (Царц. тау.) (*Кровь и молоко заиграли на ее щеках*); о характерной внешности (*къуыппных æмæ цæгæрсæр* (о Нарте Батразе – с выпуклым лбом и плешивой головой)); о религиозных понятиях: *зæд, дуаг* (ангел, дуаг); о длительности времени: *бонтæ æмæ къуыритæ* (дни и недели); о дружеских отношениях: *æмхæрд, æмнуæзт уыдысты* (ели, пили (угощались)); о материнской любви: *йæ цинаей кæмæн цардтæ æмæ йæ уындæй кæмæн нæ бафсæстæ* (чьей радостью жила и чьим видом не насытилась); обозначение пищи: *хæрд, нуæзт* (еда, питье); этические понятия: *намыс æмæ кад* (честь и слава); определение достатка: *ис, хæзна* (имущество, богатство); название болезни: *рын æмæ сон* (мор и беда); парные имена нартовских героев: *Хсар*

æмæ Хсæртæг (Хсар и Хсартаг – сыновья Уархага); название народа: Терк æмæ Турк (Терк и Турк) и др.

К двучленным сочетаниям может прибавляться третий элемент, особенно в современных текстах: Иу дзырдæй, Хъуырман комаен уыди *йæ кады тырыса хæссæг, йæ лæугæ хох йæ цæугæ_мæсыг* (Хъайт. Аз.) (*Одним словом, Курман для уцелья был носителем флага его славы, его стоячей горой, его ходячей башней*); *Тæхгæ-наргæ-уыраугæ* намыс (Хъодз. А.) (*Летящая-гремящая-жгугая слава*) и т.д.

3.2. Синтаксис простого предложения

Предложение является основной единицей синтаксиса.

Предложения делятся в зависимости от количества предикативных единиц (простые и сложные), по содержанию выражаемых в них отношений к действительности (утвердительные и отрицательные), по модальности (реальной и ирреальной модальности), по функции (цели высказывания) (повествовательные, вопросительные, побудительные), по эмоциональной окраске (восклицательные и невосклицательные), по наличию главных и второстепенных членов предложения (распространенные и нераспространенные) и др.

3.2.1. Отрицательные предложения

Грамматическое отрицание в осетинском языке выражается: общеупотребительными отрицательными частицами (*нæ (не), ма (не), нал (не), нæма (не), мама (не), мауал (не), нæй (не+есть)*). Только в разговорной речи используются частицы *нахъ (нет) нæнна (нет), æгонгæй (нет), æмæ-гъа (нет)*, междометие *аба-бау* и частицы, косвенно выражающие отрицание: *уæууа (о-о-о), гъей-гъей (ну-ну)*.

Кроме них, отрицательное значение предложения в обоих языках создается при использовании отрицательных местоимений (*ничи* (*никто*), *ницы* (*ничто*), *ницаваер* (*никакой*), *никацы* (*никакой*), *мачи* (*никто*), *мацы* (*ничто*) и др.), отрицательных местоименных наречий (*никаем* (*нигде*), *никуы* (*нигде*), *никаедæм* (*никуда*), *макуыдæм* (*никуда*) и др.). Они присоединяются преимущественно к сказуемому (в собственно-отрицательных предложениях), реже к другим членам предложения (в частноотрицательных предложениях)

В персидском языке в отрицательных предложениях к связке прибавляется отрицательная частица *на-*, которая, сливаясь с глаголом-существительным, дает слитные формы: *нистам*, *нисти*: *Ман доктор нистам* – *я не доктор* [Рубинчик 2001: 330]. Такую закономерность наблюдаем и в осетинском языке: *Æнæ цаугæ дын нæй* (Н.к.) (из *нæ* (*не*)+*ис* (*есть*) *Не иди тебе нельзя* (букв.: *Не идя тебе не есть*).

3.2.2. Функциональные типы предложений

3.2.2.1. Повествовательные предложения

Повествовательные предложения в персидском и осетинском языках характеризуются одинаково, то есть заключают в себе сообщение о каком-либо факте действительности. Интонация в них бывает связана с тем, какая часть предложения актуализируется, на логически выделяемом слове (словосочетании) тон повышается. К концу предложения идет понижение тона.

3.2.2.2. Вопросительные предложения

Вопросительные предложения выражают вопрос, цель которых «побудить собеседника высказать мысль, интересующую говорящего, т. е. цель их познавательная» [Валгина 1991: 75].

В осетинском языке выделяют следующие типы вопросительных предложений: собственно вопросительные (сармагондфарстон), вопросительно-риторические (риторикон-фарстон), вопросительно-побудительные (фарстон-разæнгардгæнæг).

Грамматические средства оформления вопросительных предложений в осетинском языке следующие: 1. Вопросительная интонация – повышение тона на том слове или словосочетании, с которым связан смысл вопроса, например: *Цымаæ нæм зымæджы /«æввонгхор»/ цæмаæн хонынц?* (Дз.К.) (*Зиму у нас почему называют /«дармоедом»/?*); *Цымаæ нæм /зымæджы/ цæмаæн хонынц«æввонгхор»?* (*/Зиму/ у нас почему называют «дармоедом»?*); *Цымаæ нæм зымæджы цæмаæн /хонынц/ «æввонгхор»?* (*Почему у нас зиму /называют/ «дармоедом»?* 2. Словорасположение – в начало предложения часто выносится то слово, с которым связан вопрос, например: *Цы номæй дæм бадзурон?* (Х.Къ.) (*Каким именем к тебе обратиться?*); *Арвитис æм уæд та?* (*Пошлешь, может, за ним?*). 3. Вопросительные слова – вопросительные частицы, наречия, местоимения, разделительный союз *æви* (или), частица *мыййаг* (может), например: *Адамы æхсæн цал зондджын ныхасы ракодтай?* (Б.Е.) (*Сколько умных речей произнес перед народом?*); *Искуы балцы ис æви?* (Мамс. Д.) (*Где-то в поездке или?*). 4. Грамматикализованные сочетания слов (*æмаæ цымаæ кæм* (и интересно где), *æмаæ цымаæ кæд* (и интересно когда), *уæдаæ цæмаæн* (тогда почему), *æмаæ уæдаæ кæм* (и тогда где), *цымаæ цы* (интересно что), (*æмаæ*) *уæд цæмаæй* (и) *тогда чем*), (*æмаæ*) *уæдаæ куыд* (и) *тогда как*) и др., например: *Æмаæ уæд Темыр та кæм ис?* (Æ.Æ.) (*И тогда Темир где есть?*); *Кæм дæ, цымаæ, ныр?* (Хъ.Д.) (*Где ты, интересн, сейчас?*)

В устно-разговорной речи в конец вопросительного предложения выносятся частицы *гъе* (ну), *гъы* (ну), *о* (да), *цы* (что), *и* (ну, да), *нæ* (не, нет) в значении да), союз и частица (*æви цы* (или

что) и др: Цауыс, гъы? (Идешь, ну?); (Æрхъуыды йæ кодтай, нæ? (Хъ.М.) (Вспомнил его, нет?), æви (или) (Гъе Дæхци, хæдзары дæ æви? (Г.Ц.) (Дахци, ты дома или?), æви нæ (или нет) (Хъусыс æви нæ? (Хъ.Д.) (Слышишь или нет?) и др.

В вопросительных предложениях частица *и* (ну, да) используется с целью заставить обратить внимание на предмет разговора или его части, побудить к действию, переспросить: *Иннæ бонтæй хъауджыдæр знон цæмæн ацыдтæн æфцæгмæ? И?* (Дз.К.) (В отличие от других дней вчера почему я отправился к перевалу? Ну?); *Кæсут мæм, и?! (Хъ.М.) (Смотрите на меня, да?)*

Частица *нæ* (нет, да) используется для утверждения или отрицания содержания вопросительного предложения: *Цыппар къахыл цæуын æнцондæр у, нæ?* (Коц. А.) (Ходить на четырех ногах легче, нет (да)?)

В персидском языке выделяют вопросительные предложения, которые образуются «двумя способами: 1) либо только интонационными средствами; 2) либо интонационными средствами в сочетании с лексическими. К последним относятся вопросительные слова, вопросительные частицы и отрицательные частицы с союзом *уа*. В зависимости от участия в организации вопроса интонационных и лексических средств выделяются четыре типа вопросительных предложений: 1) вопросительные предложения без лексических средств; 2) вопросительные предложения с вопросительным словом; 3) альтернативные вопросительные предложения» [Рубинчик 2001: 404].

Грамматические средства оформления вопросительных предложений в персидском, как и в осетинском – вопросительные местоимения (*ki?*, *ke?* ‘кто?’, *ce?* ‘что?’, ‘какой?’) и вопросительные наречия (*key?* ‘когда?’, *koja?* ‘где?’, *cera?* ‘почему?’, *cetowr?* ‘как?’, ‘каким образом?’): *Cera in danesju hamise dir mikonad?* ‘Почему этот студент всегда опаздывает?’

Количество вопросительных частиц в персидском языке, по мнению Рубинчика, ограничено «двумя частицами: *ауа* ‘разве’, ‘ли’ и *magar* ‘разве’, ‘неужели’» [Рубинчик 2001: 407].

Приводятся и иные лексические средства в образовании вопросительных предложений – «частицы (*ауа*, *magar*, *ham*, *niz*), послелог *-ra*, союзы (*ya/va yain ke* или, *ya-na* – или нет, *ya digar* или другой) [Мостафа 1990: 7]. Эти отрицательные слова ставятся после глагола-сказуемого. Отмечается, что вопросительные предложения без лексических средств произносятся с повышением тона последнего слога конечной синтагмы, а добавленная синтагма с разделительным союзом *ya* и отрицательной частицей произносится с понижением тона на этой частице: *И esteBah mikonad ya na?* ‘Он ошибается или нет?’

К альтернативным вопросительным предложениям относят те, которые образуются путем употребления в конце предложения отрицательной частицы *na* ‘не’ или *хеур* ‘нет’ в сочетании с союзом *ya* ‘или’.

В осетинском языке такие предложения не рассматриваются как особый тип вопросительных предложений. Они входят в состав предложений, в создании которых использованы частицы. Сфера их использования – устно-разговорная речь [Цопанова 2017: 46-47].

3.2.2.3. Побудительные предложения

Побудительными являются предложения, «выражающие волеизъявление говорящего, их цель – побуждение к действию» [Валгина 1991: 77].

И в персидском языке, и в осетинском они могут выражать повеление, просьбу, приказ, мольбу, предостережение, протест, угрозу, призыв, приглашение, совет, предложение, согласие, разрешение, желание.

Грамматическими средствами оформления побудительных предложений в осетинском языке являются: 1) побудительная интонация; 2) сказуемые в форме повелительного наклонения (*Тызмæгæй мæм ма кæс, / Мæ фыды зæронд! (Х.Къ.) (Не смотри на меня сурово, / Мой старый отец!)*), а также, хотя и реже, в других наклонениях: изъявительном (*Бакæсдзыстут хæдзармæ, мацы дзы фесæфæд (Заглянете в дом, ничего чтобы не пропало)*), сослагательном (*О, амондджын фæуай, абоны бон! (О, бывать тебе счастливым, сегодняшний день!)*) и желательном (*Иу-дыууæ уазæджы дæр куы раæнис (Хъ.М.) (Пригласил бы одного-двух гостей)*); 3) побудительные частицы: *уадз (пусть), цæй (ну), цæй-ма (ну-ка), алæ (ну), марадз (давай, ну-ка), гъæйтт (ну)* и др. (*Уадз æмæ, адæм зарой, кафой! (Ц.М.) (И пусть люди поют, танцуют!); Цæй-ма, мæ мызд мын! (Х.Къ.) (Ну-ка, мою плату мне!)*)

В персидском языке в побудительных предложениях не указываются глаголы в изъявительном и желательном наклонениях. Но описывается интонация повелительных предложений с побудительными частицами (*begozar 'пусть', blyа 'давай', blyayid 'давайте'*) и глагола в форме аориста: *Begozar xod-as name benevisad 'Пусть он сам пишет письмо'; Blyayid dar bare-ye tallsilat-e ta sohbat bekonim 'Давайте поговорим о нашей учебе'*) и без них.

В разговорной речи в осетинском языке используются побудительные предложения без сказуемого-глагола в повелительном наклонении. Повеление может передаваться существительным (*Хæрдмæ! Уæлдæфмæ! Рухсмæ! (М.С.) (Наверх! На воздух! К свету!)*), наречием (*Æнцæд! Дада дæ фехъусдзæн! (Б.Е.) (Тихо! Дада тебя услышит!)*), междометием (*Цы дæм дзурын! Гъе, мардзæ! (Что я тебе говорю? Ну-ка!)*) Нет сомнения в том, что такие синтаксические структуры имеются и в персидском языке.

3.2.3. Восклицательные предложения

Восклицательными называются предложения, «эмоционально окрашенные, что передается специальной восклицательной информацией» [Валгина 1991: 79].

То, что восклицательными бывают все функциональные типы предложений, отмечается в обоих языках: повествовательные (*Ай, дам, маэ зæхх у!* (Дз.Х.-М.) *(Это, мол, моя земля!)*; *Ce ruz-e xub-i ast!* 'Какой хороший день!'), вопросительные (*Фæндон хорз кæм и?! (Х.Къ.) (Желаемое хорошее где есть?!)*; *Ce!-a hamise dir mikoni, ha?* 'Ну почему ты всегда опаздываешь?!') и побудительные (*Нана! Ербайхъус! Ма маэ 'лгъит, æгъгъæд!* (Къ.А.) *(Нана! Послушай! Не проклинай меня, довольно!)*

Грамматическими средствами создания восклицательных предложений и в осетинском, и в персидском языках являются: 1) восклицательная интонация, передающая различные эмоции (*Ceqadr xub kar mikonad!* 'До чего же хорошо он работает!'); 2) междометия (*ау* (как), *уæуу* (ай), *охх* (ох), *ехх*, *дæ-дæ-дæй* (ой-ой-ой), *æллах-æллах* (аллах-аллах) (*Bah-bah!* 'Прекрасно!'; *Afarin!* 'Браво!'); 3) восклицательные частицы различного происхождения и содержания (*цы* (что, как), *куыд* (как), *кæм* (где), *цæй* (как), *тæхуды* (хоть бы), *и* (ну), *куыннаæ* (как не) (*Ce xosa!* 'Как хорошо!'); 4) местоимения (*цæй* (какой), *цы* (что), *цæвæр* (какой), *ахæм* (такой); 5) наречия (*куыд* (как), *кæм* (где), *кæцæй* (откуда), *цæмæн* (почему), *цас* (сколько) (*Ceqadr xub I avaz mihanin!* 'Браво! Как хорошо вы поете!'); 6) группа частиц и междометий (*мæнæ ма* (вот еще), *гъе уæууæй* (эх-эх-эх), *гъе уый дын* (вот это).

3.2.4. Двусоставные предложения

Наиболее полно структурно-семантические особенности простого предложения отразились в двусоставном предложении, ор-

ганизирующим центром которого являются подлежащее и сказуемое. Между ними имеются различные семантико-синтаксические отношения, связанные с тем, что они соотносятся друг с другом. Взаимонаправленная связь между подлежащим и сказуемым «осуществляется в виде координации, полной или частичной, тяготения и соположения» [Валгина 1991: 86-87].

В предложении выделяют главные и второстепенные члены предложения. Главные члены предложения – подлежащее и сказуемое – образуют грамматическую основу двусоставного предложения. В односоставном предложении бывает один главный член, который также называется подлежащим или сказуемым. Другие члены предложения являются второстепенными. Выделяют еще детерминантные дополнения и обстоятельства. От других второстепенных членов предложения они отличаются тем, что распространяют всю предикативную основу предложения.

Члены предложения бывают выражены различными знаменательными частями речи со служебными словами или без них. Части речи имеют основные и второстепенные синтаксические функции. Так, имя существительное может быть любым членом предложения, а прилагательное может быть только в функции определения и именной части составного именного сказуемого.

3.2.4.1. Главные члены двусоставного предложения

3.2.4.1.1. Подлежащее

Подлежащее – это главный, грамматически независимый член двусоставного предложения, обозначающий предмет мысли, признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется сказуемым (*Amuzgar mixanad* ‘Учитель читает’).

В персидском языке, как и в осетинском, подлежащее наиболее часто бывает выражено именем существительным в именительном

падаже (*Sakine post-e sandali istade bud* ‘Сакине стояла за креслом’ (Аляви. Ее глаза).

Кроме того, – личными местоимениями; в осетинском – усиительно-личными (*mæxædæg* (я сам), *dæxædæg* (ты сам) и др.), указательными (*адон* (эти), *ай* (этот, уый (тот) и др.), вопросительно-относительными (*чи* (кто), *цы* (что), неопределенными (*исчи* (кто-то), *чидæр* (кто-то), *чифæнды* (кто-нибудь), *иуæй-иу* (кто-то) и др.) (*Ba’ziha bar in aqide hastand-ke nahayad be in eqdamat dast zad* ‘Некоторые считают, что не следует прибегать к этим мерам’), определенными (*ænnæm* (все), *иннæ* (другой), *алцы* (все); *Hamæ az sar-e sofre gosne ra misavand* ‘Все встанут из-за стола голодными’ (Хедаят. Хаджи-ага) и др.), отрицательными (*ничи* (никто), *ницы* (ничто) и др.), количественными числительными (*Дæс дих кæны дыууæйыл*. – Десять делится на два; *Ranĵ-o do misavad haft* ‘Пять плюс два получается семь’) и порядковыми числительными (*Дыккаг цæуы фыццаджы фæстæ* (Второй идет после первого); *Avvali ostcid bud, sevvomi-ham man hastam...* ‘Первым был художник, третий – я... (Аляви. Ее глаза), субстантивированными частями речи (*Siyah sayeste-ye soma-st* ‘Черное вам идет’; *Хорз адамæн цæры* (Хороший живет для людей), инфинитивом (*Быхсын – нæ амонд* (Дж.Ш.) (Терпеть – наше счастье); *Masin kardan-ke xatar nadcirad* ‘Ведь печатание на машинке не связано с опасностью’ (Аляви. Ее глаза); нечленимыми словосочетаниями (*Фарæстæм – Уæлахизы бæрæгбон*. – Девятое мая – праздник Победы; *Qarib-e ran heziir mosafær az in ahr-e qadim didan kardand* ‘Приблизительно пять тысяч путешественников посетило этот древний город’) и фразеологическими словосочетаниями (*Мæнæн мæ ис, мæ бон – мæ ном* (Б.Е.) (Для меня мое богатство, мое имущество – мое имя) и др.

В состав нечленимых словосочетаний в персидском языке также относят: сочетания количественных числительных с суще-

ствительными во мн. числе посредством предлога *az* (*se nafar az kargariin* 'трое из рабочих'); числительное *yek* при сочетании с предлогом *az* употребляется с артиклем (*yeki az ostcidtin* 'один из профессоров'). Числительное *yek* может употребляться вместо существительного только в сопровождении выделительного артикля и мн. др. [см.: Рубинчик 2001: 416-419].

В качестве подлежащего Л.С. Пейсигов видит наречие: «постановка наречия *hala* 'сейчас' в позицию подлежащего в предложении *Ha/a vaqt-e estercihat-e ma-st* 'Сейчас – время нашего отдыха' дает основание рассматривать его в качестве подлежащего [Пейсигов 1959: 246].

В осетинском языке в роли подлежащего существительное может быть и в отложительном падеже: *Йæ сабиты цины аргъ не сты хурæй, дæнджызæй* (М.С.) (*Не стоят радости детей солнце* (букв.: солнцем), *море* (букв.: морем)).

На наш взгляд, нет необходимости рассматривать все средства выражения подлежащего в двух языках, так как они совпадают.

3.2.4.1.2. Сказуемое

Сказуемое, наряду с подлежащим, является главным членом двусоставного предложения. Грамматически зависит от подлежащего и обозначает то, что сказано о подлежащем. Бывает выражено различными по структуре и семантике глаголами, словосочетаниями и другими языковыми структурами.

В персидском языке в двусоставных предложениях выделяются «глагольные, именные (связочные), глагольно-именные и наречно-междометные» сказуемые [Рубинчик 2001: 383], которые могут быть выражены «простым или префиксальным глаголом (его синтетической или аналитической формой), сложным глаголом, многокомпонентным глагольным фразеологизмом, глагольно-именным сочетанием, наречно-междометным словом» [Рубинчик

2001: 420]. Префиксальные глаголы «некоторые исследователи относят к сложным глаголам, что вполне объяснимо, если принять во внимание характер префиксов, как правило, восходящих к самостоятельным словам – предлогам и наречиям и не всегда полностью утративших эту связь» [Набати 2016: 54]. В современном персидском языке превербов насчитывается менее десятка. Наиболее часто употребляются превербы *bar* и *dar*.

В ОЯ «префиксальные глаголы не выделяются как особая морфологическая форма для образования сказуемых. Префиксы меняют структурно-семантические, стилистические свойства простых и сложных глаголов, но имеют те же грамматические свойства, что и непрефиксальные глаголы» [Цопанова 2022: 171]. Например: *кусын (работать) – бакусын (поработать) – акусын (поработать) (быстро или поверхностно) – факусын (поработать) (долгое время) и т. д.* Все эти глаголы в предложении будут простыми глагольными сказуемыми.

В ПЯ выделяют два вида глагольного сказуемого: «1) простое глагольное сказуемое, выраженное формой простого глагола или глагольного фразеологизма, и

2) сложное глагольное сказуемое, выраженное глагольной синтаксической группой» [Набати 2016: 423].

В ОЯ сказуемые подразделяются на *простые глагольные, составные глагольные, составные именные, и сложные* [Цопанова 2017: 83]. Несмотря на терминологическое различие в обозначении типов сказуемых в двух языках, у сказуемых много общих структурно-семантических черт.

3.2.4.1.2.1. Простое глагольное сказуемое

Простое глагольное сказуемое в осетинском языке бывает выражено простыми и сложными глаголами, сложными (перифрастическими) формами глаголов в различных наклонениях, време-

нах, числах, лицах, глагольными фразеологизмами определенной структуры и семантики (например: *(Мае удаей мын мауал хъаза (Н.к.). – Не играл (больше) моей душой* (то есть – не мучал больше).

В ОЯ «именная компонента сложного глагола представлена большим числом частей речи, чем в персидском, хотя в большинстве случаев аналогичные значения выражены одинаковыми по составу конструкциями» [Кудзоева 2021: 67].

Простые неглагольные сказуемые могут быть выражены существительными, образованными от звукоподражательных слов (*Бирагъ пыхсыты – быргæ, лæзгъæрты – сæпп-сæпп. – Волк через кустарник – ползти, по прогону – прыг-прыг; Иуæрдаем – гæпп, иннаердаем – гæрах* (Дж.Ш.) – *В одну сторону – прыг, в другую – хлоп*).

В персидском языке простое глагольное сказуемое выражается синтетическими и аналитическими глагольными формами. «В роли простого сказуемого может выступать и другой вид глагольных фразеологизмов – многочленные глагольные фразеологизмы. К ним относятся устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более лексем» [Рубинчик 2001: 425].

Аналитическими моделями в ПЯ являются перфектные формы – «прошедшее-настоящее время *амаде аст* ‘пришел’, прежде-прошедшее время *амаде буд* ‘приходил’ [Набати 2016: 55]. Они выступают в роли простых сказуемых.

В качестве синтетических форм глаголов в персидском языке указываются не все простые глаголы. Существует точка зрения, что «Количество простых глаголов в персидском языке строго ограничено и составляет около трехсот единиц» [П. Нател Ханлари: см. Набати 2016: 51]. Их количество ограничено следующими формами: «настоящее-будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное», «а в разговорной речи (в вопросительных и повели-

тельных предложениях) – аористом и повелительным наклонением» [Рубинчик 2001: 420].

Некоторые исследователи сложные глаголы ПЯ наделяют идиоматичностью, «характерной для фразеологических сочетаний, и мотивированностью, присущей свободным словосочетаниям» [Набати 2016: 53]. Этот тезис мы не можем поддержать на материале ОЯ.

В число простых сказуемых в персидском языке включаются глаголы *hast* ‘есть, имеется’ и его краткие формы: *nist* ‘не имеется’, *ast* ‘находится, быть’, ‘имеется’, *sodan* – значение бытия, существования, наличия и др. [Набати 2016: 424]. Они выступают и в роли связки в составных именных сказуемых.

В ПЯ указывается небольшое количество слов, которые могут выступать в роли сказуемого самостоятельно, без участия глагола. К таким словам относят вопросительное наречие *ku?* ‘где?’, которое, как считается, никогда не выступает как обстоятельство места, всегда используется как предикативное вопросительное наречие и выступает в роли сказуемого двусоставного предложения: *Baradar am ku?* ‘Где мой брат?’; *Kolah-am ku?* ‘Где моя шапка?’

В ОЯ это местоименное наречие бывает обстоятельством места и именным компонентом сказуемого: *Кæм цæрыс?* (Где живешь?); *Уæ хæдзар кæм ис?* (Где есть ваш дом?) Без связочного глагола *уæвын* (есть) оно может быть использовано в неполном предложении – *Кæм ис сывæллон?* (– Где находится ребенок?); (– *Кæм?* (– Где?))

Как отмечает Ю.А. Рубинчик, довольно редко в роли сказуемого используются междометия со звательным алефом (*alefe neda* ‘алефом возгласа’) (в основном в поэтической речи). Л.С. Пейсиков приводит стихотворный отрывок Хафеза: *Xosa Siraz-o vaz ‘-e Bimesal-as Xodavanda negah diir az zaval-as* ‘Красив Шираз вид, и слава высока. Да сохранит его господняя рука’ [Пейсиков 1959:

380]. В этом примере междометие *xosa* ‘хорошо’, ‘прекрасно’ выступает как сказуемое по отношению к двум однородным подлежащим. Его можно было бы сравнить с именным сказуемым: *xos ast* ‘прекрасно’.

3.2.4.1.2.2. Составное именное сказуемое

Составные сказуемые бывают выражены знаменательными частями речи в именной части и вспомогательными глаголами (в составном глагольном сказуемом) и глагольными связками (в составном именном сказуемом). Сочетание этих частей в составных сказуемых в осетинском и персидском языках несколько отличаются, но имеются и схожие структурно-семантические свойства.

Именная часть сказуемого, «называемая предикативом, предикативным, присвязочным членом, является семантическим центром сочетания» [Рубинчик 2001: 431, 432]. Она выражается в персидском языке существительным, прилагательным, местоимением, числительным, инфинитивом, причастием. Из этого перечня в осетинском языке нет инфинитива.

Считается, что в ПЯ составные сказуемые с местоимениями и числительными в именной части встречаются нечасто. Кроме того, эти части речи не вносят ничего нового в структуру именного сказуемого по сравнению с уже рассмотренными именными частями речи.

В персидском языке имена обычно не выступают в функции сказуемого без связки. «Однако эта общая закономерность может нарушаться некоторыми случаями усечения (и даже пропуска) глагольной связки в разговорной речи, в пословицах и поговорках, крылатых выражениях: *Molla sodan asan, adam sodan moske* / ‘Муллою стать легко, человеком – трудно’; *Az go/ bu-yi, az xers tu-yi* (‘С паршивой овцы хоть шерсти клок’ (букв. ‘С цветка – запах, от медведя – хоть волосок’)).

Со связками «приведенные пословицы и поговорки звучали бы невыразительно и неритмично» [Рубинчик 2001: 432]. В письменном языке связка может иногда опускаться по стилистическим соображениям, а часто употребляется в сокращенной форме: *Mas 'a/e rowsan-e* 'Вопрос ясен'; *Har kas be fekr-e xis-e, kuse be fekr-e ris-e* 'У кого что болит, тот о том и говорит' (букв. 'Каждый думает о себе, а человек с реденькой бородкой – о настоящей бороде').

В персидском языке связка «обычно отсутствует после вопросительного наречия *ku?* 'где?': *Ahmad ku?* 'Где Ахмад?'; *Estekan ku?* 'Где стакан?' [Рубинчик 2001: 432]. В осетинском языке такой пропуск невозможен: *Кæм и лæппу?* (Где есть мальчик?)

В целом пропуск связки объясняется стремлением сделать речь лаконичной, выразительной и эмоциональной.

В осетинском языке связки *уæвын* (есть), *вæййын* (бывают) могут опускаться, как и в персидском языке, в пословицах, загадках, крылатых выражениях, в поэтических текстах: *Æз уæд дæр, ныр дæр – мæлдзыг*, / *Ды æдзых цæргæс дæ* (Дж.Ш.) (*Я и тогда, и сейчас – муравей* / *Ты всегда орел есть*), в предложениях, где логическое ударение в предложении ставится на именной части: *Æз – адæймаг* (*Я человек*), а особенно часто – в разговорной речи.

3.2.4.1.2.3. Связочные глаголы

и их эквиваленты

Глагол как полнозначное слово выступает в функции простого глагольного сказуемого или, будучи связочным либо полусвязочным, объединяется с другими знаменательными частями речи.

К связочным глаголам в ПЯ относят такие служебные глаголы, которые «свободно сочетаются с предикативами, образуя именное сказуемое. Они выражают отвлеченное значение; к ним относятся глагол-связка *hast* (и его краткие формы) 'есть', глагол *budan* 'быть' [Рубинчик 2001: 433].

В осетинском языке схожие функции выполняют отвлеченные глаголы-связки *уæвын* (быть), *вæййын* (бывать) с приставками *а-*, *ба-*, *ра-*, *с-*, *фæ-* и другими, наделяющими эти глаголы разной семантикой: *ауын* (стать), *бауын* (превратиться, стать), *суæвын* (стать), *равæййын* (превратиться, стать) и др., а также полужнаменательные глаголы (глаголы с ослабленным лексическим значением): *зынын* (казаться), *касын* (казаться, видеться), *дарын* (держат) и др. [Багаев 1982: 95]: *Мæ цард мæм кастис рæсугъд аргъау* (П.Г.) (Моя жизнь мне казалась красивой сказкой).

Благодаря этим связкам сказуемые способны выразить множество значений. Именную компоненту сказуемого в ОЯ образуют имена существительные и местоимения (в именительном, родительном, дательном, отложительном, во внешнем местном и уподобительном падежах), имена прилагательные, причастия, числительные и наречия.

Сказуемое с существительным и местоимением (в именительном падеже) в именной части и со связкой *уæвын* (есть) означает, кем или чем является предмет, выраженный подлежащим (*Нæ зымæг ингæн у, йæ зæйтæ – нæ мæт* (Х.Къ.) (Наша зима букв.: могила есть, ее лавины – наша тревога); *Ай дын чи у?* (Хъайт. А.) (Этот тебе букв.: кто есть?))

С существительными и местоимениями (в родительном падеже) и связкой *уæвын* (есть) сказуемое выражает принадлежность предмета или лица (*Чыргæд мæн у* (Корзина моя есть) и др.

Сказуемые, выраженные существительными, прилагательными и местоимениями в именительном падеже, со связкой *вæййын* (бывать) обозначают длительное состояние (*Уый искæй цур лæг вæййы* (Он в чем-то присутствии бывает мужчиной); *Зымæг нæм вæййы узал* (Зимой у нас бывает холодно).

Сказуемые с существительными (в именительном падеже) и со связками *фæуын* (стать), *фестын* (стать) обозначают бы-

строе превращение предмета, выраженного подлежащим, в новый предмет (*Дон их фестад (Вода превратилась в лед* (букв.: *стала льдом*)).

Со связками *суэвын, свэййын (стать)* сказуемое выражает, кем или чем станет предмет, выраженный подлежащим (*Люба сси дохтыр*) (*Люба стала врачом*) и т.д. Значений, которые получает составное именное сказуемого благодаря связкам, в осетинском языке очень много [Багаев 1982: 98-110].

В персидском языке также развита система связок. Глагол *sodan* ‘становиться’ несколько отличается от названных глаголов наличием – хотя и отвлеченного – лексического значения, связанного с проявлением признака: *И diinesju ast* ‘Он студент’ и *И dane ju sod* ‘Он стал студентом’. В современном персидском языке употребляются два синонима этого глагола: *gastan* и *gardidan*. Глагол *sodan* и его синонимы в силу особого лексического значения могут быть отнесены к полусвязочным глаголам. Употребление двух синонимов глагола *sodan* носит книжный характер.

В составе именных сказуемых предикативы в ПЯ сочетаются и с предлогами, которые вносят различные оттенки значения в семантику сказуемых: *az* ‘от’, ‘из’, *bariye* ‘для’, *con* ‘как’, ‘подобно’, *mesl-e, miinand-e, nazir-e* ‘как’, ‘подобно’ и т.д.

К перечисленным разновидностям связочных глаголов в ПЯ примыкает ряд глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний, образующих многочисленные семантические варианты именного сказуемого: *be nazar rasidan* ‘казаться’, *jelve kardan* ‘представляться’, ‘выглядеть’, *ma’l_sub sodan* ‘считаться’, *nemudan* ‘казаться’ и др. Эти глаголы и глагольные словосочетания объединяются со связочными глаголами в функциональном отношении. Обладая более конкретной семантикой, они вступают в сочетание с ограниченным числом предикативных членов, и поэтому сфера их употребления значительно уже сферы употребления других связочных глаголов.

С существительными и местоимениями, как считают, глаголы подобного рода в персидском языке не объединяются в сказуемые [Рубинчик 2001: 441-442].

Инфинитив глагола, подобно существительным со значением действия, Ю.А. Рубинчик считает именной частью составного именного сказуемого. «Именные свойства инфинитива проявляются довольно отчетливо, так что почти во всех случаях он может быть заменен в этой функции на существительное с таким же значением (*Qasd-amfarib dadan-e u nabud* ‘Моим намерением не было его обмануть’ (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 443]. Эти сказуемые в осетинском языке относятся к составным глагольным сказуемым.

В роли простого сказуемого может выступать и другой вид глагольных фразеологизмов – многочленные глагольные фразеологизмы. К ним относятся устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более лексем. Большинство многочленных глагольных фразеологизмов имеет приблизительно одинаковое строение – два-три имени, связанные между собой разными грамматическими способами, плюс инфинитив глагола: *tartib-e asar dadan* ‘реагировать’, ‘принимать к исполнению’ (букв. ‘упорядочивать след’).

В ОЯ полужнаменательные глаголы образуют именные сказуемые с существительными (*Хæсмæт ын æййæфта дæрдаг хæстæг* (Б.Г.) (*Хасмат доводился ей дальним родственником*); *Карум ... ныццавта Хазбийы зарæг* (Коц. А.) (*Карум ... запел песню о Хазби* (букв.: ударил песню), наречиями (*Дæ фидис дын зынаргъ слудзæнис* (*Твоя хула тебе дорого обойдется* (букв.: встанет), неделимыми словосочетаниями (*Мæ фыды нымадтой лæгау лæгыл* (*Моего отца считали* (букв.: подобного мужчине, мужчиной) [Цопанова 2022: 174].

Выделяемые в ПЯ глагольно-именные сказуемые, состоящие из двух полнозначных частей: глагола и именной части следует

считать, на наш взгляд, сложными сказуемыми, так как здесь видим «модификацию двух основных типов – глагольного и именного» [Валгина 1991: 112]. Например, такие: *Qasd-amfarib dadan-e u nabud 0* ‘Моим намерением не было его обмануть’ (Аляви. Ее глаза); ‘*Dar an otaq blmiir parvarde sode-am* Я выросла (букв. была выращена) больной’ (Аляви. Ее глаза).

3.2.4.1.2.4. Составное глагольное сказуемое

Составные глагольные сказуемые в осетинском языке состоят из двух глаголов: неопределенных форм глаголов (с суффиксами *-ын* и *-æн*) и вспомогательных глаголов различной семантики и грамматического значения. Вспомогательные глаголы делятся на следующие виды: фазисные (обозначают начало, продолжение или конец действия), модальные (обозначают намерение, желание, волеизъявление, возможность и др.), отвлеченные глаголы (*уæвын* (быть), *вæййын* (быть, бывать), ползузнаменательные глаголы (*лаæууын* (стоять (дзурыныл ныллаæууыд – принялся говорить), *сисын* (хыл кæнын систа – начала ссориться; *Уыцы æнахуыр æвзар дидинаг æфтауын систа* (Ниг.) (Тот необычный росток начал цвести).

Неопределенная форма глагола с суффиксом *-æн* и деепричастие составные глагольные сказуемые образуют с вспомогательным глаголом *уæвын* (быть) в 3 лице ед. числе во всех грамматических формах, часто бывает с отрицательной частицей *на* (не (наей): (*Хæхтæн сæ бынатæй фæзмæлæн ис?* (Горы можно (букв.: есть) сдвинуть с места?); *Уый зын зонæн нау* (Б.Гр.) (Это не трудно узнать); *Æнæ халгæ йын най* (Его нельзя не разрушить (букв.: нельзя не разрушая).

Составное глагольное сказуемое в ОЯ еще бывает выражено каузативной формой глагола: *Йæ зæнг-у ын хурмæ радарын кодта* (Бар. Г.) (Заставлял ее выставять ногу на солнце) и др.

В персидском языке этот тип сказуемого называется «сложным глагольным сказуемым» и так же, как и в осетинском языке, представлен двумя знаменательными глаголами. Сказуемое, благодаря модальным глаголам, «выражает различного рода модальные отношения субъекта действия к самому действию (*И mīxahad kscir kopad* ‘Он хочет работать’ (желание, стремление); *И mītavcinad kscir kopad* ‘Он может работать’ (возможность)» [Рубинчик 2001: 426]. Модальные глаголы могут составлять синонимические ряды.

Как особый тип сказуемого в ПЯ указывается сказуемое – «глагольное сочетание направительно-целевого характера». Его особенность в том, что вспомогательные глаголы, обозначающие движение и положение в пространстве, включая глаголы состояния, могут сочетаться с основным глаголом в форме одного из времен сослагательного наклонения (чаще с формой аориста) и образуют сложное сказуемое направительно-целевого характера. По его же словам, это сказуемое не следует выделять как особый тип сказуемого, так как «По структуре это сказуемое ничем не отличается от сказуемого «модальный глагол плюс сослагательное наклонение основного глагола» [Рубинчик 2001: 429].

3.2.5. Второстепенные члены предложения

В персидском и осетинском языках выделяют одни и те же второстепенные члены предложения. Это – дополнение, определение и обстоятельства (или обстоятельственные слова).

3.2.5.1. Дополнение

Дополнение обозначает объект действия или состояния. В осетинском языке отвечает на падежные вопросы, кроме родительного-

го (*каем?* (*где?*), *цаем?* (*где?*) и уподобительного (*кайау?* (*подобно кому?*), *цайау?* (*подобно чему?*) и как член предложения бывает связано с глаголами (*Æрзындис æм Хъобаны æнкъард цæсгом* (С.У.) (*Показалось ему грустное лицо Кобана* (название местности), инфинитивом (*Зæрдиагæй архайдтой Уæлахизы Бон æрхæстæг кæныныл* («Рæст.») (*Самозабвенно старались приблизить День Победы*), с отглагольными существительными (*Йæ лæппуы æрбаздæхтæ æнхæлмæ касты*) (*Она ждала возвращения своего сына*), с существительными, обозначающими действие (*тох* (*борьба*), *быцау* (*спор*), *загъд* (*ссора*)) (*Лæппуты быцау хылмæ расайдта* (*Спор мальчиков закончился дракой*), с прилагательными в сравнительной степени (*Йе ’ууæлтæ йын мæнæй хуыздæр ничи зоны* (*Его повадки лучше меня никто не знает*), с прилагательными *цух* (*неполный*), *дзаг* (*полный*), *æххæст* (*целый, полный*)) (*Æхсырæй дзаг къæрта æвæрд уыд стъолыл* (*Полное молоком ведро стояло на столе*), с причастиями (*Дымгæ мит фелвасы æмæ йæ бакалы ихæнæй ризæг адамыл* (Б.М.) (*Ветер поднимает снег и бросает на дрожащих от холода людей*), деепричастиями (*Адамаен салам ратгæйæ, Ахбол...* (С.У.) (*Поприветствовав людей, Ахбол...*)) и др. Оно бывает выражено изменяемыми частями речи: именами существительными, местоимениями с предлогами и послелогоми и без них, количественными числительными, инфинитивом с суффиксом *-ын*, нечленимыми и фразеологическими словосочетаниями. Средство связи с зависимыми словами – управление.

Хотя в синтаксисе персидского языка не дается полный перечень о связи дополнения с различными членами предложения-частями речи, думается, что в этом осетинский и персидский будут совпадать.

Так как в персидском языке не существует падежных систем, управление «выражается аналитическим образом, в структурах с приставками или постфиксами, изафетными или другими спосо-

бами» [Мохамм. 2015], в том числе развитой системой предлогов и послелога *-ra*

Для подчинительной связи управление в осетинском языке помимо падежных форм используются послелоги *онг (до)* – *хæдзары онг (до дома)*, *мæн онг (до меня)*, *æнгæс (подобный)* – *мады æнгæс (на мать похожий)*, *йæддæмæ (кроме)* – *мæн йæддæмæ (кроме меня)* и др., предлоги *æд (с)* и *æнæ (без)* – *æд чиныг (с книгой)*, *æнæ чиныг (без книги)*.

В персидском языке классификация дополнений дается в зависимости от категории слова, к которому относится дополнение: «выделяются дополнения приглагольное (зависит от глагола) и приименное (зависит от существительного, инфинитива или прилагательного)» [Рубинчик 2001: 452]. В осетинском языке дополнения можно дифференцировать так же.

3.2.5.2. Определение

Определение – второстепенный член предложения, обозначающий качество, признак, свойство, принадлежность, порядковый номер предмета.

В осетинском языке определение за редким исключением стоит перед определяемым словом и связывается с ним управлением и примыканием, а в персидском языке определение чаще бывает в постпозиции. Постпозитивные определения связываются с определяемым словом при помощи изафета, предлогов, а иногда путем примыкания.

Материал об определении смотрите в разделе «Словосочетание» («Атрибутивные словосочетания»).

3.2.5.3. Обстоятельство

Обстоятельство – второстепенный член предложения, определяющий как, когда, каким образом, в какое время, в каких услови-

ях, по какой причине и т.д. происходит действие или состояние как процесс.

В осетинском языке обстоятельства в первую очередь бывают выражены наречиями. Кроме того, падежными формами существительных, местоимений, инфинитивом с предлогами и послелогами и без них, деепричастиями, нечленимыми и фразеологическими словосочетаниями.

В функции обстоятельства в персидском языке, помимо наречий, выступают также существительные с предлогами и без них, причастия, инфинитивы глаголов и другие части речи, подвергшиеся субстантивации и адвербиализации и словосочетания, нечленимые (*Se sal qabl xanevade-ye ma be in sahr naql-e maktin kard* 'Три года тому назад наша семья переехала в этот город') и фразеологические.

Обстоятельства в предложении бывают связаны с личными формами глаголов, инфинитивом, отглагольными существительными, с прилагательными в сравнительной степени, причастиями и деепричастиями.

Обстоятельства в осетинском языке делятся на несколько групп в зависимости от выражаемого значения: обстоятельства образа и способа действия, степени, места, времени, меры, причины, цели, условия. В персидском языке помимо них выделяется еще обстоятельство уступки.

Обстоятельство образа действия обозначает «качество действия и состояния, а также способ совершения действия или проявления признака» [Валгина 1991: 139]. Они бывают выражены наречиями (*Ah-mad beliiderang bargast xane* 'Ахмад немедленно возвратился домой'), существительными с предлогами *æd* (сæ) и *ænæ* (без) (*Мæхинымæр æнæ 'фсæрмæй кæуын* (Дж.Ш.) (Про себя без теснения плачу); *Картофтæ æд агъуд афыхта* (Картошку в мундире отварила); *Madar-as bii ezteriib in kalamat-ra tekrar mikar*

‘Его мать с волнением повторяла эти слова’); с послелогоми *руаджы* (благодаря), *фæрцы* (благодаря), *уæлныхты* (поверху букв.: на ногтях), местоимениями с послелогоми (*Хосы сау тымыгъ йæ разæй Ласæджы ыскъæфы* (Дж.Ш.) (*Сена черная буря несет перед собой Возницу*)), деепричастиями (*Уынаер, хохы фæхстыл йæхи хойгæ, афардаг вæййы кæмтты* (Дз.К.) (*Грохот, ударяясь о горные склоны, улетает по ущельям*)), нечленимыми словосочетаниями (*Цæуын хъæуы хæдзарæн лæгæй балцы* (Дж.Ш.) (*Идти следует по мужчине из семьи в поход*)), фразеологическим словосочетаниями (*Цæрыныц «а» æмæ «о»-йæ* (*Живут в согласии* (букв.: с «на» и «да»)); *Man az samim-e qalb be u tabrik miguam* ‘Я от всего сердца поздравляю его’).

В персидском языке в этом перечне нет существительных с послелогоми.

Обстоятельство способа совершения действия или проявления признака в осетинском языке выражается существительными, местоимениями, инфинитивом с послелогоми, выражающими отношения средства, способа: *руаджы* (благодаря), *фæрцы* (благодаря), *уæлныхты* (букв.: «поверх ногтей»), *æфсон* (по поводу), *æнхъæлæй* (по предположению) (*Уый фæрцы æнæ хойраг нæ баззайдзыстæм* («Рæст.») (*Благодаря этому без провизии не останемся*)); наречиями (*Чыныг райстон лæвар* (*Книгу получила даром*)); *Тыхæй дыл нæ хæцын* (*Не держу тебя силой*); *Фистæгæй ацыдысты*; деепричастиями, деепричастными оборотами (*Уидагтыл хæцгæ, уайтагъд йæхæдæг дæр уæлæмæ схызтис* (Б.Гр.); *Дидинджыты урс хаутæ, тыбартыбургæнгæ, тæхын байдайыныц* (Хъайт.А.) (*Белые лепестки цветов, танцуя, начинают летать*)) и посредством сравнения.

В персидском языке, как указано, обстоятельство способа совершения действия бывает выражено причастными формами, но в приводимых предложениях в этом значении даются деепричастные обороты: *Mard-i-ra didam-ke astizantin dar hasiye-ye xiyaban*

migozast ‘Я увидел мужчину, который, опираясь на палку, шел по обочине улицы’ [Рубинчик 2001: 472]. Кроме того, они бывают выражены наречиями (*Bezur be in natije nemitavan rasid* ‘Насильно такого результата не достигнешь’), существительными с предлогами (*J Dar hame Jahiyyi-ke besyari az mardom dar entezar budand, Haji bti ezzat-o ehtertim va bedun-e kamtarin mane’vared misod...* ‘Во все места, где многие из людей находились в ожидании Хаджи свободно входил с достоинством и уважением и без лишних помех ...’ (Хедаят. Хаджи-ага); сравнительным оборотом: *J Bad mesl-e sag-e velgard zuze mikesid* ‘Ветер завывал, как бродячий пес’, фразеологическими словосочетаниями различных типов: *Be towr-e peygir owza’badtar misod* ‘Положение постоянно ухудшалось’.

Обстоятельства времени обозначают время совершения действия или проявления состояния, их продолжительность и меру (*кад?* (когда?), *час растаг?* (сколько времени?), *кадаей нырма?* (с каких пор?), *кадма?* (до каких пор?) и др.

Они бывают выражены различными частями речи: наречиями времени с послелогоми (*Уалдзаэджы дэргъы уыцы чиныг нэ фаџух Гэбила хызынаей* (Дз.К.) (В течение весны эта книга лежала в котомке Габилы) и без послелогов (Макуы бахъав дымгэиыныхма (Б.А.) (Никогда не иди против ветра), существительными с послелогоми (*фаэста* (после), *разма* (перед), *агъомма* (до), *онг* (до), *дэргъы* (в течение), *мидэг* (в течение), *аввахс* (к букв.: близко), *уэлвэд* (вслед), *хаэстаг* (около), *аердаэм* (к), инфинитивом (с суффиксом -ын) с послелогоми (*Аэма фыдгаэнд йа ракаеныны разма / Нымад куы у аелгъаг мийыл* (Шекс.), нечленимыми словосочетаниями с наречиями (*Райсомай раджыйа изары талынгтаэм нэ цыдис хъаума* (Мамс.Д.) (С утра пораньше до вечерней темноты не шел в село); количественно-именными словосочетаниями, фразеологическими словосочетаниями, обозначающими время (*Царынаей хаерынма гадывад лаг уыди* (ИАС) (Всю жизнь (букв.: с жизни до поедания) был лживым человеком).

В ПЯ обстоятельство времени может быть выражено: наречиями времени (*farda* ‘завтра’, *hamise* ‘всегда’), именами существительными с предлогами и без предлогов (*pas az amadan-e madar* ‘после прихода матери’, *ruz-e digar* ‘на следующий день’), инфинитивами глаголов в сочетании с предлогами и существительными, обозначающими время (*az vaqt-e fahmidan-e in haqiqat* ‘со времени понимания этого факта’, *hangam-e rasidan Be hadaf* ‘в момент достижения цели’), сочетаниями имен существительных временного значения с количественными числительными (количественно-именными словосочетаниями), а также сочетаниями имен существительных с порядковыми числительными (*jJ duJ se ruz-e Ba* ‘d ‘в последующие три дня’), фразеологическими словосочетаниями со значением времени (*l jl az in Be pas* ‘после этого’, ‘с тех пор’, ‘отныне’, *ahd-e sah Vezvezak* ‘при царе Горохе’, ‘во времена оны’) и др.

Обстоятельства времени способны выражать или не выражать временной предел. С этой точки зрения они делятся на обстоятельства, характеризующие действие без указания на конкретный временной предел (*Ruz/ui-ye tt1’il blrun-e sah miravim* ‘В выходные дни мы выезжаем за город’), и обстоятельств, характеризующих действие с указанием на временной предел (*Pas az bar-gastan Be mihan nevisande se kitab-e digar-ra ta* ‘Цf kard ‘После возвращения на родину писатель написал еще три книги’) и др.

Эти значения обстоятельства времени имеются и в осетинском языке.

Обстоятельства места обозначают место действия, направление действия и конечный пункт (*кæм?* (где?), *кæцæй?* (откуда?), *кæдæм?* (куда?), *кæды онг?* (до какого места?))

В первую очередь бывают выражены наречиями места (*разæй* (впереди), существительными (*Be jangal* ‘в лес’), местоименными наречиями (*inja* ‘здесь’, *anja* ‘там’, *koja?* ‘где?’, ‘куда?’, *кæд?* (ког-

да?), *dar hameja* ‘всюду’, ‘повсюду’, ‘езде’), нечленимыми словосочетаниями (*арвы риуыл (на груди неба)*) и др.

Обстоятельства меры

Обстоятельства меры дают количественную характеристику действия и могут выражать длительность во времени, меру пространства, меру веса, стоимость (*цас?* (сколько?), *цайбæрц?* (сколько?)) Они бывают связаны с глаголами (*Mafaqat se saat gardej kardim* ‘Мы гуляли только три часа’) [Руб. 416], наречиями (*Чысыл фæстæдæр хыл аппæрста* (Б. Мыс.) (Чуть попозже выпросил жердь), существительными, прилагательными (*Йæ рæсугъд, зына-назына дæргъæлвæс цæсгом хурау ныррухс* (Б.М.) (Ее красивое, чуть-чуть вытянутое лицо засветилось, подобно солнцу).

Эти обстоятельства выражаются наречиями меры (*Цастæ бавзæрстой нæ адæм, цастæ!* (Сколько перенес наш народ, сколько!)), количественно-именными словосочетаниями (*Mafaqat se saat gardej kardim* ‘Мы гуляли только три часа’), субстантивированными числительными (*Æртæйæ сын æнцон архайæн уыдаид* (Б.Гр.) (Втроем бы им легко было действовать); нечленимыми словосочетаниями, в составе которых послелог (*Кæм ис, дæ хорзæхæй, ныр цалдæр боны дæргъы?* (П.Г.) (Где он, скажи, пожалуйста, в течение нескольких дней?)) и др.

Обстоятельства причины

Обстоятельства причины (*цамæн?* (почему?), *цай тыххæй?* (из-за чего?), *цай фыдæй?* (из-за чего?), *цы æфсонæй?* (по какой причине?)) указывают на причину возникновения действия.

Они выражаются сочетанием абстрактных существительных, местоимений и инфинитивов глаголов с предлогами *az* «от», *dar asar-e*, *dar natije-ye* ‘в результате’, ‘вследствие’, *bar sar-e* ‘из-за’ (*Be xiiter-e Bimari natavanest sar-e dars blyiiyad* ‘Из-за болезни он не мог прийти на занятия’) и др.

Обстоятельства причины выражаются также наречиями причины (*Фырцинæй йæ цæстытæ доны разылдысты* (Дз.Т.) *(От радости глаза заблестели от слез)*); местоимениями (*Цæуыл мæ нæмыс?* (Боц.Б.) *(Почему меня бьешь?)*), местоимениями с послелогами причины (тыххæй (из-за), фыдæй (из-за), сæраппонд (за), аххосæй (по причине), охыл (за, из-за), фæдыл (за) (*Рæдыд мыл æрцыд дæу аххосæй* (Б.Е.) *(Я ошибся из-за тебя)*); существительными (*Сæ мулк сæ чъындыæ æхгæд чырынты дарынц*) (*Свое добро по жадности держат в закрытых сундуках*), существительными с послелогами (*Æвирхъау хъызæмæртты йæ уд исдзæн / Дæ хивæнддзинæдты тыххæй* (Шекс.); нечленимыми словосочетаниями (*Зæххы цинай сыл æхсæв хуыссæг нал хæцыд* (Хъайт.А.) *(Радость от земли не давала им ночью заснуть)*) и др.

Обстоятельства цели

Обстоятельства цели обозначают цель совершения действия (*цæмæн?* (почему?), *цæмæ?* (почему?), *цæвæр нысанимæ?* (с какой целью?). Они выражаются сочетанием имен существительных, местоимений и инфинитивов глаголов с предлогами: *jəhat-e* ‘для’, *mahz-e* ‘ради’, ‘для’) (*Be xater-e soma inja amade-ast* ‘Он пришел сюда ради вас’; *Baraye serkat dar mozakeriit nemayandegan-e kesvarhaye Orupa vared-e Paris sodand* ‘Для участия в переговорах в Париж прибыли представители европейских стран’); *Баххуыс кæныны тыххй фæзындтæн* (*Я появился помочь*), причастиями и причастными оборотами (*Йæ дарддæр балц саргъы бæхыл – Дермецыкк, уыгæрдæн бæрæггæнæг* (И.Æ.) (*Его самый дальний поход на коне – Дермецыкк, луг наведать* (букв.:наведывающий), существительными (*Æмæ нæм ничи рацыдис æххуысмæ* (П.Г.) (*И никто к нам не пришел с помощью*)), наречиями (*Цæмæн хъæуæм Чермены?* (П.Г.) (*Зачем мы нужны Чермену?*)), нечленимыми словосочетаниями (... *æмæ дæ кады лæгæн агурдзысты* (Н.к.) (... *и будут тебя ис-*

кать как человека чести); фразеологическими словосочетаниями (*Сæ маст сисынмæ йæм къухбакæнæнтæ агуырдой* (Н.к.) (Чтобы отомстить (букв.: злость поднять) ему искали способы) и др.

Обстоятельства условия

Эти обстоятельства обозначают условие, при котором совершается действие (*цавæр уавæры? (при каком условии?), кæд? (когда?)*). Они имеют весьма ограниченное распространение.

В персидском языке в роли обстоятельства условия выступают имена существительные абстрактные (часто со значением действия) и инфинитивы глаголов с отыменным предлогом (*Dar surat-e voqu ‘-e xatar biyyad rihi-e digar-i entexab tard* ‘В случае возникновения опасности следует избрать другой путь’; *Pedar gofi: dar surat-e dir timadan-as az u moaxeze bekonid* ‘Отец сказал: «Если он поздно возвратится (букв. в случае его позднего возвращения), накажите его»’).

В осетинском языке обстоятельства условия бывают выражены деепричастиями (*Цæугæ-цæуын йæ уæраг тынг рысти* (При ходьбе (букв.: идя) колено сильно болело) и деепричастными оборотами (*Сыхæгты ус, хæфсы фенгæйæ, дон нал ахаста?* (С.Л.) (Соседка, увидя лягушку, не набрала воду), причастным оборотом (*Леуахи, йæ урс кæрцы нуæрстæй, /Зымæджы нæртон аргъау кæны* (Гуыц. М.) (*Леуахи (река), закутанная в белую шубу, / Рассказывает удивительную зимнюю сказку*).

Обстоятельства уступки

Этот вид обстоятельств называет фактор, который не приводит к ожидаемому (ожидавшемуся) следствию. Они могут выражаться именами существительными и инфинитивами глаголов в сочетании с предлогами: *ба воjud-е* ‘несмотря на’, *бар хелæфæ, сарфæ pazар аз* ‘невзирая на’, ‘независимо от’, ‘вопреки’, ‘несмотря на’

(*Ba vojud-e kar-e ziyad dar in ruzha manzel-etan sar mizanam* ‘Не смотря на большую занятость, в эти дни обязательно загляну к вам домой’).

В осетинском языке обстоятельства уступки не выделяется.

Обстоятельства сравнения

Эти обстоятельства обозначают способ совершения действия посредством сравнения одного предмета с другим (*цæйау?* (подобно чему?), *кæйау?* (подобно кому?), *цæй хуызæн?* (на что похожий?), *кæй хуызæн?* (на кого похожий?).

Они выражаются одиночными сравнениями (именами существительными, местоимениями без предлогов или с предлогами) (*Дзырд сыфтæрау йæ хуыз куы ива, / Уæд нызгъæлаен и лæг* (Дж.Ш.) (Если слово, подобно листве, будет менять свой цвет, то мужчина пропал (букв.: рассыпался); или сравнительными оборотами (*Райдиданы, сасирæй луарæгау, лыстæг сæлфынæг хаста* (Б.М.) (Вначале, будто просеивая из сита, шел мелкий дождь); *Бадтæн уæлвонгæй, куыд лæппын цъиу йæ хъузджы* (Ниг.) (Сидел высоко, как птенец в своей скорлупе), существительным в отложительном падеже (*Судзгæ зды фыцы мæсыджы русыл, лауызæй хауы йæ бынмæ* (Дж.Ш.) (Раскаленный свинец падает на щеку башни, блином падает вниз).

В русском языке обстоятельства сравнения включаются в состав обстоятельств способа совершения действия [Валгина 1991: 139].

По семантике и морфологическому выражению обстоятельственные слова в персидском и осетинском языках в целом совпадают. Основное отличие заключается в том, что в персидском языке не используются падежные формы, не выделяется обстоятельство уступки и сравнения.

3.3. Односоставные предложения

Исследование односоставных предложений в русском языкознании начинается с трудов А.А. Шахматова и его работы «Синтаксис русского языка». В этой работе автор первый раз выделяет односоставные предложения как особый тип простых предложений и уделяет большое внимание их описанию и выделению типов односоставных предложений. А.А. Шахматов, как и другие лингвисты до и после него, в качестве грамматического центра и главных членов предложения, выделяет субъект и предикат, т.е. подлежащее и сказуемое. Предложения, «в которых указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения (выраженном большей частью одним словом), А.А. Шахматов называет односоставными предложениями [Шахматов 2001: 30]. Данная классификация хотя не соответствует современной, она послужила основой для будущих классификаций односоставных предложений

В.А. Белошапкова наряду с подлежащим и сказуемым выделяет «главный член односоставного предложения». Это – «особое синтаксическое явление: он один составляет предикативную основу предложения» [Белошапкова 1977: 91].

В определении состава односоставных предложений в синтаксисе нет единой точки зрения. Так, не всегда выделяются определенно-личные односоставные предложения. Не определен до конца статус инфинитивных и генитивных предложений. В академической Грамматике-80 при классификации односоставных («однокомпонентных») предложений исходят из формы главного слова. В ней не представлены предложения с определенно- и обобщенно-личным значением [Русская грамматика 1980: 43.].

При исследовании односоставных предложений в персидском и осетинском языках мы придерживаемся традиционной классифи-

кации односоставных предложений и выделяем следующие типы: глагольные односоставные предложения (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные) и именные односоставные предложения (номинативные).

В осетинском языке не выделяют инфинитивные и генитивные предложения. Считается, что «в персидском языке инфинитив сам по себе не может сформировать предложение» [Али Мадаени Аввал 2012: 43].

3.3.1. Определенно-личные предложения

В персидском языке нет единой классификации односоставных предложений. Так, из перечня односоставных предложений Л.С. Пейсиков исключал определено-личные предложения [Пейсиков 1959: 235].

Ю.А. Рубинчик эти предложения не считает характерными для персидского языка, хотя следующим образом описывает их морфологическую форму: «В определено-личных предложениях глагол-сказуемое стоит в форме 3-го лица ед. и мн. числа: *Gofi* ‘Сказал’; *J Rafi* ‘Ушел’; *Misazand* ‘Строят’». Он считает их неполными определено-личными предложениями. По мнению исследователя, от обычных определено-личных предложений они отличаются тем, что в смысловом плане более тесно связаны с предыдущим контекстом.

Предложения, в которых глагол-сказуемое стоит в форме 3-го лица ед. и мн. числа, в осетинском языке считаются двусоставными неполными. Без контекста или обозначения ситуации речи субъект действия нельзя указать точно или неопределенно, как это происходит в определено- или неопределенно-личных предложениях.

3.3.2. Неопределенно-личные предложения

Неопределенно-личные предложения в осетинском и персидском языках определяются одинаково. Главный член бывает выражен глаголом в форме 3-го лица мн. числа и обозначает действие, совершаемое неопределенными лицами: *Soma-ra pa-ye telefon xas-te-and* 'Вас просят к телефону'; Газеты йе сзыхтдзинадыл арæх фæффыссыны (Дз.Т.). (В газете часто пишут о его подвигах).

В неопределенно-личных предложениях внимание говорящего сосредоточено на действии, указание же на действующее лицо не представляется важным. Действующее лицо может быть известно, но оно намеренно не указывается: *Dust-am-rii baraye sahar mah Be ta* 'muriyuat ferestadand 'Моего друга на четыре месяца послали в командировку'; Æмæ сæ рагацау цæуылнæ сцæттæ кодтой? (Б.Е.) (А почему их не подготовили заранее?)

3.3.3. Обобщенно-личные предложения

К обобщенно-личным предложениям Ю.А. Рубинчик относит «бесподлежащие предложения, главный член которых обычно выражен глаголом в форме 2-го лица ед. числа, в форме повелительного наклонения или в форме 3-го лица мн. числа» [Рубинчик 2001: 386].

В осетинском языке также в обобщенно-личных предложениях сказуемое преимущественно бывает выражено глаголом во 2-ом лице ед. числе и в 3-ем лице мн. числе.

Глаголы в осетинском языке в этих предложениях используются во всех наклонениях: повелительном (*Гъеныр уыдон зондаёй бафæрс!* (Гуыц.Ал.) (Ну иди и требуй (букв.: спроси) у них ума), сослагательном (*Бонаен изæрæй куы нæ тæрсай, уæд цард не*

ссардзынае (Амб.) (*Если не будешь бояться, что день перейдет в ночь, то не найдешь жизни*), реже – в изъяснительном (*Цаут фистаггаей Араффы быттыл уаламае* (Мамс.Д.) (*Идете пешком по берегу Уруха наверх*)).

Основным назначением обобщенно-личных предложений является «образное выражение общих суждений, широких обобщений» [Валгина 1991: 170]. Отсюда они широко представлены в народных пословицах и загадках: *Ус куы курай, уад аей йа мадаей бафэрс* (*Когда женишься, спроси о ее матери*); *Хорз ма ракаен амае фыд ма ссарай* (*Не делай добро и не получишь* (букв.: *не найдешь*) зло).

Использование этого типа односоставных предложений обычно в художественных текстах, где читатель представлен обобщенно: *Ныббар мын, каед-иу дам мае зараэг кауагау факаеса, мыййаг...* (Х.Къ.) (*Прости меня, если моя песня покажется тебе плачем...*)

В обобщенно-личных предложениях глагол бывает и во 2-ом лице мн. числе и встречается, например, в официальных постановлениях, договорах, пожеланиях: *Уахи хъахъхъаенут рауджыты низаей* («Рæст.») (*Берегите себя от туберкулеза* (букв.: *болезни легких*)).

Обобщенное значение предложения могут иметь в изъяснительном наклонении 3-ем лице мн. числе: *Гал куы нае ваййы, уад хъуг дæр аифтындзынц* (Амб.) (*Когда не бывает вола, то впрягают и корову*) (Посл.); *Хъадмае сугтае нае ласынц* (Амб.) (*В лес дрова не везут*) (Посл.).

Известно, что личное местоимение *ды* (*ты*) может быть употреблено в обобщенно-личном значении, преимущественно в художественной речи как изобразительное средство, но предложения с этим местоимением по структуре не являются односоставными предложениями.

3.3.4. Безличные предложения

Безличными называются такие односоставные предложения, в которых главный член называет действие или состояние без указания на производителя действия или носителя признака.

В осетинском языке предикативный центр безличных предложений образуют:

1. Безличные глаголы во всех грамматических формах (*Фыстауы нæм* (букв.: *Пишется нам*); *Фыстауыди нæм* (букв.: *Писалось нам*); *Фыстауыдзæн нæм* (букв.: *Будет писаться нам*); *Фыстауид нæм* (букв.: *Писалось бы нам (в момент речи)*); *Фыстауыдаид нæм* (букв.: *Писалось бы нам (до момента речи)* и т.д.). Эти безличные глаголы образуются от основы прошедшего времени простых глаголов с вспомогательным глаголом *уæвын* (*быть*) в 3-ем лице ед. числе, соединенные гласным *æ*.

В безличном значении возможно использование глагола в изъявительном наклонении прошедшем времени, в 3-ем л. ед. числа (*Æрбайхъуысыди, æрбацауындæ бæлцæттæ, зæгъгæ*) (*Донеслось, мол, путники идут*); *Райхъуысти: хæст фæци* (*Разнеслось: война закончилась*).

2. Простые и сложные глаголы, а также перифрастические (сложные) формы глаголов в безличном значении во всех грамматических формах.

Они обозначают: 1) состояние природы (*Æвиппайды æрбадымдта*) (*Неожиданно подуло*); 2) физическое состояние человека (*Ихæн дын нæу?* (Ц.А.) (*Не холодно тебе?*); 3) психологическое состояние (*Зын у цардаей хицæн кæнын* (Мамс.Д.) (*Тяжело (букв.: тяжело есть) расставаться с жизнью*); *Зынгæ дæр мæм нæ кæны* (*Мне безразлично (букв.: Не видно мне даже)*); 4) состояние какого-то объекта (*Хуымтæн тæссаг у мæтыхты ныббырстæй* («*Раст.*»)) (*Для полей опасно (букв.: есть опасно) от нападения са-*

ранчи); 5) модальные значения долженствования, необходимости и др., выражаемые модальными глаголами (*Маен фæнды сабырæй царын* («Рæст.») (*Мне хочется жить спокойно*)).

3) неопределенные формы глагола с суффиксами *-ын* и *-æн* в сочетании с различными глаголами:

а) вспомогательными глаголами различной семантики (*уæвын* (быть), *фæуын* (стать), *вæййын* (бывать), *ссæуын* (подняться) и др. (*Зæрдæйæ зæрдæмæ ныккæсæн нæй* (Æмб.) (*Из сердца в сердце заглянуть нельзя* (букв.: *заглянуть не есть*) (Посл.)

Обязательным элементом составного глагольного сказуемого из неопределенной формы глагола (с суффиксом *-æн*) и вспомогательного глагола *уæвын* (быть) в 3 лице ед. числе бывают зависимые слова – наречия или местоимения (*Зын бауырнæн у* (*С трудом верится* букв.: *вериться есть*); *Дæуыл баууæндæн ис* (нæй) (*Тебе можно (нельзя) поверить* (букв.: *поверить есть (нет)*);

б) модальными глаголами, которые выражают желательность, возможность, невозможность действия, долженствование (*æмбæлын* (мочь, полагаться), *æнтысын* (мочь букв.: удаваться), *фæндын* (хотеться), *фæразын* (мочь), *æвзарын* (испытывать), *бон* (нæ) *уæвын* (не) мочь), *хъавын* (намереваться), *хъæуын* (быть нужным) (*Амонын дын сæ нæ хъæуы* (М.С.). *Учить тебя не нужно*); *Маен фæнды сабырæй царын* («Рæст.») (*Мне хочется жить спокойно*); *Хъæуы хуымæтæг кусæджы фарс рахæцын* («Рæст.») (*Нужно встать на сторону простого рабочего*)).

Неопределенные глаголы с фразеологизированными сочетаниями на месте модального глагола (*Нырма дын ницы зæрдæ бавæрын у мæ бон* (Ц.И.) (*Пока тебе не в состоянии ничего обещать*);

в) фазисными глаголами, которые указывают на начало, продолжение или конец действия (*Сæлфынæг кæнын райдыдта*. *Начало моросить*)).

4. Деепричастия с предлогом *аена* (без) или без него со вспомогательным глаголом *уавын* (быть) в 3-ем лице ед. числе с отрицательной частицей *на* (не) или без такой частицы (*Аена асаетга дын наей* (Хъайт.А.) (Не сломать тебя нельзя (букв.: Не сломая тебя нельзя); *Махаен цаеугайе у* (Нам нужно идти (букв.: идя есть).

5. Прилагательными и наречиями, обозначающими состояние человека и явлений природы, и вспомогательный глагол *уавын* (быть) в 3-ем лице един. числе во всех наклонениях, временах: *уазал* (холодный, холодно) (*Уазал у зымает аедда* (Х.Къ.) (Холодно (есть) зимой снаружи), *аентаф* (жарко) (*Абон аентаф у* (Сегодня душно), *ихаен* (холодно), *аенкъард* (грустно), *зын* (трудно) (*Маенаен зын у* – Мне трудно (букв.: Мне трудно есть).

Най (частица *на* (не)+*уавын* (быть) в 3-ем лице ед. числе) используется и в качестве самостоятельного глагола в функции простого глагольного сказуемого: *Махау дын хадзар най* (Х.Къ.) (Как и у нас, у тебя дома нет (букв.: дом не есть).

6. В ОЯ глаголы *зынын* (видеться, казаться), *касын* (казаться, видеться) с наречием *афта* (так), *уырнын* (верится) образуют составное именное сказуемое односоставного безличного предложения. С этими сказуемыми могут использоваться личные местоимения. Ср.: *Афта зыны, цыма* (Так кажется, будто...); *Афта мам зыны, цыма...* (Так мне видится, будто...); *Уырны да?* (Верится тебе?)

7. Безличное значение имеет предложение с составным именным сказуемым, образованным из наречия и глагольной связки *уавын* (быть) в повелительном наклонении – *уед* (пусть будет). Употребляется в разговорной речи: – *Де'наерхъуыды ныхасте исты баеллаех расайдзысты.* – *Куыдфаенды уед* (– Твои необдуманные слова к добру не приведут. – Как угодно пусть будет).

В персидском языке «в отличие от многих других языков, где главный член безличных предложений наиболее часто выражается безличными глаголами, эта форма не получила развития» [Рубинчик

2001: 386]. При характеристике грамматического состава односоставных предложений Рубинчик использует термин «главный член».

В персидском языке главный член в безличных предложениях может выражаться: 1) некоторыми простыми глаголами (в том числе в форме пассивного залога); 2) специальными синтаксическими конструкциями; 3) глагольными фразеологизмами и 4) фразеологизмами-предложениями. Большой интерес представляют структуры главных членов безличных предложений, выраженных особыми безличными фразеологическими единицами [Рубинчик 2001: 386, 387].

Для образования безличных предложений в персидском языке обычно используются непереходные сложные глаголы в пассивном значении (СГ в пассивном значении), которые, подобно простым глаголам в форме пассивного залога, могут иметь безличное значение. Такого рода сложные глаголы обозначают процессы речи и умственной деятельности и наиболее часто выступают в роли главных частей сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими, например: *I e 'lam sod-ke...* 'объявлено, что...', *I e 'lam sodan* 'объявляться', 'сообщаться', *Be nazar mirasad-ke...* 'кажется, что...'; *be nazar rasidan* 'казаться', 'выглядеть', 'представляться'.

Как особый случай образования безличных предложений в ПЯ указывается, что в состав значительной части безличных фразеологизмов-предложений в качестве обязательного элемента входят слитные местоимения, обозначающие субъект, который является производителем действия, либо субъект, испытывающий состояние. В зависимости от включения этого элемента предлагается фразеологизмы-предложения разделить на *бессубъектные* и *субъектные*. Например, бессубъектные предложения (*eyb nadarad* 'ничего', 'ничего не значит', *farq nemikonad* 'безразлично', 'все рав-

но') и субъектные предложения: *dariq-am amad* 'мне стало жалко'; *r sorfe-as gereft* 'он закашлялся', 'его одолел кашель'.

В ОЯ деление безличных предложений на субъектные и несубъектные не существенно для характеристики глагольной формы в предложении.

В персидском языке одной из наиболее распространенных структурных форм выражения синтаксической категории безличных предложений считаются безличные фразеологизмы-предложения. «Они характеризуются высокой степенью устойчивости и воспроизводимостью в качестве готовых языковых единиц: *xande nadarad* 'не смешно', букв. 'смеха не имеет'; *entezar miravad-ke ...* 'ожидается, что...', букв. 'идет ожидание, что...')» [Рубинчик 2001: 387] и др.

В ПЯ выделяют безличные предложения с главным членом глагольного типа (*глагольные безличные предложения*) и *безличные предложения именного (связочного) типа (именные безличные предложения)*. Безличные предложения в зависимости от того, являются они свободной синтаксической конструкцией или фразеологизмом, делятся на две группы.

3.3.5. Свободные безличные предложения

[Рубинчик 2001: 389]

Безличные предложения с главным членом, выраженным модальным глаголом в сочетании с усеченным инфинитивом смыслового глагола. Эта конструкция получила распространение в современном языке. В качестве ее модальных компонентов выступают формы трех глаголов, передающих значения необходимости, возможности и их синонимы: *bayestan* 'долженствовать', *mibayad*, *bebayad* 'должно'. Наиболее употребительной из названных форм является *bayad*: *Bayad goft* 'Нужно сказать'; *tavanestan* 'мочь' *Mi-*

tavan raft ‘Можно идти’; формы 3-го лица ед. числа глагола *sodan* ‘становиться’, *misavad*, *besavad* ‘можно’, *misod* ‘можно было’, утратившие семантическую связь с основным глаголом и получившие значение упомянутых выше форм глагола *tavanestan*: *Misavad goft* ‘Можно сказать’; *Misod raft* ‘Можно было уйти’.

В ОЯ им соответствуют безличные предложения осетинского языка, где сказуемое выражено инфинитивом (с суффиксом *-ын*) и модальными глаголами со значениями возможности, невозможности, долженствования и др.

Главный член выражен переходным глаголом с пассивным значением. В связи с разными способами выражения пассивного значения выделяются две группы предложений: 1) предложения, где главный член представлен простым глаголом в форме пассивного (страдательного) залога: *Gofte misavad* ‘Говорится’; *Senide sod* ‘Послышалось’, ‘Стало слышно’; безличные предложения этого типа связаны со страдательным залогом лишь генетически и формально, в них безличное значение противопоставляется личному, но не пассивное - активному;

2) предложения, где главный член выражен сложным глаголом с пассивным значением. Пассивное значение сложных глаголов в большинстве случаев выражается не грамматическим способом, а лексическим: компонирующий глагол, сообщающий переходное значение сложному глаголу, заменяется на другой компонирующий глагол, выражающий непереходное значение: *kardan* ‘объявлять’, *sodan* ‘объявляться’; *ezhar dastan* ‘заявлять’, *ezhar sodan* ‘быть заявленным’ [Рубинчик 2001: 389]

3) Главный член может быть выражен именем и краткой формой глагола-связки *ast* или формами 3-го лица ед. числа связочных глаголов *budan* ‘быть’ *sodan* ‘становиться’. В роли именного компонента главного члена выступают имена существительные, прилагательные, различные формы причастий. Рассматриваемые

двухкомпонентные безличные именные предложения могут быть как нераспространенными, так и распространенными, а также входить в состав сложноподчиненного предложения, выполняя функцию его главной или зависимой части.

Основная же масса безличных предложений в персидском языке – фразеологизированные безличные предложения.

3.3.6. Фразеологизированные безличные предложения

[Рубинчик 2001: 391]

Фразеологизмы-предложения в зависимости от наличия или отсутствия в их составе выраженного субъекта делятся на две разновидности: *бессубъектные* и *субъектные* безличные фразеологизмы-предложения.

Бессубъектные безличные фразеологизмы-предложения: «имя + глагол в 3-м лице ед. числа», могут иметь выделительный артикль и зависимые слова: *Hiç taajjob-i naqiil-ad* ‘Ничего удивительного’ (букв. ‘Никакого удивления не имеет’).

В некоторых безличных фразеологизмах-предложениях слова, относящиеся к именному компоненту, являются обязательными членами, входящими в структуру фразеологической единицы: *Bim-e an miravad-ke...* ‘Имеется опасение, что...’ (букв. ‘Идет страх того, что...’); *Ce zarar darad?* ‘Ничего’, ‘В этом нет ничего плохого’ (букв. ‘Какой имеет вред?’)

Выделяются три разновидности безличных фразеологизмов-предложений, образованных от имен существительных и глагольных компонентов в 3-ем лице ед. числе: *dastan* ‘иметь’, *raftan* ‘идти’), *kardan* ‘делать’.

Предложения с *dastan* ‘иметь’ передают широкий диапазон значений, но преобладающим является модальное значение долженствования, возможности или невозможности совершения дей-

ствия: *Taajjob darad* ‘Удивительно’ (букв. ‘Имеет удивление’); *Xande nadarad* ‘Не смешно’ (букв. ‘Не имеет смеха’); *Gerye darad* ‘Грустно’, ‘Хочется плакать’; *Ahammiyyat nadarad* ‘Неважно’ (букв. ‘Не имеет значения’).

Raftan ‘идти’: *Ehtemal miravad-ke...* ‘Возможно, что...’, *Goman miravad-ke ...* ‘Думается, что...’, ‘Можно предположить, что...’; *Tasavvor miravad-ke...* ‘Предполагается, что...’ (*tasavvor* ‘предположение’). Безличные предложения этого вида передают модальные значения возможности, предположения, неуверенности и выступают в качестве главной части сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными.

Kardan ‘делать’: *Farq nemikonad* ‘Безразлично’, все равно’; *Sarfe nemikonad* ‘Невыгодно’ (*sarfe* ‘польза’, ‘выгода’); *Keraye nemikonad* ‘Не стоит’, ‘Невыгодно’.

По структуре и синтаксическому использованию к безличным фразеологизмам-предложениям двухкомпонентного состава относятся незавершенные предложения, которые можно охарактеризовать как фразеологические штампы. Они всегда выступают в роли главных частей сложноподчиненных предложений: *Nagofte namanad-ke...* ‘Следует отметить, что...’, ‘Между прочим ...’ (букв. ‘Да не останется несказанным, что...’); *Lazem nakarde-ke...* ‘Необязательно, чтобы...’, ‘Нет необходимости в том, чтобы...’ (букв. ‘Не сделал необходимым, чтобы...’) и т.д. Значительная часть такого рода предложений по существу превратилась в модальные обороты и требует после себя постановки смыслового глагола в форме одного из времен сослагательного наклонения: *Nazdik bud Biyoftad* ‘Он чуть было не упал’ (*nazdik* ‘близкий’).

Субъектные безличные фразеологизмы-предложения представляют собой предложения трехкомпонентного состава «имя + слитное местоимение + глагол в 3-м лице ед. числа): *Nang-am*

miaɣad ‘Мне стыдно’ (*nang* ‘стыд’, ‘позор’), *Qam-am gereft* ‘Мне стало грустно’ (*qam* ‘печаль’, ‘грусть’) и др.

Трехкомпонентная структура этих предложений не может быть сведена к двухкомпонентной, ибо в их состав всегда входят слитные местоимения, свободно изменяющиеся по лицам: *Rabm-am iimad* ‘Мне стало жалко’; *Rahm-at amad* ‘Тебе стало жалко’; *Rahm-as iimad* ‘Ему стало жалко’ (*rahm* ‘жалость’) и т.д. В составе субъектных безличных предложений слитные местоимения являются конститутивными элементами и всегда выражают субъект действия.

Основную семантическую нагрузку несет на себе именной компонент, выражаемый обычно отвлеченными существительными со значением ‘чувства, переживания’. Случаи употребления прилагательных в роли именного компонента нетипичны для таких безличных предложений: *Xosk-as zad* ‘Он застыл в изумлении’ (*xosk* ‘сухой’); *Dir-am sod* ‘Я опоздал’ (*dir* ‘поздний’).

Глагольный компонент частично или полностью утрачивает лексическое значение. Он всегда представлен глаголом в 3-м лице ед. числа. В качестве глагольного компонента выступает небольшое число глаголов; чаще всего в этой роли используются глаголы *amadan* ‘приходить’ и *gereftan* ‘брать’. В зависимости от глагола, образующего безличный фразеологизм-предложение, можно выделить несколько разновидностей предложений.

В зависимости от значения глагольного компонента безличные фразеологизмы-предложения могут выражать: психофизическое состояние субъекта (*Sarm-as miaɣad* ‘Ему стыдно’ (*sarm* ‘стыд’), с глагольным компонентом *gereftan* значение начала или становления действия (*Xande-am gereft* ‘Мне стало смешно’, ‘Меня разобрал смех’), с глаголом *budan* значение длительности в прошлом (*Tesne-am bud* ‘Мне хотелось пить’); *sodan* как соотносительная форма глагола связки *ast* имеет значение возникновения,

Безличные связочные предложения трехкомпонентной структуры имеют в своем составе в качестве постоянных элементов слитные местоимения: *Tesne-am ast* 'Мне хочется пить' (*tesne* 'жаждущий'); *Gorosneeman ast* 'Нам голодно' (*gorosne* 'голодный') и др. Такие безличные предложения получили распространение в общо-разговорной речи.

От рассмотренных выше безличных связочных предложений типа *Rowsan ast* 'Светло', 'Ясно'; *Tarik ast* 'Темно' связочные безличные фразеологизмы-предложения отличаются тем, что слитные местоимения в них – обязательные компоненты. В случае опущения слитных местоимений изменяются содержание и грамматическая форма предложений: в одних случаях предложение становится личным (например, *Gorosne ast* 'Он голоден'), в других бессубъектным, безличным (например, *Sard ast* 'Холодно'). В прошедшем времени вместо глагола-связки *ast* в зависимости от выражаемого значения употребляются два глагола: *budan* 'быть' и *sodan* 'становиться'.

3.3.7. Номинативные предложения

К именным односоставным предложениям относятся номинативные предложения. Главный член предложения в них бывает выражен именем существительным, реже – местоимением или количественно-именным словосочетанием и имеет форму именительного падежа.

Они обозначают наличие, существование предмета или явления. Бывают распространенные (*Se molaqat-e ajib-i!* 'Какая удивительная встреча!'; *Къарол Артуры алайнаг уидæгтæ* «Аланские корни короля Артура») и нераспространенные (*Хати* 'Тишина'; *Æдзæм сабыр. Æнтъыснагдзинад* (Джус.Н.) «Безмолвная тишина. Тоска»).

Номинативные предложения чаще бывают повествовательными, редко – вопросительными и побудительными, могут выражать эмоции.

В обоих языках образуют несколько семантико-функциональных типов.

В отличие от персидского языка в осетинском языке к номинативным предложениям не относят названия книг, учреждений, улиц и т.п.

3.4. Слова-предложения

Слова-предложения (по другой терминологии: «нечленные предложения» (по иной терминологии: «слова-предложения», «синтаксически нечленные предложения», «некодифицированные высказывания», «коммуникаты» «некодифицированные высказывания», «коммуникаты», «коммуникемы» и т.п.) [Меликян 1999: 43] представляют особый структурный тип, отличаются от предложений, но служат коммуникативным средством. Они используются в диалогической речи. Коммуникемы имеют «фиксированную форму» [Меликян 1999: 44], воспроизводимы, как и фразеологизмы.

В персидском языке слова-предложения делятся на четыре группы в зависимости от их функции в речи: отрицательные (*Naxeyr, Na* ‘Нет’), эмоционально-оценочные, имеющие значение положительной или отрицательной оценки происходящего, выражают общее отношение говорящего к высказываемому или к создавшейся ситуации: *Bah-bah!* ‘Браво!’, ‘Отлично!’, ‘Прекрасно!’, *A/hamdolellah!* ‘Слава Богу!’, *Valzasrata!* ‘Увы!’, ‘О горе!’, *Dariqa!* ‘О горе!’ и т.д.), побудительные (*Bas!* ‘Достаточно!’, *Yaallah!* ‘А ну!’, ‘Быстрее!’, ‘Пошевеливайся!’, *Hey!* ‘Ну!’, *Saket!* ‘Молчать!’ и т. д.), предложения, выражающие при-

ветствие, прощание (*Salam!* ‘Здравствуйте!’, ‘Привет!’, *Salam aleykom!* ‘Здравствуйте!’, *Xoda negahdar!* ‘До свидания!’ и др.) [Рубинчик 2001: 402].

В осетинском языках слова-предложения делятся на такие группы: утвердительные (*Хорз* (*Хорошо*), *О* (*Да*), *Бæгуыдæр* (*Конечно*), *Æгъа уæдæ!* (*Ага, тогда*), *Ай-гъай* (*Конечно*), *Уæдæ уæд афтæ* (*Тогда так*), *Ныхас дæр ыл нæй* (*И разговора нет*), отрицательные (*Нæ* (*Нет*), *Афтæ уа?* (*Так может быть?* (букв.: *Так ли есть?*), *Кæцæй?* (*Откуда?*), *Æндæр ма цы?* (*Еще чего?*) *Куыннæ стæй* (*Какое там* (букв.: *как не потом*), вопросительные (*Æцæг?* (*Действительно?*), *И?* (*Да?*), *Ома?* (*То есть?*), побудительные (*Алæ* (*Ну*), *Гъæйтт* (*Ну!*), *Кыс-кыс!* (*Кыс-кыс!*), эмоционально-оценочные (*Æгъгъи!* (*Ага!*), *Ой, мæнæ!* (*Ой, вот!*), *Мæнæ бæллæх* (*Вот несчастье*), *Уæууа* (*Ой!*), *Уый та куыд?* (*Как это?*), *Уæуу* (*Ой*), *Мæ бон!* (букв.: *Мой день!*), *И-и!* (*О!*) и др.

В обоих языках слова-предложения бывают выражены частицами, модальными словами, междометиями и сочетаниями слов с ослабленным лексическим значением.

3.5. Эллиптические предложения

Эллиптические предложения считают одной из разновидностей фразеологизмов со структурой предложения [Рубинчик 2001: 238]. Они обладают всеми свойствами устойчивых предложений. Отсутствие глагола – главное свойство, отличающее их от других типов фразеологизмов-предложений. Для персидских свободных предложений безглагольность не характерна. По структуре эллиптические предложения-фразеологизмы соотносит с простыми предложениями: например, *Xoda qovvat!* ‘Бог в помощь!’, ‘Да поможет Бог!’ (букв. ‘Бог сила’); *Eltefat-e soma ziyad* ‘Благодарю вас’ (букв. ‘Ваша доброта велика’) и сложносочиненными: например, *Soma koja-vo in harjha!* ‘Довольно странно слышать от вас такое!’

(букв. 'Где вы и где эти слова'); *Dast be kar-o del be yar* 'Занят делом, а думает о другом' (букв. 'Руки на деле, а сердце на друге').

Форму эллиптических предложений имеют многие пословицы и поговорки (*Dast-e ma kutah va xorma bar naxil* 'Руки наши коротки, а финики на дереве' (соотв. 'Видит око, да зуб неймет'; *Nusdiiru pas az marg-e Sohrab* 'Противоядие после смерти Сохраба' (соотв. 'Как мертвому припарки'); различные формулы приветствий, поздравлений, просьб, благодарности, извинения, соболезнования, клятвы, проклятия (*Dast-e soma bi bala* 'Благодарю вас' (букв. 'Ваши руки без несчастья'); *Dur az cesm!* 'Прочь с глаз!', 'С глаз долой!'); *Xak be sar-as!* 'Чтоб ему ни дна ни покрывки!' (букв. 'Землю на его голову!') и т.д.

Трудно согласиться с точкой зрения Рубинчика об отнесении этих предложений в разряд предложений-фразеологизмов.

В осетинском языке также эллиптические предложения образуют синтаксическую структуру пословиц, поговорок и загадок. Например: *Адæм – фæдисмæ*, *Гуыккуыз та – къæбицмæ* (Люди – по тревоге, а Гуккуз – в кладовку); *Кувæджы дзыхы – фарн* (В словах молящегося – фарн (благодать); *Цары цæхæры кæфой* (На чердаке совок углей);

Не исключено, что они могут быть в составе фразеологических предложений. Но они не образуют основной структурный тип эллиптических предложений. Например: *Йæ къухы хызын* (В руке котомка); *Кæрты нæзы бæлас* (Во дворе ель). В последнем предложении в качестве глагольного сказуемого могут использоваться глаголы *ис* (есть), *зайы* (растет), *зыны* (видна).

3.6. Обособленные члены предложения

В персидском языке для обособления второстепенных членов предложения в зависимости от того, какими частями речи они вы-

ражаются и к каким членам предложения относятся, выделяют следующие грамматические средства – «выделительный артикль, местоименные энклитики и особое построение словосочетаний и предложений» [Рубинчик 2001: 482].

В работе Рубинчика случаи обособления ограничиваются двумя типами: «обособление приименных дополнений и определений, выраженных существительными и личными местоимениями, и обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными» [Рубинчик 2001: 482].

«В первом типе обособления выделяемое слово ставится в начале предложения, за ним ставится повторяющее его энклитическое местоимение. После обособленного члена предложения возникает пауза: *Asb qeymat-as geran ast* ‘Цена лошади (букв. Лошадь, цена ее) высока’; *Ahmad piyaz-gs kune kard* ‘Ахмаду здорово повезло’ (букв. ‘Ахмад, его лук пустил корни’); *Man hers-am gereft* ‘Я рассердился’, ‘Я вышел из себя’ (букв. ‘Я, гнев меня взял’))».

«Обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными, достигается путем постановки выделительного артикля после определяемого слова: *o mard-i aqe/* ‘какой-то умный мужчина’, *ketab-i ja/eb* ‘интересная книга’ и т.д. В данных примерах артикль выполняет свою обычную выделительную функцию, сообщая именам значение неопределенности.

Употребляясь непосредственно после имени, артикль создает необходимость возникновения паузы: *Vey tab'-i naaram dast* ‘У него был беспокойный характер’; *И nevisande-i tavana bud-ke Ba seddat az ajkar-o aqayed-e xod defa' minemud* ‘Он был крупным писателем, энергично защищавшим свои убеждения’» [Рубинчик 2001: 484].

В осетинском языке об обособленных членах предложения имеется значительный материал. Обособленные члены предложения подразделяются на две большие группы: 1) полупредикативные

обособленные члены и 2) уточняющие и пояснительные члены предложения [Цопанова 2017: 181].

3.6.1. Полупредикативные обособленные члены

К полупредикативным обособленным членам относятся обособленные определения и обстоятельственные слова. Они «возникают в предложении в дополнение к предикативным, передаваемым главными членами» [Валгина 1991: 181]. Обособленные определения бывают выражены именами прилагательными (*Изæрæй рауарыд мит, хæмпус æмæ фæлмæн* (Вечером выпал снег, пушистый и мягкий) и причастиями (*Æз дæн Ходон цуанон, уæ куывдмæ хуынд* (Хъайт.А.) (*Я охотник из Хода, приглашенный на ваш пир*), которые обособляются в постпозиции. Обособление причастий возможно и в препозиции, если они осложнены значениями причины и условия (*Рæхыстæй бæстытæй, цыдысты цагъартæ* (Бар. Г.) (*Завязанные цепями, или пленные*). В осетинском языке причастный оборот может зависеть и от сказуемого-глагола: *Æмæ цыдаид Места, йæ къухтæ фæстæмæ бастæй* (Х.С.) (*И шел бы Места, с завязанными назад руками*).

Обособляются приложения одиночные и с зависимыми словами. Они имеют функцию дополнительного сообщения, поэтому их можно отнести к полупредикативным обособленным членам (*Чызгнæ, фæлæ ус-уайыг, хъаруджын æмæ кусаг* (Дз.К.) (*Не девушка, а женщина-великан, сильная и трудолюбивая*); *Кæрты лæууыди Мате, йæ зæронд æфсымæр, йæ иунаг æрдхорд* (Гуыц.Ал.) (*Во дворе стоял Мате, его старый брат, его единственный друг*).

Приложение с определяемым словом бывает связано при помощи интонации, союзов (*кæнæ (или), ома (то есть), куыд (как)*, слов (*уæлдайдæр (особенно), тынгдæр (сильнее)*, словосочетаниями (*йæ ном (его (ее) имя), йæ мыггаг (его (ее) фамилия)*, вводного слова

загъга (мол). Такие приложения, как правило, имеют конкретизирующее значение.

Обособляются обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами. Они имеют различные обстоятельственные значения: образа действия, способа совершения действия, причины, цели, условия (*Уынær, хохы фæхстыл йæхи хойгæ, афардæг вæййы кæмтты* (Дз.К.) (*Грохот, ударяясь о выступы горы, исчезает в ущелье*); *Астан дær нæ фæтарсти, бæхæй ахаугæйæ* (Дз.Т.) (*Астан тоже не испугался, упав с коня*) и др.

3.6.2. Уточняющие и пояснительные члены предложения

Уточняющие и пояснительные члены предложения характеризуют, уточняют те или иные члены предложения. Чаще всего уточняются и поясняются обстоятельства места и времени: *Уæлдафы, бæласты сæрты, цъиусур йæ базыртæ айтыгъта* (С.П.) (*В вышине, над деревьями, сокол распрямил крылья*); *Иу изæрыгон, æхсæвæрафон, мæйрухс æхсæв, бал бæласы бын æнкъардæй бады Цалыкк* (Боц.Б.) (*В один из вечеров, во время ужина, в лунную ночь, под вишневым деревом грустный сидит Цалык*).

Уточняющие и пояснительные члены предложения с определяемыми словами могут связываются наречиями (*уæлдайдær* (особенно), *тынгдær* (в особенности), *номхуындай* (поименно), союзами (*ома* (то есть), *кæнæ* (или), *послелогамы* (*фæстæмæ* (кроме), *йеддæмæ* (вместо), *бæсты* (вместо), частицами (*суанг* (даже), *раст* (точно) и др. (*Алчи йæ бынат бацахста, суанг сабитæ дær* (А.М.) (*Каждый занял свое место, даже и дети*); *Ацафон, уæлдайдær та ахæм уаргæ бон, хъæд æдзæрæг вæййы* (Б.Т.) (*В такое время, а особенно в такой дождливый день, лес бывает безжизненным*).

Уточняющие определения и дополнения, выраженные существительными, стоят после определяемого слова: *Сæхи айстой хъæдмæ, партизантаем* (С.У.) (*Отправились в лес, к партизанам*).

Присоединительные конструкции разной структуры отделяются запятыми: *Ацырухс та дыккаг æхсæв дæр абадти, кæрды 'мæ хуыйы* (Бедж.Ч.) (*Ацырухс опять и на вторую ночь села, кроит и шьет*).

3.6.3. Однородные члены предложения

К однородным относят члены предложения, выполняющие одинаковую синтаксическую функцию, связанные сочинительными отношениями и объединенные одинаковым отношением к одному и тому же члену предложения. Они связаны между собой сочинительными союзами и интонацией или только интонацией.

Сочинительные союзы, объединяющие однородные члены предложения, совпадают в персидском и осетинском языках: соединительные (*ham... ham* ‘как..., так и,’ ‘и..., и’, *па... па* ‘ни..., ни’; *æмæ* (и), *нæ-нæ* (ни... ни), *куыд... афтæ* (как, так и), *стæй* (потом) и др.), противительные (*va* ‘а’, *Balke* ‘а’, ‘но’, ‘однако’; *фæлæ* (но), *та* (а), *науæд* (а то) и др.) и разделительные (*уа* ‘или’, *уа... va уа* ‘или..., или\ ‘либо..., либо’, *хah... хah* ‘или..., или’, ‘хоть..., хоть’; *кæнæ* (или), *æви* (или), *куы...*, *куы (то...то)* и др.).

В роли однородных могут выступать и главные, и второстепенные члены предложения. При наличии двух однородных членов, как отмечено для персидского языка, чаще всего употребляется сочинительный союз *valo-* ‘и’.

Особое место отводится однородным членам предложения – парным синонимам: «Они получили широкое распространение в персидском языке и большей частью представляют собой стабилизировавшиеся парные сочетания: *sa 'y-o kuses* ‘старание’, *bast-o*

lowsee ‘расширение’. Они характеризуются постоянством состава компонентов и устойчивостью структуры, а в результате частого употребления в речи эти сочетания синонимов становятся настолько устойчивыми, что воспроизводятся как готовые единицы языка. Таким образом, от обычных однородных членов они отличаются своей фразеологичностью» [Рубинчик 2001: 481].

«Второстепенные члены предложения – прямые и косвенные дополнения, разные виды обстоятельств, – выступая в роли однородных членов, получают предлоги, послелог *-ra*. Особенности употребления предлогов и послелога *-ra* состоят в следующем: предлоги могут употребляться перед каждым из однородных членов, однако чаще всего употребляются только перед первым (а иногда и перед последующим). Известно, что послелог *-ra* может употребляться не только после прямого дополнения, но и после косвенных дополнений и обстоятельств. В тех случаях, когда эти второстепенные члены являются однородными, послелог *-ra* ставится также после последнего из них» [Рубинчик 2001: 483].

Послелог *-ra* ставится один раз после последнего однородного прямого дополнения: *Dar dalan palto va galos-e hod-ra pusid* ‘В коридоре он надел пальто и галоши’ (Хедаят. Водоворот).

Известно, что послелог *-ra* может употребляться не только после прямого дополнения, но и после косвенных дополнений и обстоятельств. В тех случаях, когда эти второстепенные члены являются однородными, послелог *-ra* ставится также

В осетинском языке использование предлогов (*æd* (с), *ænæ* (без)) и послелогов различной семантики с однородными членами предложения не существенно для их характеристики.

При однородных членах могут употребляться обобщающие слова (словосочетания): *Man be se ciz – daftar, qalam va kaqaz ehtiyaj daram* ‘Мне нужны три вещи – тетрадь, ручка и бумага’.

3.7. Понятие о сложном предложении в осетинском и персидском языках

В мировой лингвистике определение сложного предложения примерно одинаково и базируется на одних и тех же ключевых аспектах. Сложным традиционно называют предложение, состоящее из двух или более предикативных единиц, связанные по смыслу и интонационно с помощью сочинительной, подчинительной и бессоюзной связи. Подобное объяснение понятия сложного предложения приводится и в научных трудах, посвященных синтаксису осетинского и персидского языков:

Сложным называется предложение, которое состоит из двух или более простых предложений, образующих в смысловом, конструктивном и интонационном отношении единое целое [Багаев 1982: 363].

Сложным называется предложение, состоящее из двух и более предикативных частей (простых предложений), которые связаны между собой по смыслу, грамматически и интонационно. [Цопанова, Качмазова 2016: 5]

Сложные предложения – синтаксические конструкции, состоящие из двух и более предложений, объединенных смысловой связью и грамматическими средствами сочинения и подчинения. [Рубинчик 2001: 484]

Различие между простым и сложным предложениями заключается, в первую очередь, в различии их структуры: простое предложение представляет собой одну предикативную единицу, а сложное предложение содержит в себе две и более предикативные единицы. Простое предложение выражает обычно простую мысль, а сложное предложение – сложную мысль.

Например, предложения *Тасы стъæлфæнтæ ферттывттой йæ цæстыты* ‘Искры страха засверкали в его глазах’ [Булкаев 2011: 180] *Doxtar-am dar dānešgāh-e Moskow tahsil mikonad* ‘Моя дочь

учится в московском университете' [Рубинчик 2001: 380] выражают одну простую мысль, в них содержится по одной предикативной связи, которая возникает между подлежащим и сказуемым.

В этих же предложениях содержится по три отдельных, хоть и тесно связанных между собой мысли и от предыдущих предложений их отличает наличие нескольких конкретных действующих лиц и их действий и, соответственно, грамматических основ: *Сырдон хъуыста аедзынаггаей йае фыды хъаласмае аема та каяцайдар фазынд йае цасты хаутыл хъармуст дон, фалае уыдон раздары цаессыгтае нал уыдысты* 'Сырдон внимательно слушал голос своего отца и вновь откуда-то появилась на его ресницах теплая жидкость, но это были уже не прежние слезы' [Джусойты 2005: 329], *Āzmāyeš-am in bud-ke ān qadr ranj va azab-ešan bedeham tā az man farār konand* 'Мое испытание состояло в том, чтобы их так помучить, чтобы они от меня убежали' [Рубинчик 2001: 549].

Если выражаться более простым языком, сложное предложение состоит из двух или более простых предложений. Кстати, такая формулировка встречается не в одном научном труде. Части, входящие в состав сложного предложения, хотя и соотносительны с простыми предложениями по внешнему строению, но, будучи объединены между собой, ни семантически, ни структурно, ни интонационно уже не равны самостоятельным предложениям. По этой причине, по мнению Ю.А. Рубинчика, и сам термин «предложение», применяемый по отношению к составным частям сложного предложения, весьма условен [Рубинчик 2001: 484].

Предикативные единицы, которые являются частями сложных предложений, в одних случаях остаются в той форме, которую имели бы, будучи самостоятельными простыми предложениями, а в других – подвергаются значительным изменениям. Это актуально и для осетинского, и для персидского языков: *Баргае фандыдис Тепсыры йае уазджыты хуыздар фенын, фалае хуыздар истытае*

зын ссарæн уыдис уыцы рæстæджы ‘Конечно, Тепсыр хотел лучше угостить своих гостей, но что-то получше трудно было найти в то время’ [Коцоев : 231], *Havā-ye garm-i ru-ye sar-e ānhā sangini mikard va gard-o qobār-e narm-i jelov-e āsmān-e lājvardi mowj mizad...* ‘Торжачий воздух давил на их головы, и тонкая пыль волнообразно кружилась в лазурном небе...’ (Хедаят. Бродячий пес) [Рубинчик 2001: 489]. Данные сложные предложения состоят из двух простых предикативных единиц, которые остались в том же виде, в каком они были бы, будучи самостоятельными простыми предложениями.

А простые предложения, являющиеся компонентами этих сложных предложений, претерпели некоторые изменения при возникновении между ними синтаксической связи: *Маæнæ ныртæккæ хъæды къохы фæмидæг уыдзæн æмæ йæм уырдаæм нал суæнддзысты фашисттæ* [Бесаев 1955: 125] *Ma'mur-e baluĉ dar in fekr bud-ke har towr-i šode pulopele-i peydā konad* ‘Белудж думал о том, как во что бы то ни стало раздобыть денег’ (Аляви. Крестьянин-гиляк) [Рубинчик 2001: 531].

Смысловая и структурная цельность сложного предложения и в осетинском, и в персидском языках создается разнообразными, разноуровневыми средствами: интонацией, употреблением союзов и союзных слов, особенностями лексического состава (слов и их форм) частей сложного предложения, особенностями синтаксического строения этих частей, их порядком, соотношением форм сказуемых.

И в осетинском, и в персидском интонационная законченность является обязательным условием любого предложения: и простого, и сложного. Если говорить о частях сложного предложения, которые представляют собой отдельные предикативные единицы, они не обладают интонационной законченностью, что особенно явно прослеживается в сложноподчиненном предложении. Интонационной законченностью характеризуется все сложное предло-

жение в целом. Например, в сложном предложении *Kæd æmæ арв рухс уыди, мæй та быдыры кæронæй скасынмæ хъавыд, уæддæр зæххыл тæнæг тар æрбадти æмæ Сырдонмæ дæр хорз нæ фæкаст чызджы афтæ фæуадзын* ‘И хотя небо было светлым, а луна собиралась появиться на краю поля, на землю все равно опустилась легкая темнота и Сырдон сам не считал правильным оставить так девушку’ [Джусойты 2005: 53] четыре простых предикативных части, на последних словах первых трех предложений не делается характерного для простого предложения понижения голоса, не делаются и характерные для самостоятельных предложений продолжительные паузы. Все четыре простых предложения, интонационно объединенные в одно целое, в смысловом отношении выражают одну картину.

Сложное предложение *Hamān ahvāl va ehsāsāt va afkār dar xāter-am zende mišod va hamān harfhā-ye baččegi be zabān-am miāmad va galu-yam az zowq migereft* ‘Те же самые чувства и мысли оживали в моей памяти, и те же слова детства произносились невольно мною, и горло сжималось от радости’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 493] так же содержит в себе несколько мыслей, которые в сочетании друг с другом описывают одно явление: состояние человека в один определенный момент.

И в осетинском, и в персидском языках части сложного предложения могут быть связаны как при помощи союзов, так и без них. Например, сложные предложения без союзов в качестве средства связи *Суанг сывæллæттæн дæр сæ зæрдæ нал ради хъазынмæ – иуддзыг уыцы фыдбылызы кой кодтой* ‘Даже дети не радовались играм – постоянно обсуждали это несчастье’ [Коцоев 2012: 45] *Хар хасте, sāheb nārāzi* ‘Осел устал, хозяин недоволен’ [Рубинчик 2001: 572] можно легко преобразовать в сложные предложения с союзами: *Суанг сывæллæттæн дæр сæ зæрдæ нал ради хъазынмæ, уымæн æмæ иуддзыг уыцы фыдбылызы кой кодтой* ‘Даже дети не радова-

лись играм, потому что постоянно обсуждали это несчастье’, *Har xaste va sāheb nārāzi* ‘Осел устал, и (а) хозяин недоволен’.

Влияние лексического состава сложных предложений на целостность их структуры в осетинском и персидском языках заключается в использовании некоторых разрядов слов: указательных местоимений, местоименных наречий, относительных местоимений, местоименных наречий. Они выступают в роли соотносительных слов, значение которых раскрывается в придаточной части сложного предложения, то есть рассматриваемые языковые единицы служат в том числе для усиления подчинительной связи между частями сложного предложения. Например, в осетинском сложном предложении *Къабо колхозы йæ куыст ныуадзын куы сфæнд кодта, уæд Къала та фесгуыхымæ хъавы* ‘Когда Кабо решил оставить работу в колхозе, тогда Кала и захотел отличиться’ [Бесаев 1955: 25] значимыми для структуры лексическими единицами являются связка соотносительное слово+союз *уæд/ куы* ‘тогда/когда’. А в персидском сложном предложении *Hālā-ham-ke in neveštehā-rā mixāni, del-at havā-yaš karde-ast, ašk dowr-e češmhā-yat halqe zade-ast* ‘Сейчас, когда читаешь то, что написано, твое сердце стремится к ней, а глаза наполняются (букв, наполнились) слезами’ (Кейхан для детей, № 810) [Рубинчик 2001: 532] такими значимыми для структуры словами являются слова *сейчас-когда, то-что*.

Зачастую, особенно если говорить о сложносочиненных предложениях, признаком целостности структуры и осетинского, и персидского сложного предложения может быть неполнота одной из частей. К примеру, если в обеих частях в качестве сказуемого используется один и тот же глагол, во второй части оно опускается: Например: во второй части предложения *Сæ иу каркмæ зилы, иннæ — бабызмæ* ‘Один из них ухаживает за курицей, другой – за уткой’ [Коцоев 2012: 12] опускается сказуемое ‘ухаживает’, а в

предложении *U šānzdah sāl dāšt va man čahārdahsāle budam* ‘Ему было шестнадцать лет, а мне — четырнадцать’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 503] опущено второе сказуемое ‘было’.

В осетинских и персидских сложных предложениях, значение которых связано с выражением временных отношений, особое значение имеют видо-временные формы глаголов-сказуемых: во всех частях такого сложного предложения сказуемое-глагол бывает в одном и том же виде (совершенном, несовершенном) и времени (настоящем, прошедшем, будущем). Это имеет место, например, в сложносочиненных предложениях: *Ныллагцар уат адамаей уыдис йæ тæккаедзаг, æмæ сæ астæу фысым зынгæ дæр нал кодта* ‘Комната с низким потолком была полна людей, и среди них хозяина даже не было видно’ [Бесаев 7], *Birun sard bud va barf miāmad* ‘На улице было холодно и шел снег’ (Аляви. Письма) [Рубинчик 2001: 490]. В первом предложении, как и во втором, сказуемые (или вспомогательный глагол составного именного сказуемого) выражены глаголами несовершенного вида в прошедшем времени.

Согласно всем научным трудам, посвященных синтаксису сложного предложения в осетинском и персидском языках, придаточная часть может занимать и препозитивное, и постпозитивное положение относительно главной, а также быть в интерпозиции — вставляться в нее в зависимости от вида предложения, смысловых отношений его компонентов, используемых союзов и союзных свойств. При этом следует упомянуть, что части осетинских и персидских сложных предложений зачастую можно бывает переставить местами без нарушения общей смысловой и структурной целостности всего предложения.

Однако некоторые сложные предложения допускают только один определенный порядок в расположении компонентов, что касается предложений и с сочинительной, и с подчинительной связью между частями. Так, например, части сложноподчиненно-

го предложении с придаточным времени *Къабо колхозы йæ куыст ныуадзын куы сфæнд кодта, уæд Къала та фесгуыхымæ хъавы*. ‘Когда Кабо решил оставить работу в колхозе, тогда Кала и захотел отличиться’ [Бесаев 1955: 25] нельзя переставить местами из-за соотносительного слова и союзов, как и части сложноподчиненного предложения *Pas az ān-ke nimsāat-i bāzi kardim, goftam man emruz xaste-am...* ‘После того, как мы поиграли полчаса, я сказал, что сегодня устал...’ [Рубинчик 2001: 537].

Классификация сложных предложений в осетинском и персидском дается главным образом на основе способа связи между их частями. Простые предикативные единицы в союзных сложных предложениях могут быть связаны либо сочинительной, либо подчинительной связью. При связи по способу сочинения объединяются равноправные, однородные предложения, каждое из которых теоретически может быть взято как самостоятельное предложение. При помощи подчинительной связи в сложном предложении объединяются неравноправные, неоднородные предикативные единицы, одно из которых поясняет, раскрывает значение всей другой части или какого-нибудь ее члена.

В зависимости от характера связи простых предложений, осетинские и персидские сложные предложения подразделяются на сложносочиненные и сложноподчиненные. Помимо этого, по наличию между компонентами сложного предложения в качестве средства связи союзов и союзных слов, выделяют союзные и бессоюзные сложные предложения.

Следует упомянуть, что в персидском языке выделяют сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с союзами, а также бессоюзные сложносочиненные и бессоюзные сложноподчиненные предложения [Рубинчик 2001: 484]. В посвященных осетинскому синтаксису научных работах последних лет такая классификация не приводится: практически во всех источниках

описаны союзные (сложносочиненные, сложноподчиненные) и бессоюзные предложения (независимо от того, какого типа смысловые отношения существуют между частями последних) [Цопанова, Качмазова 2016: 5; Джусоева, Дзодзикова, Цопанова 2004: 198]. Однако в научных трудах прошлого столетия, а в частности в работах Н.К. Багаева, встречается схожая с персидской классификация указанных синтаксических единиц [Багаев 1982: 363].

Теоретический материал и языковые примеры персидского языка в данном разделе приведены из монографии Ю.А. Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка». М., 2001. Теоретический материал осетинского языка в данном разделе приведены преимущественно из работ Н.К. Багаева «Современный осетинский язык». Ч. 2. Орджоникидзе, 1982 и Р.Г. Цопановой, Е.С. Качмазовой «Сложное предложение. Средства выражения чужой речи. Сложное синтаксическое целое: учебно-методическое пособие. Владикавказ, 2016, а языковые примеры – из произведений писателей последних десятилетий.

3.7.1 Сложносочиненное предложение в осетинском и персидском языках

И в осетинском, и в персидском языкознании сложносочиненными называют такие сложные синтаксические конструкции, которые состоят из грамматически равноправных предложений, имеющих одинаковую степень самостоятельности. Простые предложения в сложносочиненном предложении бывают связаны между собой при помощи сочинительных союзов (соединительных, противительных и разделительных), а также без союзов – в персидском бессоюзном сложном предложении.

И в осетинском, и в персидском языках простые предложения, входящие в состав сложносочиненного предложения, по своей

структуре могут быть однотипными (двусоставными, односоставными) или разнотипными (одна часть сложного предложения — двусоставное, другая часть — односоставное). Так, части сложных предложений *Куыддæр дуар байгом, афтæ кувджыты хъæр нуртиу расхъудта æддæмæ* ‘Как только дверь открылась, восклицания молящихся вылетели на улицу, словно мяч’ [Булкаты, 2011: 349], *U šenāsnāme-ye xod-rā gom karde bud va ān asbāb-e zahmat barāye u šod* ‘Он потерял свой паспорт, и это доставило ему много беспокойства’ [Рубинчик 2001: 491] представляют собой двусоставные предложения. А вторые части предложений *Большевикты комиссар цаф у, æмæ йын лæгæтæй æддæмæ цауæн нæй...* ‘Комиссар большевиков ранен, и ему нельзя выходить из пещеры’ [Бязров 1986: 68], *Xānom-am mariz ast va man-ham nārāhat-am* ‘Жена моя больна, и мне тоже нездоровится’ [Рубинчик 2001: 492] являются односоставными предикативными единицами, тогда как первые – двусоставные.

Сложносочиненные предложения и в осетинском, и в персидском могут быть двучленными, т. е. состоять из двух простых предикативных единиц (как приведенные выше примеры) и многочленными, т. е. иметь в своем составе более чем две предикативные единицы: *Фарасты дзы маргæ акодта, авды та дзы удæгасæй æрцахста æмæ сæ йæхи къухæй зындоны фыцгæ писийы ныррæцыгъта, æмæ фондзæй та ирвæзгæ акодтой.* ‘Девятерых из них убил, а семерых из них поймал живыми и собственноручно бросил их в кипящую адскую смолу, а пятеро из них спаслись’ [Булкаты 1988: 4], *Oqde-i gošude šod, zahm-i sar bāz kard va xun az ān rixt* ‘Развязался узел, открылась рана, и из нее полилась кровь’ (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 494].

И в осетинском, и в персидском простые предложения, входящие в состав сложносочиненного предложения, могут иметь общие члены, которые бывают в составе либо первого (чаще), либо

последующих предложений: *Рæсугъд сæрдыгон æхсæвты сын бæрзонд хæхтæй быдыртæм рацæугæ рог дымгæ базмæлын кæны сæ сыфтæртæ æмæ райхъуысы сæ фæлмæн сыбар-сыбур* ‘Прекрасными летними ночами спускающийся с гор легкий ветер шевелит их листву и слышится их мягкий шелест’ [Бесаев 1955: 98], *Birun sard bud va barf miāmad* ‘На улице было холодно и шел снег’ (Аляви. Письма) [Рубинчик 2001: 490]. В первом предложении общей для обеих частей является словосочетание ‘прекрасными летними ночами’, а во втором – слово (с предлогом) ‘на улице’, которые выполняют синтаксическую функцию обстоятельства.

3.7.1.1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами

Предикативные части сложносочиненного предложения бывают связаны между собой при помощи сочинительных союзов, которые нужны и для выражения определенных отношений между этими частями. В сложносочиненных предложениях с соединительными союзами могут выражаться в основном соединительные и присоединительные отношения.

Для связи компонентов сложносочиненных предложений используются следующие соединительные союзы: в осетинском *æмæ* ‘и’, *дæр* ‘также’, *стæй* ‘к тому же’, *нæ–нæ* ‘ни–ни’, *нæдæр–нæдæр* ‘ни–ни’, *ма–ма* ‘ни–ни’, *мадæр–мадæр* ‘ни–ни’, *æрмæст* (канд)... *нæ–фæлæ*... *дæр* ‘не только..., но и...’ и др.; в персидском – *va* ‘и’, *ham, niz* ‘также’; повторяющиеся — *če... če, ham...ham* ‘как..., так и’, ‘и..., и’, *na... na* ‘ни..., ни’; двойной — *na faqat... balke* ‘не только..., но и’ [Рубинчик 2001: 492].

Наиболее часто из перечисленных союзов для связи компонентов в осетинских и персидских сложносочиненных предложениях употребляются соответственно союзы *æмæ* ‘и’ и *va* ‘и’, причем

простые предложения, связанные этими союзами, могут выражать самые разные отношения.

Союз *æмæ* в осетинском и союз *va* в персидском могут соединять простые предикативные единицы, представляющие собой однородные высказывания, т. е. такие высказывания, которые в смысловом отношении независимы друг от друга и равнозначны: *Хур хохы цъуппыл рабадт хæлуарæгау, æмæ чысыл фæстæдæр хæхтæ сау кæнын райдыдтой* ‘Солнце село на вершине горы, как паук, и чуть позже горы начали темнеть’ [Булкаты 2011: 50], *Hamān ahvāl va ehsāsāt va afkār dar xāter-am zende mišod va hamān harfhā-ye baččegi be zabān-am miāmad va galu-yam az zowq migereft* ‘Те же самые чувства и мысли оживали в моей памяти, и те же слова детства произносились невольно мною, и горло сжималось от радости’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 493].

И осетинские, и персидские простые предложения, в сложно-сочиненном предложении связанные при помощи союза ‘и’ (*æмæ/va*), часто выражают временные отношения. Такие предложения могут отражать, например, одновременность двух или нескольких действий, явлений, событий. Значение одновременности передается путем совпадения видовременных форм глаголов-сказуемых в частях сложносочиненного предложения, например: *Рæсугъд сæрдыгон æхсæвты сын бæрзонд хæхтæй быдыртæм рацæугæ роғ дымгæ базмæлын кæны сæ сыфтæртæ æмæ райхъуысы сæ фæлмæн сыбар-сыбур* ‘Прекрасными летними ночами спускающийся с гор легкий ветер шевелит их листву и слышится их мягкий шелест’ [Бесаев 1955: 98], *Havā-ye garm-i ru-ye sar-e ānhā sangini mikard va gard-o qobār-e narm-i jelov-e āsmān-e lājvardi mowj mizad...* ‘Горячий воздух давил на их головы, и тонкая пыль волнообразно кружилась в лазурном небе...’ (Хедаят. Бродячий пес) [Рубинчик 2001: 495].

Также такие предложения и в осетинском, и в персидском показывают последовательность действий, явлений: действие, явление,

выраженное во втором простом предложении, совершается после действия, явления, выраженного в первом предложении: *Йæ цонг æгасæй ныддыз-дыз кодта, æмæ йæ къухæй фыццаг хатт ахаудта хæцæнгарз* ‘Его рука вся задрожала, и из его руки впервые выпало оружие’ [Бесаев 1955: 44], *Mādar-am bar-xāst va be tarāf-e oīāq-e pedar-am ravān šod va mābe dombāl-e u raftim* ‘Моя мать встала и направилась в кабинет отца, и мы последовали за ней’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 497].

Очень часто в осетинских и персидских сложносочиненных предложениях с союзом ‘и’ (*æмæ/va*) выражаются и причинно-следственные отношения: в первом предложении выражается причина, а во втором следствие, результат того, что говорится в первом. Например: *Иу къорды туг нын нæй, æмæ мын мæ туг нæ аисдзынæ* ‘У нас не одна группа крови, и ты не примешь мою кровь’ [Бязров 1986: 9], *Zamin-e u emsāl hāsel-aš xub nabud va nāgozir šod tā meqdār-i az pasandāz-e xod-aš-rā xarj konad* ‘В этом году у него был неважный урожай, и он был вынужден израсходовать часть своих сбережений’ (Хедаят. Лале) [Рубинчик 2001: 498].

Простые предложения в составе осетинского сложносочиненного предложения с союзом *æмæ* могут выражать присоединительное отношение. В таких сложносочиненных предложениях во второй части параллельно с *æмæ* может использоваться одиночный союз *дæр* ‘и’, ‘также’, ‘тоже’, выражающий присоединительное отношение: *Османы-фырты Хуыцауæн цытгæнæг адаймагыл нымайыци, æмæ йæ дзырд дæр ахады адамы æхсæн* ‘Сына Османа считают почитающим Бога человеком, и его слово имеет вес среди людей’ [Булкаты 2011: 22].

Гораздо реже встречаются в осетинском языке сложносочиненные предложения, в которых простые предложения между собой связываются другими соединительными союзами.

В повторяющихся и парных союзах одна часть употребляется в составе первого простого предложения, другая часть — в составе второго. Например, *Куыйтæ дæр уыдоныл райыны, бынатгæстæ дæр æнафоны арт уыдон тыххæй скодтой, æвæццагæн* ‘И собаки лают из-за них, и сторожа так поздно развели костер из-за них, наверное’ [Бесаев 1955: 7]. В сложносочиненных предложениях с союзом *дæр* — *дæр* выражаются отношения одновременности явлений, выраженных в простых предложениях.

В сложносочиненных предложениях с союзом *стæй* выражаются отношения последовательности явлений, содержащихся в их составных частях: *Азæлыд Хасанæйы хъæлæс, стæй фæцыдис гæрах* ‘Прозвучал голос Хасаны, затем раздался выстрел’ [Бесаев 1955: 48], *Фæлæ иу ныхас йæ дзыхæй не схæудта. Стæй йæ ма- хæн неппæты цур æрцауыгътой...* ‘Но ни одного слова не слетело с его уст, затем его повесили на глазах нас всех...’ [Бесаев 1955: 80].

Сложносочиненное предложение с парным союзом *æрмæст* (канд)... *нæ—фæлæ... дæр* ‘не только—но и’ выражает присоединительное отношение с оттенком одновременности: наряду с явлением, выраженным в первом простом предложении, имеет место и явление, выраженное во втором: *Æмбырды дисциплинайыл æрмæст докладгæнæг нæ дзырдта, фæлæ ма йыл дзырдтой æндæр ныхасгæнджытæ дæр* ‘На собрании о дисциплине говорил не только докладчик, но говорили о ней и другие выступавшие’ [Багаев 1982: 376].

Так же в персидских сложносочиненных предложениях союз *va* ‘и’ чаще всего выступает в роли средства связи между частями предложения. Другие соединительные союзы *va... va* ‘и... и’, .. *ham... ham* ‘как..., так и’, ‘и..., и’, *na... na* ‘ни..., ни’, двойной *na faqat... balke* ‘не только..., но и’, а также одиночные союзы *ham, niz* ‘также’, ‘тоже’, ‘и’ встречаются значительно реже.

Сочинительный союз *na... na* ‘ни..., ни’ вносит в сложносочиненное предложение значение перечисления и употребляется для соединения только отрицательных предложений: *Na u goft čerā va na maŋ porsidam* ‘Ни она не сказала, в чем дело, ни я не спросил’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 500]. Его функции эквивалентны функциям осетинских повторяющихся отрицательных союзов *нæ–нæ*. Например: *Нæ Алыксанд радта салам, нæ Аслæнбег исты сдзырдта* ‘Ни Александр не поздоровался, ни Асланбек ничего не сказал’.

По аналогии с осетинским языком, в персидском также встречаются синонимичные союзы. Таковыми являются, например, двойные союзы *na faqat... balke* и *na tanhā... balke*: *Na tanhā āzār-am nemidād balke az pošt-e ān češmhā-ye porātefe... zebrihā va dorošti-hā-ye Alis-rā narm va āsān va tahammolkardani mididam* ‘Она меня не только не мучила, но и сквозь призму ее милых глаз... грубость и жесткость Алисы мне казались более легкими и терпимыми’ (Хеджази. Слеза); *Dar in kešvar na faqat nevisandegān-rā mohtaram midānand balke aqlab-e rowšanfekrān alāqe-ye maxsus-i be kār-e ānhā dārānd* ‘В этой стране не только уважают писателей, но и большинство интеллигенции проявляет особый интерес к их работе’ (Пейам-э новин) [Рубинчик 2001: 501].

3.7.1.2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами

В отличие от сложносочиненных предложений, которые выражают соединительные отношения и могут состоять из нескольких предикативных частей, осетинские и персидские сложносочиненные предложения с противительными отношениями двучленны. Они состоят не более чем из двух предложений или из двух групп предложений. Такая двучленность обусловлена самой сутью

противопоставления: одному действию, событию, явлению может быть противопоставлено только одно действие, событие, явление.

В осетинских сложносочиненных предложениях с противительными союзами выражаются соответственно противительные, а также уступительные и сопоставительные отношения. Для связи простых предложений в сложносочиненных предложениях в осетинском употребляются противительные союзы *фæлæ* ‘но’, *та* ‘а’, *уæддæр* ‘однако’, *кæннод* ‘иначе’, ‘а не то’, *æндæр(а)*, *науæд* ‘иначе’, ‘а не то’, *намаæ* ‘иначе’, ‘а не то’, *уыййеддамаæ* ‘иначе’, ‘а то’ и др.

Из осетинских противительных союзов наиболее употребительным в сложносочиненных предложениях является *фæлæ* ‘но’. При помощи этого союза выражается противопоставление одного явления другому, ограничение, несоответствие: *Уый йæм авдæнæй хурау йæ мидбылты худы, фæлæ нæма фæрох ныййарæгæй йе ’дзард лæппуйы сурæт* ‘Он улыбается ей из колыбели, подобно солнцу, но не забыла еще мать образ своего погибшего сына’ [Бесаев 1955: 14], *Сывæллон, чи зоны, аирвæза, фæлæ мах æд бæхтæ далæ комы искуы ныххæррæгъ уыдзыстæм* ‘Ребенок, кто знает, спасется, но мы вместе с лошадьми разобьемся где-нибудь в ущелье’ [Бязров 1986: 53], *Мæхицæй рауадзыи кодтаин, фæлæ мæнæн та дыккаг къорды туг ис* ‘Я бы сказал перелить мою, но у меня вторая группа крови’ [Бязров 1986: 11].

В осетинском при помощи союза *фæлæ* в сложносочиненных предложениях могут выражаться и уступительные отношения *Рынчынтæ дзы уадиссаг бирæ нæ уыд, фæлæ уæддæр куыст фæг кодта* ‘Там было не так уж и много больных, но все равно работы хватало’ [Бязров 1986: 14].

Так же при помощи союза *фæлæ* в осетинском сложносочиненном предложении может быть выражена невозможность осуществления намерения, выраженного в первом предложении. Например, в приведенном выше предложении *Мæхицæй рауадзыи код-*

таин, фæлæ маенæн та дыккаг къорды туг ис ‘Я бы сказал перелить мою, но у меня вторая группа крови’ [Бязров 1986: 11].

Сложносочиненные предложения с противительными союзами *уæддæр*, *афтæмæй*, близкими по значению к союзу *фæлæ*, выражают уступительные отношения: *Уыдон маен тыххæн ног куырой сараæнт æмæ мæ æрæссæнт, уæддæр мын фæстæмæ фæлæууæн нæй!* ‘Они пусть построят из-за меня новую мельницу и перемелют меня в ней, мне все равно нельзя отступить!’ [Булкаты 2011: 16], *Ведра йæ къæхты бынæй аппæрста, уæддæр нырма къæхтæ къуыдырма æххæссыдысты* ‘Он отбросил ведро из-под ног, но ноги еще доставали до пня’ [Бязров 1986: 52].

При помощи союза *та* ‘а’ в осетинском сложносочиненном предложении выражается противопоставление, сопоставление явлений, фактов, а также присоединительное отношение: *Уый дзы йæхицæн счъæпп кæны æмæ бахуыйы куырæт, иннæ та баззайы афтидæй* ‘Он отрезает от него для себя и шьет бешмет, а другой остается без ничего’ [Булкаты 1988: 44], *Æз маенæ лæппутимæ фосмæ бакасон, сымах та газеттæ акасут* ‘Мы с ребятами проведаем скот, а вы почитайте газеты’ [Бесаев 1965: 12].

Союз *та*, в отличие от других союзов, ставится не в самом начале второй части: ему обязательно должно предшествовать хотя бы одно слово.

Сложносочиненные предложения с союзами *æндæр*, *уыййеддæмæ* имеют значение противопоставления с оттенком условности: *Æгæр рог уыд æмæ йæ уымæй базыдтон, æндæр дзургае ницы скодта!* ‘Он был слишком легкомысленным и я поэтому его узнал, а так он ничего не говорил!’ [Булкаты 2011: 3], *Стыр паддзахы интересæ мæ суæндон кодтой, уыййеддæмæ дæ разы уый бар нæ радтаин мæхицæн* ‘Интересы Великого Царя сделами меня смелым, иначе бы я не позволил себя такое при тебе’ [Булкаты

2011: 7]. Союзы *әндәәр* и *уыййеддәмә* синонимичны и взаимозаменяемы без ущерба для общего смысла предложения.

Противопоставление с оттенком условности выражают также сложносочиненные предложения с союзами *әндәәр(а)*, *кәннәд*, *науәд*, *намә*, которые тоже синонимичны: *Ныккәндмә сә ныскъәрәм, әндәәр(а) сә дон аласдзән!* ‘Загоним их в подвал, иначе их смоеет вода’ [Булкаты 2011: 22], *Ныр хъуамә райдайон мә дәснийадыл кусын, кәннәд мә уәлдәәр ахуыргәәнәндәней рацух кәндзысты* ‘Теперь я должен начать работать над своей профессией, иначе меня отчислят из вуза’ [Бязров 1955: 61].

В персидском сложносочиненном предложении противительные отношения также оформляются при помощи противительных союзов.

Простые предикативные части персидских сложносочиненных предложений бывают связаны противительными союзами *ammā*, *vāli*, *laken*, *lāken*, *liken* ‘но’, ‘однако’, ‘а’, ‘тем не менее’, *balke* ‘а’, ‘но’, *vaellā* ‘а не то’, ‘в противном случае’, ‘иначе’, *garna* ‘а не то’, ‘а иначе’. Некоторые персидские противительные союзы могут употребляться в связке с союзом *va*. Союз *va* употребляется также в значении ‘а’, ‘но’ [Рубинчик 2001: 508]: *Dast-e šekaste kār mikonad ammā del-e šekaste kār nemikonad* ‘Сломанная рука может действовать, а разбитое сердце не работает’ (Рахмати. Словарь) [Рубинчик 2001: 502], *Darvāze-rā mišavad bast ammā dahān-e mar-dom-rā nemišavad bast* ‘Ворота можно закрыть, но рот у людей — нет’ (Рахмати. Словарь) [Рубинчик 2001: 502].

3.7.1.3. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами употребляются в обоих языках не так часто, как предложения с со-

единительными и противительными отношениями между компонентами. В сложносочиненных предложениях с разделительными союзами выражаются отношения взаимоисключения, перечисления, чередование действий, явлений, признаков.

Части осетинского сложносочиненного предложения, связанные повторяющимся союзом *куы* — *куы* (*куы* — *куы* *та*) ‘то – то’ выражают такие явления, события, которые сменяют друг друга. Например: *Куы йæхæдæг адары уæлдæйттæ, куы та йын йæхицæн адарынц* ‘То он сам заставлял выпить лишнего, то его самого заставляют’ [Бязров 1955: 95]. *Куы-иу йæ аууон бакодта стыр къуылдымы, куы та-иу бæласы аууонæй фæзындысты митæй дзаг бæрзонд хæхтæ* ‘То оно скрывало в своей тени большой холм, то из-за тени дерева появлялись покрытые снегом высокие горы’ [Бесаев 1955: 123].

Части сложносочиненного предложения, связанные союзами *кæнæ* ‘или’, *кæнæ – кæнæ* ‘или-или’, *йæ* ‘или’, *йæ – йæ* ‘или-или’, *науæд, науæд – науæд, кæннод, кæннод – кæннод, фæнды, фæнды – фæнды* ‘либо’, ‘либо – либо’, ‘или’, ‘или – или’ выражают такие действия, явления, события, из которых одно исключает другое [Багаев 1982: 382]. Например: *Рынчын ма фæуæд Гæбæти, кæнæ йыл æндæр исты бæллæх ма ’рцæуæд?* ‘Не заболел бы Габати, или не случилось бы с ним никакой другой беды?’ [Бесаев 1955: 34], *Æвæццæгæн æй телефонисткæ фæхицæн кодта, кæнæ та лæппу йæхæдæг батагъд кодта театры залмæ* ‘Наверное, его разъединила телефонистка, или же парень сам поспешил в зал театра’ [Бесаев 1955: 81], *Зæрондыл балцы исты бæллæх æрцыд, кæнæ та чысыл сабитæй исчи фæзиан* ‘Со стариком в дороге что-то произошло, или же скончался кто-то из детей’ [Булкаты 2011: 266].

Разделительные союзы *кæнæ, кæнæ–кæнæ, йæ, йæ–йæ, науæд, науæд–науæд, кæннод, кæннод–кæннод*, иногда и *æви*, могут быть заменены друг другом и сочетаться и друг с другом, т. е. в одной

части сложного предложения может находиться один из них, а в составе другого простого предложения – другой.

Простые предложения, связанные в сложносочиненном предложении союзом *ævi*, выражают такие явления, события, из которых возможно только одно. Например: *Уый Зарæйы худын у, æви æртахаæвард æфсирты къæл-къæл хъуысы!* ‘Это смех Зары, или это слышится смех покрытых росой колосьев! [Булкаты 2011: 213], *Йæ цæстытæ йæ сайыны, æви æцæг сау æндæрг у?* ‘Глаза его обманывают, или это действительно черный силуэт?’ [Бесаев 1955: 104].

В персидских сложных предложениях в качестве средства связи предикативных частей используются следующие разделительные союзы: одиночные *yā*, *va yā* ‘или’, ‘либо’, повторяющиеся *yā... yā*, *yā... va yā* ‘или..., или’, ‘либо...либо’, ‘хоть... хоть’, ‘будь то... или’, сочетание союзов *yā in-ke*, *yā ān-ke* ‘или же’, ‘либо же’ [Рубинчик 2001: 509].

Наиболее часто употребляемый разделительный союз *yā* может использоваться самостоятельно и совместно с соединительными союзом *va*, который ему в таких случаях полностью подчиняется: *Āyā yek qovve-ye xāreji moharrek-e u bude yā mosāferat dar ruhiyye-aš taqyir dāde bud?* ‘Разве он был подвижим какой-то внешней силой или путешествие изменило его духовное состояние?’ (Хедаят. Патриот) [Рубинчик 2001: 509], *Agar pedar-e bičāre-ye to in eyb-rā na-dāšt yā be qowl-e xod-aš agar baxt bā in hamrāhi karde bud, man hālā majbur nabudam del-e sāde-ye to-rā bā in asrār-e jān-xarās biyāzāram* ‘Если бы у твоего несчастного отца не было этого недостатка или, по его собственным словам, если бы счастье сопутствовало ему, то я сейчас не была бы вынуждена мучить твое неискушенное сердце этими ужасными тайнами’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 509].

Сложносочиненные предложения с сочетанием союзом *va yā* обычно отражают последовательную смену действий, чередование событий *Ĉenān-ke har kas xāste ast rāje’ be fārsi čiz-i benevisad*

be sabab-e eškālāt-e farāvān va nadānestan gofie-ast fārsi nahv na-dārad va yā sarf-o nahv-e fārsi moxtasar va barham ast va nemitavān az yekdigar jodā sāxt ‘Так, всякий, кто хотел что-либо написать о персидском языке, вследствие больших трудностей и отсутствия достаточных знаний заявлял, что персидский язык не имеет синтаксиса или что персидская морфология и синтаксис очень кратки и перемешаны между собой и их невозможно отделить друг от друга’ (Хомаюнфаррох) [Рубинчик 2001: 509].

Повторяющийся союз *yā*... *yā* усиливает разделительную связь, но употребляется для связи частей сложносочиненного предложения реже, чем для соединения однородных членов предложения: *Abbās yā bāyad az injā beravad yā man u-rā az injā birun xāham kard* ‘Или Аббас должен отсюда уйти, или я его отсюда выгоню’ (Шариат 1364) [Рубинчик 2001: 510].

Согласно Ю.А. Рубинчику, сложные разделительные союзы *yā in-ke*, *yā ān-ke* ‘или же’ представляют собой сочетание союза *yā*, одного из указательных местоимений *in* ‘этот’, *ān* ‘тот’ и подчинительного союза *ke*. Они переводятся на русский язык с усилительной частицей *же*. Эти союзы употребляются в тех случаях, когда возникает необходимость усилить, подчеркнуть содержание второго предложения. В их состав может также входить соединительный союз *va*, помещаемый перед союзом *yā*: *Guyi ār-aš āmad bā kučektar az xodi dar-biyoftad yā in-ke rāsti az negāhhā-ye vahši-yāne-ye man taajjob kard va tarsid* ‘Как будто ему стало стыдно связываться с меньшим, чем он сам, или же в действительности он удивился и испугался моих страшных взглядов’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 510].

3.7.2. Сложноподчиненное предложение в осетинском и персидском языках

Сложносочиненным предложением традиционно считается предложение, в котором одна предикативная часть подчинена другой. То есть, в отличие от сложносочиненного предложения, которое состоит из синтаксически равноправных частей, сложноподчиненное предложение состоит из неравноправных, неравнозначных синтаксических единиц. Часть, которая подчиняет себе другую, называется главной, а подчиненная ей — придаточной.

Придаточные предложения и в осетинском, и в персидском могут раскрывать смысл любого члена главной части: подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства.

Придаточное предложение и в осетинском, и в персидском может относиться как к одному члену главного предложения – соотносительному слову, значение которого раскрывается придаточным предложением, так и ко всему главному предложению. Связь соотносительных слов и союзов/союзных слов являются одним из важнейших грамматических средств выражения подчинения. Они указывают на наличие подчинительной связи между компонентами сложноподчиненного предложения и на наличие придаточного и, наконец, являются индикаторами синтаксической функции зависимого предложения. Соотносительные слова употребляются в качестве одного из членов главного предложения.

В качестве соотносительных слов в персидских сложноподчиненных предложениях используются указательные местоимения и производные от них, некоторые существительные со значением времени, места, способа действия, количества; в осетинских – местоимения или местоименные наречия.

Иногда в осетинских сложноподчиненных предложениях соотносительное слово (местоимение, наречие) может быть опущено,

но его легко бывает восстановить. Чаще всего это наблюдается в художественной литературе. Так, например, в сложном предложении *Кæд ды дзырд мæ дзырдмæ арай, — дау фæуæд мæ фос* ‘Если ты будешь находить ответ на мой вопрос (букв, «слово на мое слово»), — пусть тебе достанется мой скот’ в главном предложении *дау фæуæд мæ фос* опущено наречие — соотносительное слово *уæд* [Багаев 1982: 389].

Как уже было сказано выше, и в персидских, и в осетинских сложноподчиненных предложениях с союзами и союзными словами придаточная часть чаще находится впереди или в середине главной, реже — после нее. Причем, располагаясь внутри главного предложения, придаточная часть часто выделяется от главной только соотносительным словом и ставится впереди этого соотносительного слова. Постпозитивное положение придаточное предложение занимает обычно в тех случаях, когда соотносительное слово бывает выделено логическим ударением.

И осетинские, и персидские сложноподчиненные предложения, как и сложносочиненные, могут состоять из сочетания простых предложений как одного (двусоставных, односоставных) типа, так и разных (двусоставного и односоставного) типов. Так, например, сложные предложения *Уый дзы йæхицæн счъепп кæны æмæ бахуыйы куырает, иннæ та баззайы афтидаей* ‘Он отрезает от него для себя и шьет бешмет, а другой остается без ничего’ [Булкаты 1988: 44] и *Mididam-ke zamān va havādes nāčār vojūd va surat-e xiyālāt-e māt-rā avaz kard* ‘Я видел, что время и события невольно изменили наш внешний облик и образ мыслей’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 523] в своем составе имеют по две двусоставных синтаксических единицы. А предложения *Уыдон маен тыххæп ног куырой саразæнт æмæ мæ æрæссæнт, уæддæр мын фæстæмæ фæлаууæн нæй!* ‘Они пусть построят из-за меня новую мельницу и перемелют меня в ней, мне все равно нельзя отступить!’ [Булкаты 2011: 16],

Bāyad goft-ke taqlid az amal-e digarān va robudan-e hāsel-e ranj-e sāyerān kār-i besyār zešt va nāpasandide ast ‘Следует сказать, что подражание действиям других и присвоение труда других является делом низким и недостойным’ (Кар 1334) [Рубинчик 2001: 523] состоят из одного двусоставного и одного односоставного предложений каждое.

3.7.2.1. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными

В зависимости от того, какую синтаксическую функцию по отношению к главному выполняют, при помощи каких средств связи присоединяются к главным, подчиненные предложения подразделяются на следующие виды: придаточные изъяснительные, придаточные определительные, придаточные обстоятельственные: образа действия, времени, места, причины, цели, меры и степени, а также условия и уступки.

Ю.А. Рубинчик и Н.К. Багаев не рассматривают изъяснительные придаточные предложения как отдельный вид придаточных в своих научных трудах («Грамматика современного персидского литературного языка» и «Современный осетинский язык» соответственно), на теоретический материал которых мы опирались в нашей работе. Хотя Ю.А. Рубинчик указывает в своей работе определительно-изъяснительные придаточные, но как разновидность придаточных определительных. По его версии, эти придаточные определяют существительное – подлежащие или дополнения – в главном предложении, раскрывают их, а также выступают как развернутые дополнения [Рубинчик 2001: 530], с чем мы частично согласны. Однако этой характеристики недостаточно для того, чтобы получить представление о данных видах зависимых предложений. В связи с этим мы не можем их не рассмотреть, тем более в науч-

ных работах последних лет эти зависимые предикативные единицы рассматриваются как отдельный вид придаточных.

Придаточным изъяснительным называется такое придаточное предложение, которое относится к одному члену главного предложения (глаголу или местоимению) и дополняет его значение, раскрывает его. Придаточное изъяснительное бывает связано с главной частью сложноподчиненного предложения при помощи союзов и союзных слов.

В осетинском это союзы и союзные слова *цæмæй кæй* ‘кого’, *куыд* ‘как’, *чи* ‘который’, *цы* ‘который’, *кæм* ‘где’, *кæдæм* ‘куда’, *цæмæн* ‘для чего’ и др., которые соответствуют в главном соотносительным словам-местоимениям. Иногда в главном предложении соотносительное слово-подлежащее опускается. Отвечают осетинские придаточные изъяснительные на падежные вопросы *кæй?* ‘кого?’, *кæмæй?* ‘кого?’, *кæмæн?* ‘кому?’, *кæмæ?* ‘к кому?’, *кæуыл?* ‘на ком?’ ‘на кого?’, *кæимæ?* ‘с кем?’, *цы?* ‘что?’, *цæмæн?* ‘для чего?’ и др. [Багаев 1982: 406].

Дысон ыл цы нъæззы ныббадт, уый йæ цадæггай суагъта ‘Кошмар, который опустился над ним ночью, потихоньку его отпустил’ [Булкаты 2011, 16], *Æрдузы хорзæй дæр, æвзæрæй дæр цы бафинпайа, уый æнæмæнг фæбæрæг уыдзæн лæппуы цæсгомыл* ‘Все хорошее и плохое, что он заметил на поляне, обязательно отразится на лице парня’ [Бесаев 1955: 11].

Осетинское придаточное изъяснительное ставится обычно впереди или в середине главного предложения, причем при вставке придаточного внутрь главного соотносительное слово (уый, уыдон) выносится к концу предложения и придаточное предложение ставится перед ним: *Зæронд лæг фыццаг дзæбæх нæ хатыдта, кæй номæй хъæр чындæуы, уый* ‘Старик сначала не понимал, чьим именем надо звать (букв. кричать)’ [Бесаев 1955: 3], *Иæ цæстæнгасыл бæрæг уыд, йæ уазæгимæ хъæлдзæг ныхас кæй*

кодта, уый ‘По его взгляду было видно то, что он весело разговаривал со своим гостем’ [Бязров 1986: 58].

Изъяснительное придаточное ставится иногда и после главного предложения. Это происходит тогда, когда соотносительное слово-подлежащее в главном предложении бывает носителем логического ударения. Например: *Премитае аермаест уыдон райсдзысты, йае куысты зынгае аентыстдзинæдтае кæмаен уа* ‘Премии получают только те, у кого будут большие успехи в работе’ [Багаев 1982: 409].

На наш взгляд, к придаточным изъяснительным можно отнести такие зависимые персидские предложения, которые 1) выступают в функции развернутого дополнения к сказуемому главного предложения или раскрывают значение подлежащего или дополнения, выраженных в главном предложении соотносительным словом — указательным местоимением (те зависимые предикативные единицы, которые Ю.А. Рубинчик характеризует как разновидность придаточных определительных); 2) раскрывают значение предикатива именного сказуемого главного предложения, выраженного указательными местоимениями *in* ‘этот’, *an* ‘тот’, *hamin* ‘этот самый’, *haman* ‘тот самый’, *cenin*, *cenān* ‘такой’ [Рубинчик 2001: 522].

Эти придаточные всегда находятся в постпозиции по отношению к главному предложению и вводятся только подчинительным союзом *ke*: *Be towr-e kolli ān-če az ānhā dar-yāfte-am in ast-ke ostād-e Makān mard-e rāzdār-i bude* ‘В общем, я у них узнал (букв, то, что я у них узнал, это есть, что), что художник Макан был человеком надежным’ (Аляви. _ Ее глаза); *Omid-am in bud-ke emruz-o fardā ān abr-e siyāh xāhad darid va āftāb-e haqiqat... rowšan xāhad kard* ‘Я надеялся (букв, моя надежда была этой, что), что не сегодня завтра эта мрачная туча рассеется и истина... восторжествует’ (Хеджази. Слеза)521; *Ān-če man mitavānam benevisam hamin ast-ke dar ruznāmeḥā nevešte šode-ast* ‘То, что я могу написать, — это то же, что уже написано в газетах’ (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 523].

Такого рода придаточные предложения чаще всего находятся после главного предложения и выступают в функции объектов глаголов или глагольных словосочетаний, которые обозначают:

а) сообщение, высказывание, утверждение, отрицание — *Bāyad goft-ke taqlid az amal-e digarān va robudan-e hāsel-e ranj-e sāyerān kār-i besyār zešt va nāpasandide ast* ‘Следует сказать, что подражание действиям других и присвоение труда других является делом низким и недостойным’ (Кар 1334) [Рубинчик 2001: 523];

б) восприятие — *Az hamān daqiqa-ye avval ehsās kardam-ke bā yek zan-e ādi sarokār nadāram* ‘С первой же минуты я почувствовал, что имею дело с необычной женщиной’ (Аляви. Ее глаза); *Midid-am-ke zamān va havādes nāčār vojūd va surat-e xiyālāt-e mā-rā avaz kard* ‘Я видел, что время и события невольно изменили наш внешний облик и образ мыслей’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 523];

в) мыслительную деятельность, чувства, внутреннее состояние — *In zan bexubi midānest-ke bā xande-aš če ta’sir-i dar digarān dārad* ‘Эта женщина хорошо знала, (что) какое воздействие она оказывает на других своим смехом’ (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 523];

г) требование, решение, приказание, просьбу, побуждение — *Bar ān šodam-ke in qalathā-rā dar ketāb-i gerd āvaram-ke hame vaqt dar dastras-e morājeekonandegān bāšad* ‘Я решил собрать (букв, решил, что) эти ошибки в одной книге, чтобы читатели постоянно имели к ним доступ’ (Кар 1334); [Рубинчик 2001: 523].

Также персидские изъяснительные придаточные раскрывают значение дополнения, выраженного в главном предложении указательными местоимениями и соотносительно-союзными сочетаниями *an-ce* ‘то, что’, *har-ce* ‘всё, что’. *Bā komak-e šomā tabree-ye in zan hatmi ast, zirā dar jonun-e u va dar in-ke dar asar-e ān badbaxti tekān-i xorde va āqel šode šobhe-i nist* ‘С вашей помощью эта женщина безусловно будет оправдана, так как нет никакого сомнения

в ее помешательстве и в том, что в результате того несчастья она перенесла сильное потрясение и обрела рассудок' (Хеджази. Слеза), *In-rā midānad-ke ostād vaqti kār-aš tamām mišod, u-rā be xāne mirasānd* 'Он знает (то), что художник после окончания работы доставлял ее домой' (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 524].

3.7.2.2. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными

Определительным придаточным предложением называется такое подчиненное предложение, которое поясняет, раскрывает значение определения в главном предложении, выраженного соотносительным словом. В осетинском соотносительное слово бывает выражено указательным местоимением *ахæм* 'такой', *уыцы* 'тот', а также *уый* (*уыдон*) 'он/она/она (они)' в родительном падеже, *уалæм* 'тот по счету' и др.

Соотносительное слово-определение, поясняемое, конкретизируемое придаточным определением, может относиться к любому члену главного предложения, выраженному существительным, то есть – обозначающим предмет. Осетинское придаточное определения отвечает на вопросы: *цавæр?* 'какой?', *кацы?* 'какой?', *каей?* 'чей?', *цалæм?* 'какой по счету?' и др. и бывает связано с главным предложением при помощи союзов *каей* 'кого', *цыма* 'будто', *æмаæ* 'и' и союзных слов-местоимений *чи* 'кто', *кацы* 'какой' (во всех падежах), *цы* 'что', *цавæр* 'какой', *цахæм* 'какой' и др. и наречий *кæм* 'где', *кæдæм* 'куда', *кæцаей* 'откуда', *кæд* 'когда' и др. Например: *Æвæццæгæн, хъæуæй чи ссыди, ахæм колхозонтæ сты* 'Наверное это колхозники, которые пришли из села' [Бесаев 1955: 7], *Цæцæны дæр ын ис, йæ зæронд сæр кæм бакъул кæна, ахæм бынагтæ* 'У него и в Чечне есть места, где он может найти приют (букв. где он может прислонить голову)' [Булкаты 2011: 23].

В отличие от сложноподчиненных предложений с некоторыми другими видами придаточных, в осетинских сложноподчиненных предложениях с придаточным предложением определения с союзами и союзными словами соотносительное слово не может быть опущено.

Осетинское придаточное предложение определения может находиться в препозиции, постпозиции и интерпозиции.

Согласно Ю.А. Рубинчику, в персидском языке средства связи придаточного предложения с определяемым словом главного предложения не позволяют установить четкие критерии для разграничения придаточных определительных предложений, поэтому в основе классификации этих определительных предложений лежит другой принцип: характер семантико-грамматической связи между подчиненным предложением и определяемым словом. На этом основании Ю.А. Рубинчик подразделяет придаточные определительные на два вида: собственно определительные придаточные и определительно-изъяснительные придаточные, и отмечает, что наибольшее распространение в персидском языке имеют придаточные первого вида. [Рубинчик 2001: 528].

Собственно определительные придаточные предложения характеризуют предметы и явления с точки зрения их качества, показывают их количественное отношение к другим предметам и явлениям, описывают присущие им признаки и свойства, указывают на их характеристики со стороны действия или состояния: *Ammā u-ke tā be hāl az estentāq-e digarān lezzat mibord, hargez motavajjeh-e zajr-i-ke mottaham mikesīd, našode bud* 'Однако он, получавший до сих пор удовольствие от допроса других, никогда не обращал внимания на мучения, которые испытывал обвиняемый' (Аляви. Письма) [Рубинчик 2001: 528].

В персидских сложноподчиненных предложениях в качестве средства связи между собственно придаточным предложением

определения и главной частью используются или только один союз *ке*, или союз *ке* совместно с местоименными подчинительными словами: *Āyā heyvānāt-i-ke tamām-e fasl-e zemestān-rā mixāband dar hālat-e mowt-e kāzeb nistand?* ‘Разве животные, которые спят всю зиму, не находятся в летаргическом сне?’ (Хедаят. Трон Абунасра); *Dombāl-e nāme-i migašt-ke dar ān be asrār-e marg-e zan-e javān-aš ešāre šode bud* ‘Он искал письмо, в котором (букв, что в нем) излагались тайные обстоятельства смерти его молодой жены’ (Аляви. Письма) [Рубинчик 2001: 528].

Как отмечает Ю.А. Рубинчик, именно в сочетании с этой разновидностью определительных придаточных предложений широко употребляется выделительный артикль. Связь выделительного артикля с собственно определительными придаточными предложениями объясняется сходством синтаксических функций, выполняемых этими придаточными предложениями и артиклем [Рубинчик 2001: 529].

Что же касается второго вида персидских придаточных определений, определительно-изъяснительные придаточные предложения получили меньшее распространение. Эта разновидность придаточных предложений более свойственна научно-деловому стилю, а также языку произведений общественно-политического характера. Придаточные предложения этой разновидности временно отвечают на вопросы определения и дополнения. Их мы рассмотрели выше как придаточные изъяснительные.

3.7.2.3. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени

И в осетинском, и в персидском языкознании придаточным предложением обстоятельства времени считается такая зависи-

мая предикативная единица — часть сложноподчиненного предложения, которая раскрывает или поясняет значение обстоятельства времени в главном предложении, выраженного определенными соотносительными словами — местоименными наречиями, то есть объясняет, когда происходит действие главного предложения.

Придаточные предложения обстоятельства времени в осетинском сложносочиненном предложении отвечают на вопросы *каед?* ‘когда?’, *кадаей?* ‘с каких пор?’, *каедмæ?* ‘до каких пор?’, *кадаей фæстæмæ?* ‘с какого момента?’, *кады онг* ‘до какого момента?’ Придаточные предложения обстоятельства времени присоединяются к главному предложению при помощи временных союзов *куы* ‘когда’, *куыд* ‘как’, *куыддæр* ‘как только’, *цалынмæ* ‘пока’, *цалынджы* ‘пока’. Из перечисленных союзов наиболее часто употребляются для связи придаточного обстоятельства времени с главным союзы *куы*, *куыддæр*, *цалынмæ*. Союзу *куы* в главной части осетинского сложноподчиненного предложения соответствуют соотносительные слова *уæд* ‘тогда’, *уæдаей* ‘с тех пор’, *уæдаей фæстæмæ* ‘с тех пор’, *уый размæ* ‘до этого’, *уый фæстæ* ‘после этого’, *уымæй размæ* ‘до этого’, *уымæй фæстæмæ* ‘после этого’. Например: *Сосланмæ куы æрбаввахс ис, уæд йæ сау æрфгуытæ айтынг сты æмæ мидбылхудт йæ бæзджын былтыл, дыдзы хурау, алыгъдис* ‘Когда он приблизился к Сослану, его черные брови расправились и улыбка пробежала по его полным губам, как слабые лучи солнца’ [Булкаты 1988: 216], *Институтæй адаем куы рахæлиу сты, уæд райкомы секретарь цыдис Зауырбегимæ дæларм-дæларм* ‘Когда люди потянулись из института, секретарь райкома шел под руку с Заурбеком’ [Бесаев 1955: 31], *Ставд тугдадзи фæкъæдзгæнаены куы разынд, уæд дзы арæхстгай судзин ныссагътон* ‘Когда крупный сосуд проступил на сгибе, я аккуратно проткнул его иглой’ [Бязров 1986: 9].

Союзам *цалынмæ*, *цалынджы* в главном предложении соответствует соотносительное слово *уæдмæ*. Придаточное предложение с этими союзами выражает действие, состояние или признак, который должен иметь место до момента, выраженного в главном предложении, или действие, состояние или признак, выраженный в главном предложении, должен продолжаться до тех пор, пока не будет выполнено действие или состояние-процесс, выраженный в придаточном предложении: *Фæлæ Гозыр цалынмæ ахæм хъуыдытæ кодта, уæдмæ йæ къæхты бын тигъмæ лæууæг къуыдыр фæиртæст æмæ захмæ рахаудта* ‘Но пока Гозыр раздумывал, (к тому времени) под его ногами стоящий в углу пень сорвался и упал на землю’ [Бязров 1986: 52].

Союзам *куыд*, *куыддæр* в главной части осетинского сложносочиненного предложения соответствует соотносительное словонаречие *афтæ* ‘так’. Придаточное предложение с этими союзами выражает действие, в момент или непосредственного после которого совершается действие, выраженное в главной части: *Кæртмæ куыддæр бахызтæн, афтæ та мыл фысым хæрхæмбæлд фæци* ‘Как только вошел во двор, я опять столкнулся с хозяином дома’ [Бязров 1986: 28], *Куыддæр сæ лæппу скъолайæ æрбацæуы, афтæ хæдзары куыстытæм фæвсеййы* ‘Как только их мальчик приходит из школы, он сразу берется за домашние дела’.

Союзному слову *кæдмæ* соответствует в главном предложении соотносительное слово *уæдмæ*. Такое придаточное предложение выражает действие, состояние-процесс или признак, которым окончательно завершается действие, состояние-процесс или признак, выраженный в главном предложении: *Кæдмæ сæ фæнда, уæдмæ улафæнт* ‘До каккких пор хотят, до тех пор пусть отдыхают’. А придаточное с союзным словом *кæдæй*, связанным с соотносительным словом *уæдæй*, отражает начало действия, с началом которого совпадает начало действия, о котором говорится в глав-

ной части: Кæдæй кусын, уæдæй нырмаæ ахæм хабар нæма фæдтон (букв.) ‘С каких пор, как работаю, с тех пор не видел такого случая’.

Осетинское придаточное предложение обстоятельства времени, связанное с главной частью при помощи союзов, может, как и большинство видов придаточных, стоять впереди, в середине и позади главного предложения, но все-таки чаще предшествует ему. А придаточное предложение, связанное с главным при помощи союзного слова, может находиться впереди или внутри него, но не может стоять после.

Персидские придаточные обстоятельства времени отвечают в основном на те же вопросы, что и осетинские, и связываются с главным при помощи союзов *vaqt-i-ke*, *zamān-i-ke*, *hangām-i-ke*, *towqe'-i-ke* ‘когда’, *hamin-ke*, *be mahz-e ān-ke (in-ke)*, *be mojarрад-e ān-ke (in-ke)* ‘как только’, ‘едва только’, *tā in-ke* ‘пока’, ‘до тех пор пока’, *mādām-i-ke* ‘пока’, *čon* ‘когда’, *piš az ān-ke (in-ke)* и др. Временные придаточные могут вводиться только одним подчинительным союзом *ke*: *Hālā-ham-ke in neveštehā-rā mixāni, del-at havā-yaš karde-ast, ašk dower-e češmhā-yat halqe zade-ast* ‘Сейчас, когда читаешь то, что написано, твое сердце стремится к ней, а глаза наполняются (букв. наполнились) слезами’ (Кейхан для детей, № 810) [Рубинчик 2001: 532].

Эти союзы соответствуют в главном соотносительным словам, в качестве которых обычно употребляются имена существительные *vaqt*, *hangām*, *zamān*, *towqe* ‘время’ в сочетании с выделительным артиклем: *vaqt-i*, *hangām-i*, *zamān-i*, *towqe'-i*: *Man vaqt-i zende hastam-ke vojуд-e hasti-ye xod-rā qarq dar zendegi-ye u midānam* ‘Я существую только тогда, когда считаю себя целиком погруженной в его жизнь’ (Аляви. Комета) [Рубинчик 2001, 533]. *Masalan šomā yek man šir xaride va dar šīše-i be xāne āvarde-id, ān tā hangām-i šir ast-ke dar šīše baste bāšad va kas-i āzād nabāšad čizhā-ye digar-i be ān biyāmizad* ‘Например, вы купили один ман молока и принесли

его в сосуде домой, оно *do tex nor* будет оставаться молоком, пока сосуд закрыт и никто не в состоянии туда чего-нибудь добавить' (Кясрави 1332) [Рубинчик 2001: 533].

Придаточные предложения времени, связанные с главной частью при помощи союза *ke*, чаще имеют поспозитивное положение относительно главного предложения: *Qorub bud-ke na's-e zan-e bistodosāle-rā be xāne āvardand* 'Был вечер, когда принесли домой труп двадцатидвухлетней женщины' (Аляви. Письма) [Рубинчик 2001: 533].

Однако в тех случаях, когда придаточные времени находятся впереди главного предложения, союз *ke* ставится не в самом начале сложного предложения, а после одного из именных членов придаточного предложения: *Be meydān-ke bar-gašt bu-ye xorāki-hā-ye jurbejur be masām-aš rasid* 'Когда он возвратился на площадь (букв, на площадь, когда возвратился), он почувствовал запах разнообразной пищи' (Хедаят. Бродячий пес) [Рубинчик 2001: 533].

Местоимение *har* 'каждый', 'всякий' может входить в состав сложного временного союза. Наличие местоимения *har* создает значение повторяемости, постоянства действий главного и придаточного предложений: *Har vaqt-ke xāb bud va yā bā zanhā-yaš kaš-makeš dāšt va ahyānan kas-i be didan-as miāmad, Morād ādat karde bud-ke beguyad: «Āqā be masjed rafte»* 'Каждый раз, когда он спал или ссорился со своими женами и в это время к нему кто-нибудь приходил, Морад по привычке говорил: «Господин пошел в мечеть»' (Хедаят. Хаджи-ага) [Рубинчик 2001: 534]. В осетинском сложноподчиненном предложении с придаточным времени повторяемость действия может быть показана при помощи глагольных форм и союза *куы*: *Мае мад куыстæй куы ссæуы, уæд æй улæфын фæхъæуы* 'Когда моя мать приходит с работы, ей нужно бывает отдохнуть', а также при помощи включения частицы *-иу*, которая как раз показывает многократность действия: *Мае мад-иу куыстæй*

куы ссыди, уæд-иу æй улаффын хъуыди ‘Когда моя мать приходила с работы, ей нужно бывало отдохнуть’.

Из простых союзов, как уже было отмечено, помимо *ke* для введения придаточных времени употребляются союзы *tā* ‘пока’ и *çon* ‘когда’. Придаточные обстоятельства времени, вводимые союзом *td*, могут иметь как в постпозитивное, так и в препозитивное положение по отношению к главному предложению: *Miraftim tā be ketābkhāne-i rasidim* ‘Мы шли до тех пор, пока достигли какого-то книжного магазина’ (Хеджази. Слеза); *Tā xun ravān našavad āsyāb-e omur be kār naxāhad oftād* ‘До тех пор, пока не потечет кровь, общественная мельница не будет нормально работать’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 535].

И в осетинском, и в персидском между главным и придаточным времени могут устанавливаться следующие виды временной соотношенности: одновременность и последовательность действий.

Одновременность действий подразумевает их полное или частичное совпадение во времени: *Vaqt-i-ke Širin-rā be šahr āvardand, yāzdah sāl bištar nadāšt* ‘Когда Ширин привезли в город, ей было не более одиннадцати лет’ (Оховват. Красное яблоко) *Man tā moddat-i-ke dar Orupā hastam, yek zendegi-ye šāhāne barāye šomā tartib mیدهам* ‘До тех пор, пока я буду в Европе, устрою для вас шахскую жизнь’ (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 535].

При частичном совпадении действий придаточного и главного предложений в главных предложениях действие начинается раньше, чем в придаточных, и его длительность ограничивается окончанием действия придаточных предложений. Такие придаточные времени вводятся союзами *tā vaqt-i-ke*, *tā ān-ke (in-ke)* ‘до тех пор пока’, ‘пока’, *td* ‘пока’: *Sālhā gozašt va yekdigar-rā nadide budim tā ān-ke yek ruz dar ruznāme-i surat-e zan-i be češm-am xord va be nazar-am āšnā āmad* ‘Прошло много лет, и мы друг друга не видели, пока однажды в какой-то газете мне попало лицо какой-то жен-

щины, и оно мне показалось знакомым' (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 536].

Среди персидских сложных предложений с отношениями разновременности наибольшее распространение имеют сложноподчиненные предложения, в которых действие главного предложения следует за действием придаточного предложения: *Pas az ān-ke lahze-i sāket budim goft...* 'После того как некоторое время мы оставались в молчании, она сказала...' (Хеджази. Слеза); *Pas az ān-ke nimsāat-i bāzi kardim, goftam man emruz xaste-am...* 'После того как мы поиграли полчаса, я сказал, что сегодня устал...'

Сложноподчиненные предложения с союзами *hamin-ke*, *be mahz-e dn-ke (in-ke)*, *be mojarad-e dn-ke (in-ke)* 'как только', 'едва только', 'лишь только' всегда имеют главные предложения, действия которых следуют за действиями придаточных времени. При этом названные союзы указывают на быстрое наступление действия главного предложения вслед за действием придаточного. Как правило, придаточные, вводимые этими союзами, находятся в начале сложноподчиненного предложения: *Hamin-ke ostād qalam-tu-yaš-rā be rang āqešte kard va mixāst ru-ye parde bekešad, negāh-aš be surat-e vazir ofiād* 'Как только художник обмакнул кисточку в краску и хотел провести ею по полотну, его взгляд упал на лицо министра' (Аляви. Ее глаза); *Mādar-am be mahz-e in-ke sarosedāhā rāh ofiād, az Iran farār kard...* 'Едва только началась смута, моя мать бежала из Ирана...' (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 538].

Для выражения предшествования действия придаточного предложения действию главного употребляются также союзы *ke* 'когда', *tā* 'пока', *tā ān-ke (in-ke)*, *tā vaqt-i-ke* 'до тех пор, пока' и др.: *Hasani-ke in xabar-rā šenid owqāt-aš talx šod* 'Когда Хасани услышал это известие, он огорчился' (Хедаят. Живая вода); *Man jor'at nakardam tā vaqt-i-ke u kār-aš tamām našode bud az jā-yam boland bešavam* 'Я не осмелился подняться со своего места, по-

ка он не закончил свою работу' (Оховват. Красное яблоко) [Рубинчик 2001: 538].

3.7.2.4. Сложноподчиненные предложения с придаточными места

И в осетинском, и в персидском языкознании придаточным предложением обстоятельства места считается такое подчиненное предложение, которое указывают, где совершается действие главного предложения, куда или откуда оно направлено, поясняет, раскрывает значение обстоятельства места, выраженного в главном предложении соотносительным словом.

Осетинские придаточные предложения обстоятельства места отвечают на вопросы: *каем?* 'где?', *кадаем?* 'куда?', *каецей?* 'откуда?', *каецырдаем?* 'в какую сторону?', *каецырдыгаей?* 'с какой стороны?', *каеуылты?* 'каким путем?', *каей онг (каей онгты)?* 'до каких пор?' и др.

Осетинское придаточное предложение обстоятельства места бывает связано с главной частью при помощи союзных слов, выраженных относительными местоимениями: *цы* 'который', *каей* 'который'; относительных наречий *каем (каеуылты)* 'где', *кадаем* 'куда', *каецей* (каецейты) 'откуда', *каецырдаем* 'в какую сторону', *каеуылты* 'каким путем'; определительно-относительных наречий: *каемдæриддæр* 'где бы ни', *кадаемдæриддæр* 'куда бы ни', *каецейдæриддæр* 'откуда бы ни', *каецырдаемдæриддæр* 'в какую бы сторону ни' и т. д. [Багаев 1982: 414], которые соответствуют находящимся в главной части соотносительным словам *уым* 'там', *уырдаем* 'туда', *уырдаемты* 'туда', *уырдыгаей* 'оттуда' и др.: *Каеуылты бацыд, ууылты фæстæмæ раздæхти* 'По какому пути он туда вошел, по тому и вернулся' [Булкаты 1988: 144], *Хурзæрин, кæмдæриддæр дæ, уырдыгаей ардаем дын дæ зæрдаейы цæвд хъусын* 'Солнце, где бы

ты ни было, оттуда сюда я слышу биение твоего сердца' [Булкаты 1988: 274], *Цард кæм уа, уым мæлæтæн дæр сæнæуæвæн нæй* 'Где есть жизнь, нельзя не быть смерти' [Бязров 1986: 86].

Придаточное предложение обстоятельства места в осетинских сложноподчиненных предложениях чаще всего ставится впереди главного предложения, реже – вставляются в него. Когда придаточное предложение стоит впереди, главное часто начинается с соотносительного слова. Когда же придаточное предложение вставляется в главное, то оно (т.е. придаточное предложение) стоит перед соотносительным словом, которое бывает вынесено в конец сложноподчиненного предложения: *Цæуыс, Аксо, хорз адæмтæ хорз уынаффæтæ кæнынмæ кæдæм цæуынц, уырдаæм?* 'Идешь, Аксо, туда, где люди выносят нужные решения? (букв. Идешь, Аксо, где люди выносят хорошие решения, туда?)' [Бесаев 1955: 13].

Особенностью персидских придаточных обстоятельства места является то, что они следуют после существительного *jā* 'место', которое, как правило, имеет выделительный артикль и вводится подчинительным союзом *ke* [Рубинчик 2001: 566]. Имя существительное *jā* выступает либо как составная часть сложного союза, либо как соотносительное слово — обстоятельство места главного предложения: *Dar jā-yi-ke fāel esm-e jam' bāšad motābeqe va adam-e motābeqe ravā-št* 'Там, где субъект действия выражен именем существительным во множественном числе, допускается согласование и отсутствие согласования [у сказуемого]' (Гавим 1326) [Рубинчик 2001: 566].

Как утверждает Ю.А. Рубинчик, персидские придаточные обстоятельства места не являются до конца сформированной разновидностью придаточных предложений и зачастую их трудно бывает распознавать, но те придаточные места, которые следуют после соотносительных слов, легко бывает определить: *Diruz gozar-am be jā-yi oftād-ke šāgerdān-e madrase mowqe'-e tanaffos va pas*

az etmām-e dorus-e xod gardeš mikonand... ‘Вчера мне пришлось проходить *там*, где школьники гуляют во время перемен и после окончания уроков...’ (Кейхан 1374) [Рубинчик 2001: 566].

В состав сложных союзов места могут входить дополнительные элементы: 1) определительное местоимение *har* ‘каждый’, ‘всякий’ и предлоги: *Har kas be meyl-e xod har jā-ke mixāst minešast* ‘Каждый по своему желанию садился там, где хотел’ (Хеджази. Слеза); *Dar jā-yi-ke sābeqan kas-i zendegi nemikard šahr-e bozorg-i be vojūd āmad* ‘Там, где раньше никто не жил, появился большой город’ [Рубинчик 2001: 566].

2) местоименное наречие *ānjā* ‘там’ и вопросительное наречие *kojā* ‘где?’, ‘куда?’, которое также сочетается с определительным местоимением *har*: *Ānjā-ke ayān ast še hājat be bayān ast* ‘Там, где [все] очевидно, нет надобности в разъяснениях’ (Нураи. Под голубым небосводом); *Besyāri az kalemāt dar fārsi moštarak beyn-e esm va sefat hastand va har kojā-ke xāhand be tanhāyi kaleme ma ‘ni-ye esm dāste bāsad va moštarak nabāsad yek hā-ye sāken dar āxer-e ān kaleme miāvarand* ‘Многие из слов в персидском языке являются [одновременно] и именами существительными, и прилагательными, а *там, где* захотят, чтобы слово имело значение только существительного, к таким словам прибавляют *hā*-«немое»’ (Хомаюн-фаррох) [Рубинчик 2001: 566].

3.7.2.5. Сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия

Придаточным предложением обстоятельства образа действия и в осетинском, и в персидском называется такое зависимое предложение, которое раскрывает способ и характер действия или указывает на степень проявления действия и качества главного предложения, поясняет, конкретизирует обстоятельство образа действия,

В главных частях осетинских сложноподчиненных предложений соотносительными словами выступают слова *афтæ* ‘так’, *афтæмай* ‘таким образом’, *уыйау* ‘подобно тому’, *уый хуызæн* ‘подобно тому’, *уый хуызæинай* ‘подобно тому’. Осетинское придаточное предложение обстоятельства образа действия отвечает на вопросы: *куыд?* ‘как’, *куыдаей?* ‘каким образом’, а также *цæйау?* ‘подобно чему’, *каейау?* ‘подобно кому’, когда соотносительным словом в главном предложении бывает местоимение *уыйау*. Оно бывает связано с главным предложением при помощи союзов *куыд* ‘как’, *куы* ‘как’, *цыма* ‘будто’, *æмæ* ‘что’, союзных слов *куыд* ‘как’, *цы хуызæн* ‘каков’, *каейау* ‘подобно кому’, *цæйау* ‘подобно чему’: *Гипарх дæр æнхъæл уыди, цыма Хур зилы зæххы алыварс* ‘Гипарх тоже думал, что Солнце вертится вокруг Земли’ [Цопанова, Качмазова 2016: 25], *Дардаей æрбакæсгæйæ куыд зындис, афтæ æнавнæлд нæ уыдис бæрзхъæд* ‘Березовый лес был не такой нетронутый, как виднелось издалека’ [Цопанова, Качмазова 2016: 30].

Соотносительному слову *афтæ*, которое находится в главной части, в придаточном предложении могут соответствовать союзы *æмæ*, *куыд*, *цыма*. В предложениях с соотносительными словами *афтæмай*, *уыцы хуызæнаей* придаточное предложение связывается с главным при помощи союзных слов *цы хуызæн*, *куыд*, *куыдаей*, *цы хуызæнаей* и выражает способ, образ действия, выраженного в главном предложении: *Абон та, йе ‘мбæлттæ дæр йемæ, афтæмай горæты атезгъо кодтам, митæй ахъазыдыстæм* букв. ‘А сегодня, его друзья с ним, так погуляли мы по городу, поиграли в снежки’ [Бязров 1986, 14], *Мад куыд бафиппайдта, афтæмай уазæгæн йæ цæстытæ уыдысты сахъат* ‘Как заметила мать, у гостя были больные глаза’ [Бесаев 1955: 35].

Осетинские придаточные предложения обстоятельства образа действия могут как стоять впереди главного предложения, так и вставляться в него: *Мад куыд бафиппайдта, афтæмай уазæгæн*

йæ цæстытæ уыдысты сахъат ‘Как заметила мать, у гостя были больные глаза’ – Уазæгæн йæ цæстытæ, мад куыд бафиппайдта, афтæмай уыдысты сахъат ‘У гостя, как заметила мать, были больные глаза’.

Однако осетинское придаточное предложение обстоятельства образа действия может занимать и постпозитивное положение, если бывает связано с главным предложением при помощи союза æмæ или если в главном предложении опускается соотносительное слово: Уый афтæ æнхъæл уыди, æмæ æгъгъæд уыдысты æппæлды æмæ арфæйы ныхæстæ. ‘Он думал (букв.) так, что достаточно было хвалебных слов и пожеланий’, Дард хъæдбынтæм сау дардта ногконд колхозон хуым, цыма быдыры астæу чидæр диссаджы сау кæлмæрзæн æрытыдта кæрæй-кæронмæ ‘До далеких опушек темнело только вспаханное колхозное поле, как будто посреди поля кто-то постелил удивительную черную шаль’ [Багаев 1982: 419].

Персидские придаточные предложения обстоятельства образа действия присоединяются к главному при помощи союза *ke* и поясняют стоящие в главном предложении соотносительные слова, выступающие в роли обстоятельства образа действия. Поэтому они всегда следуют после главного предложения: *Sedā-yaš čenān avaz sode bud-ke dahān-am az taajjob bāz mānd* ‘Ее голос так изменился, что я раскрыл рот от изумления’ (Хеджази. Слеза); *Be towr-i hāl-aš monqaleb šod-ke be zahmat mitavānest az taqyir-e hālat-e xod jelowgiri bekonad...* ‘Он был настолько потрясен, что с трудом мог помешать изменению своего состояния...’ (Хедаят. Тупик) [Рубинчик 2001: 546].

Ю.А. Рубинчик выделяет две разновидности сложноподчиненных предложений с придаточными образа действия, между которыми нет резких различий. Придаточные предложения первого вида указывают на то, как, каким образом осуществляется дей-

ствие главного предложения. Сказуемое главных предложений в такого рода сложноподчиненных предложениях всегда глагольное. С придаточными предложениями этой разновидности употребляется одно из следующих соотносительных слов — *be towr-i*, *čepān*, *jur-i* ‘так’, ‘таким образом’: *Hamintowr-i kardid-ke pārsāl čahār māh hoqiq-e mā-rā aqab andāxtand* ‘Вы сделали так, что в прошлом году нам на четыре месяца задержали зарплату’ (Аляви. Крестьянин-гилек) [Рубинчик 2001: 546].

Чаще встречаются придаточные образа действия второго вида. Они раскрывают степень проявления действия или признака, выражаемого сказуемым главного предложения. Они могут быть названы *придаточными степени действия и качества*, поэтому мы рассмотрим их в сравнении с осетинскими сложноподчиненными предложениями с придаточными меры и степени.

3.7.2.6. Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнения

В осетинских и персидских сложных предложениях с обстоятельственными придаточными часто выражается значение сравнения, сопоставления явления, о котором говорится в главном предложении, с явлением, выраженным в придаточном предложении. Речь идет о сложноподчиненных предложениях с придаточными сравнения, которые связываются с главной частью при помощи союзов/союзных слов *куы* *когда*, *куыд*, *цыма*. В главном предложении им соответствуют соотносительные слова *афтæ*, *уыйау*, *уый хуызæн*: *Чылауитæ æргæр-гæр кодтой, цыма их ныууарыд, уыйау* ‘Сливы посыпались, как будто пошел град’ [Бараков 1975: 215], *Цыма æваст маргæйдзаг калмыл фембæлдис, уыйау фæстæмæ расанчъехтæ кодта* ‘Он так шагнул назад, как будто встретил вдруг ядовитую змею’ [Бесаев 1955: 124], *Лæппу йæ карды ком*

фæдардта æмæ ахæм зæлланг фæцыдис, цыма искуы тархъæды зым ныууасыд ‘Парень поднес острие своего ножа и раздался такой звон, как будто где-то в лесу завопила горная индейка’ [Булкаты 1988: 20], *Æз цыма стыр тохы фембылд даен, уыйау маæ цæсгомæ дадзинтæ тугæй анаерстысты* ‘Сосуды на моем лице набухли от крови так, будто я проиграл в большой битве’ [Бязров 1955: 30].

Осетинское придаточное сравнения может занимать любую позицию относительно главной части: препозиция – *Цыма æваст маргæйдзаг калмыл фембæлдис, уыйау фæстæмæ расанчъехтæ кодта*, постпозиция – *Фæстæмæ расанчъехтæ кодта, цыма æваст маргæйдзаг калмыл фембæлдис* (придаточное сравнения в осетинском может стоять после главного, если в главном опущено соотносительное слово), интерпозиция – *Фæстæмæ расанчъехтæ кодта, цыма æваст маргæйдзаг калмыл фембæлдис, уыйау* (если же сравнительное придаточное вставляется в главную часть, соотносительное слово главной части выносится в конец предложения так, чтобы придаточное предложении находилось перед ним).

Персидские придаточные сравнения вводятся следующими подчинительными союзами: *mesl-e ān-ke (in-ke), mānand-e ān-ke (in-ke), hamān towr-i-ke, hamān towr-ke* ‘подобно тому, как’, *guyā, guyi, guyā ān-ke (in-ke)* ‘как будто’, ‘словно’, ‘будто бы’: *Hamiše jeddi va ārām bud mesl-e in-ke zendegi-ye bidaqdaqe-i tey kard* ‘Он был всегда серьезным и спокойным, как будто жизнь его проходила без хлопот и волнений’ (Хедаят. Даш Аколь), *Sar-aš dāšt mitarakid mesl-e in-ke dard va hasrat-e zendegi mānand-e vazne-ye bozorg-i be qalb-aš āvixte bud* ‘У нее раскалывалась голова, как будто горести и печали жизни, как большая гиря, были подвешены к ее сердцу’ (Оховват. Красное яблоко) [Рубинчик 2001: 551].

Персидские придаточные сравнения могут без особых ограничений занимать место перед главным предложением, после него, а также находиться внутри нее.

Большинство исследователей осетинского и персидского языков выделяют такие придаточные как отдельный вид зависимых предложений, а не разновидность придаточных образа действия, что, безусловно, верно. По мнению Н. Багаева, придаточные предложения, выражающие сравнение, сопоставление, можно назвать не только сравнительными, но и сопоставительными придаточными предложениями [Багаев 1982: 418].

3.7.2.7. Сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени

Зависимая, то есть подчиненная, предикативная единица, поясняющая, конкретизирующая меру или степень признака, выраженного определением или обстоятельством образа действия, обозначающим качественную или количественную характеристику действия, а также меру или степень признака сказуемого, выраженного в главном предложении прилагательным или глаголом, называется придаточным предложением обстоятельства меры или степени.

Осетинские придаточные предложения обстоятельства меры или степени отвечают на вопросы: *куыд?* ‘как?’, *цас?* ‘сколько?’, *цæйбæрц?* ‘сколько?’, *цал хатты?* ‘сколько раз?’. Поясняемый придаточным обстоятельства меры или степени член главного предложения бывает выражен указательными наречиями меры, степени *афтæ* ‘так’, *уыйас*, *уыйбæрц* ‘столько’, а также словами *ахæм*, *уый хуызæн* в значении наречий степени, синонимичных наречию *афтæ*, словосочетанием *уал хатты*. Осетинские придаточные предложения обстоятельства меры или степени связываются с главным при помощи союзов *æмæ*, *цыма* и союзных слов *цас*, *цæйбæрц*, *куыд*: *Хадзымæт йæ бынатæй сыстын дæр нæ бафæрæзта, хъуыддаг афтæ тагъд æрцыд* ‘Все случилось так

быстро, что Хадзимет еще не успел встать со своего места' [Бязров 1986: 17], *О Аллах, радт мын уыйбæрц тых, цæмæй ма уымæн табу кæнын дæр мæ бон бауа!..* 'О Аллах, дай мне столько сил, чтобы я смог почитать его тоже!..' [Булкаты 2011: 144], *Ау, афтæ быныæфт фестæм, æмæ нæ уынгты куыдз дæр нал рæйы!* 'Неужели мы настолько пропащие, что на наших улицах даже собаки не лают!' [Булкаты 1988: 26],

Союзному слову куыд в придаточной части соответствует соотносительное слово афтæ в главной части: *Сывæллонæн, хистæр ын куыд амонь, афтæ хъуамæ кæна* 'Ребенок должен делать так, как его учит старший'.

Когда придаточное предложение связано с главной частью при помощи союза æмæ, соотносительные слова афтæ, ахæм, уыйбæрц, уыйас в придаточном для усиления могут повторяться: *Куыд фылдæр сæм касты, афтæ мадзура дæр кодта, афтæ.* 'Чем больше он на них смотрел, тем неразговорчивее становился' [Бесаев 1955: 34].

Союзным словам цас, цæйбæрц соответствуют в главном предложении соотносительные слова уыйас, уыйбæрц. Определение или обстоятельство, степень которого определяется соотносительным словом, бывает в форме сравнительной степени: *Цас фылдæр зындзинæдты сфæлтæрай де 'рыгон азты, уыйас зæрыбонты дæ цардвæндаг лæгздæр рауайдзæн* 'Чем больше сложностей ты испытываешь в юные годы, тем более гладким будет твой путь в зрелости' [Бязров 1986: 60].

Союзному словосочетанию *цал хатты* в главном предложении соответствует относительное словосочетание *уал хатты*: *Сослан йæ сæрты цал гæппы акодта, уал хатты-цу æм уæлейæ дæлæмæ лæмбынæг æркастис* 'Сколько раз Сослан перепрыгнул через него, столько раз он на него смотрел сверху вниз' [Булкаты 1988: 15] *Хурзæрин цал хатты скæсы, уал хатты райгуыры райсом* 'Сколь-

ко раз восходит Солнце, столько раз рождается утро' [Булкаты 1988: 197].

В сложноподчиненных предложениях с придаточными предложениями обстоятельства меры или степени соотносительные слова в главных частях не могут быть опущены, в отличие от сложноподчиненных предложений с некоторыми видами придаточных.

Придаточные предложения обстоятельства меры или степени могут стоять и впереди, и внутри, и позади главного: придаточные, связанные с главным предложением при помощи союзов *куьд*, *цума*, а также союзных слов *цас*, *цәйбәри*, *цацәг*, *цал хатты* чаще стоят впереди главного предложения, реже – вставляются в него; придаточное меры или степени, связанное с главным предложением союзом *әмә*, находится только после главного предложения [Багаев 1982: 420].

Ю.А. Рубинчик рассматривает зависимые предложения со значением меры и степени не как отдельный вид придаточных, а один из видов придаточных образа действия. В отличие от других сложноподчиненных предложений с придаточными образа действия, сказуемое главных предложений этого типа бывает не только глагольным, но и именным: *Ey Mādlen-e bozorgvār, ey ferešte-ye niki, man ān qadr kuček-am-ke nemitavānam bozorgi-ye to-rā bebinam* 'О благородная Мадлен, о прелестный ангел, я настолько ничтожен, что не могу оценить твоего величия' (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 547].

Наиболее часто с этими придаточными встречаются соотносительные слова *ān qadr*, *be qadr-i* 'столько', 'настолько', 'в такой мере', *čēnān*, *towr-i*, *be towr-i* 'так', 'настолько', *tā hadd-i*, *be hadd-i*, *tā anddze-i*, *be anddze-i* 'настолько', 'до такой степени', *čandān* 'настолько', *be jā-yi* 'до того', 'до такой степени' [Рубинчик 2001: 547].

Такие придаточные в персидском по своей семантике способны выдержать предельную степень проявления действия или признака: *Vaqt-i angoštar-e nāmzadi-rā dar angošt-aš did az fart-e qeyz be hadd-i*

dašt-aš-rā fešār dād-ke dard-aš āmad ‘Когда он увидел на ее пальце обручальное кольцо, то от злости *так* сильно сжал ее руку, что ей стало больно’ (Аляви. Ее глаза); *Albatte in zabān čandān došvār nist-ke ān-rā natavān āmuxt* ‘Безусловно, этот язык не настолько труден, чтобы его нельзя было изучить’ (Сохан) [Рубинчик 2001: 547].

Данные персидские придаточные раскрывают 1) предельную степень проявления действия: *Be qadr-i motavahheš šod-ke jor’at-e harakat va fekr az u rafte bud* ‘Он так испугался, что потерял способность передвигаться и думать’ (Хедаят. Тупик); *An qadr mar xorde-ke af’i sode* ‘Он столько съел змей, что сам стал змеей’ (Рахмати. Словарь) [Рубинчик 2001: 548].

2) степень проявления признака: *Belaxare biyābān ān qadr vasi’ ast-ke amniyyehā nemitavānand u-rā peydā konand* ‘Наконец, пустыня *насколько* широка, что жандармы не могут его найти’ (Аляви. Крестьянин-гиляк); *Otāq-am čenān tang va tārik šode bud-ke bezahmat nafas mikesīdam* ‘Моя комната стала *насколько* узкой и темной, что я с трудом мог дышать’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 548].

В отдельных случаях вместо универсального союза *ke* может употребляться подчинительный союз *tā* со значением ‘что’, ‘чтобы’, который чаще всего сочетается с соотносительным словом *an qadr*: *An qādr dar kuče va xiyābān vaqt gozarāndam tā Lidā az kār āzād šod* ‘Я *так* долго пробыл на улице, что Лида уже закончила работу’ (Хеджази. Слеза); *Ān qadr xodā xodā kardim tā in abrhā-rā havā kardim* ‘Мы *так* усердно молились Богу, что разогнали эти тучи’ (Рахмати. Словарь) [Рубинчик 2001: 548].

Другие зависимые предложения, вводимые союзом *tā*, не рассматривают как придаточные предложения образа действия. Без соотносительного слова эти предложения были бы придаточными времени и цели.

3.7.2.8. Сложноподчиненные предложения с придаточными цели

Придаточным предложением обстоятельства цели называется подчиненное предложение, которое раскрывает, с какой целью происходит то, о чем говорится в главной части, и поясняет обстоятельство цели главного предложения, выраженное соотносительным словом *уымæн* и словосочетанием *уый тыххæй*.

Придаточное предложение обстоятельства цели в осетинском отвечает на вопросы: *цæмæн?* «зачем», «для чего», *цæй тыххæй?* «для чего?» и бывает связано с главным при помощи союзов *цæмæй, æмæ, æмæ... цæмæй*. Союзу *цæмæй* в главном предложении соответствуют соотносительное слово *уымæн* и словосочетание *уый тыххæй*. Сравнительно редко употребляется союз *цæмæй* либо отдельно, либо в сочетании с *æмæ* на первом месте в сложноподчиненном предложении с соотносительным словом *уымæн* в главном предложении. Например: *Сослан дæр фæндагыл цадаггай цыдис, цæмæй æрдуйы хиды былмæ бахæцæ уыдаид* ‘Сослан шел медленно по дороге, чтобы добраться до моста, шириной в волос’ [Булкаты 1988: 16]. *Æрмæст-иу куырды бафæдзæхс, цæмæй йе ’взаг цыбыр дара æмæ макаемæн мацы загъа* ‘Только предупреди кузнеца, чтобы держал язык за зубами (букв. коротким) и никому ничего не сказал’ [Булкаты 1988: 44]. *Æз уæм фæдзырдтон, цæмæй исты æрхъуыды кæнæм хъæумæ искаей арвитыны тыххæй* ‘Я вас позвал, чтобы мы что-нибудь придумали насчет отправки кого-то в село’ [Бесаев 1955: 16], *Æмæ цæмæй уыцы машинаетæн фылдæр æнтыса, нартхор хæрз æфснайд цæмæй кæна, уый тыххæй йыл кусыни дарддæр* ‘И чтобы этим машинам больше удавалось, чтобы кукуруза лучше убиралась, их продолжают дорабатывать’ 76 [Бесаев 1955: 76].

Союзу *æмæ* в придаточном предложении обстоятельства цели в главном могут соответствовать соотносительное слово *уымæн* и сочетание *уый тыххæй*: *Уый тыххæй йын йæ дзыхы æндæр исты атъыссын хъæуы, æмæ дурыл ма ныццава йæхи!* ‘И чтобы он не набросился на камень, надо положить ему в рот что-то другое’ [Булкаты 1988: 239].

Осетинское придаточное предложение обстоятельства цели, присоединяемое к главному предложению союзом *цæмæй*, может ставиться впереди или внутри главного предложения: *Алчидæр хъуамæ йæхиуыл куса, цæмæй зондджын æмæ æгъдауджын адаймаг уа, уый тыххæй*, ‘Каждый должен работать над собой, чтобы быть умным и воспитанным человеком’. Но такое придаточное оказывается после главного предложения, когда опускается соотносительное слово: *Алчидæр хъуамæ куса йæхиуыл, цæмæй зондджын æмæ æгъдауджын адаймаг уа* ‘Каждый должен работать над собой, чтобы быть умным и воспитанным человеком’.

Для связи персидских придаточных цели с главным предложением используются союзы *ке*, *tā*, *barāye ān-ke (in-ke)* ‘для того, чтобы’, *bardye dn-ke (in-ke)* и *aj be manzur-e dn-ke (in-ke)* ‘с той целью, чтобы’: *Be manzur-e in-ke owzā’-e konuni-ye kešvar bištar rowšan va mahum gardad, mā reštehā-ye moxtalef-e zendegi-ye mardom-e ān-rā az nazar-e xānandegān-e mohtaram migozarānim* ‘с той целью, чтобы современное положение страны было более очевидно и понятно, мы покажем уважаемым читателям различные стороны жизни ее народа’ (Кейхан 1374) [Рубинчик 2001: 563].

Сказуемое в персидских придаточных цели выражается глаголом в форме одного из времен сослагательного наклонения: *Šowhar-am barāye in-ke bačče-aš bemānad nazr-o niyāz-i nabud-ke nakard* ‘Каких только обетов и клятв не давал мой муж ради того, чтобы ребенок остался жив’ (Хедаят. Исповедь); *Pāhā-yaš-rā dam-e boxāri-ye divāri migozāst-ke garm bāšad* ‘Он ставил свои ноги

у печки в стене, *чтобы* они согрелись' (Аляви. Письма) [Рубинчик 2001: 564].

Подобно другим обстоятельственным придаточным, придаточные цели могут предшествовать главному предложению, следовать за ним или вклиниваться в него. Придаточные предложения цели, вводимые союзами *ke* и *tā*, всегда следуют за главным предложением: *Goftam az otāq birun beravad tā hek-āyat-am-rā našenavad* 'Я ему велела выйти из комнаты, *чтобы* он не слышал моего рассказа' (Хедаят. Исповедь); *Boland harf mizadam-ke Farangis-rā motavajjeh-e xod konam* 'Я говорил громко, *чтобы* привлечь внимание Фарангис' (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 564].

Помимо отмеченных союзов *ke* и *ā* для связи придаточных и главных предложений с одинаковым субъектом может употребляться сложный союз *barāye ān-ke (in-ke) Ašk dar češm va boqz be galu-yaš āmad va barāye in-ke xod-rā ārām konad, bar-xāst va raft va barā-yam yek dāne sib dvard* 'Слезы и гнев душили ее, и для того, чтобы себя [как-то] успокоить, она встала и принесла мне яблоко' (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 564].

Персидские придаточные цели, как и осетинские, могут занимать различные позиции по отношению к главному предложению, например располагаться перед ним: *Barāye ān-ke tafsil-e jodā šodan-e xod-rā az Helen dar tāriki begozāram, nāčār bāyad be ālam-e kudaki-ye xod bar-gardam...* 'Для того, чтобы скрыть подробности моего отдаления от Элен, я вынужден снова обратиться к своему детству...' (Хеджази. Слеза). Придаточное причины также вклинивается в главное предложение: *Yek sāl pas as marg-e pedar barāye in-ke be ketābxane āsāntar dastras dāšte bāšam, pošt-e miz-e kār-e u minešastam* 'Через год после смерти отца для того, чтобы легче пользоваться библиотекой, я сидел за его рабочий стол' (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 564].

Соотносительные слова *barāye ān (in)* ‘для того’ и *be manzur-e ān (in)* ‘с той целью’, ‘с целью того’ в главных предложениях, выступая в роли обстоятельства цели главного предложения, определяют синтаксическую функцию придаточного предложения: *Jozve-ye hāzer osulan be manzur-e ān gerd āmade-ke dānešjuyān-e kelāshā-ye bālāyi-ye zabān-e fārsi ān-rā be tanhāyi bex-ānand* ‘Настоящий сборник составлен с той целью, чтобы студенты старших курсов персидского отделения смогли читать его самостоятельно’; *Sāyad in gozašt barāye in bud-ke yekādre xāter-rā az kine va došmani-ye Filip āsude karde bāšam* ‘Возможно, эта уступка для того была сделана, чтобы я сразу перестал думать о враждебном отношении ко мне со стороны Филиппа’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 565].

3.7.2.9. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины

Придаточные причины в осетинском языке отвечают на вопросы *цæмæн?* ‘почему?’ ‘зачем?’ *цæй тыххæй?* ‘почему?’ ‘из-за чего?’ *цæмæ гæсгæ?* ‘почему?’ ‘на основании чего?’ *цæуылнæ?* ‘почему не?’ Средством связи придаточных причины с главной частью являются подчинительные союзы *æмæ* ‘что’, *æмæ ... кæй* ‘что’, *кæй* ‘что’, *уымæн æмæ* ‘потому что’, *уый тыххæй æмæ* ‘потому что’, ‘из-за того, что’, *кæм — уым* ‘так как — то’.

Придаточные причины могут соотноситься со сказуемым главной части непосредственно, то есть без помощи дополнительных связующих элементов: *Аристотелы чингуытæ сыгътой арты, уымæн æмæ сæ автор нымад уыди æнæдин, муртакк адæймагыл* ‘Книги Аристотеля сжигали, потому что их автор считался человеком без веры, язычником’ [Цопанова, Качмазова: 24]

Но это соотношение также может быть обеспечено, и даже усилено, за счет использования таких соотносительных слов и сочетаний слов, как *уый тыххæй* ‘потому’, ‘из-за того’, *уымæн* ‘потому’, *уымæ гæсгæ* ‘потому’, ‘на основании того’: *Аристотелы чингуытæ сыгътой арты уымæн, æмæ сæ автор нымæд уыди æнæдин, муртакк адæймагыл* ‘Книги Аристотеля сжигали потому, что их автор считался человеком без веры, язычником’ [Цопанова, Качмазова: 24].

Следует отметить, что *уымæн* и *уый тыххæй* представляют собой соотносительные слова и находятся в главном предложении только в тех случаях, когда являются носителями логического ударения. Когда же этого не происходит, эти слова присоединяются к союзам, образуя совместно с ними сложные союзы, которые находятся в придаточном предложении. Естественно, главное предложение в таких сложных синтаксических единицах уже не содержит в себе соотносительные слова. Это можно заметить на примерах, приведенных выше.

В осетинском сложноподчиненном предложении с придаточными причины, как и в большинстве других придаточных, соотносительные слова, находящиеся в главной части, и подчинительные союзы в придаточной бывают взаимосвязаны: в зависимости от того, какое именно соотносительное слово употреблено в главном предложении, в придаточном будет использоваться конкретный союз. Например, такое соответствие имеют соотносительные слова *уымæн*, *уый тыххæй* и союзы *æмæ*, *кæй* и *æмæ...кæй* (они обладают схожими значениями): *Фыд сæрæстыр у йæ фыртæй, æмбисонды дæсны кусæг кæй басгуыхт, уый тыххæй* ‘Отец гордится сыном потому, что тот стал очень искусным специалистом’ [Бязров 1986: 28], *Уæлæуыл дæр æмæ ам дæр балцыты бирæ фæцыдтæ, фæлæ æз афтæ æнхъæлын, æмæ дын ацы балц уыдзæн æппæты стырдар æмæ тæссагдар, Хурзæрины фæд-фæд*

цауынмæ кæй хъавыс, уый тыххæй! ‘И на земле, и здесь ты совершил множество походов, но я так думаю, что этот поход будет самым длинным и опасным потому, что ты собираешься идти по следам Солнца!’ [Булкаты 1988: 128].

Как мы уже отмечали, придаточные в осетинском языке могут находиться и перед главной частью, и позади ее, а также в ее середине. Придаточные предложения причины, связанные с главным союзами *æмæ*, *æмæ...кæй*, *уымæн æмæ*, *уый тыххæй æмæ* всегда находятся после главного предложения: *Дæ зæрдæ æдзух рухс æмæ цинайдзæг, афтæмæй дæ хæс фидыс æмæ дын дæ зонд æмæ дæ цæсты рухс ницы змæнты, уымæн æмæ йæ зоныс, дæ райгуыраен бæсты амонд æмæ цин йæддæмæ бынат кæй иицæмæн баззад, уый!* ‘Твое сердце всегда наполнено светом и радостью, так ты отдаешь свой долг и ничто не замутняет твои ум и глаза, потому что ты знаешь, что на твоей родной земле не осталось места ничему, кроме счастья и радости!’ [Булкаты 1988, 169], *Фæлæ уымæ дæр æрбамæсты вæййы, уымæн æмæ йæ арæх фены Къалаимæ ныхæстæгæнгæ* ‘Но он начинает сердиться и на него, потому что часто его видит разговаривающим с Къала’ [Бязров 1986: 37]. *Мæллæг кæй уыд, уымæ гæсгæ зыхъхъыры сæрибарæй ныццыдаид* ‘Так как он был худ, он свободно мог пролезть в щель’ [Бязров 1986: 75].

Придаточная часть, связанная с главной с помощью союза *кæй*, может находиться после главной и в ее середине. Однако при использовании соотносительных слов *уымæн*, *уый тыххæй* и необходимости выделения их логическим ударением, придаточное предложение будет стоять после главного. Так, например, приведенное выше сложноподчиненное предложение *Фыд сæрæстыр у йæ фыртæй, æмбисонды дæсны кусæг кæй басгуыхт, уый тыххæй*, придаточная часть которого разбивает на две части главную, можно преобразовать таким образом, чтобы зависимая часть предше-

ствовала главной и наоборот: *Амбисонды дасны кусаг кай басгу-ыхт, уый тыххай фыд сарастыр у йа фыртай* ‘Так как он стал искусным специалистом, отец гордиться своим сыном’ и *Фыд уый тыххай сарастыр у йа фыртай, амбисонды дасны кусаг кай басгуыхт* ‘Отец потому гордиться своим сыном, что он стал искусным специалистом’.

В сложноподчиненном предложении, в котором придаточное обстоятельства причины связано с главной частью при помощи союзов *куыд, кай* с соответствующим им соотносительным словосочетанием *уыма гасга*, находящимся в главной части, придаточное может стоять перед главным предложением или включаться в него: *Сарди йа куыст ныуагъта, пенсийы ацæуын ын рагæй кай амбалд, уыма гасга* ‘Сарди оставил свою работу потому, что ему давно пора было уйти на пенсию’ [Бязров 1986: 19], *Æрмæст Цæнди афтæ кай загъта, дзæбуг се ‘ртæйыл дæр æмхуызон æруадис, загъга, уыма гасга сæ хъæуы цума сызмæнты!* ‘Только потому, что Цанди сказал, что молоток коснулся всех троих одинаково, их нужно смешать вместе’ [Бязров 1986: 41].

Похожую структуру сложноподчиненные предложения с придаточными причины имеют и в персидском языке. Они связываются с главным при помощи союзов, большинство которых являются сложными: *čon, čon-ke, zirā, zirā-ke* ‘так как’, ‘поскольку’, ‘ибо’, *be (az) jehat-e ān-ke (in-ke)* ‘потому что’, ‘вследствие того, что’, *banābarān-ke (in-ke)* ‘на том основании, что’, *barāyeān-ke (in-ke)* ‘потому что’, *čērā-ke* ‘так как’ и др. [Рубинчик 2001: 558] С тем, какие союзы употребляются в сложноподчиненном предложении с придаточным причины, связаны структурно-семантические особенности этих зависимых предложений. Помимо этого, использование союзов может вносить в сложное предложение различные стилистические оттенки.

Согласно Ю.А. Рубинчику, придаточные причины в персидском языке в некоторых случаях могут иметь определенное сходство с другими типами придаточных, которые имеют подобную им структуру [Рубинчик 2001: 558]. К таким типам придаточных в персидском языке Рубинчик относит определительно-изъяснительные, дополнительные и цели.

Например, придаточные предложения, которые связываются с главным при помощи сложного союза *az ān-ke (in-ke)*, в зависимости от общей смысловой нагрузки сложноподчиненного предложения и глагола-сказуемого главной части в частности, могут проявлять сходство с придаточными дополнительными, которые объясняют значение соотносительного слова – косвенного дополнения: *Fahmidam az in-ke māye-ye da 'vā-yi be bahāne-ye bopuli az dast-aš rafte, motaasser šod* 'Я понял, что она расстроилась из-за того, что у нее исчез повод для ссоры в связи с отсутствием денег', *Laken az in-ke mā dāyeman bā yekdigān mirāqsidim motaajjēb budand* 'Однако они были удивлены тем (букв. из-за того), что мы постоянно друг с другом танцевали' [Рубинчик 2001: 559].

Однако при использовании типичных для придаточного причины союзов сомнений в идентификации этого вида зависимых предложений в персидском языке уже не бывает: *Az xatt-e čini-ke barāye har kaleme alāmat-i jodāgāne dārad injā goftogu nemikonim, zirā-kein gune xatthā az now'-e xatt-e mā nist* 'Я здесь не стану говорить о китайской письменности, имеющей для каждого слова отдельный знак, ибо такого рода системы письма отличаются от нашей письменности', *Az ānjā-yi-ke javāne-e bihuš-i nabud bātenan ehsās karde bud-ke pazirāyi-ye noxostvazir jambe-ye tasanno' dāšt* 'Поскольку он был догадливым молодым человеком, он внутренне почувствовал, что прием премьер-министра носил показательный характер' [Рубинчик 2001: 559].

Осетинские придаточные причины из-за своей ярко выраженной семантики и задаваемого к придаточному предложению обще-

го вопроса во всех случаях определяются без затруднений, несмотря на то, что некоторые соотносительные слова, встречающиеся в предложениях с придаточными причины, могут использоваться в предложениях с другими типами придаточных.

Так же, как и в осетинском языке, придаточные причины в персидском могут находиться и перед главной частью, и после нее, и вклиниваться в нее. Чаще придаточные причины расположены перед главной частью, и в этом случае главное предложение отражает следствие, и после нее.

Местоположение персидского придаточного причины, подобно осетинскому, связано с используемым в сложноподчиненном предложении союзом. Так, например, придаточные, которые вводятся в предложение с помощью союзов *zirā*, *zirā-ke*, *čērā-ke*, всегда бывают расположены после главного предложения: *In barāye to behtarīn sarmāye xāhad šod čera-ke yaqīn dāram az in kār āyed-e xub-i xāhim dāši* 'Это будет хорошим капиталом для тебя, так как я уверена, что от этого дела мы будем иметь хорошие доходы' [Рубинчик 2001: 561]

Союз *čon* является одним из самых используемых причинных союзов. Придаточные, вводимые при помощи этого союза, чаще предшествуют главной части, но могут располагаться и после него: *Čon havā-ye kāfe garm bud moštarihā dur az boxāri jā migereftand* 'Поскольку в кафе было жарко, посетители занимали места подальше от печи' (Нушин, *Разбитый стакан*) *Gāhi-ham ma 'ni-ye loqāt-e fārsi-rā az mā miporsid čon mixāst zabān-e fārsi-rā yād begirad* 'А иногда он спрашивал у нас значение персидских слов, так как хотел изучить персидский язык' [Рубинчик 2001: 561].

С указательными местоимениями в сложноподчиненном предложении с придаточным причины часто используется предлог *barāye* «для»: «*Goft: emruz behtar az hamiše bāzi mikoni, goftam: barāye in ast-ke to az har ruz zibatar-i.*» 'Она сказала: «Ты сегодня

играешь лучше, чем обычно». Я ответил: «Это потому, что ты сегодня выглядишь красивее, чем обычно» [Рубинчик 2001: 562].

С соотносительными словами, выраженными существительными, могут быть употреблены указательные местоимения и предлоги *az* ‘от’ и *be* ‘по’: «*Be aqide-ye išān digarān in raveš-rā az in ru bar-gozide-and-ke kaleme-I moškel-e arabi (mosnadeleyh)-rā be kār barand va be estelāh fazlforuši konand.*» ‘По его мнению, другие потому прибегли к такому приему, чтобы, употребив это сложное арабское слово «подлежащее», показать свою так называемую ученость» [Рубинчик 2001: 562].

3.7.2.10. Сложноподчиненные предложения с придаточными следствия

В персидском языке выделяют также придаточные предложения обстоятельства следствия. Отличие придаточных следствия от придаточных причины заключается в том, что придаточные следствия сообщают результат тех событий, о которых говорится в главной части, а не их причины. Согласно Рубинчику Ю.А., значение следствия в персидском языках может быть выражено также в придаточных образа действия [Рубинчик 2001: 565]. Отличаются придаточные следствия и придаточные образа действия тем, что с последними употребляются относительные слова, которые находятся в главной части, тогда как придаточные следствия не бывают связаны с такими относительными (соотносительными) словами. Придаточные следствия ни с одним членом главного не связываются и не соответствуют ни одному из членов простого предложения.

Придаточные следствия в персидском бывают связаны с главным при помощи подчинительных союзов, между которыми нет существенных семантических различий: *ke* ‘так что’ (наиболее часто употребляется), *be towr-i-ke*, *be qesm-i-ke*, *be qadr-i-ke*, *čenān-ke*

‘так что’: *Dar ān guše čiz-i jalb-e nazar-e ma-rā kard-ke dar vahle-ya avval gamān kardam gorbe-ye borāq-e sefid-i ast* ‘В том углу мое внимание привлек какой-то предмет, так что в первый момент я подумал, что это пушистая белая кошка’; *Bā molāyemat va širini be man javāb dād-ke man xāhinaxāhi majbur budam rām šavam* ‘Она вежливо и мягко ответила мне, так что я невольно был вынужден подчиниться’ (Аляви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 565].

В осетинском языке придаточное обстоятельство следствия как отдельный вид придаточных не выделяется. Сложные синтаксические единицы с отношениями следствия между частями в осетинском языке относят к сложносочиненным предложениям.

Части таких сложносочиненных предложений осетинского языка, в которых выражаются отношения причины и следствия, бывают связаны при помощи сочинительного союза *æмæ*. Само следствие бывает раскрыто во второй части этих сложных предложений, а в первой части – причина, обстоятельство, из которого происходят те или иные события. Например, *Сæрды каникулты афон у, æмæ алы рæттæй æртымбыл сты хъæуы ахуырдзау фæсивæд* ‘Сейчас время летних каникул, и учащаяся молодежь села приехала из разных мест’ [Бязров 1986: 77], *Ныллæгцар уат адæмæй уыдис йæ тæккæ дзаг, æмæ сæ астæу фысым зынгæ дæр нал кодта* ‘Комната с низким потолком была полна людей, и среди них хозяина дома было не видно’ [Булкаты 1988: 52].

В той части сложносочиненного предложения, которое раскрывает следствие, могут быть использованы сочетания *уымæ гæсгæ* и *уый тыххæй*. Это помогает усилить причинно-следственные отношения, сделать их более понятными и заметными: *Фæззæджы хаттгай цъæх мигъ афтæ æнгом æрбады фийæутты хизæнты, æмæ сæ цæст нал феххæссы сæ фосы кæрæттыл, нал фæззæдзы цы афон у, уымæ гæсгæ дзы бирæтыл хаттгай æнæхъæлæджы æрталынг ваййы* ‘Иногда осенью туман так густо укрывает паст-

бища, что пастухи не могут видеть свои стада и не понимают, какое время суток, поэтому многих неожиданно настигает темнота’ [Бесаев 1955: 63].

Осетинские сложносочиненные предложения с причинно-следственными отношениями, в которых присутствуют сочетания *уымæ гæсгæ* и *уый тыххæй* очень похожи на придаточные следствия в персидском языке.

3.7.2.11. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия

И в осетинском, и в персидском языкознании придаточным предложением условия считается такое зависимое предложение, которое служит для выражения условия, при наличии или отсутствии которого совершалось или могло совершиться то, о чем говорится в главном предложении.

В осетинских сложноподчиненных предложениях в качестве соотносительного слова в главном предложении с условным придаточным предложением выступает всегда наречие *уæд* ‘то’, ‘тогда’. Условные придаточные предложения отвечают на вопрос *каед?* ‘когда?’. Они бывают связаны с главным предложением при помощи союзов *куы* ‘если’, ‘когда’, *каед* ‘если’, *иугæр* ‘раз’. Например: *Кæд исты хæрзиуæг ис, уæд уый фæрцы!* ‘Если есть какая-то награда, то благодаря ему’ [Булкаты 2011: 46], *Æмæ ма рæстæгау рæстæджытæ куы уайд, уæд хъуамæ уыцы æмбисонды чингуытæ уаиккой Иры алы ирон хæдзары дæр* ‘И если бы были еще хорошие времена, то эти удивительные книги были бы в каждом доме’ [Булкаты 2011: 7], *Алы тугцух рынчынаен дæ туг куы дæттай, уæд ма сын хос та чи кæндзæн?* ‘Если каждому нуждающемуся в крови больному ты будешь отдавать свою кровь, кто их будет лечить?’ [Бязров 1986: 11], *Бирæтыл сæ, чи зоны, зæрыбонты искуы куы*

самбæла, уæд кæрæдзи дæр нал базоной ‘Кто знает, если он встретит многих из их в старости, то они даже не узнают друг друга’ [Бязров 1986: 4].

Согласно мнению Н. Багаева [Багаев 1982: 427], осетинские сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями условия по значению можно подразделить на две группы:

1) Сложноподчиненные предложения, в которых условие, выраженное придаточным предложением, представляются говорящему как реально возможные в прошлом, настоящем или будущем: *Алы тугцух рынчынаен дæ туг куы дæттай, уæд ма сын хос та чи кæндзæн?* ‘Если каждому нуждающемуся в крови больному ты будешь отдавать свою кровь, кто их будет лечить?’ [Бязров 1986: 11],

2) Сложноподчиненные предложения, в которых условие, выраженное придаточным предложением, представляются говорящему как возможное, желательное, предполагаемое: *Æмæ ма рæстæгау рæстæджытæ куы уайд, уæд хъуамæ уыцы æмбисонды чингуытæ уаиккой Иры алы ирон хæдзары дæр* ‘И если бы были еще хорошие времена, то эти удивительные книги были бы в каждом доме’ [Булкаты 2011: 7]

Некоторые осетинские придаточные условия могут также отражать причину того, о чем говорится в главном предложении. Речь идет о придаточных, связанных с главной частью при помощи союза *иугæр*: *Иугæр æз куы аппарон мæ кард мæхицæй тыхджындæр знаджы раз, уæд ма уыдонæн дæр цы гæнæн уыдзæн...* ‘Раз я брошу свой нож перед более сильным врагом, то что останется делать им?’ [Булкаты 2011: 577], *Иугæр дын æнæ цæугæ нæй, уæд дæ нал уромын* ‘Раз ты не можешь не идти, то я тебя больше не задерживаю’ [Булкаты 1988: 44].

Что касается места придаточных в сложном предложении, чаще всего они ставятся впереди главного предложения, но иногда могут и вставляться в него.

Персидские придаточные условия связываются с главным предложением при помощи союзов *agar*, *hargāh* ‘если’, *dar surat-i-ke* ‘в том случае, если’, *čenānče* ‘если’, *agar čenānče* ‘в случае, если’, *be šart-e ān-ke (in-ke)*, *be šart-i-ke* ‘при условии, если’. Наиболее употребительным из условных союзов является союз *agar*, встречающийся в разных стилях речи [Рубинчик 2001: 539].

В сложноподчиненных предложениях условные придаточные могут находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к главному предложению. Но наиболее часто они встречаются перед главным предложением: *Agar kas-i az birun vāred šavad mifahmad-ke in mard az sobh tā be hāl čeqadr tutun dud karde-ast* ‘Если кто-нибудь с улицы пойдет к нему, то сразу почувствует, сколько этот человек с самого утра и до настоящего времени успел выкурить табаку’ (Джамаль-задэ. Вождь) [Рубинчик 2001: 539].

Ю.А. Рубинчик подразделяет сложноподчиненные предложения этого типа на две основные разновидности (как и осетинские придаточные условия):

1) Сложноподчиненные предложения, в которых условие связано с будущим временем и представляется говорящему / пишущему как реально возможное: *Agar sabab-e ajib-e in mehrebāni va qesse-ye in ešq va xošgeli-rā bedānid, heyrat-e šomā sad čandān xāhad šod* ‘Если вы узнаете удивительную причину этой нежности, а также необыкновенную историю этой любви и красоты, то ваше удивление возрастет в сотни раз’ (Хеджази. Слеза); *Agar emruz tāblohārā nabinam digar forsāt naxāham kard* ‘Если сегодня же не увижу картины, то мне уже больше не представится удобный случай’ (Аяви. Ее глаза) [Рубинчик 2001: 539].

2) Сложноподчиненные предложения, в которых условие и обусловливаемое им действие в главном предложении относятся к прошлому и представляются говорящему/пишущему как пред-

полагаемые, нереальные: *Vāqean agar kam-i mehrefāntar bā man raftār mikard, sāyad forsāt peydā mikardam-ke zowq-e xod-rā parvareš deham* ‘В самом деле, если бы она обходилась со мной чуть-чуть более нежно, то я, возможно, сумел бы найти удобный случай, чтобы возбудить в себе интерес’ (Аляви. Ее глаза); *Agar nevis-ande-ye mojarreb-i budam nemibāyesti az sargozašt-e Helen dar injā čiz-i beguyam* ‘Если бы я был опытным писателем, то я не должен был бы в этом месте что-либо рассказывать о судьбе Элен’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 540].

Предложения второго типа отличаются от предложений первого типа по своему значению и употребляемым в них глагольным временным формам, что актуально и для двух разновидностей осетинских условных придаточных. Никаких существенных различий в использовании союзов и в структуре между двумя разновидностями условных придаточных предложений нет.

Ю.А. Рубинчик отдельно отмечает придаточные предложения, вводимые союзами *valow*, *valow ān-ke (in-ke)* ‘если даже’. Они указывают на условие, которое не способствует осуществлению действия главного предложения, однако последнее осуществляется и при его наличии. Эти предложения близки к уступительным и фактически могут быть заменены ими: *Ejāze bedeh az fardā kār konam valow ruznāme-foruši bāšad, tahsilāt-e āli nemixāham* ‘Разрешите мне с завтрашнего дня начать работать, даже если это будет продажа газет, — мне не нужно высшее образование’ [Рубинчик 2001: 541].

3.7.2.12. Сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными

Уступительным и в осетинском, и в персидском называется такое придаточное предложение, содержание которого противопоставлено тому, о чем говорится в главном предложении. Ю.А. Ру-

бинчик определяет придаточные уступительные так: придаточные уступительные содержат сообщения о фактах, явлениях, событиях, которые могли бы помешать осуществлению действия главного предложения, но не помешали: они «уступают» последнему, откуда и возникло название «уступительные» предложения [Рубинчик 2001: 542].

По мнению Н. Багаева, осетинские сложноподчиненные предложения с уступительными придаточными предложениями близки к сложносочиненным предложениям с противительными отношениями между компонентами, а разница между ними состоит в том, что части сложносочиненных предложений с противительными отношениями являются равноправными, в то время как в сложноподчиненных предложениях с уступительными придаточными предложениями одно простое предложение бывает подчинено другому. Сравнить, например, предложения *Хур кастис, фæлæ ихæн уыдис* ‘Солнце светило, но было холодно’ и *Кæд хур кастис, уæддæр ихæн уыдис* ‘Хотя светило солнце, все же было холодно’, *Уый хъазгæ кодта, фæлæ йæ цæсгом бæрæг фæсырх* ‘Он шутил, но лицо его заметно покраснело’ – *Кæд хъазгæ кодта, уæддæр йæ цæсгом бæрæг фæсырх* ‘Хотя он шутил, все же его лицо заметно покраснело’ [Бязров 1986: 10].

Уступительные придаточные предложения связываются с главным при помощи парного союза *кæд-уæддæр* ‘хотя-все же’, ‘однако’, ‘но’. Союз *кæд* всегда бывает в составе придаточного предложения, а *уæддæр* — в составе главного: *Кæд искуы Барастыры æвастæй исты саразы, уæддæр ын рауайы Дзæнæт æмæ йæ цæрджыты хæрзиуæгæн* ‘Даже если когда-то он делает что-то без ведома Барастыра, у него это все же получается на благо Рая и его жителей’ [Булкаты 1988: 28], *Æз æй куына баназон, уæддæр æй æндæр исчи баназдæн* ‘Даже если я это не выпью, все равно кто-то другой выпьет’ [Бязров 1986: 47].

Осетинское придаточное уступительное предложение может быть связано с главным и при помощи определенных местоимений и наречий (союзных слов) *цыфæнды* ‘что угодно’, *цаварфæнды* ‘какой угодно’, *чифæнды* ‘кто угодно’, *кацыфæнды* ‘который угодно’, *цалфæнды* ‘сколько угодно’ и т. п. (в придаточной части) в сочетании с *уæддæр* в главном предложении. Часто наряду с союзными словами в придаточном уступительном предложении употребляется и союз *куы*, который придает ему оттенок условия, как в предыдущих примерах.

Иногда в качестве союзных слов для связи уступительного придаточного предложения с главным употребляются относительные местоимения *чи*, *цы*, *цавар* и др. и относительные наречия *каæм*, *кадæм*, *кацæй*, *куыд*: *Цы йын нæ фæкодтон, куыд ын нæ фæлæгъстæ кодтон, йæ марты дзæкъул нæ райхæлдта* ‘Что я ни делал, как я его ни просил, он не отпустил свою злобу’ [Багаев 1982: 432].

Осетинское уступительное придаточное чаще ставится впереди главного предложения, но может быть и внутри него: *Ахæм ныхæстæн Тего кад искуы аргъ кодта, уæддæр сæ ныр йæ хъустыфæрсты уагъта* ‘Таким словам Тего хотя и придавал когда-то значение, однако теперь пропускал их мимо ушей’ [Коцоев 2012: 53].

В тех случаях, когда уступительное придаточное предложение вставляется в главное, соотносительное слово *уæддæр* выносится в конец предложения, а придаточное предложение помещается прямо перед ним: *Сывæллæтты фæнды митæй ахъазын, кад æддæйæ тынг уазал у, уæддæр* ‘Дети хотят поиграть в сежки, хотя на улице очень холодно’.

Ю.А. Рубинчик выделяет в персидском языке два вида придаточных уступительных. Персидские придаточные уступительные первого вида вводятся следующими уступительными союзами: *agar-če* (сокращенно — *gar-če*), *har čand*, - *har čand-ke* ‘хотя’, *bā vojūd-e*

ān-ke (in-ke), agar ‘если’: *Agar be gofte-ye āqā-ye Minovi miyān-e matāleb-e dasiur-e ānhā hamāhangi nisi, vali har yek az oslādān-e mazbur qesmat-e marbut be xod-rā moħaqeqāne nevešte-ast...* ‘Если даже, по словам господина Минови, в освещении отдельных вопросов их грамматики нет единства взглядов, но каждый из упомянутых профессоров по-научному написал принадлежащую ему часть... [Рубинчик 2001: 542].

Персидские придаточные уступительные обычно располагаются перед главным предложением. Встречаются также придаточные уступительные после главного предложения. В таком случае противопоставление между действиями главного и придаточного предложений находит выражение в употреблении противительных союзов в начале главного предложения. В качестве противительных союзов используются также союзы, встречающиеся только в сочетании с уступительными придаточными: *ma’ħazā, ma’zalek* ‘всѧ же’, ‘вместе с тем’, ‘тем не менее’, *bāz, bāz-ham* ‘всѧ же’: *Agar-če tamām-e ruz-rā mahbus budim, vali dar ordu-ye xod-emān āzādi dāstim* ‘Хотя в течение всего дня мы находились под арестом, но в пределах нашего лагеря имели свободу’ (Хедаят. Катя) [Рубинчик 2001: 542].

Иногда придаточные уступительные вклиниваются в главные предложения: *Bā in daste har čand aksariyyat-ham dāšte bāšand kenār āmadan kār-e moškel-i nist* ‘С этой группой, хотя бы даже она составляла большинство, договориться нетрудно’ (Джамаль-задэ. Вождь) [Рубинчик 2001: 542].

Придаточные уступительные предложения второго вида вводятся союзами *har čand [-ke], har če qadr* ‘сколько [бы] ни’, ‘как [бы] ни’, *har če* ‘что [бы] ни’, ‘сколько [бы] ни’, *har ke* ‘кто [бы] ни’ и другими и располагаются перед главным предложением. Придаточные этого вида имеют обобщительный характер и поэтому могут быть названы обобщенно-уступительными [Рубинчик 2001: 543].

Противительные отношения между главным и уступительным придаточным нередко поддерживаются постановкой глагола-сказуемого главного предложения в отрицательной форме: *Har če āb be sar-o surat-aš mirixt garmi az badan-aš dur nemišod* ‘Сколько ни лил он себе воды на голову и лицо, жар не покидал его тело’ (Джамаль-задэ. Вождь) [Рубинчик 2001: 542]. Это встречается и в осетинских сложноподчиненных предложениях с придаточными уступительными: *Цы йын нæ фæкодтон, куыд ын нæ фæлæгъстæ кодтон, йæ марты дзæкъул нæ райхæлдта* ‘Что я ни делал, как я его ни просил, он не отпустил свою злобу’ [Багаев 1982: 431].

Уступительный союз *har qadr* своей семантикой выражает предельное количество какого-либо признака или действия, в связи с чем он часто располагается непосредственно перед сказуемым придаточного предложения: *Har qadr xāšt geribān-e xod-rā az čangāl-e in afkār-e āzārdehande rahā sāzad maqdur nagardid* ‘Сколько ни хотел он освободиться от пут этих мучительных мыслей, ему это не удалось’ (Джамаль-задэ. Вождь); *Man har kār-e digar-i-rā har qadr fāyede dāšte bāšad migozāram va miāyam* ‘Как бы ни было выгодно любое другое дело, я оставлю его и приду’ (Хеджази. Слеза) [Рубинчик 2001: 544].

Уступительные придаточные следует отличать от сопоставительных придаточных, вводимых союзом *har če* ‘чем... тем’. Отличительной особенностью придаточных сопоставительных служит наличие в них сравнительной степени прилагательных, показывающей степень проявления признака и предшествующей глаголу-сказуемому.

3.7.13. Бессоюзные предложения в осетинском и персидском языках

Бессоюзными в лингвистике называются сложные предложения, предикативные части которых бывают связаны между собой по смыслу и интонационно – без помощи союзов и союзных слов.

Перед тем, как сравнивать бессоюзные предложения в осетинском и персидском языках, необходимо обратить внимание на то, что в персидской лингвистической науке данные синтаксические конструкции рассматривают в тесной связи со смысловыми отношениями между их частями, выделяя бессоюзные сложносочиненные и бессоюзные сложноподчиненные предложения, о чем мы говорили в начале раздела. В осетинском же языкознании такой подход имел место в трудах исследователей языка прошлого столетия. На современном этапе изучения осетинского языка при классификации сложных синтаксических конструкций обращают внимание не только на смысловые отношения между их компонентами, но и на средства связи между ними. На основе этого в осетинском языке выделяют союзные сложносочиненные и сложноподчиненные и бессоюзные предложения.

Мы будем сравнивать данные синтаксические единицы в двух языках с учетом смысловых отношений между их частями, то есть – сопоставляя бессоюзные предложения, выражающие одни и те же отношения.

Ю.А. Рубинчик подразделяет персидские бессоюзные предложения на 1) сложносочиненные бессоюзные предложения, 2) сложноподчиненные бессоюзные предложения и 3) сложные бессоюзные предложения, не имеющие соответствия в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях с союзной связью опираясь на то, что основные отношения, объединяющие части сложного предложения в синтаксическое единство, — это отношения сочинения и подчинения. При этом он отмечает, что некоторые разновидности бессоюзных предложений обладают особыми, не свойственными союзным сложным предложениям семантико-грамматическими признаками [Рубинчик 2001: 569].

Осетинские бессоюзные сложные предложения подразделяют на открытые и закрытые [Цопанова, Качмазова 2016: 38]. Откры-

тыми называют бессоюзные предложения, части которых похожи на компоненты предложений, связанные при помощи соединительных союзов. Такие предложения легко преобразовать в сложносочиненные предложения: *Æхст стынг — райдыдта мæлæтдзаг тох* ‘Раздался выстрел – начался смертный бой’ [Бараков 1975: 9] – *Æхст стынг, æмæ райдыдта мæлæтдзаг тох* ‘Раздался выстрел, и начался смертный бой’.

Закрытые бессоюзные предложения отличаются тем, что между их частями возникают отношения противопоставления, причины, условия следствия и т.д., то есть более тесные по сравнению с отношениями, возникающими между частями открытых: *Зæронд фыййау æмбары: цæсгом зæрдæйы айдæн* у ‘Старый пастух понимает: лицо является зеркалом души’ [Бесаев 1955: 11].

Так же, как и сложные предложения с союзами, бессоюзные предложения и в осетинском, и в персидском языках могут быть двучленными и многочленными, т. е. состоять из двух и более простых предложений. Предложения *Кæртмæ-иу рацыдис (Дахци): хур кæсы, арвыл стæм урс мигъы къуымбилтæ, кæцæйдæр хъуысы мыдыбындзыты гуыв-гуыв, Бабыз иунагæй архайы цæхæрадоны* ‘Выходил во двор (Дахци): солнце светит, на небе редкие белые облака, слышно жужжание пчел, Бабыз одна трудится в огороде’ [Багаев 1982: 385], *Oqde-i gošude šod, zaxm-i sar bāz kard, xun az ān rixt* ‘Узел развязался, рана вскрылась, из нее полилась кровь’ [Рубинчик 2001: 494] состоят более чем из двух предикативных частей.

Чаще всего сказуемое в простых предложениях, входящих в состав бессоюзного сложносочиненного предложения, бывают по форме однотипны, т. е. бывают в одной и той же форме вида и времени глагола. Сказуемые в предложении *Зæронд лæджы йæ зæрдæ нæ сайы: уазджытæ ис сæ бынаты, уымæй дæр бæхджын уазджытæ* ‘Сердце старика не врет: на их месте гости, к тому же всадники’ [Бесаев 1955: 7] выражены глаголами настоящего времени.

По сравнению с союзными, бессоюзные предложения и в осетинском, и в персидском имеют меньше возможностей для выражения различных смысловых отношений, но при этом могут выражать основные: перечисления, противительные, причинно-следственные, отношения одновременности и даже последовательности.

Бессоюзные предложения с отношениями перечисления: *Кæртмæ-иу рацыдис (Дахци): хур кæсы, арвыл стæм урс мигъы къуымбилтæ, кæцæйдæр хъуысы мыдыбындзыты гуыв-гуыв, Бабыз иунагæй архайы цæхæрадоны* ‘Выходил во двор (Дахци): солнце светит, на небе редкие белые облака, слышно жужжание пчел, Бабыз одна трудится в огороде’ [Багаев 1982: 385]. *Az dur čerāq-e zaif-i midaraxšid, yeki do qāyeq-e motori dide mišod, čand kaš-ti-ye bādi mašqul-e bārbandi budand* ‘Издали тускло светил фонарь, виднелись одна-две моторные лодки, несколько парусников находились под погрузкой’ (Хедаят. Бродячий пес) [Рубинчик 2011: 570]. Ю.А. Рубинчик называет такие отношения отношениями одновременности. Также он отмечает в персидских бессоюзных предложениях отношения временной последовательности: *Oqde-i gošude šod, zahm-i sar bāz kard, xun az ān rixt* ‘Узел развязался, рана вскрылась, из нее полилась кровь’. В предложениях с выражением временной последовательности используется перечислительная интонация [Рубинчик 2011: 494].

Бессоюзные предложения с отношением последовательности в осетинском употребляются сравнительно редко: *Бонтæ цыдысты, мæйтæ ивгъуыдтой, азтæ сын хастой сæ базыртыл цин æмæ амонд* ‘Дни шли, месяцы проходили, годы несли им на своих крыльях радость и счастье’ [Багаев 1982: 386].

Бессоюзные предложения, выражающие противительные отношения, есть и в осетинском, и в персидском языках: *Уый арс нæ нары — фæлдахы сырды йæ хъырмагæй Гуыйман* ‘Это не мед-

ведь ревет – валит зверей своим мечом Гуйман’ [Багаев 1982: 439], *Jam ‘-etān jam’ bud, yeki-tān kam bud* ‘Вас было много, одного среди вас не хватало’ Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие противительные отношения, бывают обычно двучленными, как и сложносочиненные предложения с теми же отношениями. [Рубинчик 2001: 571].

Бессоюзные сложные предложения, одна часть которых уточняет, объясняет то, о чем говорится в другой: *Зæронд ус бамбæрста: уый зæхх нæ цуды, фæлæ йæхæдæг* ‘Пожилая женщина поняла: не земля качается, а она сама’ [Цопанова, Качмазова 2016: 41], *Zen-degi-ye gozašte-ye hod-rā be yād āvard, yādgārhā-ye pišin az jelov-e u yek be yek radd mišod* ‘Он вспомнил свою прежнюю жизнь: прошлые воспоминания одно за другим проходили перед его глазами’ (Хедаят. Три капли крови) [Рубинчик 2001: 571]. Вторые части данных бессоюзных предложений содержат пояснение, уточнение, добавление к тому, что высказано в первых частях.

Осетинские и персидские бессоюзные сложные предложения могут выражать условно-временные отношения: *Ех, ныр фадат куы уаид Мæскуымæ ацæуын, — ацæуиккам тырæй, чысылæй* ‘Эх, была бы возможность поехать в Москву – поехали бы от мала до велика’ [Бесаев 1955: 19], *Dar injur jāhā-ye kiček ādam āb bexorad hame midānand* ‘В такого рода маленьких местечках стоит выпить кому-нибудь глоток воды (букв, человек выпьет воды) — все уже знают об этом’ (Хедаят. Светотень) [Рубинчик 2001: 574].

Бессоюзные сложные предложения, одна часть которых отражает причину того, о чем говорится в другой: *Стæй æвиппайды уæлдæф ныррызти: райхъуысти станцæйы паровозты æмæ депойы гудокты дæргъæвæтин уаст* ‘Затем внезапно воздух задрожал: послышался продолжительный рев паровозов со станции и гудков депо’ [Багаев 1982: 439], *Mā nemitavānestim javāb bedehim, nemitavānestim be taraf-e sāhel bargardim: suxt-e mā tamām šode*

bud ‘Мы не могли ответить, не могли возвратиться на берег: наше горячее кончилось’ [Рубинчик 2001: 575]. И в осетинских, и в персидских бессоюзных предложениях с причинно-следственными отношениями события, о которых говорится во второй части предложения, происходят по причине, раскрываемой в первой части. Между частями таких бессоюзных предложений ставится двоеточие.

Бессоюзные сложносочиненные предложения, одна часть которого отражает цель того, что говорится в другой: *Уыдон æй барæй рауагътой æмæ йын радтой йæ къонн дæр: йæ фæдыл кæсгæ цæудзысты, кæддæра кæдæм бацæуид, стæй æрцахсдзысты Шулцæйы дæр* ‘Они специально его отпустили и вернули коробку: будут за ним следить, куда же он пойдёт, и поймают Шулце’ [Барков 1975: 245]

Ю.А. Рубинчик выделяет в персидском языке бессоюзные предложения, одна часть которых отражает меру и степень того, о чем говорится в другой: *Baččehā az bas nān-e xāli va māst-o panir; čoqondar-o xiyār xorde-and šekamhā-yešān bād karde va rang bar roxsār-ešān namānde ast* ‘Дети поели *столько* пустого хлеба, кислого молока, сыра, свеклы и огурцов, [что] животы их вспухли и лица побледнели’ (Джамаль-задэ. Горькое и сладкое) [Рубинчик 2001: 576].

Хотя бессоюзные предложения, между частями которых возникают отношения, свойственные для компонентов сложноподчиненных предложений, в осетинском языке употребляются не так часто, бывает возможно преобразовать такое бессоюзное предложение и в сложноподчиненное, в котором придаточное будет присоединено к главному при помощи союза.

Заключение

Сопоставительный анализ грамматик осетинского и персидского языков позволяет определить общие и дифференцирующие элементы в их функционировании.

Имя существительное

Главной лексико-семантической функцией имен существительных в сопоставляемых языках является выражение предметности. В обоих языках существительные подразделяются на имена *нарицательные* и *собственные*, на имена *одушевленные* и *неодушевленные*, на имена *конкретные*, *отвлеченные* и *вещественные*.

И в осетинском, и в персидском языках полностью отсутствует грамматическая категория рода. Однако лексическими формами и синтаксическим способом в обоих языках выражается естественный пол лица или животного.

И в осетинском, и в персидском языках категория числа выражается противопоставлением форм единственного и множественного числа.

Встречаются и существительные в форме *pluralia tantum*, имеющие только форму множественного числа.

Образование формы множественного числа в осетинском языке происходит посредством постоянного суффикса множественности *-m-*.

Множественное число в персидском языке образуется путем присоединения к основе существительного одного из суффиксов,

-ān или -hā. суффиксов множественного числа арабского происхождения -at, -in, -un и суффикса двойственного числа. Формы арабского ломанного множественного числа проникли в персидский язык и выражают множественное число путем чередования гласных и согласных звуков, добавления или сокращения гласных звуков, изменения их качества.

Существительные в осетинском языке подразделяются на определенные и неопределенные. Определенность и неопределенность выражаются тремя способами: а) фонетически, с помощью ударения, б) морфологически и в) синтаксически.

Категория выделенности в персидском языке – это грамматическая категория имен существительных, выступающая как показатель субстантивности. В персидском языке грамматическим средством выделения предметов или явлений из ряда им подобных является артикль.

Выделение имен одушевленных и неодушевленных в осетинском языке производится по их семантике и по вопросам, на которые они отвечают

В персидском языке нет четкого противопоставления этих категорий, хотя они имеют грамматическое оформление.

Одушевленные имена служат для наименования живых существ, а также существ и предметов, приравненных к живым или просто олицетворяемым.

В отличие от персидского языка, где падежная система полностью утрачена, осетинский язык имеет богатую парадигму склонения. При этом, несмотря на такую же многопадежность, что и в древнеиранских языках, осетинское склонение не является его продолжением и значительно отличается от остальных новоиранских языков, которые демонстрируют гораздо меньшее число падежей. Часть падежных окончаний произошла из самостоятельных слов, которые постепенно срастались с именем.

По вопросу о количестве падежей в осетинском языке среди ученых нет однозначного мнения, и разные исследователи насчитывают их от восьми до десяти. В настоящее время осетинская система склонения включает в себя восемь падежей: *именительный, родительный, дательный, отложительный, направительный, местный внешний, союзный, уподобительный*. В дигорском диалекте осетинского языка также выделяется восемь падежей: *именительный, родительный, дательный, отложительный, направительный, местный внутренний, местный внешний и уподобительный*.

Различия между парадигмами склонения в иронском и дигорском диалектах заключаются в отсутствии в иронском местного внутреннего падежа и его наличии в дигорском и, наоборот, в отсутствии в дигорском союзного падежа и его наличии в иронском.

Таким образом, имена существительные в осетинском и персидском языках обладают рядом схожих характеристик и дифференцирующих признаков. Общим является отсутствие грамматической категории рода в обоих языках и выражение значения естественного пола лексическими (в осетинском и синтаксическими) средствами; наличие определенных артиклей и в персидском, и в осетинском (дигорском) языках, использование числительного *иу / уек* в качестве неопределенного артикля. Дифференцирующим признаком является наличие в осетинском языке развитой системы склонения и ее полное отсутствие в персидском

Имя прилагательное

В осетинском языке прилагательные, выступая в роли определения, употребляются при существительном, предшествуя ему.

Имя прилагательное и определяемое им существительное составляют один акцентуальный комплекс, т.е. имеют единое ударение. Самим прилагательным не свойственна категория определен-

ности/неопределенности. Однако если они выступают в качестве определения к существительному определенному, то ударение переносится со второго слога акцентуального комплекса на первый слог. В случаях, если прилагательное определяет неопределенное существительное, ударение сохраняется на втором слоге акцентуального комплекса.

Имена прилагательные в обоих сопоставляемых языках делятся на две группы: имена прилагательные качественные и имена прилагательные относительные.

Провести четкую грань между именами существительными и именами прилагательными в осетинском языке затруднительно. Во-первых, у прилагательных нет специфических морфологических частеречных показателей. Во-вторых, многие имена существительные могут употребляться в функциях прилагательного. И, в-третьих, многие прилагательные могут иметь значение существительного.

И в осетинском, и в персидском языках имена прилагательные по своим значениям и грамматическим признакам делятся на качественные и относительные.

Главное отличие качественных прилагательных от относительных заключается в том, что первым свойственна грамматическая категория степеней сравнения.

Формирование степеней сравнения в осетинском и персидском языках имеет как общие, так и специфические черты. Общим является наличие самой категории сравнения, ее реализация в трех степенях, использование одного и того же общего по происхождению суффикса для формирования сравнительной степени. Специфическим является формирование превосходной степени сравнения, для которой осетинский язык использует аналитический способ, а персидский – суффиксальный.

Осетинские имена прилагательные, употребляясь перед именем существительным, не имеют падежных форм. Падежные формы берет на себя имя существительное. В осетинском языке прилагательные в роли определения употребляются перед определяемым существительным. В персидском языке, напротив, при выполнении роли определения прилагательные следуют после определяемого слова и присоединяются к нему с помощью изафетного показателя.

Падежные формы и другие особенности склонения прилагательных при их субстантивации ничем не отличаются от склонения существительных.

При этом прилагательное подвергается тем же фонетическим изменениям, что и имя существительное

Образование множественного числа происходит так же, как у существительных, т.е. за счет прибавления суффикса множественности *-т*.

Имя числительное

По своей структуре числительные в обоих сопоставляемых языках делятся на три группы:

1. Простые, состоящие из одной основы.
2. Сложные, образованные путем соединения основ.
3. Составные полученные путем нескольких числительных с помощью союза *æмæ* 'и' в осетинском и союза *о* 'и' в персидском.

В современном осетинском языке сосуществуют две системы счета – двадцатичная и десятичная

Одной из особенностей строя персидского языка по сравнению с осетинским является наличие счетных слов-нумеративов в сочетании с определенно-количественными числительными

Местоимения

Местоимения не обладают какими-либо морфологическими или синтаксическими характеристиками, которые бы их отличали от других частей речи. Благодаря своему дейктическому значению они отнесены к самостоятельной части речи.

В осетинском выделяются следующие группы местоимений: *личные, усилительно-личные местоимения, возвратные (обще-возвратное, личные возвратно-усилительные), указательные, вопросительные, относительные местоимения, неопределенные, определенные, отрицательные, количественные (определенно-количественные, неопределенно-количественные* [Багаев 1965: 229 – 231], у Медоевой количество групп местоимений по значению: *личные, усилительные, возвратные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, определительные, отрицательные, количественные* [Медоева 2003: 129 – 130].

Багаев Н.К. предпочитает делить этот заменяющий именные части речи класс слов по своему составу на *производные* и *непроизводные*: например, «(æз, ды, уый, мах, сымах, чи, цы, ай, йед, иннæ, æндæр, алы и др.) и производные при помощи суффиксов и словосложения (чидæр, цыдæр, чидæриддæр, цыдæриддæр, кæцыдæр, кæцыдæриддæр, ничи, ницы, мачи, исчи, исты, мæхи. дæхи, нæхи, не 'ппæт, уе 'ппæт, алцы, алчи, чифæнды, цыфæнды, ничиуал, ницыуал, никæцыуал и т. д.)» [Багаев 1965: 228].

В персидском же выделяют *личные, слитные, указательные, вопросительные, определительные, определительно-возвратные, неопределенные, отрицательные, взаимные местоимения*, по своей структуре они предстают «простыми (*man* «я», *ānhā* «они») и сложными словами (*hičyek* «никто», *hičkodām* «никто», «никакой»). При этом границы между сложными словами и словосочетаниями, обладающими местоименными значениями, которое часто прослеживаются недостаточно четко» [Рубинчик 2001: 169].

Как видно из рассмотренного, в персидском языке не находят своего отражения притяжательные и относительные местоимения, в осетинском – относительные, которые заключают в себе вопросительные местоимения.

Итак, распределение типов групп местоимений в осетинском и персидском языках немножко колеблется, но не портит их основную грамматическую картину.

Установлено, что в обоих языках все местоимения могут выполнять функции как главных членов предложения, так и второстепенных, но это будет зависеть от позиции, которую принимают заменяемые ими имена существительные, прилагательные и числительные.

По своим функциональным свойствам местоимения сближаются с соответствующими частями речи – существительными, прилагательными, числительными, которые они заменяют.

Морфолого-синтаксические признаки местоимений сближают их с именными частями речи настолько, что местоименные слова получают названия местоимений-существительных, местоимений-прилагательных и т.д. и анализируются вместе с этими частями речи.

Глагол

Сопоставительный анализ простых глаголов в современном осетинском и современном персидском языках призван не только выявить и описать общие и уникальные черты в системе этой богатейшей части речи, основы грамматики обоих языков, но и, показать необходимость обращения к материалу генетически родственных языков при решении актуальных проблем грамматики. Учитывая возрастающий интерес осетинских и иранских лингвистов не только к языкам друг друга, но и к языковому сознанию носителей языка и, в связи с этим, расширение сферы изучения

этих языков, становится очевидной необходимость проведения сопоставительного исследования всех уровней осетинского и персидского языков.

Глагол в сопоставляемых языках представлен такими структурно-словообразовательными типами, как простые и сложные глаголы. В качестве самостоятельного типа в персидском языке выделяются префиксальные глаголы.

В персидском языкознании принято делить простые глаголы на правильные, подобноправильные и неправильные. В осетинской лингвистике нет такого деления простых глаголов, однако сопоставительный анализ показал, что для этого есть существенные основания. Так, персидским правильным глаголам соответствуют в осетинском глаголы, образующие основу прошедшего времени от основы настоящего времени путем простого прибавления суффиксов. Большинство простых глаголов в обоих языках представлены типом, названным в персидских грамматиках неправильными глаголами. В обоих языках их отличительной особенностью является наличие чередований гласных или согласных в основах настоящего и прошедшего времени, причем в осетинском количество таких чередований больше, чем в персидском.

Особый интерес в сопоставительном плане представляют персидские префиксальные глаголы и осетинские глаголы с превербами (последние совершенно справедливо не выделяются в особый тип, так как любой осетинский глагол способен присоединять преверб). Анализ персидских префиксальных глаголов, семантика которых равна сумме значений компонентов, и осетинских простых глаголов с превербами, позволил прийти к выводу, что в осетинском языке диапазон значений превербов значительно шире и включает, помимо пространственных, аспектуальные и дейктические значения.

В обоих языках глагол имеет две основы – основу настоящего времени и основу прошедшего времени, от которых образуются все глагольные формы. При этом в осетинском все основы прошедшего времени образованы от основ настоящего времени путем присоединения одного из пяти суффиксов, в то время как в персидском таким способом образуются основы прошедшего времени только правильных глаголов.

Как в осетинском, так и в персидском языке инфинитив сочетает в себе свойства глагола и имени. Так, в осетинском он склоняется по типу имени, как часть составного сказуемого может иметь форму множественного числа. В персидском же инфинитив может иметь отрицательную форму, принимать изафетный показатель и выполнять почти все основные функции существительного.

Сложные глаголы осетинского и персидского языков демонстрируют как общие, универсальные признаки, так и уникальные черты. Впрочем, в рассмотренном нами круге вопросов преобладают общие свойства, в том числе в перечне нерешенных или спорных проблем структурно-семантического характера. Предметом отдельного сравнительно-сопоставительного анализа должны стать типология глагольных компонент, структурные особенности осетинских и персидских сложных глаголов, способы выражения грамматических категорий в сложных глаголах и некоторые другие.

Неспрягаемые формы

Сопоставление осетинских и персидских причастий дает нам право сделать определенные выводы.

Широкая функциональная маневренность причастий в двух рассмотренных языках объясняется их морфологической двуприродностью или, лучше – многоприродностью частей речи – *глагола* и *имени*.

Причастия к выбору признаков той или иной части речи подходят весьма избирательно: в стороне остаются именно те признаки, которые бы не мешали свободному маневрированию в пространстве предложения между именем глаголом.

Так, например, осетинские и персидские причастия, отказавшись от форм спряжения, категории рода, лица и т.д., оставляют только категории залога и времени ввиду того, что глагол в этих двух языках всегда отличался залоговой недифференцированностью.

Итак, отметим, что и в современном осетинском, и в персидском языках причастие имеет все три времени: настоящее, прошедшее, будущее, хотя есть ряд мнений некоторых ученых о несогласии причисления персидских причастий настоящего времени к этому классу слов.

Вероятнее всего, здесь могут вызывать сомнение лексикализованность слов и транспозиционная гибкость причастных образований, когда уже не совсем просто бывает определить их принадлежность к тому или иному классу слов.

Как показал семантико-грамматический анализ причастий с суф. *jl-an*, они обладают сложной и противоречивой природой, совмещая в себе причастные и деепричастные функции. Именно последнее свойство разновидности причастий дает основание рассматривать ее среди неличных форм глагола и называть также причастием настоящего времени.

Из рассмотренных выше причастных форм, по мнению Рубинчика, причастие с суф. *I -a* меньше всего связано с глаголом. Авторы грамматик и учебников персидского языка, в которых данная разновидность включается в систему причастий, ограничиваются краткой характеристикой способа их образования и констатацией факта преобладания именных значений у этих причастий.

Причастия настоящего времени в осетинском языке образуются от основы настоящего времени глагола путем прибавления суф-

фиксов *-аг*, *-æг*, *-гæ*. Главный признак этих причастий – значение признака (по действию): *кусаг* «работящий», *дзураг* «говорливый», *цауæг* «идущий», *кусаг* «работающий», *фыссаг* «пишущий», *цауæгæ* (цард) – бродячая жизнь мн.др.

Отличительно от осетинских причастий прошедшего времени *-д*, *-т*, *-ст*, *-ыд*, *-ад*: *куыст* (зæхх) – обработанная земля, *каст* (чиныг) – прочитанная книга, *æфснайд* (уат) – прибранная комната, *цагъд* (къул) – побеленная стена и др. в персидском причастие этого же времени образуется путем прибавления единственного суффикса *-ек* основе прошедшего времени, например: *«Ju»ldmade* «пришедший», *ллугофте* «сказанный», *±ziǰgerefte* «полученный».

Причастия прошедшего времени в обоих языках сохраняют наибольшую грамматическую и лексико-семантическую связь с глаголом (произведенным действием). Отличительно от осетинского, причастия прошедшего времени в персидском могут выполнять функции деепричастий, что позволит решить только контекст.

Что касается осетинского деепричастия, то отметим, что оно представлено двумя суффиксами *-гæ* и *-гæйæ*. Указанные отглагольные формы на *-гæ* при определяемом слове выполняют функцию причастий, без него – деепричастия; суффикс *-гæйæ* остается исключительно деепричастным. В предложении выступают в роли обстоятельственных слов.

В персидском языке причастия *будущего времени* называют еще и *причастием долженствования*: «Причастия долженствования образуются путем прибавления к инфинитиву ударного суффикса *kardan* – «делать», *kardani* – «то, что нужно сделать», «то, что можно сделать», «выполнимый», «осуществимый»; *goftan* – «говорить», *goftani* – «то, что нужно или можно сказать», «заслуживающий того, чтобы сказать»; *raftan* – «уходить», «уезжать», *raftani* – «собирающийся уходить, уезжать» и т.д.».

Осетинское причастие будущего времени образуются, как и другие причастия, от основы настоящего времени глагола при прибавлении суффикса *-инаг*: *дзуринаг* – то, что следует рассказать, *хаеринаг* – то, что следует съесть, *фыцинаг* – то, что следует сварить, *калинаг* – то, что следует вылить или выбросить и мн.др.

Осетинские и персидские причастия обладают широкой транспозиционной гибкостью (субстантивируются, адъективируются, адвербиализуются). Именно такое языковое их маневрирование дает им право выступать практически во всех синтаксических позициях, но при этом не следует забывать, что статус причастий и персидские, и осетинские причастия сохраняют только при определяемом слове.

Исследование подводит к мысли о необходимости создания словарей осетинских и персидских причастий, поскольку в существующих лексикографических работах сведения о причастных формах практически отсутствуют.

Словосочетание

В персидском языке имеются с разной семантико-грамматической полнотой все типы словосочетаний. Можно заключить, что словосочетания в осетинском и персидском языках имеют много общих структурно-семантических особенностей. Так, они строятся на основе двух видов подчинительной связи – управления и примыкания, а также порядка слов. Управление в персидском языке не так распространено и может осуществляться с помощью предлогов и послелогов *-ra*, а в осетинском – формами слов, предлогами и послелогоми со знаменательными частями речи.

В роли зависимых компонентов в словосочетаниях могут использоваться, за небольшим исключением, одни и те же части речи.

Среди подчинительных средств связи в персидском языке выделяется *изафет* – особый неударный показатель атрибутивной связи. В осетинском этого нет.

Копулятивные сочетания слов в персидском языке, в отличие от осетинского языка, рассматриваются в составе словосочетаний, хотя они образуются на основе сочинительной связи.

Устойчивые сочетания слов не все исследователи персидского языка рассматривают в качестве словосочетаний, в осетинском языке они включены в состав словосочетаний, потому что они строятся по обычным синтаксическим схемам.

В персидском языке препозитивные определения бывают выражены количественными числительными, замещающими числительные местоимениями, счетными словами (нумеративами), в осетинском препозитивные определения бывают выражены всеми частями речи, даже некоторыми наречиями, но в этом качестве не указываются нумеративы.

В персидском языке в атрибутивных словосочетаниях, состоящих из определяемого и качественного определения, чаще всего в конце изафетной конструкции ставится артикль, который может стоять после имени существительного. В осетинском и персидском языках одинаково нет притяжательных местоимений, их функции выполняют краткие формы личных местоимений.

Синтаксис простого предложения

Сопоставительно-сравнительное исследование синтаксиса простого предложения в персидском и осетинском языках выявило общее и различное в его структуре и семантике, связанное с особенностями грамматических систем двух языков. Так, в осетинском языке подлежащее, помимо именительного падежа, бывает выражено отложительным падежом существительного и усилительно-личными местоимениями. В остальном подлежащее в персидском и осетинском языках имеет одинаковое морфолого-синтаксическое выражение.

Типы сказуемых в двух языках, несмотря на использование различной терминологии, почти совпадают. Различие в том, что в

осетинском языке не выявлены наречно-междометные сказуемые. Также в ОЯ префиксальные глаголы в качестве сложных глаголов не выделяются как особая морфологическая форма для образования простых глагольных сказуемых, как это указывается в персидском. В ПЯ в роли простого сказуемого указываются многочленные глагольные фразеологизмы, это – устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более лексем. В осетинском языке в роли простых глагольных сказуемых могут использоваться фразеологические словосочетания, если они имеют значение одного слова. Система связочных глаголов в именном составном сказуемом одинаково развита в обоих языках.

В ПЯ инфинитив глагола считают предикативом составного именного сказуемого. В осетинском языке инфинитив является компонентом только составного глагольного сказуемого.

Как особый тип сказуемого в ПЯ указывается сказуемое, выраженное глагольным сочетанием направительно-целевого характера, хотя оно не всеми исследователями выделяется. Считается, что количество простых глаголов в персидском языке строго ограничено и составляет около трехсот единиц. В осетинском языке количество простых глаголов не ограничено.

Обстоятельные слова в двух языках различаются тем, что в осетинском языке нет обстоятельства уступки. А в персидском языке не выделяется обстоятельство сравнения. Морфологическое выражение обстоятельств одинаково, кроме одного: в ОЯ обстоятельства условия бывают выражены деепричастиями и деепричастными оборотами.

В персидском языке нет единой классификации односоставных предложений. Так, из состава односоставных предложений некоторые исследователи исключают определенно-личные предложения или односоставные предложения, выраженные 3 лицом мн. числа глаголов, относят к определенно-личным предложениям.

В обоих языках не рассматриваются как типы односоставных предложений инфинитивные и генитивные предложения, а в ОЯ, в отличие от персидского, не выделяются фразеологизированные безличные предложения.

В персидском языке нет падежных систем, и грамматические значения выражаются при помощи предлогов, изафетом; предлоги могут употребляться с артиклем, превербов насчитывается менее десятка. В ОЯ для связей слов в словосочетании и предложении активно используются падежные формы существительных, местоимений, числительных и неопределенной формы глагола с суффиксом *-ын*, два предлога и послелоги разной семантики, союзы, порядок слов и др.

В грамматике Ю.А. Рубинчика случаи обособления ограничиваются двумя типами. Это – обособление приименных дополнений и определений, выраженных существительными и личными местоимениями, и обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными. В ОЯ обособление представлено полупредикативными, уточняющими и пояснительными обособленными членами. Многие морфологические средства в обособлении в персидском и осетинском языках совпадают.

Синтаксис сложного предложения

И осетинские, и персидские сложные предложения состоят из двух и более предикативных частей, выражают сложную мысль. Простые предикативные единицы, входящие в состав осетинских и персидских сложных предложений, могут иметь разнообразную структуру, а также, теряя самостоятельность, изменять ее для достижения целостности и гармоничности всего сложного предложения.

Смысловая и структурная целостность сложного предложения достигается за счет множества средств: интонации, употребления союзов/союзных слов и соотносительных слов, особенностей син-

таксического строения и соотношения форм сказуемых всех предикативных частей.

Предикативные единицы, являющие частями сложных предложений, связываются друг с другом двумя способами связи: сочинение и подчинение. В зависимости от типа связи, в осетинской и в персидской синтаксических системах выделяют сложносочиненные и сложноподчиненные предложения.

И в осетинском, и в персидском языках части сложного предложения могут быть связаны как при помощи союзов/союзных слов, так и без них. В зависимости от использования или неиспользования этих средств связи, различают союзные и бессоюзные сложные предложения.

В классификации сложных предложений в осетинском и персидском языках наблюдаются отличия: в персидской синтаксической системе, где больше внимания уделяется смысловым отношениям между частями сложных предложений, выделяют сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные сложносочиненные и бессоюзные сложноподчиненные предложения, а в осетинской: сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные сложные предложения, так как больше учитываются способы связи между их компонентами.

Части осетинских и персидских сложносочиненных предложений могут быть связаны между собой с помощью сочинительных союзов: соединительных, противительных и разделительных, – и выражать разнообразные отношения: соединительные, присоединительные, временные, причинно-следственные, перечисления, противительные, уступительные, сопоставительные.

Компоненты осетинских и персидских сложноподчиненных предложений также находятся друг с другом в определенных смысловых отношениях. Эти отношения обуславливают виды придаточных, зависимых, предложений. В основном, в осетинском и

персидском языках указывают одни и те же виды придаточных: определительные, времени, условия, места, меры и степени, причины, цели, уступки, образа действия и сравнения. Но в осетинском языке выделяют изъяснительные придаточные, которых нет в персидской синтаксической системе в качестве отдельного вида придаточных, а в персидском рассматривают придаточные следствия (однако некоторые осетинские сложносочиненные предложения выражают отношения следствия), исключения и сопоставления, которых нет в осетинском.

И осетинские, и персидские придаточные, в зависимости от вида, используемых союзов/союзных слов, соотносительных слов и т.д., могут находиться в препозиции, постпозиции и интерпозиции по отношению к главному предложению.

Придаточные предложения и в осетинском, и в персидском языках могут раскрывать смысл любого члена главной части: подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства.

И осетинские, и персидские сложноподчиненные предложения могут иметь в своем составе больше одной придаточной части. Несколько придаточных частей могут относиться как к одному члену главного предложения, так и к разным.

Осетинские бессоюзные сложные предложения подразделяют на открытые и закрытые.

Осетинские и персидские бессоюзные предложения могут выражать практически те же отношения, что и союзные (перечисления, противительные, причинно-следственные, временные, последовательности), хотя в сравнении с ними все же имеют некоторые ограничения.

Литература

- Абаев В.И. О «винительном» падеже в осетинском / Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. – С. 129-137.
- Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. – 168 с.
- Абаев В.И. Грамматические изоглоссы / Избранные труды. Владикавказ, 1995. Т. 2. – С. 342-365.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 4-х т.: Т.III. Л., 1979.
- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Том I. М.-Л.: 1949.
- Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка // Приложение к «Осетинско-русскому словарю». Орджоникидзе, 1970.
- Абаев В. И. К характеристике современного осетинского языка // Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М.-Л., 1949. – С. 95-109.
- Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – С. 142-242.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 4-х т.: Т.III. Л., 1979. – 358 с.
- Æгънаты Æхсар. Не ’взаг, нæ истори. Ирон æвзаджы историйы зонадон-популярон очерктæ. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 200 ф.
- Али Мадаени Аввал, Мария Моради. Русские инфинитивные предложения со значением опасения и постоянной предрасположенности и способы их выражения в персидском языке //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. – С. 42-49.
- Анвары Х., Ахмади Гиви Х. Персидская грамматика. Т. 2. – Тегеран, 1996. – С. 181-182 (на перс. яз.).
- Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. М., 2009. – 344 с.
- Арманд Е.Е. Глаголы с провербами в классическом персидском языке // Родной язык. Лингвистический журнал. №1. 2021. – С. 87-102.
- Асади М. Понятие категории наклонения в русском языке в сопоставлении с персидским // Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji, No. 35, Special Issue, Russian, 2007, pp. 13-21.
- Ахвледиани Г.С. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963. – 368 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 576 с.
- Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I (Фонетика и морфология). Орджоникидзе, 1965. – 487 с.
- Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. II (Синтаксис). – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1965. – 487 с.
- Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976. – 411 с.
- Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис // В. А. Белошапкина. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
- Беляев О.И. (а) Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования / Вопросы языкознания 2014, №6. – С. 31-65.
- Беляев О.И. (б) Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дис. ... канд. наук. М., 2014.
- Бетеева Ф.Г. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями в осетинском и персидском языках // Успехи гуманитарных наук, №2. 2022. – С. 93-98.

- Брагина А.А. Словообразование // Современный русский язык. М., 1986. – 335 с.
- Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: учеб. для вузов. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1991. – 432 с.
- Вахидов А.А. Автореферат на соискание ученой степени канд. филол. наук. Причастия в современном персидском языке. М., 1990.
- Восканян Г.А. Инфинитив в современном персидском языке: Автореф. .канд.дисс. М., 1955. – 23 с.
- Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. М.: Русский язык, 1986. – 832 с.
- Выдрин А.П. Взаимодействие глагольных категорий в осетинском языке /В кн.: Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. – С. 245- 281.
- Выдрин А.П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования: Межвузовский сборник статей памяти акад. М.Н. Боголюбова. СПб., 2014. Вып. 30. – С. 25-81.
- Выдрин А. П. Грамматические средства выражения повеления в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 7, Ч. 1. СПб: Наука, 2011. – С. 169–200.
- Выдрин А.П. Контрафактив в иранских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 3. – С. 31-38.
- Выдрин А. П. Пассивные и модально-пассивные конструкции в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 7, Ч. 3. СПб: Наука, 2011а. – С. 39–46.

- Выдрин А.П. Превербы в осетинском языке: взаимодействие с категорией времени. В кн.: Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов. Институт лингвистических исследований РАН, 2016. – С. 9-15.
- Выдрин А.П. Прямое дополнение и сложные глаголы в современном персидском языке: грамматический и лексикографический аспекты. Дис. ...маг. востоковедения и африканистики. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет. 2006. – 154 с.
- Выдрин А.П. [Рец. на:] P. Samvelian. Grammaire des predicats complexes: les constructions nom-verbe. Paris: Lavoisier. 2012. 330 p. // Вопросы языкознания. 2013. № 3. – С. 131-135.
- Выдрин А.П. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении. Дис. ... канд.филол.наук. Санкт-Петербург, 2011b. – 344 с.
- Выдрин А.П. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в литературном осетинском языке // Вопросы языкознания. 2014. Вып.6. – 241-261.
- Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразования в современном осетинском языке. Тбилиси. 1977. – 175 с.
- Гагкаев К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзæуджыхъæу: 1952. – 116 с.
- Грамматика осетинского языка. Под ред. Г.С. Ахвледиани. Т. 1. Орджоникидзе, 1963. – 368 с.
- Гращенко П.В. Сложные предикаты в осетинском языке // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып.17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8-10 октября 2008 г.). М., 2010. – С. 115-130.

- Гуриев Т. А. К проблеме превосходной степени в осетинских прилагательных // Осетинская филология. Вып. 3. Орджоникидзе, 1984. – С. 56-61.
- Гуриев Т. А. Заметки о сочетаниях типа «фыды зæронд» // Осетинский язык онлайн: учебные пособия и справочные материалы [электронный ресурс]. URL: <https://ironau.ru/guriev-izafet.html>
- Гуриев Т. А. Явление двандва в осетинском языке // Лингвистические этюды. Вып. III. – Владикавказ, 1995. – С. 36 – 38.
- Джусоева К.Г., Дзодзикова З.Б., Цопанова Р.Г. Современный осетинский язык. Владикавказ, 2004. – 242 с.
- Джусойты К.Г., Дзодзыккаты З.Б., Цопанты Р.Г. Нырыккон ирон æвзаг: Ахуырг. чин. / Наукон ред. Дзодзыккаты З.Б. Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2010.
- Джыккайты Шамил. Нарты Батрадз // Мах дуг. 1992. № 10. – 106-111 ф.
- Дзодзикова З.Б. Аналитизм в словообразовании осетинского языка. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. – 159 с.
- Дзодзикова З.Б., Кунавин Б.В. Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. Владикавказ, 2012, №1. – С. 287-291.
- Дзусова Б.Т., Секинаева А.Б. Сравнительно-сопоставительный анализ категории числа имен существительных в осетинском и русском языках // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. Т.3. № 2(4). – С. 87-89.
- Иванов В. Б., Додыхудоева Л. Р. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале) // Вопросы языкознания. 2017. № 2. – С. 77-95.

- Исаев М.И. Осетинский язык / Основы иранского языкознания. Т. IV. Новоиранские языки. Восточная группа. Часть II. Языки северо-восточной группы. М., 1987. – С.117-181.
- Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974. – 139 с.
- Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. – 463 с.
- Качмазова Е.С. Причастие как двуприродная самостоятельная часть речи: истоки и современность (на материале форм индоевропейского, индоиранского, древне-, средне- и новоиранских языков). Автореферат на соискание ученой степени канд. филол. наук. Нальчик, 2006. – 24 с.
- Качмазова Е.С. Некоторые аспекты полисуффиксального способа образования причастий в осетинском и персидском языках // Филологические науки, Тамбов: Грамота, 2021. № 12. – С.3937-3942.
- Кодухов В. И. Введение в языкознание: учебник для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
- Кодухов, В.И. Введение в языкознание. Учебник для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». М., 1987. – 288 с.
- Кудзоева А. Ф. Порядок слов и актуальное членение предложения в осетинском языке: Монография / Под ред. докт. филол. наук, проф. Т. А. Гуриева. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. – 124 с.
- Кудзоева А.Ф. Сложные глаголы в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2021. № 41 (80). – С. 67-80.
- Козырева Т.З. Глагол // Грамматика осетинского языка // под редакцией Г.С. Ахвледиани. Т.1. Орджоникидзе, 1963. – 368 с.
- Козырева Т.З. Категория глагольного вида в современном осетинском языке. Дис. ...канд филол.наук. М., 1951. – 135 с.

- Кулаев Н.Х. К вопросу о проблеме падежей в осетинском языке // Известия СОНИИ. Том 19. Орджоникидзе, 1957. – С. 252-258.
- Кулаев Н.Х. Причастие. // Грамматика осетинского языка. Т. 1 (фонетика и морфология). Орджоникидзе, 1963.
- Левитская А.А. Аспектуальность в осетинском языке: Генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. №1. – С. 29-41.
- Левитская А.А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. №5. – С.89-107.
- Левитская А. А. О влиянии универсальных и идиоэтнических факторов на грамматическую категорию вида (на материале современного русского и современного осетинского языков) // Лингвистика. Семиотика. Метапоэтика: Научный сборник межрегионального научно-методического семинара «Текст». Вып. 1 (14). Ставрополь, 2014. – С. 25-46.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
- Мазурова Ю.В. Иранские и кавказские черты в системе пространственных показателей осетинского языка // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (20-22 сентября 2012 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2012. – С. 147 – 162.
- Мазурова Ю.В. Система провербов осетинского языка // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (25-27 сентября 2014 г.). М.: Институт языкознания РАН, , 2014. – С.149 – 161.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. – 2-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

- Медойты Б.Г. Нырыккон ирон æвзаг. Морфологи. Цхинвал, 2003.
- Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев, 1914. – 461 с.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. – Л. 1938. – 512 с.
- Меликян В. Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопросы языкознания. 1999. № 6. – С. 43-53.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды в 3 ч.: (Ч. 2. М.), 1881. – 164 с.
- Миллер В.Ф. Язык осетин. М.-Л. 1962.
- Мостафа Асади. Собственно-вопросительные предложения в персидском и русском языках // Дисс. канд. филол. наук. – М., 1990. – 178 с.
- Мохаммад-Р. М., Махбубех А. Ш., Мосайеб З. Грамматические способы выражения русских прилагательных, словообразовательно соотносительных с глаголом в персидском языке // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. № 2 (5). – С. 77-94.
- Мохаммади М.Р., Алиари Шорехдели М., Бахарлу Х., Хадеми М. Особенности выражения категории переходности/непереходности в русском и персидском языках // Мир науки, культуры и образования. №4 (65). 2017. – С. 256-258.
- Мохаммади Ф. Словосочетание и подчинительная связь в русском и персидском языках // Филология и культура. 2014. №1 (35). – С. 68-71.
- Набати Ш.С. Сложный глагол как основная аналитическая тенденция развития глагольной системы в современном персидском языке // Филологические науки в МГИМО. 2016. №6. – С. 49-61.
- Овчинникова И.К. Учебник персидского языка. М., 1956. – 440 с.

- Овчинникова И. К., Мамед-Заде А. К. Учебник персидского языка. Ч. I. – Изд-во Московского ун-та, 1966. – 447 с.
- Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. Т.21. Новое в современной индоевропеистике. М., 1988. – С.24 – 121.
- Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988. – 388 с.
- Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
- Панова Ю.Н. Ирреалис в персидском языке: прошедшее время // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гносис, 2004. – С.330-352.
- Панова Ю.Н. Условно-уступительные сложные предложения в персидском языке // Исследования по иранской филологии. Вып. III. М.: МГУ, 2001. – С. 90—107.
- Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. Ин-т международных отношений. М., 1959. – 414 с.
- Персидский язык. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Плунгян В.А. Предисловие // Исследования по теории грамматики / Под ред. В. А. Плунгяна. СПб.: Наука, 2012. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. – С.7-42.
- Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Парфянский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. – 544 с.
- Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001. – 600 с.
- Русская грамматика. Т1. (фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология). М., 1982. – 783 с.
- Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
- Сатцаев Э.Б. Склонение имен существительных в иранских языках (осетинский и персидский) // Известия СОИГСИ, №18 (57). 2015. – С. 71-74.

- Сатцаев Э.Б. Проблема выделения именных частей речи в осетинском языке // Вестник Владикавказского научного центра, Т. 17, №4, 2017. – С. 6-9.
- Сатцаев Э.Б. Временная система осетинского глагола в сравнении с другими иранскими языками // Kavkaz-Forum. 2020. № 4 (11). – С. 48-56
- Сатцаев Э.Б. Временные формы глагола в иранских языках (осетинском и персидском) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1.
- Соколов С.Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. – С. 129 – 233.
- Соколов С. Н. Древнеиранский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. Древнеиранский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979 б. – С. 234 – 271.
- Сухорукова А.В. Место отыменных глаголов в терминообразовании в персидском языке на примере лингвистической терминологии// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». Том 2 (68), № 3, 2016 г. – С. 494-502.
- Таказов Х.А. О количестве падежей в осетинском языке // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. – С. 262- 268.
- Таказов Х.А. Категория глагола в современном осетинском языке. Автореф. ...д. филол. наук. М., 1992а. – 53 с.
- Таказов Х.А. Категория глагола в современном осетинском языке: Дис. д-ра филол.наук. М.: Институт языкознания РАН, 1992б. – 348 с.
- Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999, №1, С. 91-115; 1999, №4. – С. 76 – 104.

- Хосайни А, Абдоллахи М. Рассмотрение форм и значений сослагательного наклонения в русском и персидском языках // Молодой ученый. 2013. № 4 (51). – С. 366-368. URL: <https://moluch.ru/archive/51/6471/>
- Хосейни А.А., Кахнамуи Т.Х. Инфинитивные вопросительные предложения в русском и персидском языках: модальные значения потенциальности и оперативности // Вестник РУДН. Серия: Теория. Семиотика. Семантика. 2020. Том 11. № 3. – С. 585-595.
- Цаболов Р.Л. Составные глаголы в осетинском языке // Известия СОНИИ. 1964. Т. 24. Вып. 1. – С. 113-121.
- Цалиева А. А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. – 270 с.
- Цаллагова И.Н. Композитное образование имен прилагательных в дигорском диалекте осетинского языка // Известия СОИГСИ, 38 (77) 2020. – С. 91-99.
- Цопанова Р.Г., Качмазова Е.С. Сложное предложение. Средства выражения чужой речи. Сложное синтаксическое целое: учебно-методическое пособие. Владикавказ, 2016. (На осетинском языке).
- Цопанова. Р.Г., Колиева И.Н. Современный осетинский язык. Словосочетание и синтаксис простого предложения: учеб. пособие. – Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. – 220 с.
- Цопанова Р. Г Копулятивные сочетания: этнокультурный аспект // Материалы Междунар. научно-практ. конф. «Вопросы лингвистики, методики обучения языкам и литературоведения в свете современной науки», 2017. – С. 98-103.
- Цопанова Р. Г., Э. Чангизи. Атрибутивные словосочетания в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 42 (81). – С. 82-89.

- Цопанова Р. Г. Типы сказуемых в персидском и осетинском языках // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 8. – С. 171-174.
- Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977. – 256 с.
- Шафаги, М., Горячковская Т. Д. Компаративный анализ форм со-
слагательного наклонения в русском и персидском языках // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2020. №8 (2). – С. 221-239. URL: <https://doi.org/10.29252/iarll.16.231>
- Шафаи А. Научные основы персидской грамматики. Тегеран, 1984. – С. 21-24. (на перс. яз.).
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка // А. А. Шахматов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
- Шегрен А.М. Осетинская грамматика. СПб, 1844. – С. 76-99.
- Шейхи Д.Н., Замани И.Б. К вопросу о глагольном виде как периферическом средстве выражения категории вежливости в русском и персидском языках // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 3. Т.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-glagnolnom-vide-kak-periferiynom-sredstve-vyrazheniya-kategorii-vezhlivosti-v-russkom-i-persidskom-yazykah>

- Æмбалты Цоцко. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. – 309 ф. / Амбалов Ц.Б. Произведения на осетинском языке. Владикавказ: Ир, 1991. – 309 с.
- Æрнигон Илас. Ирон аив дзырды хæзнатæ. Алыхуызон мæсыг. Кочысаты Розæ, Хъороты Дауыт, Бæгъæраты Созыр æмæ æнд. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 ф. / Тогузов Г.И. Сокровища осетинского художественного слова. Разноцветная башня. Кочисова Роза, Короев Давид, Баграев Созур и др. Избранные произведения. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 с. (на осетинском языке).
- Æрнигон Илас. Æрымыс-иу мæн: Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1979. 127 ф. / Арнигон И. Вспомни обо мне. Орджоникидзе: Ир, 1979. 127 с.
- Барахъты Гино. Бæстырæсугъд: Поэзи. Прозæ. Театр. Публицистика. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. – 442 ф. / Бараков Г.Ф. Краса земли: Поэзия. Проза. Театр. Публицистика. Владикавказ: Ир, 1991. – 442 с.
- Барахъты Г. Уæлладжыры кадаг. Поэзи. Прозæ. Театр. Публицистика. Орджоникидзе, 1975. – 473 ф.
- Барахъты Гино. Ирон аив дзырды хæзнатæ. Алыхуызон мæсыг. Кочысаты Розæ, Хъороты Дауыт, Бæгъæраты Созыр æмæ æнд. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 ф. / Бараков Г.Ф. Сокровища осетинского художественного слова.

- Разноцветная башня. Кочисова Роза, Короев Давид, Баграев Созур и др. Избранные произведения. Цхинвал: Ирыстон, 1987 – 422 с. (на осетинском языке).
- Беджызаты Ч.Д., Хъуылаты С.А. Аевзæрст уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1990. 300 ф. / Бегизов Ч.Д., Кулаев С.С. Избранные произведения. Цхинвал: Ирыстон, 1990. 300 с.
- Бесаты Тазе. Зæрдæйæ зæрдæмæ: Аемдзæвгæтæ, радзырдтæ, повесттæ. Орджоникидзе: Ир, 1978. – 456 ф. / Бесаев Т.У. От сердца к сердцам. Орджоникидзе: Ир, 1978. – 456 с.
- Бесати Т.У. Радзырдтæ. Орджоникидзе, 1955. – 128 ф.
- Боциты Барон. Саст рæхыс. Роман. Орджоникидзе: Ир, 1973. 281 ф. / Боциев Б.Т. Разбитая цепь. Роман. Орджоникидзе: Ир, 1973. 281 с.
- Брытъиаты Елбыздыхъо. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1982. – 185 ф. / Бритаев Е.Ц. Избранные произведения. Цхинвал: Ирыстон, 1982. – 185 с.
- Булкъаты М.Г. Теркæй Туркмæ. Дзæуджыхъæу, 2011. – 383 ф.
- Булкъаты М. Г. Нарты Сосланы æвдæм балц. Цхинвали, 1988. – 280 ф.
- Бязирты Р.Д. Домбайы рæстдзинад: радзырдтæ æмæ аргæуттæ. Цхинвали, 1986. – 108 ф.
- Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1979. – 399 ф. / Гадиев С.К. Избранные произведения на осетинском языке. Цхинвал: Ирыстон, 1979. – 399 с.
- Гæдиаты Секъа. Мад æмæ фырт. Ирон литература. Хрестомати 6 къласæн. Орджоникидзе: Ир, 1989, 256 ф. / Гадиев С. К. Мать и сын. Осетинская литература. Хрестоматия для 6 класса. Орджоникидзе: Ир, 1989. – 256 с. (на осетинском языке).
- Гуыцмæзты Алеш. Азарут иронау, лæппутæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1993. – 423 ф. / Гучмазов А.А. Пойте по-осетински, ребята. Владикавказ: Ир, 1993. – 423 с. (на осетинском языке).

- Дзабайты Таисæ. Донхæрис. Романтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1995. – 503 ф. Дзабаева Т.Т. Ива плачущая. Романы. Владикавказ: Ир, 1995. – 503 с. (на осетинском языке).
- Джусойты Н.Г. Сырдонь цæссыгтæ. Дзæуджыхъæу, 2005. – 655 ф.
- Джыккайты Шамил. Хъодыгонд зæд: Драмон уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1993. – 399 ф. / Джикаев Ш.Ф. Отверженный ангел. Владикавказ, 1993. – 399 с.
- Джыккайты Шамил. Саст дзæнгæрæг: Æмдзæвгæтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2000. – 448 ф. / Джикаев Ш.Ф. Разбитый колокол. Владикавказ: Ир, 2000. – 448 с.
- Джыккайты Шамиль. Ирон таурæгътæ. Орджоникидзе: Ир, 1989. – 505 ф. / Джикаев Ш.Ф. Осетинские предания. Орджоникидзе: Ир, 1989. – 505 с. (на осетинском языке).
- Дзесты К. Æвзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе, 1988. – 478 ф. / Дзесов К.Г. Избранные произведения. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 478 с.
- Дзуццаты Х.-М. Дыууæ дуджы астæу: Æмдзæвгæтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2000. – 281 ф. / Дзуццати Х.-М. А. Меж двух веков: Стихотворения. Владикавказ, 2000. – 281 с.
- Коцойты Арсен. Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1971, 402 ф. / Коцоев А.Б. Произведения. Собрание соч. в 2 томах. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1971. – 402 с. (на осетинском языке).
- Коцойты А.Б. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу, 2012. – 527 ф.
- Кочысаты Розæ. Ирон аив дзырды хæзнатæ. Алыхуызон мæсыг. Кочысаты Розæ, Хъороты Дауыт, Бæгъæраты Созыр æмæ æнд. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 ф. / Кочисова Р.П. Сокровища осетинского художественного слова. Разноцветная башня. Кочисова Роза, Короев Давид, Баграев Созур и др. Избранные произведения. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 с. (на осетинском языке).
- Хетæгкаты Къоста. Ирон фæндыр. Зæрдæйы сагъæстæ, зарджытæ, кадджытæ æмæ æмбисæндтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. –

- 272 ф. / Хетагуров К.Л. Осетинская лира. Думы сердца, песни, поэмы и басни. Владикавказ, Ир. – 272 с. (на осетинском и русском языке)
- Къубалты Алыксандр. Аѳхæрдты Хæсанæ: Кадæг / Чин. Ирон литературæ: Хрестомати. Фыццаг хай. Орджоникидзе: Ир, 1982. – 173-186 ф. / Кубалов А.З. Афхардты Хасана: Поэма / В кн.: Осетинская литература. Хрестоматия. Первая часть. Орджоникидзе: Ир, 1982. – 173-186 с.
- Мамсыраты Дæбе. Царды къæпхæнтыл: Роман, радзырдтæ. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 476 ф. / Мамсуров Д.Х. По ступенькам жизни: Роман, рассказы. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 476 с. (на осетинском языке).
- Мæрзойты Сергей. Къæхтысæр: Роман. Повесть. Ацаг хабар. Орджоникидзе: Ир, 1981. – 472 ф. / Марзоев С.Т. Кахтисар. Орджоникидзе: Ир, 1981. – 472 с.
- Нафи. Зарæг – уарзты хъæлæс. Цхинвал: Южная Алания, 2007. – 360 ф. / Нафи. Песня – голос любви. Пьесы на осетинском языке, 2007: Южная Алания, 2007. – 360 с.
- Плиты Грис. Сослан Цæразон: Пьесæтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1993. – 606 ф.
- Санаты Уари. Таурæгътæ. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстны паддзахадон рауагъдад. 1951. 86 ф. / Санаты Уари. Сказания. Дзæуджикау: Северо-Осетинское государственное изд-во. 1951. 86 с.
- Токаты Алихан. Ирон аив дзырды хæзнатæ. Кочысаты Розæ, Хъороты Дауыт, Бæгъæраты Созыр æмæ æнд. Равзаргæ уацмыстæ. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 ф. / Токаев А.И. Сокровища осетинского художественного слова. Кочисова Роза, Короев Давид, Баграев Созур и др. Избранные произведения. Цхинвал: Ирыстон, 1987. – 422 с. (на осетинском языке).
- Хъазиты Мелитон. Алмас. Уацаутæ æмæ новеллæтæ. Цхинвал: Ирыстон, 1982. – 323 ф. / Казиев М.Р. Алмас. Повести и рассказы. Цхинвал: Ирыстон, 1982. – 323 с.

- Хъазиты Мелитон. Ёууæндын адаймагыл: Новеллæтæ æмæ уацау. Дзæуджыхъæу: Ир, 2006. – 271 ф. / Казиты М.Р. Верю человеку. Владикавказ: Ир, 2006. – 271 с.
- Хъайтыхъты Азæмæт. Амондагурджытæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1993. – 247 ф. / Хъайт. Аз. – Хъайтыхъты А. Ход. Таурæгъ æмæ цард. Дзæуджыхъæу: Ир, 1998. – 229 ф. / Кайтуков А.Б. Ход. Предание и жизнь. Владикавказ, 1998. – 229 с. (на осетинском языке).
- Хъодзаты Ёхсар. Бындзæфхад: Ёмдзæвгæтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007. 287 ф. / Кодзати А. М. Корень: Стихи. Владикавказ: Ир, 2007. 287. 287 с.
- Хъороты Дауыт. Ёз нæ уыдтæн – гæды уыди: Комеди / Чин.: Ирон литературæ. Хрестомати. Фыццаг хай. Орджоникидзе: Ир, 1982. – 319-338 ф. / Короев Д.Г. Не я был, кошка была: Комедия / В кн.: Осетинская литература. Хрестоматия. Первая часть. Орджоникидзе: Ир, 1982. – С. 319-338.
- Цæгæраты Максим. Райсомы мигъ: Роман. Орджоникидзе: Ир, 1983. – 252 ф. / Цагараев М.Н. Утренний туман: Роман. Орджоникидзе: Ир, 1983. – 252 с.
- Царциаты таурæгътæ: ирон адæмы эпос / Чиныг сарæз., разныхæ æмæ йын фипп. ныффыста Тахъазты Фидар. Дзæуджыхъæу: РИО СОИГСИ, 2007. – 312 ф. / Легенды о царциата: эпос осетинского народа / Сост. Ф.М. Таказов. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. – 312 с.
- Цæрукъаты Алыксандр. Сагъæс. Дзæуджыхъæу: Ир, 1994. – 424 ф. / Царукаев И.И. Раздумье. Владикавказ, 1994. – 424 с.
- Цомартаты Изæтбег. Ёрæджиауы хорзæх: Уацаутæ æмæ радзырдтæ. Орджоникидзе: Ир, 1984. – 390 ф. / Цомартов И.Р. Запоздалое сожаление Орджоникидзе: Ир, 1984. – 390 с.

Сокращения

1. Аѣмб. Ц. – Аѣмбалты Цоцко
2. Аѣрн. Ил. – Аѣрнигон Илас
3. Бар. Г. – Барахъты Гино
4. Б. Г. – Бицъоты Грис
5. Б. Е. – Брытъиаты Елбыздыхъо
6. Бедж. Ч. – Беджызаты Чермен
7. Боц. Б. – Боциты Барон
8. Гѣд. С. – Гѣдиаты Секъа
9. Г. Ц. – Гѣдиаты Цомахъ
10. Гуыцм. А. – Гуыцмѣзты Алеш
11. Джус. Н. – Джусойты Нафи
12. Дж. Ш. – Джыккайты Шамил
13. Дзаб. Т. – Дзабайты Таисѣ
14. Дз. К. – Дзесты Куыдзѣг
15. Дз. Т. – Дзаттиаты Тотырбег
16. Дз. Х.-М. – Дзуццаты Хадзы-Мурат
17. ИАС – Ирон адѣмон сфѣлдыстад
18. И. Аѣ. – Илас Аѣрнигон
19. Кок. Т. – Кокайты Тотрадз
20. Коц. А. – Коцойты Арсен
21. Коч. Р. – Кочысаты Розѣ
22. Къ. – Къоста
23. Къ. А. – Къубалты Алыксандр
24. Мамс. Д. – Мамсыраты Дѣбе
25. М. С. – Мѣрзойты Сергей
26. Ниг. – Нигер
27. ОЯ – осетинский язык
28. П. Г. – Плиты Грис
29. Посл. – пословица
30. «Рѣстдз.» – «Рѣстдзинад»
31. С. У. – Санаты Уари
32. С. Л. – Сечъынаы Ладемыр

33. Скиф. – Скифрон
34. ПЯ – персидский язык
35. Ток. Ал. – Токаты Алихан
36. Хадж. Т. – Хаджеты Таймураз
37. Ходы К. – Ходы Камал
38. Х. С. – Хуыгаты Сергей
39. Хъ. М. – Хъазиты Мелитон
40. Хъайт. Аз. – Хъайтыхъты Азæмæт
41. Хъ. Æ. – Хъодзаты Æхсар
42. Хъ. Д. – Хъороты Дауыт
43. Хъуыл. С. – Хъуылаты Созырыхъо
44. Царц. тау. – Царциаты таурæгътæ
45. Ц. М. – Цæгæраты Максим
46. Цыр. М. – Цырыхаты Михал
47. Шекс. – Шекспир

Научное издание

**Тамерлан Таймуразович Камболов,
Моджтаба Моншизаде, Муса Абдоллахи, Фатима Гелаевна Бетеева,
Езетхан Сергеевна Качмазова, Анжела Федоровна Кудзоева,
Рита Георгиевна Цопанова, Эсхан Чангизи**

КОНТРАСТИВНАЯ ГРАММАТИКА ОСЕТИНСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

**Редактор Л.Х. Тургиева
Компьютерная верстка Е.В. Осипова**

Подписано в печать 09.12.2022. Лицензия ЛР № 020218.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бум. офс. Гарнитура шрифта «Times».
Печать на ризографе. Усл.п.л. 25. Уч.-изд.л. 23,25. Тираж 300 экз. Заказ № 24.

Издательство Северо-Осетинского государственного университета
имени К.Л. Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.